

2023 № 3

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – главный редактор
Бовина И.Б. (Россия) – заместитель главного редактора
Коноплева И.Н. (Россия) – заместитель главного редактора
Нуцкова Е.В. (Россия) – заместитель главного редактора

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафуанов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2023

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – editor-in-chief
Bovina I.B. (Russia) – deputy editor-in-chief
Konopleva I.N. (Russia) – deputy editor-in-chief
Nutskova E.V. (Russia) – deputy editor-in-chief

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zakharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2023

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК:

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ

Дозорцева Е.Г.

Вступительное слово.....1

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Борисенко Е.В., Дозорцева Е.Г.

Мотивационно-смысловые характеристики участия
в секстинге несовершеннолетних девочек.....3–15

Бадмаева В.Д., Карауш И.С., Чибисова И.А., Федонкина А.А.

Социально опасное поведение подростков: клиничко-психопатологические
и психологические характеристики, роль деструктивного контента.....16–29

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.

Психологическая коррекция и профилактика деструктивного поведения
несовершеннолетних в условиях следственного изолятора
с учетом особенностей их самоотношения.....30–43

Ерицян К.Ю., Одиноква В.А., Русакова М.М.

Ситуационные факторы совершения сексуального насилия над детьми44–55

Власова Н.В., Буслаева Е.Л.

Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва56–71

Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В.

Интернет-риски и ресурсы: модель компетенций
специалиста по работе с подростками.....72–92

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б.

Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде:
некоторые эмпирические факты93–107

Краснянская Т.М., Тылец В.Г.

Персональные концепции безопасности студентов-юристов.....108–118

Чернушевич В.А.

Народная игра как феномен инкультурации современного ребенка119–134

Бочкова М.Н.

Особенности связи антисоциальной креативности
и понимания собственных эмоций..... 135–149

Блинова Д.Н., Гурина О.Д.

Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике..... 150–160

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES**

Mironova O.I., Ruonala L.A. / Миронова О. И., Руонала Л.А.

Psychological Difficulties in Marriage Migrant Women Adaptation /
Психологические трудности адаптации женщин-мигрантов,
заклучивших брак с иностранцами..... 161–174

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.

Особенности полового самосознания у больных с органическим расстройством
личности и множественными расстройствами сексуального предпочтения..... 175–192

Березина Т.Н., Деулин Д.В., Сечко А.В., Розенова М.И.

Взаимосвязь профессионального выгорания с показателями возраста
и характеристиками образовательной среды..... 193–210

Потапов А.М., Луковцева З.В., Чиркина Р.В.

Вертикальный вектор мозговой организации отклоняющегося поведения:
от нейродинамических дисфункций к регуляторным..... 211–227

CONTENTS:

THEMATIC ISSUE:

LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD: CONTEMPORARY CHALLENGES AND SOLUTIONS

Dozortseva E.G.

Foreword..... 1

LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Borisenko E.V., Dozortseva E.G.

Motivation and Subjective Meaning of Participation in Sexting in Minor Girls 3–15

Badmaeva V.D., Karaush I.S., Chibisova I.A., Fedonkina A.A.

Socially Dangerous Behavior of Adolescents: Clinical, Psychopathological and Psychological Characteristics, the Role of Destructive Content 16–29

Vetra A.B., Ganishina I.S., Maryin M.I.

Psychological Correction and Prevention of Destructive Behavior of Minors in a Pre-Trial Detention Facility, Taking into Account the Peculiarities of Their Self-Attitude..... 30–43

Eritsyan K.Yu., Odinkova V.A., Rusakova M.M.

Situational Factors of Child Sexual Abuse..... 44–55

Vlasova N.V., Buslaeva E.L.

Cyberbullying in Adolescence: Bully and the Victim..... 56–71

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V.

Internet Risks and Resources: Competency Model for a Specialist in Working with Adolescents 72–92

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.D.

Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents and Young Adults: Some Empirical Evidence. 93–107

Krasnianskaya T.M., Tylets V.G.

Personal Security Concepts of Law Students 108–118

Chernushevich V.A.

Folk Game as a Phenomenon of Inculturation of a Modern Child..... 119–134

Bochkova M.N.

Features of the Relationship of Malevolent Creativity and Understanding of One's Own Emotions 135–149

Blinova D.N., Gurina O.D.

Cyberaggression and Cyberbullying in Forensic Practice..... 150–160

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Mironova O.I., Ruonala L.A.

Psychological Difficulties in Marriage Migrant Women Adaptation 161–174

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.

Features of Sexual Self-Awareness in Patients with Organic Personality Disorder
and Multiple Disorders of Sexual Preference..... 175–192

Berezina T.N., Deulin D.V., Sechko A.V. Rosenova M.I.

The Relationship of Professional Burnout with Indicators of Age
and Characteristics of the Educational Environment 193–210

Potapov A.M., Lukovtseva Z.V., Chirkina R.V.

Vertical Vector of Brain Organization of Deviant Behavior:
from Neurodynamic Dysfunctions to Regulatory Ones 211–227

Юридическая психология детства: современные вызовы и решения

Уважаемые читатели!

Сегодня в центре внимания нашего выпуска журнала находятся ребенок, подросток, юноша. Это и есть отличительная черта юридической психологии детства: она объединяет все области и направления юридической психологии вокруг особого объекта — юного человека. Его психологические проблемы в сфере правовых отношений отражают проблемы общества в настоящем и могут оказать неблагоприятное влияние на будущее, если мы не предложим для них конструктивных решений. Исследования наших авторов, с которыми вы можете познакомиться в этом выпуске, позволяют представить ряд наиболее актуальных тем.

В отличие от предыдущих поколений современные дети считаются «аборигенами цифровой среды». Они живут в смешанной реальности, где виртуальная среда для них столь же естественна, как и физическая. Однако их цифровая социализация происходит в непростых условиях, при которых свобода и безопасность не всегда сбалансированы. В сети Интернет нормы социального поведения кажутся менее определенными, и зачастую ребенок рискует сам выйти за грань дозволенного либо подвергнуться преступным действиям других. Одним из распространенных явлений в подростковой среде в последние годы стал кибербуллинг. Кто может превратиться в агрессора или жертву в кибербуллинге, есть ли психологическая предрасположенность к той или иной ролевой позиции? В нашем журнале этому вопросу посвящена статья Н.В. Власовой и Е.Л. Буслаевой. Однако, несмотря на возрастающий интерес специалистов к теме киберагрессии и кибербуллинга, эти понятия нуждаются в содержательном уточнении, что важно, в частности, в работе психолога в качестве судебного эксперта. Обоснование авторской позиции относительно определения категории «кибербуллинг» можно найти в статье Д.Н. Блиновой и О.Д. Гуриной.

К сожалению, статистика свидетельствует о постоянно увеличивающемся числе случаев сексуального насилия и злоупотребления в отношении детей, в том числе в сети Интернет. В то же время нередки случаи, когда девочки-подростки сами активно вступают в виртуальное взаимодействие с теми, кто позже использует их для получения порнографической продукции. Для профилактики противоправного сексуального злоупотребления в отношении детей важно знать, какой смысл имеет для его жертв подобное общение, какими мотивами они руководствуются при его поддержании. Этот аспект проблемы виктимности несовершеннолетних рассматривается в статье Е.В. Борисенко и Е.Г. Дозорцевой. В более широком контексте в качестве факторов сексуального насилия исследовались характеристики полового самосознания у лиц, совершивших сексуальные правонарушения и страдающих психическими расстройствами (статья И.А. Басинской, Н.В. Беженарь, Т.Ю. Борисовой), а также ситуационные обстоятельства, способствовавшие совершению противоправных действий в отношении детей (статья К.Ю. Ерицын, В.А. Одиноквой, М.М. Русаковой).

В последние годы происходят изменения характера правонарушений несовершеннолетних. Многие из них совершаются под влиянием интернет-среды или с использованием цифровых устройств. Растет количество уголовных дел, возбуждаемых в связи с совершением или подготовкой несовершеннолетними экстремистских действий. В этих условиях все большее значение приобретает комплексный мультидисциплинарный анализ причин и факторов подростковых правонарушений. Примером такого анализа служит исследование В.Д. Бадмаевой и ее соавторов, посвященное клинико-психопатологическим и психологическим характеристикам социально опасного поведения несовершеннолетних, а также роли деструктивного контента, потребляемого ими в сети Интернет. Продуктивность клини-

ко-психологического (нейропсихологического) исследования нарушений саморегуляции как предпосылок отклоняющегося поведения продемонстрирована в статье А.М. Потапова, З.В. Луковцевой и Р.В. Чиркиной. О связи антисоциальной креативности, характеризующей девиантное поведение, и понимания подростками собственных эмоций свидетельствуют результаты исследования М.Н. Бочковой и Н.В. Мешковой. Описанные авторами новые данные вносят несомненный вклад в понимание особенностей и механизмов формирования отклоняющегося поведения несовершеннолетних и могут быть использованы для профилактики подобных девиаций.

Профилактические подходы, позволяющие предупредить возникновение и развитие девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних, представлены в нескольких статьях, описывающих различные уровни превенции. Так, В.А. Чернушевич в качестве эффективного метода инкультурации предлагает народную игру. В своей концептуальной статье он трактует ее как форму существования традиционных ценностей и социальный механизм введения ребенка в традиционную культуру. Реализацию такого подхода можно рассматривать в качестве общей профилактики отклоняющегося поведения. Исследование Н.В. Дворянчикова и его соавторов направлено на разработку и апробацию модели оценки риска радикализации подростков и молодежи, в качестве основного понятия которой выступает социальная идентичность. Полученные авторами эмпирические данные позволяют говорить о перспективности такого подхода для выявления групп риска и развития индивидуальной профилактики. Статья А.В. Вэтра, И.С. Ганишиной и М.И. Марьина посвящена психологическому сопровождению подростков в условиях следственного изолятора и возможностям специальной профилактики противоправного поведения несовершеннолетних через изменение их самоотношения.

Новые тенденции в сфере девиантного, противоправного и виктимного поведения детей и подростков представляют собой значительные вызовы, к которым должны быть готовы профессионалы, работающие с несовершеннолетними. В статье Н.В. Богданович, В.В. Делибалт и А.В. Дегтярева анализируются компетенции в сфере рисков и ресурсов интернет-среды, которыми должны обладать специалисты для профилактики деструктивного поведения и правонарушений молодых людей. В других публикациях внимание уделяется проблемам профессиональной эффективности педагогов (статья Т.Н. Березиной с соавторами) и будущих юристов (статья Т.М. Краснянской и В.Г. Тылеца).

Таким образом, выпуск охватывает широкий круг современных проблем юридической психологии детства и возможных путей их решения. Надеемся, что предлагаемые читателям статьи вызовут их интерес и будут стимулировать дальнейший научный и практический поиск.

Е.Г. Дозорцева,
доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры
юридической психологии и права факультета юридической психологии,
руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр
психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России

Мотивационно-смысловые характеристики участия в секстинге несовершеннолетних девочек

Борисенко Е.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

Дозорцева Е.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

В России увеличивается число преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет. Одним из способов получения порнографической продукции с изображением детей и подростков является секстинг. Для профилактики вовлечения несовершеннолетних в подобную деятельность важно знать их мотивацию и осмысление собственного участия в секстинге. В качественном исследовании сплошной выборки из 27 девочек в возрасте от 12 до 18 лет, потерпевших от развратных действий, рассмотрены основные мотивационно-смысловые характеристики, касающиеся сексуализированных действий в Интернете. Выделены три группы, различающиеся мотивационной направленностью взаимодействия: активно интересующиеся сексуальной тематикой и охотно вступающие в рискованное взаимодействие без формирования межличностных связей; ориентированные на общение и дружеские связи; стремящиеся к формированию и развитию романтических отношений. Описаны типичные особенности девочек каждой из групп и характер их актуального эмоционального реагирования. Предлагается учитывать эти характеристики при построении профилактических программ.

Ключевые слова: преступления сексуального характера, Интернет, секстинг, несовершеннолетние потерпевшие, мотивационно-смысловая сфера, профилактика.

Для цитаты: *Борисенко Е.В., Дозорцева Е.Г.* Мотивационно-смысловые характеристики участия в секстинге несовершеннолетних девочек [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 3–15. DOI:10.17759/psylaw.2023130301

Motivation and Subjective Meaning of Participation in Sexting in Minor Girls

Elena V. Borisenko

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Elena G. Dozortseva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

In Russia, the number of sexual crimes against minors committed using the Internet is increasing. One way to obtain pornographic products depicting children and teenagers is sexting. To prevent the involvement of minors in such activities, it is important to know their motivation and understanding of their own participation in sexting. In a qualitative study of a complete sample of 27 girls aged 12 to 18 who were victims of molestation, the main motivational and semantic characteristics related to their sexualized activities on the Internet were considered. Three groups have been identified that differ in the motivational orientation of interactions: those who are actively interested in sexual topics and willingly engage in risky interactions without the formation of interpersonal relationships; focused on communication and friendships; seeking to form and develop romantic relationships. The typical features of girls of each group and the nature of their actual emotional response are described. It is proposed to take into account these characteristics in preventive programs.

Keywords: sexual crimes, Internet, sexting, minor victims, motivational and semantic sphere, prevention.

For citation: Borisenko E.V., Dozortseva E.G. Motivation and Subjective Meaning of Participation in Sexting in Minor Girls. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 3–15. DOI:10.17759/psylaw.2023130301 (In Russ.).

Введение

Сексуальное насилие и злоупотребление в отношении несовершеннолетних приобрело в последние годы новые формы. Постоянно увеличивается число уголовных дел, возбужденных в связи с совершением противоправных действий сексуального характера с помощью сети Интернет. Согласно данным Следственного комитета РФ, за девять месяцев 2022 года свыше 900 преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [3]. Посягатели могут использовать широкие возможности Интернета для производства и распространения незаконных материалов с участием детей, в том числе порнографических [4]. Так, в 2021 году по сравнению с 2020 годом число преступлений в отношении несовершеннолетних, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов, выросло на 30% [3]. Уязвимость детей в отношении такого рода преступлений может повышаться в силу

свойственного им слабого чувства опасности или неправильной интерпретации ситуации, в которой они находятся [15].

Пересылка с помощью цифровых устройств сексуализированных и/или обнаженных изображений, видео и текстовых сообщений, содержащих такие изображения, получила название «секстинг» (от соединения слов «sex» и «texting» — отправление текстовых сообщений с помощью мобильных устройств) [14]. Изначально секстинг рассматривался как вариант рискованного поведения в Интернете, однако в настоящее время часть исследователей считают секстинг сексуальным исследовательским поведением, хотя и сопряженным с рисками [13]. Это определение более точно отражает центральную роль технологий в романтической жизни подростков [8]. Если сообщениями сексуального характера обмениваются взрослые дееспособные люди по обоюдному согласию, такая активность не считается девиантной практикой. Но если взрослыми в секстинг вовлекаются несовершеннолетние, что чаще всего происходит в процессе особой формы домогательства (онлайн-груминга, или кибергруминга) с использованием манипуляций и шантажа (сексторции), а сам контакт носит нежелательный навязчивый характер, то такие случаи, в соответствии с российским законодательством, приобретают статус не только девиантных, но и противоправных.

В то же время сексуализированное онлайн-поведение среди молодежи достаточно распространено. Согласно данным анонимного онлайн-опроса, проведенного в популярных молодежных интернет-группах, 21% участников до 18 лет указали, что вели эротическую, интимную переписку в Интернете и пересылали собственные эротические фотографии или видео в социальных сетях. Кроме того, показано, что девушки чаще, чем юноши, подвергаются сексуальным домогательствам в Сети и чаще делятся своими откровенными фотографиями [5; 6; 7; 16; 17].

Такого рода активность может иметь негативные последствия. Нередко мальчики-подростки используют публикацию в Интернете изображений, полученных в результате секстинга, с целью мести и нанесения вреда своим бывшим партнерам. Участие в секстинге может провоцировать все более рискованное сексуальное поведение, вести к подверженности шантажу, половым актам по принуждению и насилию со стороны партнеров [9; 18; 21]. Впоследствии у несовершеннолетних жертв сексуального кибернасилия проявляются серьезные проблемы физического и психического здоровья, в том числе нарушения сна, расстройства питания, психосоматические расстройства, сексуальные дисфункции. Возрастает риск самоповреждений, в крайних случаях — суицида. В эмоциональной сфере выявляются тревога, депрессия, чувство вины и стыда. Все это в дальнейшем сказывается на личностном развитии, успешности функционирования и уровне адаптации в социуме [11; 15; 19].

Как показывают исследования, в тех случаях, когда секстинг является составной частью кибергруминга, значительная часть подростков адекватно реагирует на попытки грумеров вступить с ними в онлайн-коммуникацию и пресекают их действия либо в самом начале беседы, либо при затрагивании в разговоре сексуализированной тематики. По данным А.С. Медведевой, продолжать общение с кибергрумером на темы секса были готовы около трети подростков, а к категории «уязвимых для кибергруминга», готовых выполнять требования грумеров, были отнесены лишь 15% потерпевших обоюбого пола [1; 2]. В то же время восприятие и осмысление целей такого взаимодействия, а также собственная мотивация участия в нем несовершеннолетних могла быть разной. Так, согласно некоторым исследованиям, мальчики склонны рассматривать сексуальное взаимодействие в Интернете преимущественно в позитивном ключе [10; 11]. Субъективная переработка и переживание несовершеннолетними девочками ситуации кибергруминга со стороны взрослых исследовалась в

некоторых работах на основе анализа отдельных случаев [19; 20]. Отмечалось, что мотивация взаимодействия у подростков была часто связана с потребностью в общении и романтической привязанности. Вместе с тем в этих исследованиях недостаточно учитывался контекст жизненной ситуации и другие особенности несовершеннолетних жертв кибергруппинга. Кроме того, мотивационно-смысловая переработка подростками целостной ситуации кибергруппинга, секстинга и их последствий, с одной стороны, отражает уровень понимания произошедшего несовершеннолетними, с другой — обуславливает эмоциональное состояние пострадавших, а также наличие и степень выраженности психической травматизации. Эти обстоятельства определили цель настоящего исследования, которая заключается в выявлении и описании мотивационно-смысловых характеристик участия в секстинге несовершеннолетних девочек.

Программа исследования

Материалом пилотажного исследования стали результаты психологического обследования, выполненного в рамках комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ, 27 несовершеннолетних девочек, признанных следственными органами потерпевшими от развратных действий в сети Интернет, включавших секстинг, или пересылку сексуализированных изображений. Выборка является сплошной по критерию участия в секстинге.

Потерпевшие находились в возрастном диапазоне от 10 до 18 лет, средний возраст — $13,8 \pm 1,8$. Распределение возрастных групп было следующим: 10—11 лет — 18,5%; 12—14 лет — 59,3%; 15—18 лет — 22,2%.

Наряду с методами традиционного экспериментально-психологического (патопсихологического) исследования использовались методы изучения документации (медицинской документации, материалов уголовного дела, включая переписку обвиняемых и потерпевших в сети Интернет). Выяснялись обстоятельства жизни девочек, их медицинский статус, а также характер их социально-психологической адаптации и школьной успешности. С помощью метода направленной беседы выяснялась мотивация девочек к взаимодействию с обвиняемым и пересылки ему сексуализированных изображений, понимание ими происшедшего во время коммуникации с обвиняемым и позже, в период экспертизы, особенности актуальных переживаний ситуации. Применялись методы качественного анализа и описательной статистики.

Результаты исследования и их обсуждение

Результатом анализа мотивационно-смысловых характеристик взаимодействия девочек с посягателем и участия в секстинге стало выделение трех групп несовершеннолетних, различавшихся по направленности их действий в исследуемых ситуациях и основным факторам, определявшим их поведение. Опишем характерные черты и приведем типичные примеры для каждой из групп.

Основанием для выделения *первой категории* девочек стал их непосредственный интерес к теме секса и сексуальных отношений, обусловивший их активность в интернет-среде. Эта группа объединяет 33% выборки (9 человек). В возрастном отношении в нее вошли младшие подростки (средний возраст — $13,2 \pm 1,5$).

В беседе девочки сообщали, что им просто была интересна тема взаимоотношения полов и хотелось узнать «что-то новое»: «Хотелось попробовать что-то новое»; «Было интересно пообщаться, посмотреть, к чему это приведет»; «Было смешно».

После прерывания контакта с обвиняемым и возбуждения уголовного дела такие потерпевшие не демонстрировали выраженных переживаний. Они были склонны преуменьшать и

нивелировать значимость того, что с ними произошло: «Сейчас все этим занимаются»; «Я вообще об этом не думаю. Забыла уже».

Больше половины девочек этой группы воспитывались в неполной семье или с отчимом, у части из них были сложные и конфликтные отношения с родителями. У большинства не было каких-либо увлечений и интересов за исключением пребывания в Сети, причем типичным было проблемное использование Интернета. Значительная часть девочек все свободное время проводила в социальных сетях и на сайтах знакомств, а также играла в компьютерные игры. Характерной чертой была невысокая (низкая или средняя) успеваемость в школе. Существенных проблем в сфере физического здоровья не отмечалось. Аналогичным образом девочки не испытывали дефицита в сфере общения со сверстниками.

Случай № 1. Лилия¹, 14 лет.

Проживает с матерью, старшим братом и отчимом. Отношения в семье описывает как «нормальные», но «не близкие». Обучается в 7-м классе общеобразовательной школы, с учебой справляется на «хорошо» и «удовлетворительно». Все свободное время проводит за компьютером, редко выходит из дома, предпочитая виртуальное общение реальному, близких друзей не имеет. В беседе сообщила, что задумываться об анатомических половых различиях, интимных взаимоотношениях между мужчиной и женщиной стала в 11 лет. Тогда же почерпнула соответствующие знания из Интернета, просматривала порнографические ролики и фотографии. После ознакомления с порнографической продукцией у нее появилось желание эротических и сексуальных контактов с мужчинами. С 12 лет стала вступать в виртуальные эротические контакты. Объясняет, что расценивала это как «игру». Было интересно представлять себя «взрослой, опытной женщиной». Относительно возбуждения уголовного дела, совершенного в отношении нее правонарушения высказывается облегченно, поясняет, что вступала с обвиняемыми в переписку по собственному желанию. Поясняет, что не задумывалась о том, что с ней может произойти в дальнейшем, переживала только из-за того, что переписку может прочитать мать.

По данным экспериментально-психологического исследования, потерпевшей свойственна личностная незрелость в виде слабого развития мотивационно-смысловой сферы, узкого круга интересов преимущественно развлекательной направленности, поверхностности суждений, трудностей прогноза последствий своих действий. Отмечаются черты эмоциональной неустойчивости, тревожности, неустойчивая самооценка в сочетании с эгоцентричностью, ориентацией на собственные мотивы и потребности. Обращает на себя внимание фиксация потерпевшей на теме сексуальных отношений, при этом в вопросах взаимоотношения полов ориентирована примитивно и поверхностно.

Во **вторую категорию** (26%, 7 человек, средний возраст — 13,8±1,2) вошли девочки, которые объясняли свое взаимодействие с грумером тем, что нуждались в общении и внимании, которое не могли получить в семье или от других детей, воспринимали посягателя в роли друга: «Он единственный кто спрашивал, как у меня дела»; «Он помогал мне делать уроки»; «Поддерживал, когда надо мной издевались одноклассники»; «С ним было интересно общаться, мы слушали одинаковую музыку».

Сексуальный аспект взаимоотношений им был не интересен, воспринимался как одна из составляющих процесса общения, со временем эта сторона коммуникации начинала доставлять дискомфорт. При этом потерпевшие соглашались на переписку, отправку фото и видеоматериалов, объясняли это тем, что боялись вызвать неудовольствие посягателя и разрыва

¹ Имена несовершеннолетних изменены.

отношений: «Он очень просил, и я соглашалась»; «Он присылал свои фото, я должна была присылать свои в ответ».

Возбуждение уголовного дела вызывало у девочек амбивалентные чувства: с одной стороны, в ходе прохождения различных судебно-следственных процедур, общения с родителями и следователем, они понимали, что стали жертвами преступления, с другой — они теряли важную часть своей социальной жизни. Часто они высказывали сочувствие обвиняемому, признавались, что скучают по нему, брали часть ответственности за преступление на себя.

У девочек данной группы обнаруживалось выраженное неблагополучие в коммуникативной сфере, они сообщали об отсутствии друзей, буллинге со стороны одноклассников. В беседе потерпевшие обращали внимание специалистов на свое одиночество и связанные с ним внутренние переживания. Несмотря на то, что часть девочек проживала в неполных семьях, семейные отношения они оценивали как «хорошие» или «нормальные». Соматическое здоровье у них нарушено не было.

Случай № 2. Наталья, 16 лет.

Проживает в полной семье. Обучается на 2-ом курсе медицинского колледжа, по профессии «сестринское дело». Относительно учебы поясняет, что «хоть учиться и сложно, но интересно». Себя описывает застенчивой, скромной. Близких подруг не имеет, отмечает, что «бывает очень одиноко, грустно». При обсуждении темы совершенного в отношении нее правонарушения заметны признаки психического напряжения. Ответы на вопросы становятся односложными, контакт глаз не поддерживает, выглядит встревоженной, на глазах появляются слезы, начинает трястись всем телом. Потерпевшая рассказывает, что в социальной сети «ВКонтакте» она познакомилась с девушкой, стала общаться с ней на различные темы. Спустя некоторое время девушка прислала ей свою обнаженную по пояс фотографию и попросила в ответ выслать аналогичную. Потерпевшая согласилась на такой обмен, объясняя это тем, что «подумала, что это такая игра», «наверно хотелось ближе подружиться», «очень нравилось с ней общаться». Через некоторое время девушка начала шантажировать потерпевшую, просила снять и выслать видео и фотографии порнографического содержания, иначе обещала отослать всю компрометирующую информацию родственникам потерпевшей. Когда шантаж продолжился, потерпевшая нашла в одном из источников в сети Интернет информацию об «Управлении К» и обратилась туда с письмом. Когда она сообщила девушке об отосланном письме в «Управление К», та извинилась перед ней и прислала подтверждение того, что удалила все фото и видео. Потерпевшая сообщает, что еще долгое время после случившегося было ужасно стыдно и неприятно, ухудшился сон, много плакала в это время, стала настороженно относиться к незнакомым, периодически чувствовала, что кто-то за ней следит, «нехорошо» смотрит, сохранялись опасения, что все-таки фотографии и видео могут быть обнародованы. Спустя время стало лучше, но если кто-то напоминает о произошедшем или возобновляются судебно-следственные действия, снова чувствует себя плохо.

Потерпевшей свойственны пассивность, подчиняемость, трудности разрешения конфликтных, эмоционально насыщенных ситуаций, заниженная самооценка при склонности к принятию на себя ответственности, просоциальности поведения. Для ее актуального состояния характерны тревога, пониженный фон настроения, психическое напряжение.

Экспертной комиссией был выставлен диагноз «Кратковременная депрессивная реакция, обусловленная расстройством адаптации» вследствие совершенного в отношении потерпевшей противоправного деяния.

Третья категория девочек (41%, 11 человек) отличалась большим возрастным разбросом (от 12 до 18 лет), но в целом несовершеннолетние были старше, чем в двух предыдущих

группах (средний возраст — 15,0±1,8). Они считали, что состоят с посягателем в романтических отношениях. Общение на интимные темы, если и доставляло дискомфорт, то незначительный. Просьбы отправить откровенные фото и видео воспринимались ими как часть партнерских отношений. Девочкам было приятно внимание со стороны представителей противоположного пола, льстило, что они, как и их сверстницы, состоят в «серьезных отношениях»: «Он делал комплименты»; «Он говорил, что я очень красивая»; «Говорил, что хочет на мне жениться».

Просьбы посягателей выполнялись и тогда, когда общение становилось все более навязчивым и агрессивным, так как возникала боязнь разрыва: «Говорил, что, если я не отправляю фото, значит, я его не люблю»; «Угрожал, что бросит меня, если я не буду отправлять фото и видео».

После возбуждения уголовного дела, помимо переживаний, связанных с участием в судебно-следственных ситуациях, необходимостью рассказывать о личных переживаниях, обнаружением фото- и видеоматериалов, девочки переживали из-за того, что чувствовали себя преданными: «Оказалось, что были еще другие девушки, которым он писал то же самое»; «На самом деле мы не встречались, у него есть жена и даже дети».

Потерпевшие считали, что посягатель должен понести самое суровое наказание, при этом обвиняли его именно в «обмане».

В данной категории у пяти девочек обнаруживались проблемы с соматическим здоровьем. При этом эти заболевания имели очевидные физические проявления: ожирение, косоглазие, глухота, ихтиоз. Важно отметить, что сами девочки, считали внешние проявления своих заболеваний причинами многих проблем, в первую очередь — в коммуникативной сфере. Коммуникативные трудности были характерны для большинства девочек этой группы (8 человек): отсутствие близких друзей, переживаемое чувство одиночества, буллинг со стороны одноклассников. При исследовании отношений внутри семьи выраженной дисфункции не наблюдалось. Пять девочек воспитывались в неполной семье, но каких-либо актуальных переживаний на этот счет не проявляли.

Случай № 3. Софья, 12 лет.

Проживает с матерью, отец живет отдельно. Отношения с обоими родителями характеризует как «хорошие». Страдает ихтиозом. Обучается в 6-м классе общеобразовательной школы. В беседе с психологом отмечает, что в школе учится на «4» и «5», «все дается легко». Занимается изучением трех иностранных языков (английский, французский, испанский), ранее посещала художественную школу. Из увлечений называет чтение фантастической литературы, рисование, фотографирование. В школе близких друзей не имеет. Вспоминает, что, когда она обучалась в 3—4-м классах, «мальчики смеялись и издевались», «случались драки». Рассказывает, что в социальной сети «ВКонтакте» она познакомилась с молодым человеком «Алексеем», который написал, что ему 15 лет. Она также сообщила ему свой возраст (12 лет). В ходе переписки «Алексей» стал присылать ей фотографии и видеозаписи с изображением полового органа и просил прислать ему фотографии и видео ее половых органов. Поясняет, что согласилась на его предложение только потому, что «боялась, что он перестанет общаться..., а он комплименты красивые делал..., влюбилась, наверное». При этом причину, по которой обвиняемый совершал противоправные действия, объяснить не может. Указывает, что о «близких отношениях между мужчинами и женщинами практически ничего не знала..., до произошедших событий не видела мужских половых органов, половых актов между мужчиной и женщиной ни по телевизору, ни в журналах не видела». Потерпевшая отмечает, что сейчас уже понимает, что такое половой акт, так как с ней провели беседу родители.

Потерпевшая стремится к демонстрации собственной взрослости, благополучности, однако на этом фоне выявляются естественная личностная незрелость, пассивность, подчиняемость, трудности установления социальных контактов, поверхностность суждений, тревожность, низкая самооценка, повышенное психическое напряжение. Осведомленность в вопросах половых отношений слабая.

Обобщая полученные результаты, можно заключить, что для всех девочек-подростков, потерпевших от преступлений сексуального характера, совершенных с использованием сети Интернет, характерна выраженная в большей или меньшей степени личностная незрелость, что отражается в мотивационно-смысловых характеристиках их участия в секстинге.

Вместе с тем эти характеристики различаются в выделенных трех группах. При этом вторая (ориентированная на «дружбу») и третья (мотивированная «романтическими отношениями») категории различаются главным образом характером восприятия и осмысления отношений с партнерами. Сексуальный аспект рассматривался девочками второй группы в качестве «игры» или особого интимного компонента отношений, указывающего на глубину доверия между участниками. В третьей группе сексуализированное содержание контактов воспринималось как часть романтических отношений, указывающих на перспективы их дальнейшего развития. В обоих случаях девочки были мотивированы именно отношениями, которые реализовали их потребность в позитивном близком общении и компенсировали дефициты социальных связей офлайн, неприятие и отвержение со стороны сверстников, низкую самооценку. Последнее особенно характерно для потерпевших третьей группы, у которых психологические проблемы усугублялись наличием соматических заболеваний, отражавшихся на их внешности или особенностях общения. Уязвимость девочек этих двух категорий обуславливалась также присущими им индивидуально-психологическими особенностями, такими как пассивность, подчиняемость, трудности установления социальных контактов. Разоблачение грумеров и выяснение истинного положения дел, внезапное прекращение отношений, которые обладали для девочек особой ценностью, разрыв возникшей эмоциональной связи, а также возможность огласки имели для потерпевших психотравмирующее значение. Для их актуального состояния на момент экспертизы были характерны опасения размещения их интимных изображений в сети Интернет с широким доступом для их близкого окружения (72% девочек объединенных второй и третьей групп), самообвинения (55%), переживания социальной изоляции, одиночества (66,7%), безысходности (44,4%). Выявленные актуальные опасения и переживания девочек были напрямую связаны с характером совершенного в отношении них преступления. Полученные посягателем компрометирующие жертв материалы могут широко распространяться по Сети, «всплывать» через многие годы, и, к сожалению, механизмы для их полного извлечения отсутствуют. Таким образом, травматическое воздействие на жертву в виде страха огласки и осуждения длится и после возбуждения уголовного дела и поимки преступника, оказывая негативное влияние на развитие личности девочек, включая формирование их психосексуальной сферы.

Внимания заслуживают и мотивационно-смысловые характеристики участия в секстинге несовершеннолетних девочек первой группы. Для них в наибольшей степени свойственна личностная незрелость, склонность к рискованному поведению в сочетании с повышенным интересом к сексуальной сфере без достаточной осведомленности в этой области и понимания социальных норм. На фоне свойственного таким девочкам проблемного использования Интернета их собственная активность могла способствовать их уязвимости. Между тем, в отличие от потерпевших других категорий, этих девочек не интересовали отношения. Они не считали обвиняемых своими друзьями или романтическими партнерами, между ними не воз-

никало эмоциональной связи. Эмоциональная реакция на раскрытие преступления или возможность огласки, включая публикацию в Сети их сексуализированных изображений, у них также отсутствовала, что свидетельствует об искаженном осмыслении ими ситуации. Несмотря на то, что психотравмирующего воздействия на них криминала не отмечалось, участие в секстинге и действия взрослых грумеров оказывали на девочек вредоносное влияние, искажая их психосексуальное развитие. Сама же сексуализированная активность девочек в интернет-среде может рассматриваться как вариант девиантного онлайн-поведения.

Заключение

Проведенное пилотажное исследование показывает, что мотивация вступления несовершеннолетних девочек в сексуальное онлайн-взаимодействие с посягателями связана с имеющимися у них межличностными и внутриличностными проблемами. В большинстве случаев такого рода проблемы обусловлены неудовлетворенными социальными потребностями, дефицитом общения, отсутствием позитивных эмоциональных связей с окружающими, недостатком социального опыта, низкой самооценкой. Эти характеристики могут рассматриваться в качестве предикторов такого рода активности, а также оказывать влияние на осмысление и переживание ее возможных негативных последствий.

В исследовании выделены различные варианты мотивационной направленности девочек при участии в секстинге. В дальнейшем требуется более детальное выяснение характеристик каждой из описанных категорий. Они должны быть учтены при составлении профилактических программ для подростков, которые должны быть ориентированы не только на обучение информационной безопасности, но и на развитие коммуникативных навыков, умение отстаивать свои личностные границы, не вступать во взаимодействие по принуждению и т. д. Специалистам важно обратить внимание на детей из группы риска, отличающихся особой уязвимостью, например, испытывающих буллинг со стороны сверстников, имеющих сложности в общении, переживающих из-за своих ограничений по здоровью.

Литература

1. *Медведева А.С.* Психологическая уязвимость детей и подростков для кибергруминга // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1 (87). С. 108–115.
2. *Медведева А.С.* Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн груминг [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 44–54. doi:10.17759/psylaw.2020100111
3. *Штурма Я.* Опасность и возраст: в России увеличилось число преступлений против детей [Электронный ресурс] // Известия. 2 февраля 2023. URL: <https://iz.ru/1463589/iana-shturma/opasnost-i-vozrast-v-rossii-velichilos-chislo-prestuplenii-protiv-detei> (дата обращения: 03.07.2023).
4. *Brown J.* Online Risk to Children: Impact, Protection and Prevention: First Edition. NY: John Wiley & Sons Limited, 2017. 264 p. doi:10.1002/9781118977545
5. *Burén J., Lunde C.* Sexting among adolescents: A nuanced and gendered online challenge for young people // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 85. P. 210–217. doi:10.1016/j.chb.2018.02.003
6. *Choi H.J., Van Ouytsel J., Temple J.R.* Association between sexting and sexual coercion among female adolescents // Journal of Adolescence. 2016. Vol. 53. P. 164–168. doi:10.1016/j.adolescence.2016.10.005

7. Cooper K., Quayle E., Jonsson L., Svedin C.G. Adolescents and self-taken sexual images: A review of the literature // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 55. P. 706–716. doi:10.1016/j.chb.2015.10.003
8. Döring N. Consensual sexting among adolescents: Risk prevention through abstinence education or safer sexting? // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2014. Vol. 8(1). doi:10.5817/CP2014-1-9
9. Drouin M., Ross J., Tobin E. Sexting: A new, digital vehicle for intimate partner aggression? // *Computers in Human Behavior*. 2015. Vol. 50. P. 197–204. doi:10.1016/j.chb.2015.04.001
10. Impett E.A., Peplau L.A., Gable S.L. Approach and avoidance sexual motives: Implications for personal and interpersonal well-being // *Personal Relationships*. 2005. Vol. 12(4). P. 465–482. doi:10.1111/j.1475-6811.2005.00126.x
11. Impett E.A., Tolman D.L. Late adolescent girls' sexual experiences and sexual satisfaction // *Journal of Adolescent Research*. 2006. Vol. 21(6). P. 628–646. doi:10.1177/0743558406293964
12. Kloess J.A., Seymour-Smith S., Hamilton-Giachritsis C.E., Long M.L., Shipley D., Beech A.R. A Qualitative Analysis of Offender's Modus Operandi in Sexually Exploitative Interactions with Children Online // *Criminology & Criminal Justice*. 2017. Vol. 29(6). P. 563–591. doi:10.1177/1079063215612442
13. Maheux A.J., Evans R., Widman L., Nesi J., Prinstein M.J., Choukas-Bradley S. Popular peer norms and adolescent sexting behavior // *Journal of Adolescence*. 2020. Vol. 78. P. 62–66. doi:10.1016/j.adolescence.2019.12.002
14. Mori C., Cooke J.E., Temple J.R., Ly A., Lu Yu, Anderson N., Rash C., Madigan S. The Prevalence of Sexting Behaviors Among Emerging Adults: A Meta-Analysis // *Archives of Sexual Behavior*. 2020. Vol. 49(4). P. 1103–1119. doi:10.1007/s10508-020-01656-4
15. Pongracz I. Children, Online Dangers and Solutions // *European Integration Studies: A Publication of The University of Miskolc*. 2019. Vol. 15(1). P. 104–113.
16. Reed L.A., Boyer M.P., Meskunas H., Tolman R. How do adolescents experience sexting in dating relationships? Motivations to sext and responses to sexting requests from dating partners // *Children and Youth Services Review*. 2020. Vol. 109. doi:10.1016/j.childyouth.2019.104696
17. Thomas S.E. "What should I do?": Young women's reported dilemmas with nude photographs // *Sexuality Research and Social Policy*. 2018. Vol. 15(2). P. 192–207. doi:10.1007/s13178-017-0310-0
18. Van Ouytsel J., Walrave M., Ponnet K., Heirman W. The association between adolescent sexting, psychosocial difficulties, and risk behavior: Integrative review // *The Journal of School Nursing*. 2015. Vol. 31(1). P. 54–69. doi:10.1177/1059840514541964
19. Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A. "Under his spell": victims' perspectives of being groomed online // *Social Sciences*. 2014. Vol. 3(3). P. 404–426. doi:10.3390/socsci3030404
20. Whittle H.C., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R. A Comparison of Victim and Offender Perspectives of Grooming and Sexual Abuse // *Deviant Behavior*. 2015. Vol. 36. P. 539–564. doi:10.1080/01639625.2014.944074
21. Ybarra M.L., Mitchell K.J. "Sexting" and its relation to sexual activity and sexual risk behavior in a national survey of adolescents // *Journal of Adolescent Health*. 2014. Vol. 55(6). P. 757–764. doi:10.1016/j.jadohealth.2014.07.012

References

1. Medvedeva A.S. Psikhologicheskaya uyazvimost' detei i podrostkov dlya kibergruminga [Psychological vulnerability of children and adolescents to cybergrooming]. *Vestnik Universiteta proku-*

ratory Rossiiskoi Federatsii = *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2022, no. 1 (87), pp. 108–115. (In Russ.).

2. Medvedeva A.S. Reaktsii detei i podrostkov na seksual'nyi onlain gruming [Reactions of Children and Adolescents to Sexual Online Grooming] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 44–54. doi:10.17759/psylaw.2020100111 (In Russ.).
3. Shturma Ya. Opasnost' i vozrast: v Rossii uvelichilos' chislo prestuplenii protiv detei [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya*. 2 fevralya 2023. URL: <https://iz.ru/1463589/iana-shturma/opasnost-i-vozrast-v-rossii-uvelichilos-chislo-prestuplenii-protiv-detei> (Accessed 03.07.2023). (In Russ.).
4. Brown J. *Online Risk to Children: Impact, Protection and Prevention: First Edition*. NY: John Wiley & Sons Limited, 2017. 264 p. doi:10.1002/9781118977545
5. Burén J., Lunde C. Sexting among adolescents: A nuanced and gendered online challenge for young people. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 85, pp. 210–217. doi:10.1016/j.chb.2018.02.003
6. Choi H.J., Van Ouytsel J., Temple J.R. Association between sexting and sexual coercion among female adolescents. *Journal of Adolescence*, 2016. Vol. 53, pp. 164–168. doi:10.1016/j.adolescence.2016.10.005
7. Cooper K., Quayle E., Jonsson L., Svedin C.G. Adolescents and self-taken sexual images: A review of the literature. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 55, pp. 706–716. doi:10.1016/j.chb.2015.10.003
8. Döring N. Consensual sexting among adolescents: Risk prevention through abstinence education or safer sexting? *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2014. Vol. 8(1). doi:10.5817/CP2014-1-9
9. Drouin M., Ross J., Tobin E. Sexting: A new, digital vehicle for intimate partner aggression? *Computers in Human Behavior*, 2015. Vol. 50, pp. 197–204. doi:10.1016/j.chb.2015.04.001
10. Impett E.A., Peplau L.A., Gable S.L. Approach and avoidance sexual motives: Implications for personal and interpersonal well-being. *Personal Relationships*, 2005. Vol. 12, no. 4, pp. 465–482. doi:10.1111/j.1475-6811.2005.00126.x
11. Impett E.A., Tolman D.L. Late adolescent girls' sexual experiences and sexual satisfaction. *Journal of Adolescent Research*, 2006. Vol. 21, no. 6, pp. 628–646. doi:10.1177/0743558406293964
12. Kloess J.A., Seymour-Smith S., Hamilton-Giachritsis C.E., Long M.L., Shipley D., Beech A.R. A Qualitative Analysis of Offender's Modus Operandi in Sexually Exploitative Interactions with Children Online. *Criminology & Criminal Justice*, 2017. Vol. 29, no. 6, pp. 563–591. doi:10.1177/1079063215612442
13. Maheux A.J., Evans R., Widman L., Nesi J., Prinstein M.J., Choukas-Bradley S. Popular peer norms and adolescent sexting behavior. *Journal of Adolescence*, 2020. Vol. 78, pp. 62–66. doi:10.1016/j.adolescence.2019.12.002
14. Mori C., Cooke J.E., Temple J.R., Ly A., Lu Yu, Anderson N., Rash C., Madigan S. The Prevalence of Sexting Behaviors Among Emerging Adults: A Meta-Analysis. *Archives of Sexual Behavior*, 2020. Vol. 49, no. 4, pp. 1103–1119. doi:10.1007/s10508-020-01656-4
15. Pongracz I. Children, Online Dangers and Solutions. *European Integration Studies: A Publication of The University of Miskolc*, 2019. Vol. 15, no. 1, pp. 104–113.
16. Reed L.A., Boyer M.P., Meskunas H., Tolman R. How do adolescents experience sexting in dating relationships? Motivations to sext and responses to sexting requests from dating partners. *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 109. doi:10.1016/j.childyouth.2019.104696

17. Thomas S.E. “What should I do?”: Young women’s reported dilemmas with nude photographs. *Sexuality Research and Social Policy*, 2018. Vol. 15, no. 2, pp. 192–207. doi:10.1007/s13178-017-0310-0
18. Van Ouytsel J., Walrave M., Ponnet K., Heirman W. The association between adolescent sexting, psychosocial difficulties, and risk behavior: Integrative review. *The Journal of School Nursing*, 2015. Vol. 31, no. 1, pp. 54–69. doi:10.1177/1059840514541964
19. Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A. “Under his spell”: victims’ perspectives of being groomed online. *Social Sciences*, 2014. Vol. 3, no. 3, pp. 404–426. doi:10.3390/socsci3030404
20. Whittle H.C., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R. A Comparison of Victim and Offender Perspectives of Grooming and Sexual Abuse. *Deviant Behavior*, 2015. Vol. 36, pp. 539–564. doi:10.1080/01639625.2014.944074
21. Ybarra M.L., Mitchell K.J. “Sexting” and its relation to sexual activity and sexual risk behavior in a national survey of adolescents. *Journal of Adolescent Health*, 2014. Vol. 55, no. 6, pp. 757–764. doi:10.1016/j.jadohealth.2014.07.012

Информация об авторах

Борисенко Елена Владимировна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); старший научный сотрудник, отдел научно-методического обеспечения, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); профессор, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Information about the authors

Elena V. Borisenko, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory for Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Senior Researcher, Department of Scientific and Methodological Support, Federal Resource Center for Psychological Service in the Education System, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nuckova@gmail.com

Elena G. Dozortseva, Doctor in Psychology, Professor, Head, Laboratory for Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Professor, Department of Legal Psychology and Law,

Борисенко Е.В., Дозорцева Е.Г.
Мотивационно-смысловые характеристики участия
в секстинге несовершеннолетних девочек
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 3–15

Borisenko E.V., Dozortseva E.G.
Motivation and Subjective Meaning
of Participation in Sexting in Minor Girls
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 3–15

Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow,
Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Получена 31.07.2023
Принята в печать 03.08.2023

Received 31.07.2023
Accepted 03.08.2023

Социально опасное поведение подростков: клинико-психопатологические и психологические характеристики, роль деструктивного контента

Бадмаева В.Д.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

Карауш И.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация; Томский государственный педагогический университет (ТГПУ), г. Томск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1920-6175>, e-mail: karaush.i@serbsky.ru

Чибисова И.А.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8822-5607>, e-mail: chibis-irena@mail.ru

Федонкина А.А.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

В статье рассматриваются особенности социально опасного поведения подростков. Целью исследования было изучение влияния клинических, социальных и психологических характеристик деструктивного контента на формирование социально опасного поведения у подростков. Описаны результаты обследования 21 подростка 13–18 лет, совершивших и/или планировавших преступления экстремистско-террористической направленности и нападения на образовательные организации. Основными психическими расстройствами, установленными подросткам в ходе КСППЭ, являлись расстройства шизофренического спектра (38%), формирующиеся расстройства личности (28,6%), органические психические расстройства (9,5%). Отмечено, что вероятность развития психического неблагополучия у несовершеннолетних высока при сочетании биологических факторов, проблем семейного функционирования и негативных психо-социальных воздействий, поведенческих нарушений в анамнезе как показателя стой-

*Бадмаева В.Д., Карауш И.С.,
Чибисова И.А., Федонкина А.А.*
Социально опасное поведение подростков:
клинико-психопатологические и психологические
характеристики, роль деструктивного контента
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 16–29

*Badmaeva V.D., Karaush I.S.,
Chibisova I.A., Fedonkina A.A.*
Socially Dangerous Behavior of Adolescents:
Clinical, Psychopathological and Psychological
Characteristics, the Role of Destructive Content
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 16–29

кости имеющихся клинических проявлений. Изучение параметров, влияющих на формирование нарушений психического здоровья у подростков, является начальным звеном определения мишеней профилактики психических расстройств и совершения социально опасных деяний.

Ключевые слова: подростки, социально опасное поведение, психические расстройства, Интернет, экстремизм, нападения на образовательные организации.

Для цитаты: *Бадмаева В.Д., Карауш И.С., Чибисова И.А., Федонкина А.А.* Социально опасное поведение подростков: клинико-психопатологические и психологические характеристики, роль деструктивного контента [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 16–29. DOI:10.17759/psylaw.2023130302

Socially Dangerous Behavior of Adolescents: Clinical, Psychopathological and Psychological Characteristics, the Role of Destructive Content

Valentina D. Badmaeva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

Irina S. Karaush

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia; Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: karaush.i@serbsky.ru

Irina A. Chibisova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8822-5607>, e-mail: chibis-irena@mail.ru

Anastasiya A. Fedonkina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

The article discusses the features of socially dangerous behavior of adolescents. The aim of the study was to study the impact of clinical, social and psychological characteristics, destructive content on the formation of socially dangerous behavior in adolescents. The results of a survey of 21 teenagers aged 13—18 with socially dangerous behavior who planned and committed extremist and terrorist crimes attacks on educational institutions are described. The initial illnesses in adolescents, identified in adolescents during the ESPP, were diseases

of schizophrenic origin (38%), personality disorders (28.6%), and organ disorders (9.5%). It was found that the likelihood of developing a psychosomatic disorder in adolescents occurs more often when biological manifestations, problems of family behavior and negative psychosocial manifestations, behavioral disorders are identified in history of behavioral disorders as an indicator of the persistence of existing clinical manifestations. The study of the factors influencing the formation of individual mental health in adolescents is the initial link in determining the targets for the prevention of mental disorders and the commission of socially dangerous acts.

Keywords: teenagers, socially dangerous behavior, mental disorders, Internet, extremism, attacks on educational organizations.

For citation: Badmaeva V.D., Karaush I.S., Chibisova I.A., Fedonkina A.A. Socially Dangerous Behavior of Adolescents: Clinical, Psychopathological and Psychological Characteristics, the Role of Destructive Content. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 16–29. DOI:10.17759/psylaw.2023130302 (In Russ.).

Введение

Социально опасное поведение является проявлением отклонения от общественных устоев, ведущим к дезадаптации, напряженности, конфликтам и как следствие приводящим к истощенности освоенных человеком безопасных поведенческих стратегий. Анализ данных выявил, что в последние годы в европейских странах отмечается увеличение числа инцидентов, сочетающих элементы террористических акций и нападения на образовательные учреждения несовершеннолетними, и стирание границ между этими вариантами социально опасного поведения [2; 6; 13]. Сравнение подростков, нападавших на школы и участвовавших в террористических акциях, показывает, что эти два феномена частично совпадают, особенно по отношению к социальным механизмам развития девиаций — подростки совершают акты насилия, используя определенные культурные сценарии (например, сочетание сценария «школьные расстрелы» с риторикой правых исламофобских групп), осуществляют атаку в публичных ситуациях, выбирая жертв не из-за личных конфликтов, а вследствие их символического значения [11; 12; 18]. Обнаруженными общими психологическими характеристиками являлись негативный детский опыт, социальная депривация и низкая самооценка, склонность к убийству и самоубийству [6; 13].

Подростковый возраст сопровождается поиском идентичности, что считается одной из важных движущих сил участников экстремистских групп [8]. Экстремизм как вид социально опасного поведения среди подростков определяется как переживание дисбаланса между угрожающими обстоятельствами и индивидуальными возможностями их преодоления. Террористические действия для такой личности выступают в качестве одного из способов реализации своих убеждений [4; 14; 15].

Недавние исследования свидетельствуют о том, что наличие психического заболевания само по себе не является прямым предиктором экстремизма [19; 20; 21], однако лица с психическими расстройствами часто используются вербовщиками экстремистских, террористических организаций и различных некультов, реализующих противоправные деяния [1]. Показано, что среди подростков-«одиночек», совершивших такие противоправные действия, показатели распространенности шизофрении, бредовых расстройств и расстройств аутисти-

Бадмаева В.Д., Карауш И.С.,
Чибисова И.А., Федонкина А.А.
Социально опасное поведение подростков:
клинико-психопатологические и психологические
характеристики, роль деструктивного контента
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 16–29

Badmaeva V.D., Karaush I.S.,
Chibisova I.A., Fedonkina A.A.
Socially Dangerous Behavior of Adolescents:
Clinical, Psychopathological and Psychological
Characteristics, the Role of Destructive Content
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 16–29

ческого спектра в сравнении с базовыми показателями в общей популяции оказываются значительно выше [7; 10; 22], в то время как в выборках экстремистов, склонных действовать в группах, показатели распространенности психической патологии менее высоки, чем в выборках одиночек [9; 16].

Сегодня социализация и коммуникация большей части детей и подростков осуществляются в сетевом виртуальном пространстве, при этом значительная часть информации в Интернете — это токсичный контент [3; 5; 17]. Наиболее типичными признаками, отмечаемыми в поведении детей и подростков при деструктивном влиянии контента, являются повышенная возбудимость, тревожность, агрессивность; фиксированность на негативных эмоциях; депрессивная симптоматика; утрата прежнего эмоционального контакта со сверстниками; отчужденность в школьной среде, низкие коммуникативные навыки; повышенный интерес к сценам насилия; жестокое обращение с животными, со сверстниками и т. п.

Подростки, демонстрирующие социально опасное поведение, до совершения деликта или подготовки к нему, как правило, оказываются вне фокуса внимания психиатров, школьных психологов и социальных служб. При этом анализ данных исследования личностных особенностей и психического состояния несовершеннолетних, совершивших нападения на учебные заведения, характеристик их взаимодействия в школе и семье, позволяет заключить, что формирование агрессивного поведения начинается задолго до совершения противоправных действий, однако остается незамеченным окружающими [1].

Цель исследования состояла в определении влияния клинических, социальных и психологических характеристик, деструктивного контента на формирование социально опасного поведения у подростков.

Материал и методы

Обследована выборка из 21 подростка 13—18 лет с социально опасным поведением, планировавших и/или совершивших нападения на образовательные учреждения (14 человек), а также террористические акты, с публичным оправданием и пропагандой терроризма в интернет-пространстве, применением оружия, убийством или покушением на убийство двух и более лиц (7 человек). В связи с привлечением к уголовной ответственности они прошли комплексное судебное психолого-психиатрическое освидетельствование в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. Средний возраст несовершеннолетних 17 лет [18; 21].

Методы исследования: клинико-психопатологический, психологический, статистический. Для обработки результатов использована программа STATISTICA v.10.0. Распределение данных признано отличным от нормального, центральные тенденции и дисперсии количественных признаков представлены медианой (Me) и квартилями [Q25%; Q75%]. Статистическая взаимосвязь между индивидуально-психологическими особенностями исследовалась с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты исследования и обсуждение

Структура психических расстройств, выявленных у подэкспертных в ходе комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСПЭ) представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура психических расстройств у несовершеннолетних (n=21)

Психические расстройства	Шифр по МКБ-10	Количество человек	Доля от выборки
Органическое расстройство личности в связи со смешанными заболеваниями	F07.08	2	9,5%
Расстройства шизофренического спектра (шизоаффективное расстройство, острое полиморфное психотическое расстройство с симптомами шизофрении, шизофрения недифференцированная)	F25.2 F23.2 F20.3	6	28,6%
Депрессивный эпизод умеренной степени	F32.10	1	4,8%
Расстройства личности (формирующиеся смешанное и диссоциальное расстройство личности)	F61.03 F60.2	8	38,0%
Расстройства адаптации со смешанным расстройством эмоций и поведения	F43.25	1	4,8%
Социализированное расстройство поведения	F91.2	1	4,8%
Без психических расстройств		2	9,5%
Всего		21	100%

Наиболее часто выявляемой у исследуемых психической патологией являлись **расстройства шизофренического спектра** (38%). Клиническая их верификация представляла значительные сложности ввиду присущей подростковому возрасту фрагментарности, незавершенности, транзиторности и изменчивости психопатологической симптоматики, а также активной диссимуляции имеющейся психопатологии. Такие подростки, как правило, росли в благополучных семьях и ранее в поле зрения психиатров не попадали. Клиническая картина допубертатного этапа развития расстройства характеризовалась нарушенным онтогенезом — асинхронией созревания с явлениями психической акселерации, а также неврозоподобной симптоматикой. Отмечались шизоидные преморбидные личностные черты в виде отстраненности, замкнутости, сензитивности, мнительности. Выявлялись выраженные тревожные и тревожно-фобические нарушения («постоянная тревога», «глубокий, беспричинный страх»), а также кратковременные субпсихотические эпизоды, нередко гебоидная симптоматика.

На этапе пубертата клиническая картина эндогенного процесса усложнялась за счет появления аутохтонных аффективных колебаний в виде гипотимических состояний с угнетенностью, апатией, ангедонией, спонтанно сменяющихся кратковременной стабилизацией настроения, что сочеталось с нарастанием отчужденности, холодности, безразличия к родным, искажением и обеднением аффективности, чувством собственной измененности. В дальнейшем присоединялись своеобразные увлечения по типу подростковой метафизической («философической») интоксикации, несовершеннолетние становились активными пользователями интернет-ресурсов с ауто- и гетероагрессивной тематикой. Отмечались идеаторные нарушения с элементами насильственности, формирование сверхценных патологических идей отношения, бредовой интерпретацией своего «особого значения», величия («я Бог»), болезненного рассуждательства относительно устройства мира, навязчивых гомицидоманических идей. В единичных случаях клиническая картина расширялась за счет присоединения

выраженных гебоидных, танатофильных расстройств (просмотр в Интернете патологоанатомических вскрытий, фильмов о пытках и умерщвлении людей), дисморфофобических нарушений, нарастания охваченности темой смерти, с совершением неоднократных суицидальных попыток, в том числе нанесением самоповреждений с целью самоубийства в период совершения общественно опасного деяния. Параноидный синдром являлся ведущим симптомокомплексом у подэкспертных с установленным расстройством — шизофрения, с патологическим, болезненным восприятием окружающего, идеями превосходства, величия, особой значимости, нарастанием охваченности сверхценными гомицидоманическими идеями.

При экспериментально-психологическом исследовании на фоне достаточного интеллектуального уровня наблюдались выраженная неравномерность, нецеленаправленность мыслительной деятельности, своеобразие и субъективизм при установлении причинно-следственных связей и интерпретации ситуаций, склонность к формированию труднокорригируемых концепций; в ассоциативной сфере отмечены своеобразие, отдаленность ассоциаций и образов. Эмоционально-волевая сфера характеризовалась обедненностью эмоций, замкнутостью, дистанцированностью по отношению к окружающим, ориентацией на внутренние субъективные критерии, формирующимся чувством своей исключительности, враждебностью.

Формирование *личностной патологии* (28,6%) у несовершеннолетних характеризовалось крайней мозаичностью клиники, сочетанием с нозологически нейтральной кризисовой симптоматикой и делинквентными формами поведения, что указывало на смешанные типы расстройства личности. При клиническом исследовании у исследуемых уже с детского возраста в ответ на неблагоприятные внешние воздействия проявлялись малодифференцированные, элементарные типы реагирования в виде упрямства, капризности, сопровождавшиеся проблемами адаптации в дошкольных учреждениях. В младшем школьном возрасте отмечались патохарактерологические черты с тенденцией к их усилению и психогенному реагированию в субъективно неблагоприятных для них ситуациях (при рождении сиблинга, смене школы). В период пубертата прослеживалась склонность к декомпенсации с усилением и усложнением патологических личностных черт. Согласно полученной объективной информации, взаимоотношения подростков указанной группы с одноклассниками характеризовались как формально ровные, «без заметных конфликтов», однако сами подэкспертные отзывались о внутришкольных отношениях крайне негативно: «надо мной еще с младших классов издевались..., учителя не понимали, что у меня с кем-то был конфликт, для них все было хорошо». Непопулярность в среде одноклассников, отсутствие защиты и нежелание вникнуть в суть проблемы со стороны родителей и педагогов подталкивали подростков к поиску иных решений с учетом их патохарактерологических особенностей. Они находили в Интернете таких же «изгоев», которые испытывали подобные переживания, обменивались с ними планами мести. Часто именно в процессе такого общения происходило знакомство с сайтами деструктивной направленности. Индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних характеризовались эмоциональной неустойчивостью, возбудимостью, агрессивными тенденциями, ориентацией на собственные желания и потребности без учета интересов окружающих в сочетании с подозрительностью и настороженностью, склонностью фиксироваться на негативных переживаниях.

Клиническая картина *органического психического расстройства* (9,5%) отличалась рядом специфических особенностей. Начиная с трехлетнего возраста у исследуемых отмеча-

лись гипердинамические нарушения и невротоподобная симптоматика, что сопровождалось нарушениями адаптации в дошкольном учреждении. В школьный период наблюдались эмоционально-волевые расстройства в виде раздражительности, импульсивности, конфликтности, вспыльчивости, расторможенности, лабильности эмоциональных проявлений, что в сочетании с нарушениями дисциплины, когнитивной недостаточностью с неустойчивостью внимания и трудностями сосредоточения и усвоения знаний приводили к школьной дезадаптации. К началу негативной фазы пубертатного периода у подростков нередко наблюдались элементы гебоидного синдрома, сочетающиеся с гетероагрессивными тенденциями в отношении сверстников и родителей. Несмотря на обращение родителей с вышеуказанными проблемами к профильным специалистам и нередко госпитализацию подэкспертных в психиатрические стационары, проводимую психофармакотерапию, проблемы в межличностных отношениях сохранялись, подростки конфликтовали с одноклассниками и учителями, крайне агрессивно реагировали на замечания и нейтральные безобидные шутки.

В числе семейных проблем несовершеннолетних отмечались развод родителей и отсутствие отца в жизни ребенка, алкоголизация членов семьи, длительные семейные конфликты, патологические типы воспитания и т. п. Примерами нарушений раннего развития являлись перенесение инфекционного заболевания в тяжелой форме в возрасте до 3 лет; наличие резидуально-органической патологии (перинатальная энцефалопатия, синдром двигательных нарушений, наличие стигм дизэмбриогенеза) и т. п. В большинстве случаев в анамнезе были указания на наличие поведенческих проблем, особенно это касалось подростков, обвиняемых в экстремистской, террористической деятельности. Таким образом, вероятность развития психического расстройства у подростков возрастает при сочетании следующих факторов: «нарушения раннего развития», характеризующие влияние биологических факторов; «семейные проблемы», отражающие состояние семейного функционирования и влияние психосоциальных факторов, и «поведенческие нарушения в анамнезе» как показателя стойкости имеющихся клинических проявлений.

Изучение связей между индивидуально-психологическими особенностями подростков с социально опасным поведением с помощью коэффициента корреляции Спирмена показало наличие связей между имеющимся психическим расстройством и такими психологическими особенностями, как интроверсия ($r=0,66$), агрессивность ($r=0,448$), а также нарушениями семейного функционирования ($r=0,51$). Увлечение деструктивным контентом значимо связано с возникновением суицидальных мыслей у подростков ($r=0,88$), тревожностью ($r=0,53$) и обидчивостью ($r=0,59$). Помимо этого, отмечена корреляционная связь между такими индивидуально-психологическими особенностями, как агрессивность и интроверсия ($r=0,47$). Данные факты демонстрируют особенности взаимодействия подростков в социальной среде, когда внутренняя изолированность, неумение строить адекватные социальные связи затрудняют поиск внешней поддержки в субъективно сложных ситуациях, что в сочетании с агрессивными тенденциями приводит к непродуктивным и деструктивным формам разрешения конфликтных ситуаций, нередко заимствованным с сайтов соответствующей направленности.

На этапе формирования идентичности важнейшим социальным пространством является контекст сверстников. Характеризуя исследуемую выборку, стоит отметить, что это социальное пространство воспринимается подростками как проблемное и/или исключаящее их из своей среды. Несовершеннолетние не имели большого количества друзей и широкого круга общения с одноклассниками либо не имели их совсем, не шли на контакт с одноклассни-

ками, «закрывались в себе», производили впечатление стеснительных, замкнутых, безэмоциональных. Ранний опыт исключения со стороны сверстников подпитывает процесс социальной изоляции и создает потребность в общественном признании. Родственники и знакомые описывали у исследуемых такие личностные характеристики, как демонстративность, завышенная самооценка с тенденцией к переоценке своих возможностей, склонность к подчеркиванию своей значимости и мужественности, которые сочетались с неуверенностью в себе, замкнутостью. Такие описания свидетельствуют о наличии у несовершеннолетних некоторых противоположных личностных черт — эмоциональной неустойчивости, возбудимости, агрессивных тенденций, ориентации на собственные желания и потребности без учета интересов окружающих в сочетании с некоторой подозрительностью и настороженностью, склонностью фиксироваться на негативных переживаниях наряду с целеустремленностью в реализации своих потребностей. Стремление к контролю над своими эмоциональными проявлениями может сочетаться с повышенной враждебностью, агрессивностью, возбудимостью, конфликтностью, тенденцией к защитным внешнеобвиняющим формам реагирования.

У большинства подростков, совершивших или готовивших нападение на образовательные организации, выявлялась определенная фиксация на предыдущих обидах, унижениях со стороны сверстников и учителей, в то время как у подростков, совершивших или подготавливавших террористические действия, ориентация на идеологические контексты играла компенсаторную, структурирующую и смыслообразующую роль. Общим фактором является несоответствие между реальным и идеальным Я, что приводит к накоплению внутреннего напряжения. При этом, чтобы справиться с ним, подростки, в силу индивидуальных особенностей и/или имеющегося психического заболевания прибегают к экстремальным стратегиям совладания. Внутренние обиды и накапливающееся напряжение в ситуации отсутствия сдерживающих связей (теплых семейных и дружеских отношений) создают «открытость» для иных идеологических контекстов и альтернативных мировоззрений.

Практически во всех случаях анализ анамнестических данных и/или клиническое обследование выявили увлечения подэкспертными контентом, который может быть отнесен к категории «деструктивный». Например, сообщалось, что в социальной сети был видеоролик, где подросток показывает принадлежность к некой террористической организации, просит прощения, говорит, что будет убивать людей», другой подросток регулярно отправлял знакомым ссылки на религиозную тематику в приложении «ВКонтакте» и «Instagram¹», в том числе с содержанием призывов к «Священной войне против неверных». Несколько человек являлись приверженцами идей национализма, размещали в социальных сетях посты, содержащие признаки оправдания идеологии и практики насилия и террора, экстремистской деятельности, совершения насильственных действий. Все подростки, проведение судебной экспертизы которых осуществлялось в связи с нападением или попыткой нападения на образовательные организации, демонстрировали приверженность субкультуре «Колумбайн»², как используя внешнюю атрибутику нападавших, так и поведенчески, регулярно просматривали видеоролики и фотографии, посвященные массовым убийствам в школах и колледжах, об-

¹ Запрещена на территории Российской Федерации.

² Террористическая организация, запрещенная в России.

Бадмаева В.Д., Карауш И.С.,
Чибисова И.А., Федонкина А.А.
Социально опасное поведение подростков:
клинико-психопатологические и психологические
характеристики, роль деструктивного контента
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 16–29

Badmaeva V.D., Karaush I.S.,
Chibisova I.A., Fedonkina A.A.
Socially Dangerous Behavior of Adolescents:
Clinical, Psychopathological and Psychological
Characteristics, the Role of Destructive Content
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 16–29

суждали «Эрика и Дилана»³, вели в социальных сетях переписку, содержащую агрессивные и суицидальные высказывания, обсуждение плана захвата школы.

Уход в деструктивный контент у таких подростков зачастую был связан со стремлением отреагировать эмоциональное напряжение, в беседе некоторые из них отмечали, что просмотр видеороликов и текстов с агрессивным содержанием помогал снизить уровень психического напряжения и тревоги. Вместе с тем у отдельных подростков формировалась своеобразная зависимость от просмотра деструктивного контента, реализуемая по стрессовым механизмам, формирующимся на фоне тяжелой жизненной ситуации, например, семейных конфликтов, разногласий со сверстниками, а также по психопатологическим механизмам либо их смешанным формам.

Заключение

Основными категориями психических расстройств, выявленных в рамках КСППЭ, у несовершеннолетних, которые планировали и/или совершили нападения на образовательные учреждения, террористические акты с публичным оправданием и пропагандой терроризма в интернет-пространстве, с применением оружия, убийством или покушением на убийство двух и более лиц, были расстройства шизофренического спектра, формирующиеся расстройства личности и органическая патология. Анализ анамнестических данных и/или клиническое обследование выявили увлечения подэкспертными контентом, который может быть отнесен к категории «деструктивный».

Раннее выявление и профилактика социально-психологического неблагополучия подростков требует выделения определенных ориентиров для специалистов, работающих в образовательной среде. Выявленные связи могут являться основанием для определения целевой группы с целью осуществления профилактических мероприятий. Подростки с нарушениями поведения и определенными психологическими характеристиками (демонстративность, интравертированность), имеющие в анамнезе указания на нарушения психического здоровья в ранний период, воспитывающиеся в дисфункциональных семьях и демонстрирующие признаки десоциализации под влиянием деструктивного контента в образовательном учреждении, должны являться объектом психолого-педагогического (а по показаниям — и медицинского) сопровождения. Изучение факторов, влияющих на развитие нарушений психического здоровья и психологического неблагополучия у подростков, является начальным звеном определения мишеней превенции совершения общественно опасных деяний.

Литература

1. Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. № 10(2). С. 97–110. doi:10.17759/psylaw.2020100208
2. Лангман П. Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка. М.: Бомбора, 2021. 304 с.

³ Учащиеся старших классов школы «Колумбайн» Эрик Харрис и Дилан Клиболд, которые 20 апреля 1999 г. устроили стрельбу в школе, в результате чего погибли 13 и пострадали 37 человек. Оба подростка покончили с собой.

Бадмаева В.Д., Карауш И.С.,
Чибисова И.А., Федонкина А.А.
Социально опасное поведение подростков:
клинико-психопатологические и психологические
характеристики, роль деструктивного контента
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 16–29

Badmaeva V.D., Karaush I.S.,
Chibisova I.A., Fedonkina A.A.
Socially Dangerous Behavior of Adolescents:
Clinical, Psychopathological and Psychological
Characteristics, the Role of Destructive Content
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 16–29

3. Пучнин А.В., Пучнина М.Ю. Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 115–120. doi:10.35750/2071-8284-2021-3-115-120
4. Розенова М.И. Жизнь в мегаполисе: обучение пространственному поведению как психологический механизм усвоения социально-культурных норм взаимодействия // Психология обучения. 2016. № 5. С. 85–93.
5. Тутор С.Е., Каменева Т.Н. Деструктивное влияние Интернета на поведение несовершеннолетних: результаты эмпирического исследования [Электронный ресурс] // Caucasian Science Bridge. 2022. Том 5. № 4 (18). С. 126–135. doi:10.18522/2658-5820.2022.4.13
6. Böckler N., Leuschner V., Zick A., Scheithauer H. Same but Different? Developmental Pathways to Demonstrative Targeted Attacks — Qualitative Case Analyses of Adolescent and Young Adult Perpetrators of Targeted School Attacks and Jihadi Terrorist Attacks in Germany // International Journal of Developmental Science. 2018. Vol. 12(1-2). P. 5–24. doi:10.3233/DEV-180255
7. Corner E., Gill P., Mason O. Mental health disorders and the terrorist: a research note probing selection effects and disorder prevalence // Studies in Conflict & Terrorism. 2016. Vol. 39(6). P. 560–568. doi:10.1080/1057610X.2015.1120099
8. Dawson L. Bringing Religiosity Back In: Critical Reflection on the Explanation of Western Homegrown Religious Terrorism (Part II) // Perspectives on Terrorism. 2021. Vol. 15(2). P. 2–22.
9. Dom G., Schouler-Ocak M., Bhui K., Demunter H., Kuey L., Raballo A. Mass violence. Radicalization and terrorism: a role for psychiatric profession? // European Psychiatry. 2018. Vol. 49. P. 78–80. doi:10.1016/j.eurpsy.2018.01.001
10. Langman P. Rampage school shooters: A typology // Aggression and Violent Behavior. 2009. Vol. 14 (1). P. 79–86. doi:10.1016/j.avb.2008.10.003
11. Lankford A., Hakim N. From Columbine to Palestine: A comparative analysis of rampage shooters in the United States and volunteer suicide bombers in the Middle East // Aggression and Violent Behavior. 2011. Vol. 16(2). P. 98–107. doi:10.1016/j.avb.2010.12.006
12. Larkin R.W. The Columbine legacy: Rampage shootings as political acts // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52(9). P. 1309–1326. doi:10.1177/0002764209332548
13. Liem M., Van Buuren G., De Roy van Zuijdewijn J., Schönberger H., Bakker E. European lone actor terrorists versus common” homicide offenders: An empirical analysis // Homicide Studies. 2018. Vol. 22(1). P. 45–69. doi:10.1177/1088767917736797
14. Lindberg N., Sailas E., Kaltiala-Heino R. The copycat phenomenon after two Finnish school shootings: an adolescent psychiatric perspective // BMC Psychiatry. 2012. Vol. 12. doi:10.1186/1471-244X-12-91
15. Mears D.P., Moon M., Thielo A.J. Columbine Revisited: Myths and Realities about the Bullying-School Shootings Connection // Victims & Offenders. 2017. Vol. 12(6). P. 939–955. doi:10.1080/15564886.2017.1307295
16. Misiak B., Samochowiec J., Bhui K., Schouler-Ocak M., Demunter H., Kuey L., Raballo A., Gorwood P., Frydecka D., Dom G. A systematic review on the relationship between mental health, radicalization and mass violence // European Psychiatry. 2019. Vol. 56. P. 51–59. doi:10.1016/j.eurpsy.2018.11.005
17. Preti A. School shooting as a culturally enforced way of expressing suicidal hostile intentions // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. 2008. Vol. 36(4). P. 544–550.

Бадмаева В.Д., Карауш И.С.,
Чибисова И.А., Федонкина А.А.
Социально опасное поведение подростков:
клинико-психопатологические и психологические
характеристики, роль деструктивного контента
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 16–29

Badmaeva V.D., Karaush I.S.,
Chibisova I.A., Fedonkina A.A.
Socially Dangerous Behavior of Adolescents:
Clinical, Psychopathological and Psychological
Characteristics, the Role of Destructive Content
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 16–29

18. Sandberg S., Oksanen A., Berntzen L.E., Kiilakoski T. Stories in action: The cultural influences of school shootings on the terrorist attacks in Norway // *Critical Studies on Terrorism*. 2014. Vol. 7(2). P. 277–296. doi:10.1080/17539153.2014.906984
19. Schulden N., Doosje B., Spaaij R., Kamphuis J.H. Psychopathology and Terrorism: Status, Gaps and Priorities for Future Research. The Hague: WODC, 2019. 53 p.
20. Thijssen G., Masthoff E., Sijtsma J., Bogaerts S. Understanding violent extremism: socio-demographic, criminal and psychopathological background characteristics of detainees residing in Dutch terrorism wings // *Criminology & Criminal Justice*. 2021. Vol. 23(2). P. 53–59. doi:10.1177/17488958211049019
21. Vermeulen F., van Leyenhorst M., Roex I., Schulden N., Tuzani N. Between Psychopathology and Ideology: Challenges and Practices in Interpreting Young Extremists Experiencing Mental Illness in the Netherlands // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 12. P. 78–80. doi:10.3389/fpsy.2021.790161
22. Zeman T., Bren J., Urban R. Profile of a lone wolf terrorist: a crisis management perspective // *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2018. Vol. 8(1). P. 5–18. doi:10.9770/jssi.2018.8.1(1)

References

1. Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V. Psikhologicheskie, sotsial'nye i informatsionnye aspekty napadenii nesovershennoletnikh na uchebnye zavedeniya [Psychological, Social and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110. doi:10.17759/psylaw.2020100208 (In Russ.).
2. Langman P. Pochemu deti ubivayut. Chto proiskhodit v golove u shkol'nogo strelka [Why kids kill: inside the minds of school shooters]. Moscow: Bombora, 2021. 304 p. (In Russ.).
3. Puchnin A.V., Puchnina M.Yu. Vliyanie destruktivnogo internet-kontenta na formirovanie kolumbain-idei sredi nesovershennoletnikh [Influence of destructive internet content on forming columbine ideas among minors] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3 (91), pp. 115–120. doi:10.35750/2071-8284-2021-3-115-120 (In Russ.).
4. Rozenova M.I. Zhizn' v megapolise: obuchenie prostranstvennomu povedeniyu kak psikhologicheskii mekhanizm usvoeniya sotsial'no-kul'turnykh norm vzaimodeistviya [Life in the megalopolis: training spatial behavior, as a means of mastering sociocultural norms of interaction]. *Psikhologiya obucheniya = Psychology of Education*, 2016, no. 5, pp. 85–93. (In Russ.).
5. Titor S.E., Kameneva T.N. Destruktivnoe vliyanie Interneta na povedenie nesovershennoletnikh: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [Destructive influence of the Internet on behavior of minors: results of empirical study] [Elektronnyi resurs]. *Caucasian Science Bridge*, 2022. Vol. 5, no. 4 (18), pp. 126–135. doi:10.18522/2658-5820.2022.4.13 (In Russ.).
6. Böckler N., Leuschner V., Zick A., Scheithauer H. Same but Different? Developmental Pathways to Demonstrative Targeted Attacks — Qualitative Case Analyses of Adolescent and Young Adult Perpetrators of Targeted School Attacks and Jihadi Terrorist Attacks in Germany. *International Journal of Developmental Science*, 2018. Vol. 12, no. 1-2, pp. 5–24. doi:10.3233/DEV-180255
7. Corner E., Gill P., Mason O. Mental health disorders and the terrorist: a research note probing selection effects and disorder prevalence. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2016. Vol. 39, no. 6, pp. 560–568. doi:10.1080/1057610X.2015.1120099

Бадмаева В.Д., Карауш И.С.,
Чибисова И.А., Федонкина А.А.
Социально опасное поведение подростков:
клинико-психопатологические и психологические
характеристики, роль деструктивного контента
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 16–29

Badmaeva V.D., Karaush I.S.,
Chibisova I.A., Fedonkina A.A.
Socially Dangerous Behavior of Adolescents:
Clinical, Psychopathological and Psychological
Characteristics, the Role of Destructive Content
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 16–29

8. Dawson L. Bringing Religiosity Back In: Critical Reflection on the Explanation of Western Homegrown Religious Terrorism (Part II). *Perspectives on Terrorism*, 2021. Vol. 15, no. 2, pp. 2–22.
9. Dom G., Schouler-Ocak M., Bhui K., Demunter H., Kuey L., Raballo A. Mass violence. Radicalization and terrorism: a role for psychiatric profession? *European Psychiatry*, 2018. Vol. 49. P. 78–80. doi:10.1016/j.eurpsy.2018.01.001
10. Langman P. Rampage school shooters: A typology. *Aggression and Violent Behavior*, 2009. Vol. 14, no. 1, pp. 79–86. doi:10.1016/j.avb.2008.10.003
11. Lankford A., Hakim N. From Columbine to Palestine: A comparative analysis of rampage shooters in the United States and volunteer suicide bombers in the Middle East. *Aggression and Violent Behavior*, 2011. Vol. 16, no. 2, pp. 98–107. doi:10.1016/j.avb.2010.12.006
12. Larkin R.W. The Columbine legacy: Rampage shootings as political acts. *American Behavioral Scientist*, 2009. Vol. 52, no. 9, pp. 1309–1326. doi:10.1177/0002764209332548
13. Liem M., Van Buuren G., De Roy van Zuijdewijn J., Schönberger H., Bakker E. European lone actor terrorists versus common” homicide offenders: An empirical analysis. *Homicide Studies*, 2018. Vol. 22, no. 1, pp. 45–69. doi:10.1177/1088767917736797
14. Lindberg N., Sailas E., Kaltiala-Heino R. The copycat phenomenon after two Finnish school shootings: an adolescent psychiatric perspective. *BMC Psychiatry*, 2012. Vol. 12. doi:10.1186/1471-244X-12-91
15. Mears D.P., Moon M., Thielo A.J. Columbine Revisited: Myths and Realities about the Bullying-School Shootings Connection. *Victims & Offenders*, 2017. Vol. 12, no. 6, pp. 939–955. doi:10.1080/15564886.2017.1307295
16. Misiak B., Samochowiec J., Bhui K., Schouler-Ocak M., Demunter H., Kuey L., Raballo A., Gorwood P., Frydecka D., Dom G. A systematic review on the relationship between mental health, radicalization and mass violence. *European Psychiatry*, 2019. Vol. 56. P. 51–59. doi:10.1016/j.eurpsy.2018.11.005
17. Preti A. School shooting as a culturally enforced way of expressing suicidal hostile intentions. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 2008. Vol. 36, no. 4, pp. 544–550.
18. Sandberg S., Oksanen A., Berntzen L.E., Kiilakoski T. Stories in action: The cultural influences of school shootings on the terrorist attacks in Norway. *Critical Studies on Terrorism*, 2014. Vol. 7, no. 2, pp. 277–296. doi:10.1080/17539153.2014.906984
19. Schulten N., Doosje B., Spaaij R., Kamphuis J.H. Psychopathology and Terrorism: Status, Gaps and Priorities for Future Research. The Hague: WODC, 2019. 53 p.
20. Thijssen G., Masthoff E., Sijtsema J., Bogaerts S. Understanding violent extremism: socio-demographic, criminal and psychopathological background characteristics of detainees residing in Dutch terrorism wings. *Criminology & Criminal Justice*, 2021. Vol. 23, no. 2, pp. 53–59. doi:10.1177/17488958211049019
21. Vermeulen F., van Leyenhorst M., Roex I., Schulten N., Tuzani N. Between Psychopathology and Ideology: Challenges and Practices in Interpreting Young Extremists Experiencing Mental Illness in the Netherlands. *Frontiers in Psychiatry*, 2022. Vol. 12, pp. 78–80. doi:10.3389/fpsy.2021.790161
22. Zeman T., Bren J., Urban R. Profile of a lone wolf terrorist: a crisis management perspective. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 5–18. doi:10.9770/jssi.2018.8.1(1)

Бадмаева В.Д., Карауш И.С.,
Чибисова И.А., Федонкина А.А.
Социально опасное поведение подростков:
клинико-психопатологические и психологические
характеристики, роль деструктивного контента
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 16–29

Badmaeva V.D., Karaush I.S.,
Chibisova I.A., Fedonkina A.A.
Socially Dangerous Behavior of Adolescents:
Clinical, Psychopathological and Psychological
Characteristics, the Role of Destructive Content
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 16–29

Информация об авторах

Бадмаева Валентина Дорджиевна, доктор медицинских наук, руководитель, отдел социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

Карауш Ирина Сергеевна, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник, отделение социальной психиатрии детей и подростков, отдел социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация; профессор, кафедра дефектологии, факультет психологии и специального образования, Томский государственный педагогический университет (ТГПУ), г. Томск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1920-6175>, e-mail: karaush.i@serbsky.ru

Чибисова Ирина Анатольевна, кандидат медицинских наук, руководитель, отделение судебно-психиатрической экспертизы детей и подростков, отдел социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8822-5607>, e-mail: chibis-irena@mail.ru

Федонкина Анастасия Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России); старший научный сотрудник, отдел научно-методического обеспечения, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

Information about the authors

Valentina D. Badmaeva, Doctor of Medicine, Head, Department for Social and Forensic Psychiatric Problems of Minors, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: nasankaeva@mail.ru

Irina S. Karaush, Doctor of Medicine, Leading Researcher, Department of Social Psychiatry for Children and Adolescents, Department for Social and Forensic Psychiatric Problems of Minors, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow; Russia; Professor, Department of Defectology, Faculty

*Бадмаева В.Д., Карауш И.С.,
Чибисова И.А., Федонкина А.А.*
Социально опасное поведение подростков:
клинико-психопатологические и психологические
характеристики, роль деструктивного контента
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 16–29

*Badmaeva V.D., Karaush I.S.,
Chibisova I.A., Fedonkina A.A.*
Socially Dangerous Behavior of Adolescents:
Clinical, Psychopathological and Psychological
Characteristics, the Role of Destructive Content
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 16–29

of Psychology and Special Education, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1920-6175>, e-mail: karaush.i@serbsky.ru

Irina A. Chibisova, PhD in Medicine, Head, Department of Forensic Psychiatric Examination of Children and Adolescents, Department for Social and Forensic Psychiatric Problems of Minors, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8822-5607>, e-mail: chibis-irena@mail.ru

Anastasiya A. Fedonkina, PhD in Psychology, Senior Research, Laboratory of Child and Adolescent Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Senior Researcher, Department of Scientific and Methodological Support, Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

Получена 17.07.2023
Принята в печать 17.08.2023

Received 17.07.2023
Accepted 17.08.2023

Психологическая коррекция и профилактика деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора с учетом особенностей их самоотношения

Вэтра А.В.

Управление по охране ГНЦ им. В.П. Сербского УФСИН России по г. Москве (ФКУ УО ГНЦ им. В.П. Сербского УФСИН России по г. Москве), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2959-814>, e-mail: s_vetra@mail.ru

Ганишина И.С.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО «Академия ФСИН России»), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

В статье показана актуальность проблемы влияния условий следственного изолятора на личность и поведение несовершеннолетних. Рассмотрены этапы коррекции и профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора с учетом особенностей их самоотношения с целью успешной ресоциализации. В экспериментальном исследовании приняли участие 48 несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных по тяжким и особо тяжким статьям, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Описаны результаты оценки проведенного эксперимента, а именно применения поэтапной структурированной психологической программы, на основе которых сделан вывод, что своевременная и структурированная коррекция и профилактика деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора может способствовать положительным изменениям в их отношении к самому себе, самоорганизации поведения и отношениях с другими людьми, прогнозировании последствий своих действий и возникающих контактов с окружающими, снижению внутренних конфликтов, принятию себя, развитию конструктивной рефлексии. Результаты исследования представляют практическую значимость для психологических служб учреждений уголовно-исполнительной системы, а также специалистов, осуществляющих психологическое сопровождение несовершеннолетних правонарушителей.

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологическая коррекция и профилактика
деструктивного поведения несовершеннолетних
в условиях следственного изолятора с учетом
особенностей их самоотношения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 30–43

Vetra A.B., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Correction and Prevention
of Destructive Behavior of Minors in a Pre-Trial
Detention Facility, Taking into Account
the Peculiarities of Their Self-Attitude
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 30–43

Ключевые слова: коррекция и профилактика, деструктивное поведение, самоотношение, несовершеннолетние, подростки, подозреваемые, обвиняемые, осужденные, условия следственного изолятора, принудительная изоляция.

Для цитаты: *Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.* Психологическая коррекция и профилактика деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора с учетом особенностей их самоотношения [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 30–43. DOI:10.17759/psylaw.2023130303

Psychological Correction and Prevention of Destructive Behavior of Minors in a Pre-Trial Detention Facility, Taking into Account the Peculiarities of Their Self-Attitude

Alexandra V. Vetra

Security Direction of State Scientific Center named after V.P. Serbsky of Department of the Federal Penitentiary Service of Russia in Moscow, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2959-814>, s_vetra@mail.ru

Irina S. Ganishina

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

The article shows the relevance of the problem of the influence of pre-trial detention conditions on the personality and behavior of minors. Some aspects of step-by-step correction and prevention of destructive behavior of minors in a pre-trial detention facility, taking into account the peculiarities of their self-attitude for the purpose of successful re-socialization, are considered. The pilot study involved 48 juvenile suspects, accused persons convicted of grave and especially grave articles held in pre-trial detention facilities of the penal system of the Russian Federation. The results of the evaluation of the experiment are described, namely, the use of a step-by-step structured psychological program, on the basis of which it is concluded that timely and structured correction and prevention of destructive behavior of minors in a pre-trial detention facility can contribute to positive changes in their attitude to themselves, self-organization of behavior and relationships with other people, predicting the consequences of their actions and emerging contacts with others, reduction of internal conflicts, self-acceptance, development of constructive reflection. The results of the study are of practical importance for the psychological services of institutions of the penal system, as well as specialists engaged in psychological support of juvenile offenders.

Keywords: correction and prevention, destructive behavior, self-attitude, minors, adolescents, suspects, accused, convicted persons, conditions of a pre-trial detention center, forced isolation.

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологическая коррекция и профилактика
деструктивного поведения несовершеннолетних
в условиях следственного изолятора с учетом
особенностей их самоотношения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 30–43

Vetra A.B., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Correction and Prevention
of Destructive Behavior of Minors in a Pre-Trial
Detention Facility, Taking into Account
the Peculiarities of Their Self-Attitude
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 30–43

For citation: Vetra A.B., Ganishina I.S., Maryin M.I. Psychological Correction and Prevention of Destructive Behavior of Minors in a Pre-Trial Detention Facility, Taking into Account the Peculiarities of Their Self-Attitude. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 30–43. DOI:10.17759/psylaw.2023130303 (In Russ.).

Введение

Психолого-социальная роль условий и режима содержания в следственном изоляторе для несовершеннолетних заключается в формировании у них установки на соблюдение правил и норм поведения, принятых в обществе. Однако для становления поведения и личностных особенностей представляет опасность наличие в местах лишения свободы криминальной субкультуры, влиянию которой несовершеннолетние особо подвержены в силу своих возрастных особенностей. Следование криминальной субкультуре закрепляет у несовершеннолетних отсутствие критического отношения к себе и другим, позитивную оценку своих асоциальных поступков, деформацию ценностной сферы, а лишение свободы, привлечение к уголовной ответственности изменяют привычный образ жизни подростка. Психологическое влияние условий содержания в следственном изоляторе может оказывать негативное воздействие на личность и самоотношение несовершеннолетнего, деформируя его. В этот сложный жизненный период ему особенно нужна помощь, искреннее заинтересованное участие в его судьбе и психологическая поддержка [4; 6]. Поэтому первостепенная задача специалистов заключается в своевременной психологической коррекции и последующей профилактике деструктивного поведения несовершеннолетних, находящихся в условиях следственного изолятора.

В трудах отечественных психологов (А.И. Ушатиков [20], А.В. Пищелко [15], Д.В. Сочивко [15], Ю.М. Антонян [1], М.С. Арефина [2], М.В. Прохорова [17] и др.) указывается на необходимость учитывать сотрудниками исправительных учреждений отношение подозреваемых, обвиняемых и осужденных к совершенным преступлениям и к самому себе (наличие/отсутствие чувства раскаяния, вины, стыда и др.) с целью решения проблемы их адаптации и последующего исправления. Ряд психологов сходятся во мнении, что позитивное самоотношение выражается в интегрированном положительном принятии самого себя, определяет целостность и единство личности, упорядочивает ценностные ориентации, мотивы, цели и поведение [4].

М.Г. Дебольский, Д.В. Мельникова, А.С. Месниченко [9] исследовали особенности психических состояний несовершеннолетних в условиях следственного изолятора и воспитательной колонии. Е.В. Васько [3], Ф.С. Сафуановым [19], О.А. Падун [14], Л.Б. Морозовой [13], Д.Н. Кротовой [11], Л.В. Ковтуненко [10] изучались особенности личности и поведения несовершеннолетних в условиях изоляции, местах лишения свободы. И.А. Горьковая, А.В. Микляева [8], А.А. Глебова [7], Е. Diener [22], W. Mischel [23], S. Bibi, S. Masood, V. Mussawar, A. Khaliq [21] в своих исследованиях описывали взаимосвязь особенностей самооценки и самоотношения несовершеннолетних правонарушителей с деструктивным поведением. В.М. Поздняков [16] внес большой вклад в изучение деструктивного поведения и субкультурной деформированности личности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. В трудах данных психологов прослеживается ряд психологических проблем, которые возникают на разных этапах отбывания наказания, однако в их исследованиях не представлены конкретные предложения по способам коррек-

ции и профилактике деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора.

Коррекцию и профилактику деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора было решено осуществлять с учетом особенностей их самооотношения, так как подробный теоретический анализ отечественной и зарубежной литературы позволил сделать вывод о том, что данная психологическая категория является одной из основ успешного становления личности и исправления несовершеннолетних, а концепция когнитивного подхода в психологии объясняет взаимосвязь системы отношений, убеждений и поведения [5].

Недостаточная теоретическая и методологическая база, структурирующая и описывающая особенности и конкретные этапы коррекции и профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора, обуславливает необходимость и актуальность выбора темы исследования.

Цель исследования — разработка и внедрение психологической программы коррекции и профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что своевременная коррекция и профилактика деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора может способствовать положительным изменениям в их отношении к самому себе, самоорганизации поведения и отношениях с другими людьми, прогнозировании последствий своих действий и возникающих контактов с окружающими, снижению внутренних конфликтов, принятии себя таким, какой есть, во всей полноте поведенческих проявлений — от осознания достоинств до самокритики и развития конструктивной рефлексии.

Структура и методы исследования

Реализация экспериментального исследования осуществлялась в несколько этапов.

1. Подбор психодиагностического инструментария, формирование выборки из числа несовершеннолетних, находящихся в условиях следственного изолятора. В исследовании использовались общепсихологические методы: праксиметрический метод, включенное наблюдение, тестирование при помощи методики исследования самооотношения В.В. Столина, С.Р. Панталева.
2. Проведение психодиагностического исследования.
3. Применение психологической программы с экспериментальной группой несовершеннолетних в условиях следственного изолятора с целью коррекции и профилактики деструктивного поведения.
4. Проведение повторного психодиагностического исследования экспериментальной и контрольной групп с целью изучения динамики изменений поведенческих особенностей несовершеннолетних после участия в психологической программе.
5. Математическая обработка полученных психодиагностических данных, которая проводилась при помощи Т-критерия Вилкоксона, U-критерия Манна—Уитни; использовались программы STATISTICA 10.0, Psychometric Expert 9.1.0; описание результатов исследования.

Результаты исследования

В экспериментальном исследовании приняли участие 48 несовершеннолетних, содержащихся в ФКУ СИЗО-5 УФСИН России по г. Москве, ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Мос-

ковской области и ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Тверской области, мужского пола, в возрасте 17 лет (61%), 16 лет (23%), 15 лет (13%), 14 лет (3%). Характеристика их преступлений выглядит следующим образом: преступления против жизни и здоровья, против половой свободы личности (ст. 105, ст. 111, ст. 131, ст. 132, ст. 162 УК РФ) — 68%; преступления против собственности (ст. 158, ст. 161 УК РФ) — 20%; преступления, связанные с незаконным приобретением, хранением наркотических средств (ст. 228 УК РФ), — 12%. При изучении особенностей соблюдения требований и обязанностей в учреждении выявлено, что 46% несовершеннолетних нарушали режим содержания; 38% состояли на профилактическом учете в учреждении (склонные к суициду и членовредительству, к нарушению режима и порядка в учреждении, к употреблению наркотических веществ).

Включенные в группы участники также отвечали критериям: отсутствие учета у невропатолога и психиатра; содержание в следственном изоляторе не более 3 месяцев со дня первичного заключения. Формирование выборки испытуемых осуществлялось в соответствии с критерием операциональной валидности, внешней валидности и эквивалентности испытуемых (6 экспериментальных и 6 контрольных групп по 4 участника). Продолжительность и интенсивность психологического воздействия соотносилась с возрастными и индивидуально-психологическими особенностями участников, а также особенностями камерного режима содержания в следственном изоляторе (4—6 человек в камере). Планирование исследования осуществлялось с соблюдением внешней и внутренней валидности эксперимента с использованием простого плана для двух групп с предварительным тестированием.

На основании индивидуально-психологических особенностей и самоотношения несовершеннолетних, находящихся в условиях следственного изолятора, была составлена психологическая программа профилактики и коррекции деструктивного поведения.

Продолжительность и интенсивность психологической программы соотносилась с особенностями камерного режима содержания в следственном изоляторе, возрастными и индивидуально-психологическими особенностями участников. Программа осуществлялась в соответствии со следующими тематическими блоками, составляющими ее структуру.

1. *Подготовительный блок* (включает два этапа). Первым этапом работы психолога с несовершеннолетним является преодоление стрессовой ситуации, связанной с попаданием в условия изоляции от общества. Данный период характеризуется эмоциональным потрясением, которое может проявляться по-разному (апатия, депрессивные состояния, агрессия, обида, злость и др.). Поэтому психолог в ходе первичного консультирования должен создать благоприятную доверительную обстановку, предоставить несовершеннолетнему возможность выговориться, оказать поддержку и предложить необходимую помощь в рамках своей компетенции.

Вторым этапом подготовительного блока является адаптация несовершеннолетнего к условиям следственного изолятора. Подросток неожиданно вырван из привычного ему мира и помещен в незнакомые условия, включающие как взаимодействие с администрацией учреждения, соблюдение непривычных режимных требований, так и взаимоотношения со спецконтингентом. Важно объяснить несовершеннолетнему, что адаптация и его переживания по этому поводу новы и нормальны, и не допустить его влечение к «тюремной романтике». Также основным моментом является формирование у несовершеннолетних мотивации к личностным изменениям. В противном случае несовершеннолетний может рассматривать психолога как сторонника администрации учреждения, а не специалиста, который может по-

мочь. Блок предусматривает как проведение групповых бесед, так и индивидуальный формат работы.

2. *Просветительский (информационно-теоретический) блок.* Задачи данного блока состоят в проведении информационных лекций с несовершеннолетними с целью развития у них интереса к личностным изменениям и информирования об основных способах их реализации. Такие занятия позволяют дать несовершеннолетним теоретические знания согласно поставленным целям, расширить их кругозор, пробудить интерес к психологическим аспектам жизнедеятельности, сформировать рациональное мнение о полученных сведениях.

3. *Психокоррекционный блок.* Цель и суть данного блока состоит в коррекции негативных поведенческих характеристик несовершеннолетних, в том числе и самоотношения, в развитии конструктивных личностных ресурсов. Формы данного направления — групповой психологический тренинг, групповые занятия, индивидуальные психокоррекционные занятия с использованием техник когнитивно-поведенческой психотерапии.

Групповой психологический тренинг представляет собой совокупность методов практической психологии, способствующих формированию навыков саморазвития. Психологическому тренингу было отведено 12 занятий, целью которых являлась коррекция деструктивных характеристик поведения и формирование позитивных показателей самоотношения.

Групповые занятия представлены арт-терапевтическими методиками (рисуночные техники, сказкотерапия, метафорические карты), когнитивно-поведенческими техниками, групповыми дискуссиями и беседами, фильмотерапией (просмотр кинофильмов с последующим обсуждением, направленный на формирование у несовершеннолетних мотивации к работе над собой), книготерапией. То есть данная форма работы представляет собой совокупность заданий, направленных на практико-активное решение задач, поставленных в рамках программы.

Индивидуальные психокоррекционные занятия с использованием техник когнитивно-поведенческой психотерапии предполагают работу с негативными и антисоциальными (дисфункциональными) убеждениями несовершеннолетних, их верификацию и когнитивную реструктуризацию. В рамках индивидуальной работы устанавливается наиболее благоприятный микроклимат между подростком и психологом, способствующий улучшению эмоционального состояния, детальной проработке личностных и поведенческих проблем.

4. *Психопрофилактический блок.* Блок представляет собой одно из основных направлений оказания психологической помощи, задачей которого является профилактика форм деструктивного поведения, недопущение вовлечения несовершеннолетнего в криминальную субкультуру, предотвращение негативного отношения к персоналу учреждения и оказываемым психолого-воспитательным воздействиям в процессе коррекции негативных поведенческих характеристик. Формы блока представлены лекционными занятиями с элементами дискуссии.

5. *Заключительный блок.* Данный блок представлен формой групповых бесед, цель которых заключается в формулировании выводов, подведении итогов проделанной работы, а главное — в составлении рекомендаций для дальнейшей самостоятельной работы участников программы по проблемным (тяжело формирующимся и поддающимся изменению) аспектам поведения.

Важной задачей блока является доведение до несовершеннолетних значимости самовоспитания и самостоятельной работы в развитии своей личности и профилактике деструктивного поведения. Данный способ работы над собой наиболее эффективен и реализуем в усло-

виях следственного изолятора при помощи чтения литературы. Чтение является эффективным спутником подростка на всех этапах нахождения в местах лишения свободы. С помощью литературы происходит духовное развитие личности, формируется умение контролировать свое поведение и собственные поступки, что, следовательно, способствует становлению положительных установок в поведении, адаптивных убеждений, позитивного самоотношения и правопослушного образа жизни. Поэтому рекомендуется создание специальных библиотек на базе следственных изоляторов, где содержатся лица подросткового возраста. Подобные библиотеки должны исключать литературу, содержащую элементы агрессии, насилия, сцены самоубийства и иного деструктивного поведения (это касается не только современных произведений, важно тщательно анализировать и классическую литературу). Желательно включать в нее книги, которые повествуют о примерах дружбы, любви, силы духа и воли, героизма, милосердия, достижения благих целей и иных социально-положительных характеристик человека. Подобную литературу рекомендуется выдавать несовершеннолетним при поступлении в следственный изолятор, исходя из особенностей эмоционального состояния, уровня интеллекта, а также целей, которые стремится достичь психолог при воздействии на личность [12].

Оценка эффективности применения психологической программы осуществлялась при помощи процедуры сравнения результатов первичной и повторной психологической диагностики. Показатели значимости различий по диагностируемым параметрам до и после психологического воздействия свидетельствуют об эффективности предлагаемой программы коррекции и профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора.

Диагностика на контрольном этапе проводилась с использованием аналогичного психодиагностического инструментария. Полученные результаты были интерпретированы и обработаны при помощи методов математической статистики. Проверка значимости различий между группами после эксперимента проводилась с помощью U-критерия Манна—Уитни. Для проверки статистической значимости различий выраженности психологических особенностей до и после участия несовершеннолетних в программе мы использовали T-критерий Вилкоксона.

Анализируя средние значения статистически значимых различий показателей самоотношения несовершеннолетних в контрольной и экспериментальной группах до применения программы можно сделать вывод, что практически по всем структурным элементам не выявлено статистически значимых различий, кроме показателя самоуверенности ($U=177$; $p<0,01$), который, на наш взгляд, обусловлен личностными особенностями несовершеннолетних, участвующих в эксперименте. В связи с этим считаем нецелесообразным учитывать данный показатель при оценке эффективности программы.

Средние значения статистически значимых различий показателей самоотношения несовершеннолетних в контрольной и экспериментальной группах после применения программы представлены в табл. 1.

Анализ результатов с применением U-критерия Манна—Уитни показал статистически значимые различия после проведения эксперимента только по показателям «саморуководство» ($U = 105,5$; $p<0,001$), «отраженное самоотношение» ($U = 128,5$; $p<0,001$) и «внутренняя конфликтность» ($U = 190,5$; $p<0,05$). Однако выявленные статистические изменения по дан-

ным показателям самооотношения за небольшой промежуток психологического сопровождения представляется значимым для нашего психологического исследования.

Статистическая проверка значимости различий в контрольной группе несовершеннолетних до и после проведения эксперимента показала отсутствие различий по диагностируемым показателям.

Таблица 1

Значимость различий между показателями самооотношения несовершеннолетних контрольной и экспериментальной групп после эксперимента

Шкалы методики исследования самооотношения	Средние значения					
	Э. Г.	К. Г.	U	Z	Уровень значимости	p
Открытость	6,88	6,75	275	0,26	0,79298364	
Самоуверенность	8,92	10,58	145	-3,00	0,00273250	**
Саморуководство	8,50	6,88	105,5	3,85	0,00011845	***
Отраженное самооотношение	7,46	5,83	128,5	3,32	0,00089120	***
Самоценность	8,42	8,21	284	0,07	0,94127007	
Самопринятие	8,08	7,17	224	1,33	0,18264362	
Самопривязанность	7,21	7,13	277,5	0,21	0,83230564	
Внутренняя конфликтность	5,83	6,88	190,5	-2,02	0,04298504	*
Самообвинение	5,79	4,46	198,5	1,85	0,06445869	

Примечание: «*» — различия на уровне значимости $p < 0,05$; «**» — различия на уровне значимости $p < 0,01$; «***» — различия на уровне значимости $p < 0,001$.

Результаты проверки изменений экспериментальной группы до и после участия в психологической программе представлены в табл. 2.

Можем отметить значительные изменения между первым и последним измерениями в экспериментальной группе по показателям открытости ($T=6$; $p<0,01$), саморуководства ($T=0$; $p<0,001$), самооценности ($T=3$; $p<0,01$), отраженного самооотношения ($T=0$; $p<0,001$), самопринятия ($T=0$; $p<0,001$), внутренней конфликтности ($T=0$; $p<0,001$), самопривязанности ($T=0$; $p<0,001$). То есть есть основания полагать, что психологическая программа, направленная на коррекцию и профилактику деструктивного поведения, может способствовать развитию у несовершеннолетних внутренней честности, открытости, самокритики, самоорганизации поведения и отношений с другими людьми, прогнозирования последствий своих действий и возникающих контактов с окружающими, позитивного представления о способности вызвать у других людей уважение, ощущения легкости установления деловых и личных контактов, ощущения ценности собственной личности, согласия с внутренними побуждениями, снижению внутренних конфликтов, принятию себя таким, какой есть, во всей полноте поведенческих проявлений от осознания достоинств до самокритики и развития конструктивной рефлексии.

Отсутствие выраженной динамики по показателям самоуверенности и самообвинения, на наш взгляд, связано с особенностями подросткового возраста, выражающимися в стремлении несовершеннолетних к самостоятельности и независимости, к удовлетворению своих по-

требностей. В связи с этим показатель самоуверенности выступает как компенсация отсутствия конструктивных навыков и умений достижения желаемых результатов и удовлетворения желаемого, а показатель сниженного самообвинения — как защитный механизм, позволяющий существовать такой характеристике, как самоуверенность. Для существенного изменения всех показателей самооотношения, несомненно, требуется более продолжительное время. Однако уже достигнутые нами изменения дают основания полагать, что проведенное психологическое воздействие активизировало необходимые внутриличностные процессы формирования позитивного самооотношения несовершеннолетних и, как следствие, снижение деструктивных проявлений в поведении.

Таблица 2

Значимость различий между показателями самооотношения несовершеннолетних экспериментальной группы до и после экспериментального исследования

Шкалы методики исследования самооотношения	Средние значения					
	Э: до	Э: после	T	Z	Уровень значимости	p
Открытость	6,17	6,88	6	2,59	0,00963341	**
Самоуверенность	8,88	8,92	50	0,16	0,87529128	
Саморуководство	6,79	8,50	0	3,52	0,00043784	***
Отраженное самооотношение	6,08	7,46	0	3,82	0,00013186	***
Самоценность	7,63	8,42	3	2,82	0,00474206	**
Самопринятие	6,88	8,08	0	3,52	0,00043784	***
Самопривязанность	6,08	7,21	0	3,62	0,00029310	***
Внутренняя конфликтность	8,33	5,83	0	3,82	0,00013186	***
Самообвинение	4,71	5,79	80	1,76	0,07772159	

Примечание: «**» — различия на уровне значимости $p < 0,01$; «***» — различия на уровне значимости $p < 0,001$.

Результаты исследования внедрены в деятельность следственных изоляторов по г. Москве, Московской, Рязанской, Тверской и Курской областям, Можайской воспитательной колонии.

Ограничения исследования

Ограничения исследования определяются небольшим количеством респондентов выборки, а также ее характером: в исследовании принимали участие несовершеннолетние мужского пола, однако возможно имеют место гендерно обусловленные особенности профилактики деструктивного поведения в зависимости от самооотношения. Также относительная краткосрочность пребывания несовершеннолетних в следственном изоляторе не позволяет проводить качественное лонгитюдное исследование поведенческих и личностных изменений в ходе психологического сопровождения. Возможно, научную значимость имеет разработка алгоритма исследования эффективности психологических интервенций с несовершеннолетними, находящимися на разных этапах отбывания наказания, в том числе при их этапировании

в колонии общего режима и назначении наказания, не связанного с изоляцией от общества. Преодоление этих ограничений составляет перспективу нашего дальнейшего исследования.

Заключение

Таким образом, данные эксперимента показали, что своевременная и структурированная коррекция и профилактика деструктивного поведения несовершеннолетних в условиях следственного изолятора могут способствовать положительным изменениям в их отношении к самому себе, самоорганизации поведения и отношениях с другими людьми, прогнозированию последствий своих действий и возникающих контактов с окружающими, снижению внутренних конфликтов, принятию себя таким, какой есть, во всей полноте поведенческих проявлений от осознания достоинств до самокритики и развития конструктивной рефлексии, что, несомненно, важно для успешной ресоциализации.

Практикующим психологам, осуществляющим психологическое сопровождение несовершеннолетних в условиях следственного изолятора, для достижения задач по коррекции и профилактике деструктивного поведения можем рекомендовать придерживаться следующих этапов: подготовительный (преодоление стрессовой ситуации в связи с попаданием в условия изоляции, адаптация, мотивация), просветительский (развитие интереса к личностным изменениям, предоставление теоретических знаний), психокоррекционный (групповой психологический тренинг, групповые занятия, индивидуальные психокоррекционные занятия с использованием техник когнитивно-поведенческой психотерапии), психопрофилактический (недопущение вовлечения несовершеннолетнего в криминальную субкультуру и на путь деструктивного поведения), заключительный (формулирование выводов, рекомендаций для самостоятельной работы в развитии личности).

Литература

1. *Антонян Ю.М., Антонян Е.А.* Личность преступника и профилактика преступлений: Монография. М.: Проспект, 2023. 224 с.
2. *Арефина М.С.* Изучение личности несовершеннолетнего, преступившего закон: Учебное пособие. Архангельск: КИРА, 2016. 69 с.
3. *Васкэ Е.В.* Несовершеннолетние правонарушители: типология, методы психологического взаимодействия и коррекции: Научно-практическое пособие. Нижний Новгород, 2020. 204 с.
4. *Вэтра А.В.* Самоотношение подростков в условиях принудительной изоляции: Дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2021. 187 с.
5. *Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.* Психологические особенности самоотношения несовершеннолетних, подозреваемых, обвиняемых, осужденных за насильственные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 91–102. doi:10.17759/psylaw.2022120108
6. *Вэтра А.В., Ганишина И.С., Сорокоумова С.Н.* Формирование позитивного самоотношения у несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных: Монография. Ульяновск: Зебра, 2022. 166 с.
7. *Глебова А.А.* Социально-психологические особенности формирования просоциальности у подростковых лидеров отрицательной направленности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 185–194. doi:10.17759/psylaw.2022120414

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологическая коррекция и профилактика
деструктивного поведения несовершеннолетних
в условиях следственного изолятора с учетом
особенностей их самоотношения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 30–43

Vetra A.B., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Correction and Prevention
of Destructive Behavior of Minors in a Pre-Trial
Detention Facility, Taking into Account
the Peculiarities of Their Self-Attitude
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 30–43

8. *Горьковая И.А., Микляева А.В.* Сравнительно-исторический анализ самооценки подростков с устойчивым противоправным поведением (1996, 2004 и 2020 г.) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 171–184. doi:10.17759/psylaw.2022120413
9. *Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.* Выявление психических состояний несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как предпосылка профилактики их деструктивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 35–50. doi:10.17759/psylaw.2020100204
10. *Ковтуненко Л.В.* Личность несовершеннолетнего осужденного: уголовно-правовая, социально-педагогическая, психологическая характеристики. Воронеж: Научная книга, 2013. 169 с.
11. *Кротова Д.Н.* Влияние возрастных особенностей несовершеннолетних на их адаптацию к условиям изоляции в учреждениях УИС // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, 4–6 апреля 2018 г. Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2018. С. 253–254.
12. *Купцов И.И., Пивоварова Т.В.* Рациональные пути исправления несовершеннолетних осужденных // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 26–34.
13. *Морозова Л.Б.* Развитие субъектности подростков в условиях социальной изоляции методом дистантной психологической помощи: на примере воспитательной колонии для несовершеннолетних: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2005. 20 с.
14. *Падун О.А.* Психологические особенности личности несовершеннолетних, осужденных за совершение корыстно-насильственных преступлений: Дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 163 с.
15. *Пицелко А.В., Сочивко Д.В.* Реадаптация и ресоциализация. М.: ПЕР СЭ, 2003. 207 с.
16. *Поздняков В.М.* Субкультурно-деструктивные проявления несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, и психологические пути их изучения [Электронный ресурс] // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Том 14. № 3 (130). С. 34–42. doi:10.17922/2071-5323-2015-14-3-34-42
17. *Прохорова М.В.* Отношение осужденных несовершеннолетних к наказанию в виде лишения свободы: Учебное пособие. Томск: Издательство ТГПУ, 2013. 72 с.
18. *Путинцева Н.В.* Консилиум / Совет профилактики в формате восстановительной программы «Круг сообщества» в Центрах содействия семейному воспитанию // Вестник восстановительной юстиции. 2023. № 17. С. 73–75.
19. *Сафуанов Ф.С., Васкэ Е.В.* Психологический анализ мотивации преступных действий несовершеннолетних правонарушителей при совершении групповых и индивидуальных деликтов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 123–135.
20. *Ушатиков А.И.* Криминальная психология в УИС: Учебное пособие. Рязань: Академия ФСИН России, 2010. 305 с.
21. *Bibi S., Masood S., Mussawar B., Khaliq A.* Relationship between Self Concept and Deviant Behavior among Adolescents // Scientific Journal of Neurology & Neurosurgery. 2021. Vol. 7(1). P. 7–13.
22. *Diener E.* Deindividuation, self-awareness, and disinhibition // Journal of Personality and Social Psychology. 1979. Vol. 37(7). P. 1160–1171.
23. *Mischel W.* Personality and assessment. New York: Wiley, 1968. P. 126–261.

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологическая коррекция и профилактика
деструктивного поведения несовершеннолетних
в условиях следственного изолятора с учетом
особенностей их самооотношения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 30–43

Vetra A.B., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Correction and Prevention
of Destructive Behavior of Minors in a Pre-Trial
Detention Facility, Taking into Account
the Peculiarities of Their Self-Attitude
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 30–43

References

1. Antonyan Yu.M., Antonyan E.A. Lichnost' prestupnika i profilaktika prestuplenii: Monografiya. Moscow: Prospekt, 2023. 224 p. (In Russ.).
2. Arefina M.S. Izuchenie lichnosti nesovershennoletnego, prestupivshogo zakon: Uchebnoe posobie. Arkhangel'sk: KIRA, 2016. 69 p. (In Russ.).
3. Vaske E.V. Nesovershennoletnie pravonarushiteli: tipologiya, metody psikhologicheskogo vzaimodeistviya i korrektsii: Nauchno-prakticheskoe posobie. Nizhny Novgorod, 2020. 204 p. (In Russ.).
4. Vetra A.V. Samoотношение подростков в условиях принудительной изоляции: Diss. kand. psikhol. nauk. Ryazan, 2021. 187 p. (In Russ.).
5. Vetra A.V., Ganishina I.S., Maryin M.I. Psikhologicheskie osobennosti samoотношения nesovershennoletnikh, podozrevaemykh, obvinyaemykh, osuzhdennykh za nasil'stvennyye prestupleniya [Psychological Characteristics of Self-attitude of Juvenile Suspects, Accused, Convicted of Violent Crimes] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 91–102. doi:10.17759/psylaw.2022120108 (In Russ.).
6. Vetra A.V., Ganishina I.S., Sorokoumova S.N. Formirovanie pozitivnogo samoотношения u nesovershennoletnikh podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh: Monografiya. Ulyanovsk: Zebra, 2022. 166 p. (In Russ.).
7. Glebova A.A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti formirovaniya prosotsial'nosti u podrostkovykh liderov otritsatel'noi napravlenosti [Socio-Psychological Features of the Prosociality Formation in Adolescent Leaders with Negative Orientation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 185–194. doi:10.17759/psylaw.2022120414 (In Russ.).
8. Gorkovaya I.A., Miklyaeva A.V. Sravnitel'no-istoricheskii analiz samoотношения подростков s ustoichivym protivopravnym povedeniem (1996, 2004 i 2020 g.) [Comparative-Historical Analysis of the Self-Esteem in Adolescents with Persistent Illegal Behavior (1996, 2004 and 2020)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 171–184. doi:10.17759/psylaw.2022120413 (In Russ.).
9. Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S. Vyyavlenie psikhicheskikh sostoyanii nesovershennoletnikh obvinyaemykh i osuzhdennykh kak predposylka profilaktiki ikh destruktivnogo povedeniya [Identification of the Mental States of Minors Accused and Convicted as a Precondition for Preventing Their] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–50. doi:10.17759/psylaw.2020100204 (In Russ.).
10. Kovtunen L.V. Lichnost' nesovershennoletnego osuzhdennogo: ugolovno-pravovaya, sotsial'no-pedagogicheskaya, psikhologicheskaya kharakteristiki. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2013. 169 p. (In Russ.).
11. Krotova D.N. Vliyanie vozrastnykh osobennostei nesovershennoletnikh na ikh adaptatsiyu k usloviyam izolyatsii v uchrezhdeniyakh UIS. *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 4–6 aprelya 2018 g. Perm: FKOU VO Permskii institut FSIN Rossii Publ., 2018, pp. 253–254. (In Russ.).
12. Kuptsov I.I., Pivovarova T.V. Ratsional'nye puti ispravleniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh [Rational ways to improve the juvenile offenders]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2013, no. 3, pp. 26–34. (In Russ.).

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологическая коррекция и профилактика
деструктивного поведения несовершеннолетних
в условиях следственного изолятора с учетом
особенностей их самоотношения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 30–43

Vetra A.B., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Correction and Prevention
of Destructive Behavior of Minors in a Pre-Trial
Detention Facility, Taking into Account
the Peculiarities of Their Self-Attitude
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 30–43

13. Morozova L.B. Razvitie sub'ektnosti podrostkov v usloviyakh sotsial'noi izolyatsii metodom distantnoi psikhologicheskoi pomoshchi: na primere vospitatel'noi kolonii dlya nesovershennoletnikh: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Nizhny Novgorod, 2005. 20 p. (In Russ.).
14. Padun O.A. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti nesovershennoletnikh, osuzhdennykh za sovershenie korystno-nasil'stvennykh prestuplenii: Diss. kand. psikhol. nauk. Rostov-on-Don, 2005. 163 p. (In Russ.).
15. Pishchelko A.V., Sochivko D.V. Readaptatsiya i resotsializatsiya. Moscow: PER SE, 2003. 207 с. (In Russ.).
16. Pozdnyakov V.M. Subkul'turno-destruktivnye proyavleniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v vospitatel'nykh koloniyakh, i psikhologicheskie puti ikh izucheniya [Subcultural-destructive manifestations of convicted minors serving sentences in young offenders' institutions, and psychological ways to study] [Elektronnyi resurs]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = Scientific Notes of the Russian State Social University*, 2015. Vol. 14, no. 3 (130), pp. 34–42. doi:10.17922/2071-5323-2015-14-3-34-42 (In Russ.).
17. Prokhorova M.V. Otnoshenie osuzhdennykh nesovershennoletnikh k nakazaniyu v vide lisheniya svobody: Uchebnoe posobie. Tomsk: Izdatel'stvo TGPU, 2013. 72 p. (In Russ.).
18. Putintseva N.V. Konsilium / Sovet profilaktiki v formate vosstanovitel'noi programmy "Krug soobshchestva" v Tsentrah sodeistviya semeinomu vospitaniyu. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2023, no. 17, pp. 73–75 (In Russ.).
19. Safuanov F.S., Vaske E.V. Psikhologicheskii analiz motivatsii prestupnykh deistvii nesovershennoletnikh pravonarushitelei pri sovershenii gruppovykh i individual'nykh deliktov. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2010, no. 2, pp. 123–135. (In Russ.).
20. Ushatikov A.I. Kriminal'naya psikhologiya v UIS: Uchebnoe posobie. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii Publ., 2010. 305 p. (In Russ.).
21. Bibi S., Masood S., Mussawar B., Khaliq A. Relationship between Self Concept and Deviant Behavior among Adolescents. *Scientific Journal of Neurology & Neurosurgery*, 2021. Vol. 7, no. 1, pp. 7–13.
22. Diener E. Deindividuation, self-awareness, and disinhibition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1979. Vol. 37, no. 7, pp. 1160–1171.
23. Mischel W. Personality and assessment. New York: Wiley, 1968, pp. 126–261.

Информация об авторах

Вэтра Александра Викторовна, кандидат психологических наук, старший психолог, отдел кадров и работы с личным составом, Управление по охране ГНЦ им. В.П. Сербского УФСИН России по г. Москве (ФКУ УО ГНЦ им. В.П. Сербского УФСИН России по г. Москве), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2959-814>, e-mail: s_vetra@mail.ru

Ганишина Ирина Сергеевна, доктор психологических наук, доцент, начальник, кафедра юридической психологии и педагогики, психологический факультет, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО «Академия ФСИН России»),

Вэтра А.В., Ганишина И.С., Марьин М.И.
Психологическая коррекция и профилактика
деструктивного поведения несовершеннолетних
в условиях следственного изолятора с учетом
особенностей их самоотношения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 30–43

Vetra A.B., Ganishina I.S., Maryin M.I.
Psychological Correction and Prevention
of Destructive Behavior of Minors in a Pre-Trial
Detention Facility, Taking into Account
the Peculiarities of Their Self-Attitude
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 30–43

г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Марьин Михаил Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Information about the authors

Alexandra V. Vetra, PhD in Psychology, Elder Psychologist, Staff Department and Work with Personnel, Security Direction of State Scientific Center named after V.P. Serbsky of Department of the Federal Penitentiary Service of Russia in Moscow, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2959-814>, e-mail: s_vetra@mail.ru

Irina S. Ganishina, Doctor of Psychology, Docent, Head, Department of Legal Psychology & Pedagogy, Psychological Faculty, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, e-mail: irinaganishina@yandex.ru

Mikhail I. Maryin, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Получена 03.03.2023
Принята в печать 13.08.2023

Received 03.03.2023
Accepted 13.08.2023

Ситуационные факторы совершения сексуального насилия над детьми

Ерицян К.Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Одинокова В.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9850-9109>, e-mail: veronika.odinokova@gmail.com

Русакова М.М.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4597-2837>, e-mail: m.rusakova@spbu.ru

Отдельные аспекты сексуального насилия над детьми хорошо изучены в России и за рубежом. Это, в частности, исследования факторов риска, фокусированные на характеристиках детей, которые стали жертвами сексуального насилия, а также лиц, совершивших сексуальное насилие над детьми. При этом исследователи уделяют мало внимания ситуационным факторам, под влиянием которых преступление стало возможным. К ним относятся параметры физической и социальной среды, в которой находился ребенок в момент или в период совершения насилия, характеристики преступника, которые определили его доступ к ребенку, и ситуации, в которых наблюдение над детьми и контроль их безопасности оказались недостаточными. Стратегии профилактики должны включать просвещение и информирование родителей, опекунов и детей о рисках насилия, создание безопасной среды для детей в детских организациях и разработку общеорганизационных мер, сосредоточенных на политике, практике и стратегиях, которые могут снизить уязвимость детей и подростков и дать возможность всем взрослым играть активную роль в их защите.

Ключевые слова: сексуальное насилие, ситуационные факторы, профилактика, дети, несовершеннолетние.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 19-113-50431 «Факторы сексуального насилия над детьми: аналитический обзор теоретических моделей и результатов эмпирических исследований»). Работа выполнена на базе Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Ерицян К.Ю., Одинокова В.А., Русакова М.М.
Ситуационные факторы совершения
сексуального насилия над детьми
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 44–55

Eritsyan K.Yu., Odinkova V.A., Rusakova M.M.
Situational Factors of Child Sexual Abuse

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 44–55

Для цитаты: Ерицян К.Ю., Одинокова В.А., Русакова М.М. Ситуационные факторы совершения сексуального насилия над детьми [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 44–55. DOI:10.17759/psylaw.2023130304

Situational Factors of Child Sexual Abuse

Kseniya Yu. Eritsyan

HSE University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Veronika A. Odinkova

HSE University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9850-9109>, e-mail: veronika.odinkova@gmail.com

Maia M. Rusakova

St Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4597-2837>, e-mail: m.rusakova@spbu.ru

Certain aspects of child sexual abuse are well studied in Russia and elsewhere. These are, in particular, risk factor studies focused on the characteristics of children who have been victims of sexual abuse as well as those who have committed sexual abuse against children. Researchers pay insufficient attention to the situational factors under the influence of which the crime became possible. These include the parameters of the physical and social environment in which the child was at the time or during the commission of abuse, the characteristics of the offender that determined his or her access to the child, and situations in which monitoring of children's safety was insufficient. Prevention strategies should include educating and informing parents, guardians, and children about the risks of violence, creating a safe environment for children in children's organisations, and developing organisational measures focused on policies, practices, and strategies that can reduce the vulnerability of children and adolescents and enable all adults to play an active role in their protection.

Keywords: child sexual abuse, situational factors, prevention, children, minors.

Funding. The work was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-113-50431 “Factors of Child Sexual Abuse: An Analytical Review of Theoretical Models and Results of Empirical Research”. The work was carried out on the basis of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Eritsyan K.Yu., Odinkova V.A., Rusakova M.M. Situational Factors of Child Sexual Abuse. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 44–55. DOI:10.17759/psylaw.2023130304 (In Russ.).

Введение

Сексуальное насилие над детьми определяется как занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, который не достиг установленного законом возраста согласия. Для совершения сексуального насилия используются принуждение, сила или угрозы; злоупотребление доверием, властью или влиянием на ребенка; злоупотребление уязвимым положением

ребенка, в частности, в силу его ограниченных умственных и физических возможностей или в случае его зависимого положения [3]. Отдельные аспекты совершения сексуального насилия над детьми хорошо изучены в России и за рубежом. В частности, это факторы риска, фокусированные на личности и семейных характеристиках детей, которые стали жертвами сексуального насилия [4], а также характеристики лиц, совершивших сексуальное насилие над детьми [2].

При этом исследователи уделяют мало внимания ситуационным факторам, которые сделали совершение преступления возможным. В частности, это параметры физической и социальной среды, в которой находится ребенок, характеристики преступника, которые определили его доступ к ребенку, и ситуации, в которых наблюдение и контроль над детьми оказались недостаточными. Дефицит аналитических данных о ситуационных факторах насилия значительно сужает наши представления о природе сексуального насилия над детьми и возможных мерах его предупреждения.

Цель статьи — охарактеризовать теоретические модели и эмпирические исследования, которые направлены на оценку влияния ситуационных факторов на совершение сексуального насилия над детьми; определить новые перспективы профилактики сексуального насилия и расширить репертуар профилактических мер.

Теоретические основы изучения ситуационных факторов

До недавнего времени основным теоретическим ракурсом для объяснения причин совершения сексуального насилия над детьми был клинический [4]. Преступления рассматривались исключительно как результат сексуальной патологии — педофилии. Однако как зарубежные, так и российские исследования показывают, что этот диагноз, как и в целом любые психиатрические диагнозы, устанавливается лишь у небольшого числа преступников. Большинство из них являются «ситуационными», т. е. они совершили насилие над ребенком в значительной степени потому, что им представилась такая возможность, а не из-за неконтролируемого влечения к детям [2].

Рассмотрим, как ситуационные факторы включены в теоретические модели совершения сексуального насилия над детьми. Согласно модели Дэвида Финкелора [15], одним из четырех условий, необходимых для совершения сексуального насилия, является преодоление внешних барьеров. Эти барьеры — потенциальные свидетели или защитники, способные распознать происходящее как насилие, физические препятствия и технические меры безопасности, социальные нормы и законодательство, которые запрещают насилие и устанавливают наказания за его совершение.

В модели рационального выбора [5] утверждается, что преступник взвешивает потенциальную выгоду и риск, прежде чем совершить преступление. Выгода — удовлетворение потребностей или достижение целей. Риск — это вероятность быть пойманным, возможные наказания и социальные последствия. Исходя из анализа выгоды, риска и возможностей, преступник принимает решение о совершении преступления, если выгода превышает риск и ограничения. Ключевую роль в действиях преступника играет субъективная оценка внешних обстоятельств как благоприятных или неблагоприятных с точки зрения риска раскрытия преступления и последующего наказания, например, отсутствие надзора над ребенком и убежденность в собственной безнаказанности.

Теория рутинной активности [14] объясняет возникновение преступной деятельности на основе совпадения трех элементов: мотивированных преступников, «подходящих жертв» и отсутствия защитников. Ключевой ситуационный фактор, согласно этой теории, — наличие

«защитников», присутствующих во времени и пространстве возможного преступления. Отсутствие «защитников» относится к ситуациям, когда дети не находятся под присмотром ответственных взрослых, те не распознают признаков насилия или не предпринимают действий для защиты ребенка. Теория рутинной активности говорит о том, что насилие часто оказывается вписанным в повседневную семейную или профессиональную роль преступника, поскольку она позволяет минимизировать сложность совершения преступления.

С точки зрения теории «пространства беззакония», люди, настроенные на совершение сексуального насилия над детьми, специально выбирают Интернет как среду, которая наилучшим образом отвечает их психосоциальным и криминогенным потребностям — персональный риск снижен, а насилие над детьми нормализовано [29].

В целом, все теоретические модели, включающие ситуационные факторы насилия, содержат сходные элементы — мотивированный преступник, подходящая жертва и благоприятные для совершения преступления внешние условия. Во всех моделях преступник рассматривается как рациональное существо, которое способно как выбрать, так и отказаться от совершения насилия в зависимости от внешних обстоятельств. Это открывает новые перспективы для профилактики подобных преступлений. Рассмотрим, подтверждают ли результаты современных российских и зарубежных эмпирических исследований эти теории.

Результаты эмпирических исследований ситуационных факторов

Для систематизации данных о факторах сексуального насилия над детьми был проведен обзор российской и зарубежной научной литературы за последние 10 лет. Русскоязычные источники отбирались через РИНЦ и Google Scholar, англоязычные — через Web of Science, Scopus, PsycINFO. Для поиска русскоязычных источников использовались ключевые слова для характеристики насилия (секс* рядом с насилие OR злоупотребление OR посягательства OR приставание OR нападение OR домогательство OR растление OR эксплуатация OR принуждение) и возраста жертв (дети* OR детский* OR ребенок OR несовершеннолетние OR подросток* OR малолет*). Поиск англоязычной литературы осуществлялся по комбинации ключевых слов: sex* рядом с abuse OR assault OR molestation OR maltreatment OR victimization OR exploitation OR violen*) AND child* OR adolescent* OR adolescence* OR teen OR teenager OR juvenil* AND Factor* OR situation* OR environment* OR social. Также были просмотрены все выпуски журналов данной тематики за указанный период: «Sexual Abuse», «Journal of Child Sexual Abuse», «Child Abuse and Neglect» и «Sexual Aggression».

Для включения в обзор статья должна была соответствовать двум критериям: наличие в статье эмпирических данных или систематического обзора эмпирических исследований и наличие данных о ситуационных аспектах насилия. Особенностью российских публикаций, которые были обнаружены с помощью данного запроса, является то, что подавляющее большинство из них не содержали эмпирических данных и представляли собой проблематизирующие эссе или статьи методического характера.

Рассмотрим результаты отбора и анализа эмпирических исследований ситуационных факторов совершения сексуального насилия над детьми.

Изучая институциональные факторы, исследователи выявили следующие факторы, которые способствуют совершению насилия в детских организациях [22; 25]: плохой менеджмент и отсутствие механизмов для выявления и предотвращения насилия над детьми; недостаточная проверка сотрудников при приеме на работу; наличие в организации ролей, предполагающих проведение дополнительного времени и неформального взаимодействия взрослых и детей (менторство, коучинг, дополнительные кружки, и пр.), не обусловленные ролью кон-

такты сотрудника и ребенка за пределами деятельности организации (посещение ребенка на дому или приглашение его домой, предложение подвозить ребенка на своей машине и пр.).

Особенный риск представляет ситуационный контекст элитного спорта (спорта высших достижений), в частности, характерная для него особая система взаимоотношений, подразумевающая высокий уровень самопожертвования и культивируемая потребность в одобрении тренера, от которого зависит допуск ребенка к соревнованиям. Кроме того, юные спортсмены чаще более длительно и на близком расстоянии проводят время с тренером, что повышает их уязвимость в случае наличия у тренеров сексуального интереса к этому ребенку [6].

Другим особенным типом учреждений являются религиозные организации, наиболее подробно изученные на примере католического священничества. Основным ситуационным фактором, согласно исследованиям, является легальный доступ священника к работе с детьми [7]. Именно диспропорциональный доступ к индивидуальной работе с мальчиками, а не с девочками обуславливает то, что большинство детей, подвергшихся насилию со стороны католических священников, были мужского пола [26]. На примере свидетелей Иеговы показано, как в религиозной организации условиями совершения сексуального насилия над детьми становятся институциональная культура секретности, препятствие вмешательству светских властей, рассмотрение сексуального насилия над детьми как греха, а не как уголовного преступления, отрицание организационной ответственности за совершение насилия религиозными служителями [28].

В целом, обладание статусом и властью является фактором совершения насилия в отношении детей. Анализ случаев насилия, совершенных известными тренерами, телевизионными «звездами», преподавателями и руководителями церковных организаций показал, что особое доверие и влияние, которым они обладали, препятствовало раннему раскрытию преступления, увеличивало длительность периодов насилия и число пострадавших детей [12].

Отсутствие родительского мониторинга и надежного защитника повышает вероятность для ребенка стать жертвой сексуального насилия. Метааналитические исследования показывают, что среди множества факторов уязвимости наибольшим влиянием обладают предшествующий опыт насилия, супружеское насилие, изоляция семьи и проблемы родительского воспитания [4], а также побег из дома [16; 17]. Таким образом, контекст семейного насилия повышает вероятность стать жертвой для ребенка, а также вероятность побега ребенка, который, в свою очередь, повышает риск вовлечения в проституцию и порнографию. Репрезентативное исследование финских подростков показало, что наибольший риск стать жертвой сексуального насилия наблюдался у подростков, которые дружили с людьми намного старше их самих, при этом родители не интересовались, с кем подростки проводят время [13].

По данным исследований, место совершения насилия также является значимым фактором. Собственный дом оказывается одним из самых опасных мест для детей младшего возраста. У подростков насилие чаще происходит вне дома и со стороны людей, не являющихся членами семьи. Среди преступлений, совершенных вне семьи, более 50% агрессии произошло в пределах 2,5 км от домов преступников и 0,5 км от места жительства потерпевших [10]. В целом, чем младше ребенок, тем ближе к его дому совершается преступление.

Исследователи выделяют два сценария, которые используются преступниками для того, чтобы преодолеть барьеры для совершения преступления. Ненасильственные сценарии строятся в основном на процессе формирования доверительных отношений с жертвой или ее социальным окружением (груминг). Насильственный скрипт подразумевает, что преступник ориентируется на характеристики окружающей местности — например, безлюдные, мало

освещенные места, места с густой растительностью, общественные туалеты в торговых центрах и т. д., где им удобнее напасть на жертву [9].

К «защитникам» детей в исследованиях чаще всего относят членов семьи и других людей, которые осуществляют присмотр за ребенком. Исследования показывают, что в целом отсутствие такого защитника в жизни ребенка повышает вероятность совершения насилия [18]. Исследование среди заключенных преступников показало, что интенсивность надзора за ребенком со стороны значимых взрослых и сопротивление ребенка оказались наиболее действенными механизмами, разрушающими намерения преступника [11; 23].

Важным оказывается не только факт наличия защитников, но и их поведение. Предполагается, что присутствие поблизости возможных свидетелей снижает вероятность совершения насилия. Однако не всегда это так. Например, перенаселенность в месте проживания ребенка связана с меньшей приватностью ребенка и большей возможностью совершения в отношении него действий сексуального характера [8]. Даже когда свидетели замечали подозрительные действия преступника, они далеко не всегда вмешивались. Тем не менее, когда рядом присутствовали потенциальные защитники, насилие было менее длительным и менее жестоким, вероятно потому, что насильники оценивали свои риски как более высокие [25]. Исследования роли «защитников» говорят о необходимости более широкого просвещения родителей и специалистов, работающих с детьми, которое позволило бы им более эффективно идентифицировать ситуации риска и вмешиваться [19; 21; 24].

Распространение Интернета создало новые обширные возможности для преступников, настроенных на совершение сексуального насилия над детьми. С точки зрения теории рутинной активности, Интернет создает идеальную ситуацию преступления — мотивированный преступник, подходящая жертва и отсутствие защитника. Благодаря анонимности и возможности выдать себя за кого-то другого снижаются риски быть идентифицированным, облегчается прямой доступ к детям с помощью разнообразных социальных медиа и мессенджеров, а также многопользовательских игр. Родители часто не контролируют активность своих детей в Интернете. Как только установлен контакт с ребенком, преступник начинает процесс груминга — постепенного вовлечения в сексуальное насилие. Параллельно преступник оценивает риски раскрытия, например, задает вопросы об отношениях с родителями, о том, кто еще пользуется компьютером и т. д. [1; 20]. Помимо этого, в Интернете присутствуют триггеры совершения сексуального насилия над детьми, такие как фото и видео сцен сексуального насилия над детьми (прежде называемые термином «детская порнография») [27].

Недавние исследования показали широкое влияние макросоциального контекста на совершение сексуального насилия над детьми. В частности показано, как меры карантина и локдаун во время пандемии COVID-19 привели к тому, что люди, настроенные на совершение насилия в отношении детей, стали более настойчивы в своих попытках [18].

Заключение

Ситуационный подход в научных статьях представлен преимущественно зарубежными исследованиями, что говорит о серьезном дефиците российских эмпирических исследований, опирающихся на ситуационные подходы. При этом важно отметить высокую практическую значимость этого подхода к изучению факторов совершения сексуального насилия.

Исследования показывают, что совершение сексуального насилия над ребенком часто является рациональным выбором преступника в условиях определенной ситуации и с учетом тщательной оценки рисков. В числе ситуационных факторов, которые способствуют совершению преступления, можно перечислить: занятие взрослым позиции власти и авторитета в

отношении детей; элитарность и закрытость детской организации; неспособность свидетелей насилия распознать насильственную ситуацию и отреагировать на нее; недостаточный надзор за детьми; наличие общественных мест, где преступление может пройти незамеченным; а также виртуальная среда Интернета, в которой взрослые могут бесконтрольно вступать в контакт с детьми.

Результаты исследований показывают, что для эффективной профилактики сексуального насилия над детьми необходимо: 1) затруднить совершение насилия (например, ограничить физический доступ к детям); 2) повысить риск для преступника быть обнаруженным (усилить надзор над детьми и неотвратимость выявления и наказания); 3) снизить «выгоды» от преступления (предложить социально приемлемые альтернативы); 4) уменьшить действие «провоцирующих» преступление факторов (снизить доступность фото- и видеоматериалов, содержащих сцены сексуального насилия над детьми — «детской порнографии»); 5) снизить возможность для преступника оправдать свои действия и снять с себя ответственность (просвещение, изменение социальных норм, сексуализирующих детей и подростков) [30]. Стратегии профилактики должны включать: просвещение и информирование родителей, опекунов и самих детей о выявлении и предотвращении жестокого обращения; усиление надзора и поощрение сообщения о предполагаемом преступлении в правоохранительные органы; внедрение «политики безопасности», включая кодексы поведения и алгоритмы реагирования на насилие в детских организациях.

Необходимы дальнейшие исследования ситуационных факторов совершения сексуального насилия над детьми и разработка на их основе научно обоснованных профилактических программ и программ обучения для работников детских организаций.

Литература

1. Медведева А. С. Дозорцева Е.Г. Характеристики онлайн-груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. №. 4. С. 161–173. doi:10.17759/psylaw.2019090412
2. Паршин Н.М. Предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 210 с.
3. Сексуальное насилие и эксплуатация детей: выявление, оказание помощи и профилактика: Научно-методическое пособие / Под ред. М.М. Русаковой, В.А. Одиноковой. СПб: Скифия-Принт, 2020. 296 с.
4. Assink M., van der Put C.E., Meeuwssen M.W., de Jong N M., Oort F.J., Stams G.J.J., Hovee M. Risk factors for child sexual abuse victimization: A meta-analytic review // Psychological Bulletin. 2019. Vol. 145(5). P. 459–489. doi:10.1037/bul0000188
5. Cornish D.B., Clarke R.V.G. The reasoning criminal: Rational choice perspectives on offending // New York: Springer-Verlag Press, 1986.
6. Bjørnseth I., Szabo A. Sexual violence against children in sports and exercise: a systematic literature review // Journal of Child Sexual Abuse. 2018. Vol. 27(4). P. 365–385. doi:10.1080/10538712.2018.1477222
7. Calkins C., Fargo J., Jeglic E., Terry K. Blessed be the children: A case—control study of sexual abusers in the catholic church // Behavioral Sciences & the Law. 2015. Vol. 33(4). P. 580–594. doi:10.1002/bsl.2193

8. *Cant R.L., O'Donnell M., Sims S., Harries M.* Overcrowded housing: One of a constellation of vulnerabilities for child sexual abuse // *Child Abuse & Neglect*. 2019. Vol. 93. P. 239–248. doi:10.1016/j.chiabu.2019.05.010
9. *Chopin J., Beauregard E.* Scripting extrafamilial child sexual abuse: a latent class analysis of the entire crime-commission process // *Child Abuse & Neglect*. 2020. Vol. 106. doi:10.1016/j.chiabu.2020.104521
10. *Chopin J., Caneppele S.* Geocoding child sexual abuse: An explorative analysis on journey to crime and to victimization from French police data // *Child Abuse & Neglect*. 2019. Vol. 91. P. 116–130. doi:10.1016/j.chiabu.2019.03.001
11. *Cook A., Reynald D.M., Leclerc B., Wortley R.* Learning about situational crime prevention from offenders: Using a script framework to compare the commission of completed and disrupted sexual offenses // *Criminal Justice Review*. 2019. Vol. 44(4). P. 431–451. doi:10.1177/073401681881
12. *Erooga M., Kaufman K., Zatzkin J.G.* Powerful perpetrators, hidden in plain sight: an international analysis of organisational child sexual abuse cases // *Journal of Sexual Aggression*. 2020. Vol. 26(1). P. 62–90. doi:10.1080/13552600.2019.1645897
13. *Felson R.B.* Opportunity and the sexual abuse of adolescents // *Child Abuse & Neglect*. 2021. Vol. 122. doi:10.1016/j.chiabu.2021.105363
14. *Felson M., Cohen L.E.* Human Ecology and Crime: A Routine Activity Approach // *Human Ecology*. 1980. Vol. 8(4). P. 389–406. doi:10.1007/BF01561001
15. *Finkelhor D.* Child sexual abuse: New theory and research. New York, NY: The Free Press, 1984. 304 p.
16. *Franchino-Olsen H.* Vulnerabilities relevant for commercial sexual exploitation of children/domestic minor sex trafficking: A systematic review of risk factors // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2021. Vol. 22(1). P. 99–111. doi:10.1177/1524838018821956
17. *Kidman R., Palermo T.* The relationship between parental presence and child sexual violence: Evidence from thirteen countries in sub-Saharan Africa // *Child Abuse & Neglect*. 2016. Vol. 51. P. 172–180. doi:10.1016/j.chiabu.2015.10.018
18. *McMahan A., Roche K., Dreyhaupt R., Seto M.C., Rahm C.* Changes in sexual thoughts and behaviors in a clinical sample of child sexual abuse material users under the COVID-19 pandemic // *Sexual and Relationship Therapy*. 2023. doi:10.1080/14681994.2023.2215710
19. *McKillop N., Reynald D.M., Rayment-McHugh S.* (Re)Conceptualizing the role of guardianship in preventing child sexual abuse in the home // *Crime Prevention and Community Safety*. 2021. Vol. 23(2). doi:10.1057/s41300-020-00105-7
20. *Kloess J.A., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R.* Offense processes of online sexual grooming and abuse of children via internet communication platforms // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2019. Vol. 31(1). P. 73–96. doi:10.1177/1079063217720927
21. *Leclerc B., Chiu Y.-N., Cale J.* Sexual Violence and Abuse Against Children: A First Review Through the Lens of Environmental Criminology // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2014. Vol. 60(7). P. 743–765. doi:10.1177/0306624x14564319
22. *Leclerc B., Feakes J., Cale J.* Child sexual abuse in youth-oriented organisations: Tapping into situational crime prevention from the offender's perspective // *Crime Science*. 2015. Vol. 4(1). P. 28. doi:10.1186/s40163-015-0044-3
23. *Leclerc B., Reynald D., Wortley R., Cook A., Cale J.* An examination of noncompleted sexual offences, offenders' perceptions of risks and difficulties and related situational factors // *Journal of*

Research in Crime and Delinquency. 2022. Vol. 59(6). P. 791–819. doi:10.1177/00224278221085244

24. Leclerc B., Smallbone S., Wortley R. Prevention nearby: The influence of the presence of a potential guardian on the severity of child sexual abuse // *Sexual Abuse A Journal of Research and Treatment*. 2015. Vol. 27(2). P. 189–204. doi:10.1177/1079063213504594

25. Palmer D., Feldman V. Toward a more comprehensive analysis of the role of organizational culture in child sexual abuse in institutional contexts // *Child Abuse & Neglect*. 2017. Vol. 74. P. 23–34. doi:10.1016/j.chiabu.2017.08.004

26. Parkinson P.N., Oates R.K., Jayakody A.A. Child sexual abuse in the Anglican Church of Australia // *Journal of Child Sexual Abuse*. 2012. Vol. 21(5). P. 553–570. doi:10.1080/10538712.2012.689424

27. Paquette S., Brouillette-Alarie S., Seto M.C. Pornography use, offense-supportive cognitions, atypical sexual interests, and sexual offending against children // *The Journal of Sex Research*. 2022. Vol. 59(6). P. 792–804. doi:10.1080/00224499.2021.2023450

28. Rashid F., Barron I. Jehovah's witness's response to child sexual abuse: a critique of organisational behaviour and management policies (1989—2020) // *Journal of Sexual Aggression*. 2023. Vol. 29(1), P. 118–139. doi:10.1080/13552600.2021.2018513

29. Steel C.M., Newman E., O'Rourke S., Quayle E. Lawless space theory for online child sexual exploitation material offending // *Aggression and Violent Behavior*. 2022. Vol. 68. P. 101809. doi:10.1016/j.avb.2022.101809

30. Wortley R. A classification of techniques for controlling situational precipitators of crime // *Security Journal*. 2001. Vol. 14(4). P. 63–82. doi:10.1057/palgrave.sj.8340098

References

1. Medvedeva A. S. Dozortseva E.G. Kharakteristiki onlain-gruminga kak vida seksual'noi ekspluatatsii nesovershennoletnikh (po rezul'tatam analiza perepisok vzroslykh i detei v seti Internet) [Features of online grooming as a form of sexual exploitation of minors (based on the analysis of communication between adults and children in the Internet)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 161–173. doi:10.17759/psylaw.2019090412 (In Russ.).
2. Parshin N.M. Preduprezhdenie seksual'nykh prestuplenii, sovershaemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh: Diss. kand. yurid. nauk. Saratov, 2018. 210 p. (In Russ.).
3. Rusakova M.M., Odinkova V.A. (eds.). Seksual'noe nasilie i ekspluatatsiya detei: vyyavlenie, okazanie pomoshchi i profilaktika: Nauchno-metodicheskoe posobie. Saint Petersburg: Skifiya-Print, 2020. 296 p. (In Russ.).
4. Assink M., van der Put C.E., Meeuwssen M.W., de Jong N M., Oort F.J., Stams G.J.J., Hoeve M. Risk factors for child sexual abuse victimization: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 2019. Vol. 145, no. 5, pp. 459–489. doi:10.1037/bul0000188
5. Cornish D.B., Clarke R.V.G. The reasoning criminal: Rational choice perspectives on offending. New York: Springer-Verlag Press, 1986.
6. Bjørnseth I., Szabo A. Sexual violence against children in sports and exercise: a systematic literature review. *Journal of Child Sexual Abuse*, 2018. Vol. 27, no. 4, pp. 365–385. doi:10.1080/10538712.2018.1477222
7. Calkins C., Fargo J., Jeglic E., Terry K. Blessed be the children: A case—control study of sexual abusers in the catholic church. *Behavioral Sciences & the Law*, 2015. Vol. 33, no. 4, pp. 580–594. doi:10.1002/bsl.2193

8. Cant R.L., O'Donnell M., Sims S., Harries M. Overcrowded housing: One of a constellation of vulnerabilities for child sexual abuse. *Child Abuse & Neglect*, 2019. Vol. 93, pp. 239–248. doi:10.1016/j.chiabu.2019.05.010
9. Chopin J., Beauregard E. Scripting extrafamilial child sexual abuse: a latent class analysis of the entire crime-commission process. *Child Abuse & Neglect*, 2020. Vol. 106. doi:10.1016/j.chiabu.2020.104521
10. Chopin J., Caneppele S. Geocoding child sexual abuse: An explorative analysis on journey to crime and to victimization from French police data. *Child Abuse & Neglect*, 2019. Vol. 91, pp. 116–130. doi:10.1016/j.chiabu.2019.03.001
11. Cook A., Reynald D.M., Leclerc B., Wortley R. Learning about situational crime prevention from offenders: Using a script framework to compare the commission of completed and disrupted sexual offenses. *Criminal Justice Review*, 2019. Vol. 44, no. 4, pp. 431–451. doi:10.1177/073401681881
12. Erooga M., Kaufman K., Zatzkin J.G. Powerful perpetrators, hidden in plain sight: an international analysis of organisational child sexual abuse cases. *Journal of Sexual Aggression*, 2020. Vol. 26, no. 1, pp. 62–90. doi:10.1080/13552600.2019.1645897
13. Felson R.B. Opportunity and the sexual abuse of adolescents. *Child Abuse & Neglect*, 2021. Vol. 122. doi:10.1016/j.chiabu.2021.105363
14. Felson M., Cohen L.E. Human Ecology and Crime: A Routine Activity Approach. *Human Ecology*, 1980. Vol. 8, no. 4, pp. 389–406. doi:10.1007/BF01561001
15. Finkelhor D. Child sexual abuse: New theory and research. New York, NY: The Free Press, 1984. 304 p.
16. Franchino-Olsen H. Vulnerabilities relevant for commercial sexual exploitation of children/domestic minor sex trafficking: A systematic review of risk factors. *Trauma, Violence, & Abuse*, 2021. Vol. 22, no. 1, pp. 99–111. doi:10.1177/1524838018821956
17. Kidman R., Palermo T. The relationship between parental presence and child sexual violence: Evidence from thirteen countries in sub-Saharan Africa. *Child Abuse & Neglect*, 2016. Vol. 51, pp. 172–180. doi:10.1016/j.chiabu.2015.10.018
18. McMahan A., Roche K., Dreyhaupt R., Seto M.C., Rahm C. Changes in sexual thoughts and behaviors in a clinical sample of child sexual abuse material users under the COVID-19 pandemic. *Sexual and Relationship Therapy*, 2023. doi:10.1080/14681994.2023.2215710
19. McKillop N., Reynald D.M., Rayment-McHugh S. (Re)Conceptualizing the role of guardianship in preventing child sexual abuse in the home. *Crime Prevention and Community Safety*, 2021. Vol. 23, no. 2. doi:10.1057/s41300-020-00105-7
20. Kloess J.A., Hamilton-Giachritsis C.E., Beech A.R. Offense processes of online sexual grooming and abuse of children via internet communication platforms. *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, 2019. Vol. 31, no. 1, pp. 73–96. doi:10.1177/1079063217720927
21. Leclerc B., Chiu Y.-N., Cale J. Sexual Violence and Abuse Against Children: A First Review Through the Lens of Environmental Criminology. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2014. Vol. 60, no. 7, pp. 743–765. doi:10.1177/0306624x14564319
22. Leclerc B., Feakes J., Cale J. Child sexual abuse in youth-oriented organisations: Tapping into situational crime prevention from the offender's perspective. *Crime Science*, 2015. Vol. 4, no. 1, pp. 28. doi:10.1186/s40163-015-0044-3
23. Leclerc B., Reynald D., Wortley R., Cook A., Cale J. An examination of noncompleted sexual offences, offenders' perceptions of risks and difficulties and related situational factors. *Journal of*

Ерицян К.Ю., Одинокова В.А., Русакова М.М.
Ситуационные факторы совершения
сексуального насилия над детьми
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 44–55

Erityan K.Yu., Odinkova V.A., Rusakova M.M.
Situational Factors of Child Sexual Abuse

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 44–55

Research in Crime and Delinquency, 2022. Vol. 59, no. 6, pp. 791–819.
doi:10.1177/00224278221085244

24. Leclerc B., Smallbone S., Wortley R. Prevention nearby: The influence of the presence of a potential guardian on the severity of child sexual abuse. *Sexual Abuse A Journal of Research and Treatment*, 2015. Vol. 27, no. 2, pp. 189–204. doi:10.1177/1079063213504594

25. Palmer D., Feldman V. Toward a more comprehensive analysis of the role of organizational culture in child sexual abuse in institutional contexts. *Child Abuse & Neglect*, 2017. Vol. 74, pp. 23–34. doi:10.1016/j.chiabu.2017.08.004

26. Parkinson P.N., Oates R.K., Jayakody A.A. Child sexual abuse in the Anglican Church of Australia. *Journal of Child Sexual Abuse*, 2012. Vol. 21, no. 5, pp. 553–570. doi:10.1080/10538712.2012.689424

27. Paquette S., Brouillette-Alarie S., Seto M.C. Pornography use, offense-supportive cognitions, atypical sexual interests, and sexual offending against children. *The Journal of Sex Research*, 2022. Vol. 59, no. 6, pp. 792–804. doi:10.1080/00224499.2021.2023450

28. Rashid F., Barron I. Jehovah's witness's response to child sexual abuse: a critique of organisational behaviour and management policies (1989—2020). *Journal of Sexual Aggression*, 2023. Vol. 29, no. 1, pp. 118–139. doi:10.1080/13552600.2021.2018513

29. Steel C.M., Newman E., O'Rourke S., Quayle E. Lawless space theory for online child sexual exploitation material offending. *Aggression and Violent Behavior*, 2022. Vol. 68, pp. 101809. doi:10.1016/j.avb.2022.101809

30. Wortley R. A classification of techniques for controlling situational precipitators of crime. *Security Journal*, 2001. Vol. 14, no. 4, pp. 63–82. doi:10.1057/palgrave.sj.8340098

Информация об авторах

Ерицян Ксения Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Одинокова Вероника Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, научно-учебная лаборатория «Социология образования и науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9850-9109>, e-mail: veronika.odinkova@gmail.com

Русакова Майя Михайловна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра прикладной и отраслевой социологии, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4597-2837>, e-mail: m.rusakova@spbu.ru

Information about the authors

Kseniya Yu. Erityan, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Sociology, Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, HSE University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4400-0593>, e-mail: ksenia.eritsyan@gmail.com

Veronika A. Odinkova, PhD in Sociology, Senior Research Fellow, Laboratory of Sociology in Education and Science, Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, HSE Univer-

Ерицяи К.Ю., Одинокова В.А., Русакова М.М.
Ситуационные факторы совершения
сексуального насилия над детьми
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 44–55

Eritsyay K.Yu., Odinokova V.A., Rusakova M.M.
Situational Factors of Child Sexual Abuse
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 44–55

sity, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9850-9109>, e-mail: veronika.odinokova@gmail.com

Maia M. Rusakova, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Applied and Branch Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4597-2837>, e-mail: m.rusakova@spbu.ru

Получена 20.04.2023

Received 20.04.2023

Принята в печать 20.08.2023

Accepted 20.08.2023

Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва

Власова Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Буслаева Е.Л.

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

В статье приведен анализ результатов эмпирического исследования личностных особенностей подростков с высоким уровнем киберагрессии и их сверстников, склонных к кибервиктимизации. Теоретическим обоснованием цели работы выступают современные исследования, противоречиво характеризующие специфические черты личности подростков, проявляющих как агрессивное, так и виктимное поведение в киберсреде. В качестве респондентов исследования выступили обучающиеся 8—9-х классов общеобразовательных школ г. Москвы, из которых были сформированы три группы: подростки с высоким уровнем киберагрессии (N=29), с выраженной кибервиктимностью (N=34), имеющие нормативные показатели по данным факторам (N=30). В работе были использованы: методика «Многофакторное исследование личности (14 PF)» Р.Б. Кэттелла; тест «Уровень субъективного контроля» В.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда; опросник «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана. Результаты исследования показали наличие схожих особенностей личности у подростков с выраженными чертами как кибервиктимности, так и киберагрессивности — низкий уровень эмоциональной устойчивости и самообладания, экстернальный локус контроля и пониженная интернальность в межличностных отношениях. Также были выявлены специфические качества личности подростков для каждой из исследованных групп. Полученные данные могут найти применение в разработке программ психопрофилактики кибербуллинга в подростковой среде.

Ключевые слова: кибербуллинг, киберагрессия, кибервиктимность, личностные особенности, субъективный контроль, волевая саморегуляция.

Для цитаты: Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 56–71. DOI:10.17759/psylaw.2023130305

Cyberbullying in Adolescence: Bully and the Victim

Nataliya V. Vlasova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Elena L. Buslaeva

Moscow State Linguistic University; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

The following research analyses the results of the empirical study conducted among adolescents showing high levels of cyberbullying and their peers prone to cyber victimization. The theoretical basis for the purpose of the following research is represented by the modern studies and their conflicting profiling of the personality features specific for adolescents prone to bullying as well as victimization in cyberspace. The case study is represented by a group of eighth and ninth grade students studying in Moscow schools, the respondents were divided into three groups: those showing high levels of cyberbullying (N=29), those showing distinct cyber victim behavior (N=34), and those showing standard behavior in this area (N=30). The research is based on the following studies and methodologies: Multifactorial personality questionnaire (14 PF) by R.B. Cattell, «Level of subjective control» test by V.F. Bazhin, E.A. Golyunkina, A.M. Atkind and test by A.V. Zverkov, E.V. Eydman's "Study of voluntary self-regulation". The research has identified similar features specific for adolescents showing clear signs of cyberbullying as well as cyber victim behavior: low levels of emotional stability and self-control, external locus of control, reduced levels of internality in interpersonal relationships. The research also identifies specific personality features distinct for each group. The data collected in this study can be applied when developing programs to prevent cyberbullying among adolescents.

Keywords: cyberbullying, cyber aggression, cyber victimization, personality traits, subjective control, volitional self-regulation.

For citation: Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Cyberbullying in Adolescence: Bully and the Victim. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 56–71. DOI:10.17759/psylaw.2023130305 (In Russ.).

Введение

Стремительная динамика развития информационных технологий послужила основой для формирования цифрового пространства, где главным средством коммуникации стал Интернет. В глобальной сети, объединяющей 4 миллиарда пользователей, выстраиваются уникальные механизмы общения, которые оказывают значительное влияние на становление и развитие личности современных подростков — основных посетителей киберсреды.

Как результат трансформации части информационного поля в современный социальный институт с альтернативной формой отношений в Сети появляется множество новых видов адаптации, возникают специфические правила взаимодействия. Как отмечает Д.В. Кирюхина: «Общение в Интернете становится более поверхностным, не требующим эмоциональных контактов и ответственности за свои слова, а агрессивная сторона коммуникации начинает

доминировать и в конечном итоге занимает главенствующую позицию» [6, с. 44]. Наиболее распространенным вариантом проявления агрессии среди подростков в киберпространстве является кибербуллинг.

Определяя феномен кибербуллинга, М.С. Martínez-Monteaгudo, В. Delgado, J.M. García-Fernández, Е. Rubio характеризуют его как ярко выраженные насильственные действия, проявляющиеся в виде шантажа, угроз, издевательств, кражи частной информации и личных данных. Результатом этого могут стать катастрофические последствия для безопасности подростка, а именно: личностные и эмоциональные расстройства, снижение активности и депрессивные состояния, ослабление социальных контактов в реальной жизни и в некоторых случаях угроза физическому здоровью [17].

В то же время, по мнению Г.У. Солдатовой и С.Н. Илюхиной, понятие и определение кибербуллинга во многом являются дискуссионными, так как это особый тип девиантного поведения, имеющий ряд специфических характеристик. К ним можно отнести непредсказуемость и неожиданность действий, дистантность и изолированность субъектов друг от друга, анонимность и неравенство сил, а также механизм ролевой инверсии, т. е. смена ролей в процессе кибербуллинга [11]. Его участниками выступают агрессор, жертва и наблюдатели.

Распределение ролей в интернет-травле обусловлено различными социальными и психологическими факторами. Так, Т. Veran, Q. Li на основании результатов исследования с участием респондентов 7—9-х классов отмечают, что с кибербуллингом в общей сложности сталкиваются около 70% подростков. При этом постоянным нападениям подвергаются 21% детей, а 25% опрошенных заявляют, что часто выступают в роли агрессора [13]. Опираясь на итоги этого исследования, S. Hinduja, J.W. Patchin одновременно не выявили половых и расовых различий в выборках, представляющих как агрессоров, так и жертв кибербуллинга. Авторы пришли к выводу о том, что в равной степени мальчики и девочки, представители разных национальностей и конфессий выступают в различных ролях преследования в киберпространстве [18].

Ряд исследователей считают, что подросток, как правило, реализует в киберпространстве ту роль, которую привык исполнять в реальной жизни. В данном случае кибербуллинг является своеобразным продолжением тех отношений, которые сложились у подростков в социуме [3; 9; 12]. В то же время существует противоположная точка зрения. Так, И.Б. Бовина и Н.В. Дворянчиков обоснованно делают вывод о том, что «попытки отождествлять поведение в Сети с поведением в реальности было бы ошибочным, ибо киберпространство способствует тому, что происходит растормаживание, снижение тех барьеров, которые регулируют поведение субъекта в реальной жизни» [2, с. 98].

Также дискуссионным остается вопрос о характеристиках личности, склонной к киберагрессивному и кибервиктимному поведению. Так, М. Herrera-López, Е. Romera, R. Ortega-Ruiz в качестве причин подростковой киберагрессии называют конфликтные ситуации в семье или образовательном учреждении, массовую пропаганду жестокости и насилия в СМИ, а также отсутствие критического мышления в отношении себя и окружающих — т. е. все то, что может послужить и стимулом для проявления подростковой агрессии в реальной жизни [15].

D. Graf, T. Yanagida, K. Runions, C. Spiel в качестве причин высокой киберагрессивности у подростков выделяют повышенную возбудимость, эмоциональную неустойчивость, вспыльчивость и упрямство наравне с высоким уровнем тревожности и неадекватностью поведенческих реакций [14]. Несколько другие характеристики подростков, часто совершающих киберагрессивные действия, приводят в своих исследованиях О.А. Липовая и А.Е. Штенская. Авторы указывают на такие личностные особенности, как неустойчивость интересов, отсут-

стве увлечений и хобби, бедность ценностных ориентаций, низкий интеллектуальный уровень, неразвитость нравственных и культурных представлений, внушаемость и склонность к подражанию [7].

Высокий уровень киберагрессии у подростков, по мнению M.F. Wright, имеет связь с неустойчивостью самооценки и противоречивостью социальных потребностей [20]. У таких детей обычно наблюдается либо крайне низкая, либо максимально высокая самооценка; высокий уровень тревожности может сочетаться с неадекватно завышенными притязаниями, а страх перед социальными контактами — с желанием находиться в центре внимания окружающих.

Подчеркивая связь агрессивности со склонностью к киберагрессии, С.С. Антипина и А.В. Микляева указывают на то, что высокие показатели последней сопряжены с повышенным уровнем физической агрессии подростка. Таким образом, кибербуллинг выступает для него способом и возможностью перенесения агрессивных проявлений из реальной жизни, которая в большей степени контролируется как им самим, так и значимыми взрослыми, в онлайн-пространство [1]. Следовательно, считают авторы, склонность к киберагрессии обусловлена повышенной возбудимостью, раздражительностью, внутренним напряжением, низким уровнем самоконтроля и несформированностью процессов совладания со стрессом.

Как результат глобального вовлечения подростков в виртуальное взаимодействие посредством цифровых коммуникативных технологий в киберсреде формируется благоприятная почва для распространения буллинга. При этом анонимность и деперсонафикация, создавая ощущение безнаказанности, позволяют агрессорам свободно осуществлять деструктивные и манипулятивные действия в Сети, что усугубляет неспособность жертвы противостоять им. Согласно современным исследованиям, в более 60% случаев травли в Интернете жертвы-подростки не заявляют о своих проблемах, не ставят в известность родителей или педагогов, отгораживаются и избегают обсуждения этой темы с ровесниками. Так, А.А. Бочавер подчеркивает, что подростки редко делятся случаями столкновения с киберагрессией. Рассказывая о таких проблемах, они, с одной стороны, испытывают чувство стыда по причине стремления к самостоятельности, а, с другой стороны, многие из них сами начинают осуществлять в Сети ответные агрессивные действия [3].

В то же время, характеризуя подростков, подвергающихся постоянным агрессивным нападкам со стороны сверстников в киберпространстве, в качестве психологических предикторов следует выделить такие личностные особенности, как высокий уровень тревожности, эмоциональная лабильность, восприимчивость к неблагоприятным факторам, низкая самооценка, несформированность коммуникативных навыков. [4; 5; 20].

Так, Ф.С. Сафуанов и Н.В. Докучаева, изучая индивидуально-психологические особенности кибервиктимных лиц, выделяют «...симптомокомплекс, включающий беспокойство, неуверенность в себе, подверженность настроению, неусидчивость, неустойчивость настроения, гневливость, и определенные способы совладания и психологические защиты в психотравмирующих ситуациях: поиск эмоциональной социальной поддержки, фокусировку на эмоциях, самоограничение и проекцию» [10, с. 89].

Е.В. Нуцкова и Е.Г. Дозорцева в качестве личностных особенностей, выступающих факторами риска несовершеннолетних девочек — жертв кибергрумминга, выделяют отсутствие «...позитивного общения со сверстниками, интеллектуальный дефицит, недостаточную осведомленность в вопросах пола или, напротив, повышенный интерес к ним» [8, с. 72].

Достоинством внимания представляется мнение Т. Keipi, А. Oksanen, J. Hawdon, M. Nasi, P. Rasanen, которые отмечают, что Интернет выступает в роли привлекательной коммуника-

ционной альтернативы для эмоционально изолированных, социально отчужденных подростков или тех, кто испытывает трудности при общении со сверстниками и взрослыми в силу чрезмерной застенчивости или стеснительности [16]. Такие подростки часто одиноки, не имеют друзей и не проявляют интереса к социальной активности, что в дальнейшем может провоцировать их на осуществление агрессивных актов или, напротив, делать жертвами киберагрессии. Это позволяет говорить о наличии некоторых сходных личностных черт, которые присущи как кибервиктимным, так и киберагрессивным подросткам.

Таким образом, результаты анализа современных исследований свидетельствуют о том, что проблема диагностики психологических факторов, влияющих на формирование девиантного поведения в киберпространстве, как агрессивного, так и виктимного, остается актуальной и недостаточно изученной.

Все вышесказанное и определило цель нашего исследования — выявление личностных особенностей подростков, характеризующихся высокой степенью киберагрессии, а также их сверстников, обладающих выраженной кибервиктимностью.

Материалы и программа исследования

В исследовании приняли участие 157 подростков (86 мальчиков и 71 девочка), обучающихся общеобразовательных школ г. Москвы. Средний возраст опрошиваемых составил 15,2 (+/-1,2) лет. Сбор эмпирического материала проводился в смешанном формате, как в непосредственном контакте с детьми, так и при взаимодействии с подростковыми группами посредством Telegram-мессенджера.

На первом этапе исследования все респонденты (157 подростков) прошли тестирование для выявления уровня киберагрессии с использованием методики *Cyber-aggression typology questionnaire (CATQ)* К.С. Рунин (адаптация С.С. Антипиной). Согласно результатам обследования, у 21,7% опрошенных (34 человека) выявлен высокий интегральный уровень проявлений намеренного (по инициативным мотивам) киберагрессивного поведения. Наибольшее количество подростков, а именно, 52,3% (82 человека) продемонстрировали средний уровень по данному показателю. В то же время 26% от общего числа респондентов (41 человек) показали низкий уровень киберагрессии.

На втором этапе исследования для определения уровня подверженности кибербуллингу подростки были опрошены с помощью методики «Шкала кибервиктимизации» Д.В. Жмурова. Результаты психодиагностики позволили выявить высокий уровень кибервиктимности у 25% (39 человек), средний — у 48% (75 человек) и низкий — у 27% (43 человека).

Таким образом, в соответствии с результатами первого и второго этапов обследования, были сформированы 3 группы респондентов согласно уровню выраженности киберагрессии и кибервиктимности.

В первую группу (контрольная группа) вошли 30 подростков, которые продемонстрировали одновременно средний уровень киберагрессивности и кибервиктимности. Для получения репрезентативных и объективных результатов в данную группу не были включены респонденты с низкими показателями киберагрессивности и кибервиктимности.

Вторую группу (А-группа) составили 29 подростков, результаты обследования которых, выявили высокий уровень киберагрессивности и одновременно средний или низкий уровень кибервиктимности.

Наконец, третью группу (В-группа) составили 34 подростка с высоким уровнем кибервиктимности и результатами, не превышавшими средний уровень по показателям шкалы киберагрессии.

Следует отметить, что из общего числа респондентов, позже ставших участниками трех вышеуказанных групп, намеренно были исключены подростки (5 человек), результаты опроса которых продемонстрировали одновременно высокие показатели по шкалам киберагрессии и кибервиктимности. Эти данные, очевидно, были обусловлены неблагоприятной социально-психологической ситуацией. Ответы в этой группе детей, согласно результатам беседы с психологом, были продиктованы актуальным негативным эмоциональным состоянием — обидой, раздражением, гневом и т. д. В исследуемые группы также не были включены подростки (7 человек), продемонстрировавшие крайне низкий уровень по шкалам киберагрессии и кибервиктимности одновременно, что, на наш взгляд, обусловлено их неискренностью и стремлением продемонстрировать социально желательную позицию при тестировании.

С целью выявления различий в психологических особенностях подростков исследуемых групп использовались методики: «Многофакторное исследование личности (14 PF (подростковый вариант))» Р.Б. Кэттелла; тест «Уровень субъективного контроля» (авторы В.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткин); опросник «Исследование волевой саморегуляции» (разработка А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана).

Для обработки полученных результатов применялся статистический критерий проверки гипотез в пакете SPSS Statistics-26: непараметрический критерий Манна—Уитни для независимых выборок.

Результаты и их обсуждение

Полученные в процессе исследования результаты с применением методики «Многофакторное исследование личности (14 PF (подростковый вариант))» Р.Б. Кэттелла изложены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты методики многофакторного исследования личности (14 PF) Р.Б. Кэттелла

Показатели методики	Группа	Среднее	U-критерий (значение)	Асимптотическая значимость
Шизотемия — аффектотимия (А)	Контрольная группа	5,63	446	0,865
	А-группа	5,69		
	В-группа	6,41	404,5	0,148
Ложь (В)	Контрольная группа	5,83	506,5	0,267
	А-группа	5,48		
	В-группа	5,41	600,5	0,213
Степень эмоциональной устойчивости (С)	Контрольная группа	6,97	777	0,000***
	А-группа	4,90		
	В-группа	5,94	708	0,006**
Флегматичность — возбудимость (D)	Контрольная группа	5,23	379,5	0,385
	А-группа	5,55		
	В-группа	5,18	533,5	0,329
Подчиненность — доминирование (Е)	Контрольная группа	5,10	237,5	0,002**
	А-группа	6,57		
	В-группа	5,94	387,5	0,92

Осторожность — легкомыслие (F)	Контрольная группа	5,37	471	0,578
	А-группа	5,10		
	В-группа	4,88	604,5	0,191
Степень принятия моральных норм (G) *	Контрольная группа	5,5	588,5	0,016*
	А-группа	4,66		
	В-группа	5,41	535,5	0,725
Робость (застенчи- вость) — смелость (авантюризм) (H)	Контрольная группа	5,23	237	0,010**
	А-группа	5,90		
	В-группа	5,21	506	0,955
Реализм — сензитивность (I)	Контрольная группа	5,9	586	0,020*
	А-группа	4,79		
	В-группа	6,15	468,5	0,570
Неврастения, фактор Гамлета (J)	Контрольная группа	5,33	341	0,148
	А-группа	5,90		
	В-группа	5,71	441	0,345
Самоуверенность — склонность к чувству вины (O)	Контрольная группа	6,43	483	0,455
	А-группа	5,93		
	В-группа	6,09	573,5	0,383
Степень групповой зависимости (Q2)	Контрольная группа	5,40	484	0,449
	А-группа	5,24		
	В-группа	4,41	681,5	0,019*
Степень самоконтроля (Q3)	Контрольная группа	5,83	636	0,002**
	А-группа	4,55		
	В-группа	5,38	597,5	0,230
Степень внутреннего напряжения (Q4)	Контрольная группа	5,30	245,5	0,003**
	А-группа	6,52		
	В-группа	5,62	440	0,033

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Согласно сравнительному анализу показателей представленной методики выявлены значимые различия между респондентами исследуемых групп по шкалам: Степень эмоциональной устойчивости, Принятие моральных норм, Робость—смелость, Реализм—сензитивность, Степень групповой зависимости, Уровень самоконтроля и степень внутреннего напряжения. При этом лишь по одному показателю (степень эмоциональной устойчивости) респонденты проблемных групп (А-группа и В-группа) продемонстрировали значимые различия в сравнении с детьми из контрольной группы. Данный факт свидетельствует о том, что всем подросткам, обладающим и высоким уровнем киберагрессии, и выраженной кибервиктимностью, свойствен сниженный уровень эмоционального контроля в сравнении с их сверстниками из нормативной группы.

Следовательно, можно утверждать, что наиболее устойчивым фактором формирования киберагрессии и кибервиктимности у подростков является сниженный контроль эмоционального состояния. Как считает М.Ф. Wright, подросток, не способный справиться с негативными чувствами, нередко пытается выразить их через агрессию в киберпространстве, а при получении удовлетворения от такого действия начинает использовать этот способ все чаще; тем самым киберагрессия формируется уже как черта личности [20].

Закрепление кибервиктимности, как особенности личности, также происходит вследствие сниженного самоконтроля. Испытывая постоянное беспокойство или непринятие окружающими, ребенок демонстрирует слабость своего Я, уязвимость, неадекватность и, как результат, становится объектом насмешек, критики и проявлений агрессии, которые чаще всего реализуются в киберсреде.

Следует отметить, что результаты исследования также показывают, что подросткам из А-группы (детям с высоким уровнем киберагрессии) свойственны такие отличительные личностные черты, как высокий уровень доминирования, низкая степень принятия моральных норм, авантюризм, сниженный уровень сензитивности и самоконтроля, а также повышенный уровень внутреннего эмоционального напряжения.

Как показали результаты исследования, в качестве достоверно значимой отличительной особенности подростков из В-группы (дети с высоким уровнем кибервиктимности), можно назвать лишь высокий уровень групповой зависимости. Следовательно, дети, склонные к кибервиктимности, в большей степени, чем их ровесники, ощущают себя зависимыми от окружающих. При этом нельзя утверждать, что именно социальная зависимость является причиной кибервиктимного поведения. Можно лишь констатировать, что для этой группы подростков характерна данная личностная особенность. Таким образом, у детей, подверженных кибербуллингу, эффективность деятельности, настроение и поведение во многом зависят от оценки окружающих, их мнения и критических замечаний.

Несмотря на отсутствие достоверных различий по другим шкалам методики, можно сказать об общей тенденции в определении личностных черт, свойственных детям с высоким уровнем кибервиктимности. Так, в сравнении со сверстниками контрольной группы, им в большей степени присущи следующие качества личности: более высокий уровень осторожности (шкала F), впечатлительность и эмоциональная чувствительность (шкала I), склонность к чувству вины (шкала O).

В то же время результаты исследования не показали ожидаемых достоверных различий по фактору возбудимости (шкала D) в группе подростков с высоким уровнем киберагрессии, что в некотором смысле противоречит доминирующему обоснованию причин агрессивного поведения ребенка [3; 11]. Объясняя данный факт, можно предположить, что предикты киберагрессии и агрессии, проявляющейся в реальной жизни подростка, различны. Так, дети, не отличающиеся в социуме вызывающими поступками, не склонные к конфликтности и враждебности по отношению к окружающим, часто в онлайн-пространстве демонстрируют совершенно другие, противоположные качества. Подобными действиями они пробуют себя в другой роли, пытаясь испытать новые чувства или просто развлечься. Этот вывод подтверждается исследованиями К.С. Runions по классификации киберагрессии [19].

Также заслуживающим особого внимания представляется и тот факт, что в процессе сравнительного анализа исследуемых групп не установлено значимых различий в показателях самооценки (шкала O). Данный результат, по-видимому, можно объяснить возрастными особенностями респондентов. Подросткам в целом свойственна нестабильность в оценке себя, своих поступков и возможностей. Они зачастую испытывают противоречивые чувства,

ощущая себя, с одной стороны, взрослыми, способными строить собственные планы, с другой стороны, в случае неуспеха, стараются снять с себя ответственность и обвинить в своих просчетах других.

В связи с тем, что по результатам исследования, был выявлен показатель (степень эмоциональной устойчивости), являющийся значимым и для подростков, обладающих высокой киберагрессивностью, и для их сверстников, характеризующихся выраженной кибервиктимностью, в последующем он стал основной мишенью всестороннего изучения.

Полученные данные по показателям основных характеристик эмоциональной устойчивости, а именно, результаты уровня субъективного контроля и волевой саморегуляции, представлены в табл. 2 и табл. 3 соответственно.

Таблица 2

**Результаты тест-опросника «Уровень субъективного контроля»
(В.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд)**

Показатели опросника	Группа	Среднее	U-критерий (значение)	Асимптотическая значимость
Общая шкала интернальности	Контрольная группа	6,0	658,5	0,001***
	А-группа	4,10		
	В-группа	4,32	743,5	0,001***
Шкала интернальности в области достижений	Контрольная группа	4,73	484	0,449
	А-группа	4,34		
	В-группа	3,97	611,5	0,160
Шкала интернальности в области неудач	Контрольная группа	4,43	470	0,589
	А-группа	4,24		
	В-группа	3,68	658,5	0,041*
Шкала интернальности в семейных отношениях	Контрольная группа	3,97	474,5	0,541
	А-группа	3,72		
	В-группа	3,76	554,5	0,539
Шкала интернальности в производственных отношениях	Контрольная группа	3,93	482	0,468
	А-группа	3,62		
	В-группа	3,79	535	0,731
Шкала интернальности в межличностных отношениях **	Контрольная группа	4,9	603,5	0,009**
	А-группа	3,72		
	В-группа	3,58	721,5	0,004**
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни	Контрольная группа	3,27	407,5	0,672
	А-группа	3,38		
	В-группа	3,56	447	0,389

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Таблица 3

**Результаты методики «Исследование волевой саморегуляции»
А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана**

Показатели методики	Группа	Среднее	U-критерий (значение)	Асимптотическая значимость
Общий уровень саморегуляции	Контрольная группа	10,13	563,5	0,049*
	А-группа	8,72		
	В-группа	9,18	634,5	0,091
Настойчивость	Контрольная группа	4,73	484	0,449
	А-группа	4,34		
	В-группа	3,97	611,5	0,160
Самообладание	Контрольная группа	5,60	635,5	0,002**
	А-группа	4,24		
	В-группа	3,68	855	0,000***

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

На основании сравнительного анализа показателей, полученных с помощью теста «Уровень субъективного контроля», можно утверждать, что для подростков обеих проблемных групп характерно значительное снижение показателей шкалы общей интернальности. Следовательно, и для детей, обладающих высокой киберагрессивностью, и для их ровесников с выраженной кибервиктимностью присущ экстернальный локус контроля. Это означает, что для подростков данных проблемных групп характерно ощущение собственной незначимости, невозможности контролировать свою жизнь и ее составляющие. Они чувствуют себя зависимыми от ситуации и окружающих, перекалывают ответственность на других и не способны задействовать собственные ресурсы для решения проблем.

Также респондентам из А-группы и В-группы свойственна низкая интернальность в межличностных отношениях. Данный факт свидетельствует о том, что подростки из этих групп в сравнении со своими сверстниками из Контрольной группы испытывают неудовлетворенность в сфере социальных контактов. При этом ответственность за установление социальных контактов и взаимодействие с окружающими они переносят на других. Подростки обеих групп считают, что инициатива и характер межличностных отношений не зависят от них самих, а негативные эмоции, которые они испытывают вследствие неудовлетворенности социальных потребностей, являются результатом предубеждения и негативного отношения к ним окружающих.

При этом следует отметить, что, согласно результатам исследования, имеются различия в показателях интернальности. Так, для подростков с высоким уровнем кибервиктимности, в отличие от их сверстников Контрольной группы, характерна более низкая интернальность в области неудач. Следовательно, респонденты В-группы в большей степени склонны считать себя неуспешными, зависимыми от обстоятельств и ситуативных факторов. Они не уверены в себе, испытывают страх перед трудностями на пути к достижению цели, изначально полагая, что не смогут справиться с ними в силу собственных низких ресурсов и способностей.

Согласно результатам, полученным с помощью методики «Исследование волевой саморегуляции», выявлены значимые различия у респондентов А группы по показателям: общий

уровень саморегуляции и самообладание. В то же время для подростков В-группы в сравнении с их ровесниками из Контрольной группы значимым оказался только результат по шкале самообладание.

Следовательно, для подростков с высоким уровнем киберагрессии характерны эмоциональная неустойчивость и импульсивность, которые могут вызывать чувство неудовлетворенности, раздражения и внутреннего напряжения. Стремление устранить его удовлетворяется жесткой критикой и грубыми выпадами в отношении других лиц, наиболее доступным и менее контролируемым социумом способом — посредством кибербуллинга.

Низкий уровень самообладания у кибервиктимных подростков характеризует их как не умеющих контролировать и скрывать свои чувства, повышено восприимчивых к неблагоприятным факторам и испытывающих постоянное ощущение внутреннего напряжения. Тем не менее, в силу более сформированной общей саморегуляции они не стремятся ослабить состояние фрустрации посредством агрессии, а, напротив, пытаются ограничить сферу социальных контактов, избежать сложных ситуаций. Таким образом, они тормозят формирование более адаптивных способов реагирования на стресс. Вероятно, именно это обстоятельство впоследствии приводит к тому, что подростки этой группы становятся объектами кибербуллинга.

Выводы

1. По результатам эмпирического исследования выявлено, что подростки с высоким уровнем киберагрессии и кибервиктимности в отличие от своих сверстников, не имеющих данных склонностей, обладают следующими общими личностными характеристиками: низкий уровень эмоциональной устойчивости и самообладания, экстернальный локус контроля, сниженная интернальность в межличностных отношениях.

2. Наиболее характерными чертами подростков, отличающихся высоким уровнем киберагрессии, являются стремление к доминированию, пренебрежение моральными нормами, авантюризм, сниженный уровень общей саморегуляции, самоконтроля и сензитивности, а также высокая степень внутреннего эмоционального напряжения.

3. Согласно результатам исследования, подросткам с высокой степенью кибервиктимности, подверженным буллингу в киберпространстве, присущи высокий уровень групповой зависимости и низкая интернальность в области неудач. Одновременно можно говорить о наблюдаемой тенденции у респондентов данной группы к общему снижению самооценки и повышенной тревожности, однако достоверных различий по этим показателям не установлено.

4. Сравнительный анализ исследуемых групп позволил выявить личностные факторы, способствующие повышению уровня сопротивляемости кибербуллингу в подростковой среде. Так, показатели некоторых личностных черт подростков из нормативной группы значительно отличаются от показателей, свойственных детям с высоким уровнем киберагрессии и кибервиктимности. К ним относятся эмоциональная устойчивость, самообладание и интернальность в межличностных отношениях.

Заключение

В современном мире граница между реальным и виртуальным миром стирается, процессы коммуникации трансформируются и становятся все более технологичными. Социализация подростков в этих условиях переносится в киберпространство, где своеобразно отражаются все существующие в реальности формы и способы поведения и взаимодействия подростков, в том числе такие деструктивные поведенческие реакции, как кибербуллинг. Несмотря на

обширный круг научных работ в этой сфере вопрос об эффективных методах предупреждения данного явления в подростковой среде остается открытым. Современные исследования показывают, что основной дискуссионной темой является выделение психологических факторов риска, приводящих подростка к кибербуллингу в качестве как агрессора, так и жертвы.

Результаты эмпирического исследования позволили установить значимые различия в личностных особенностях детей подросткового возраста, обладающих высокой степенью киберагрессивности, а также тех, которым свойственна более выраженная кибервиктимность в сравнении с нормативной группой. Следует отметить, что респонденты, которым присущи противоположные роли в ситуации кибербуллинга (агрессор и жертва), обладают такими схожими чертами, как низкий уровень эмоциональной устойчивости и самообладания, экстернальный локус контроля, а также сниженная интернальность в межличностных отношениях. Кроме того, выявлены такие характерные личностные особенности подростков с высоким уровнем киберагрессии, как стремление к доминированию, пренебрежение моральными нормами, авантюризм, сниженный уровень общей саморегуляции, самоконтроля и сензитивности, а также высокая степень внутреннего эмоционального напряжения. К специфическим характеристикам подростков, имеющих высокую степень кибервиктимизации, отнесены такие индивидуальные качества личности, как высокий уровень групповой зависимости и низкая интернальность в области неудач.

В то же время важно отметить, что значительное число схожих черт личности, характерных для подростков с выраженными чертами и киберагрессии, и кибервиктимности, свидетельствует о том, что данные особенности, во-первых, являются факторами риска для формирования готовности к участию в процессе кибербуллинга вне зависимости от роли. Во-вторых, эти совпадающие характеристики должны быть изучены по отдельным параметрам, которые их интегративно определяют.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ психопрофилактики кибербуллинга в подростковой среде.

Литература

1. Антипина С.С., Микляева А.В. Взаимосвязь склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Российский психологический журнал. 2021. Том 18. № 2. С. 94–108. doi:10.21702/rpj.2021.2.6
2. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 98–108. doi:10.17759/chp.2020160410
3. Бочавер А.А. Школьный опыт буллинга и актуальное благополучие у студентов [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 2. С. 17–27. doi:10.17759/pse.2021260202
4. Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 194–206. doi:10.17759/psylaw.2022120214
5. Кирюхина Д.В. Кибербуллинг и индивидуально-психологические характеристики его участников [Электронный ресурс] // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2020): Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 19–21 ноября 2020 г. / Под ред. М.Г. Сороковой, Е.Г. Дозорцевой, А.Ю. Шеманова. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 306–310. URL:

<https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2020/contents/Kiryukhina> (дата обращения: 01.02.2023).

6. *Кирюхина Д.В.* Общение подростков в сети Интернет: границы нормативности [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 40–47. doi:10.17759/jmfp.2021100304

7. *Липовая О.А., Штенская А.Е.* Психологические особенности проявления агрессии у подростков // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2018. № 2. С. 55–58.

8. *Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г.* Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306

9. *Путинцева Н.В.* Консилиум / Совет профилактики в формате восстановительной программы «Круг сообщества» в Центрах содействия семейному воспитанию // Вестник восстановительной юстиции. 2023. № 17. С. 73–75.

10. *Сафуанов Ф.С., Докучаева Н.В.* Особенности личности жертв противоправных посягательств в Интернете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 4. С. 80–93. doi:10.17759/psylaw.2015050407

11. *Солдатова Г.У., Илюхина С.Н.* Аутодеструктивное поведение подростков и молодежи в Интернете: анализ кейсов // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей и материалов международной конференции «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: от цифровой культуры к киберкультуре», 12–14 февраля 2020 г., Коломна. Коломна, 2020. С. 371–376.

12. *Чухланцев Ю.С., Чиркина Р.В., Куприянова Е.А.* Социальный остракизм и склонность к девиантному поведению подростков [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 4. С. 22–29. doi:10.17759/bppe.2021180402

13. *Beran T., Li Q.* The Relationship between Cyberbullying and School Bullying // Journal of Student Wellbeing. 2007. Vol. 1(2). P. 16–33. doi:10.21913/JSW.v1i2.172

14. *Graf D., Yanagida T., Runions K., Spiel C.* Why did you do that? Differential types of aggression in offline and in cyberbullying // Computers in Human Behavior. 2022. Vol. 128. P. 107–128. doi:10.1016/j.chb.2021.107107

15. *Herrera López M., Romera Félix E.M., Ortega Ruiz R., Gómez Ortiz O.* Influence of social motivation, self-perception of social efficacy and normative adjustment in the peer setting // Psicothema. 2015. Vol. 28(1). P. 32–39 doi:10.7334/psicothema2015.135

16. *Keipi T., Oksanen A., Hawdon J., Nasi M., Rasanen P.* Harm-advocating online content and subjective well-being: A cross-national study of new risks faced by youth // Journal of Risk Research. 2017. Vol. 20(5). P. 634–649. doi:10.1080/13669877.2015.1100660

17. *Martínez-Monteagudo M.C., Delgado B., García-Fernández J.M., Rubio E.* Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16(24). P. 50–79. doi:10.3390/ijerph16245079

18. *Patchin J.W., Hinduja S.* Cyberbullying Prevention and Response, Expert Perspectives. New York: Routledge, 2012. 204 p.

19. *Runions K.C.* Reactive aggression and peer victimization from pre-kindergarten to first grade: Accounting for hyperactivity and teacher—child conflict // British Journal of Educational Psychology. 2014. Vol. 84(4). P. 537–555. doi:10.1111/bjep.12037

20. *Wright M.F.* The role of technologies, behaviors, gender, and gender stereotype traits in adolescents' cyber aggression // Journal of Interpersonal Violence. 2020. Vol. 35(7-8). P. 1719–1738. doi:10.1177/0886260517696858

References

1. Antipina S.S., Miklyaeva A.V. Vzaimosvyaz' sklonnosti k kiberagressii, agressivnosti i empatii v podrostkovom vozraste [Relationship Among the Tendency to Cyber-Aggression, Aggressiveness, and Empathy in Adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 94–108. doi:10.21702/rpj.2021.2.6 (In Russ.).
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Povedenie onlain i oflain: k voprosu o vozmozhnosti prognoza [Online and Offline Behavior: Does one Predict Another?] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 98–108. doi:10.17759/chp.2020160410 (In Russ.).
3. Bochaver A.A. Shkol'nyi opyt bullinga i aktual'noe blagopoluchie u studentov [] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2021. Vol. 26, no. 2, pp. 17–27. doi:10.17759/pse.2021260202
4. Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Psikhologicheskie osobennosti lits, sklonnykh k kiberviktimmomu povedeniyu [Psychological Features of Individuals Prone to Cyber Victimization] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 194–206. doi:10.17759/psylaw.2022120214 (In Russ.).
5. Kiriukhina D.V. Kiberbulling i individual'no-psikhologicheskie kharakteristiki ego uchastnikov [Elektronnyi resurs]. In Sorokova M.G., Dozortseva E.G., Shemanov A.Yu. (eds.). *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2020): Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 19–21 noyabrya 2020 g.* Moscow: FGBOU VO MGPPU Publ., 2020, pp. 306–310. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2020/contents/Kiryukhina> (Accessed 01.02.2023). (In Russ.).
6. Kiriukhina D.V. Obschenie podrostkov v seti Internet: granitsy normativnosti [Adolescents' communication on the Internet: the boundaries of normativity] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 40–47. doi:10.17759/jmfp.2021100304 (In Russ.).
7. Lipovaya O.A., Shtenskaya A.E. Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya agressii u podrostkov [Psychological peculiarities of the application of aggression in adolescents]. *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A.P. Chekhova = Taganrog Institute Journal*, 2018, no. 2, pp. 55–58. (In Russ.).
8. Nutsikova E.V., Dozortseva E.G. Kliniko-psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh, poterpevshikh ot kibergruminga [Clinical and Psychological Features of Minor Victims of Cyber-grooming] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306 (In Russ.).
9. Putintseva N.V. Konsilium / Sovet profilaktiki v formate vosstanovitel'noi programmy "Krug soobshchestva" v Tsentrah sodeistviya semeinomu vospitaniyu. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2023, no. 17, pp. 73–75 (In Russ.).
10. Safuanov F.S., Dokuchaeva N.V. Osobennosti lichnosti zhertv protivopravnykh posyagatel'stv v Internete [Personality characteristics of victims of illegal attacks on the Internet] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2015. Vol. 5, no. 4, pp. 80–93. doi:10.17759/psylaw.2015050407 (In Russ.).
11. Soldatova G.U., Ilyukhina S.N. Autodestruktivnoe povedenie podrostkov i molodezhi v Internete: analiz keisov. *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: Sbornik nauchnykh statei i materialov mezhdunarodnoi konferentsii "Tsifrovoe obshchestvo kak*

kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: ot tsifrovoy kul'tury k kiberkul'ture”, 12–14 fevralya 2020 g., *Kolomna = Digital society as a cultural and historical context of human development*. Kolomna, 2020, pp. 371–376. (In Russ.).

12. Chukhlantsev Yu.S., Chirkina R.V., Kupriyanova E.A. Sotsial'nyi ostrakizm i sklonnost' k deviantnomu povedeniyu podrostkov [Social Ostracism and Tendency to Deviant Behavior of Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2021. Vol. 18, no. 4, pp. 22–29. doi:10.17759/bppe.2021180402 (In Russ.).

13. Beran T., Li Q. The Relationship between Cyberbullying and School Bullying. *Journal of Student Wellbeing*, 2007. Vol. 1, no. 2, pp. 16–33. doi:10.21913/JSW.v1i2.172

14. Graf D., Yanagida T., Runions K., Spiel C. Why did you do that? Differential types of aggression in offline and in cyberbullying. *Computers in Human Behavior*, 2022. Vol. 128, pp. 107–128. doi:10.1016/j.chb.2021.107107

15. Herrera López M., Romera Félix E.M., Ortega Ruiz R., Gómez Ortiz O. Influence of social motivation, self-perception of social efficacy and normative adjustment in the peer setting. *Psicothema*, 2015. Vol. 28, no. 1, pp. 32–39 doi:10.7334/psicothema2015.135

16. Keipi T., Oksanen A., Hawdon J., Nasi M., Rasanen P. Harm-advocating online content and subjective well-being: A cross-national study of new risks faced by youth. *Journal of Risk Research*, 2017. Vol. 20, no. 5, pp. 634–649. doi:10.1080/13669877.2015.1100660

17. Martínez-Monteaigudo M.C., Delgado B., García-Fernández J.M., Rubio E. Cyberbullying, Aggressiveness, and Emotional Intelligence in Adolescence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019. Vol. 16, no. 24, pp. 50–79. doi:10.3390/ijerph16245079

18. Patchin J.W., Hinduja S. *Cyberbullying Prevention and Response, Expert Perspectives*. New York: Routledge, 2012. 204 p.

19. Runions K.C. Reactive aggression and peer victimization from pre-kindergarten to first grade: Accounting for hyperactivity and teacher—child conflict. *British Journal of Educational Psychology*, 2014. Vol. 84, no. 4, pp. 537–555. doi:10.1111/bjep.12037

20. Wright M.F. The role of technologies, behaviors, gender, and gender stereotype traits in adolescents' cyber aggression. *Journal of Interpersonal Violence*, 2020. Vol. 35(7-8), pp. 1719–1738. doi:10.1177/0886260517696858

Информация об авторах

Власова Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Буслаева Елена Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра психологии и педагогической антропологии, Институт гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ); доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Власова Н.В., Буслаева Е.Л.
Кибербуллинг в подростковом возрасте:
агрессор и жертва
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 56–71

Vlasova N.V., Buslaeva E.L.
Cyberbullying in Adolescence: Bully and the Victim
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 56–71

Information about the authors

Nataliya V. Vlasova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Elena L. Buslaeva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University; Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Получена 07.02.2023
Принята в печать 07.05.2023

Received 07.02.2023
Accepted 07.05.2023

Интернет-риски и ресурсы: модель компетенций специалиста по работе с подростками

Богданович Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Делибальт В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Дегтярёв А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

В данной статье предлагается модель компетенций специалиста сети центров «Подростки России» по работе с онлайн-рисками и ресурсами, разработанная на основе схемы деятельности, предложенной У. Энгестрёмом. Данные центры функционируют на основе стратегической программы «Подростки России», реализуемой с 2022 г. по инициативе Уполномоченного при Президенте по правам ребенка в Российской Федерации. Одним из направлений работы специалистов является профилактика правонарушений и недопущение вовлечения несовершеннолетних в различные виды деструктивного поведения, в том числе в интернет-среде. Это обуславливает необходимость разработки модели компетенций специалистов в контексте онлайн-рисков. Выделены шесть компетенций (предметная, правовая, межведомственная, технологическая (цифровая), коммуникативная, субъектная). Апробация данной модели проводилась при участии 147 специалистов подростковых центров, что позволило определить актуальное состояние данных компетенций у респондентов. Измерение развития данных компетенций у специалистов, работающих с подростками, показало, что они сформированы в очень разной степени. Также были выделены основные корреляционные связи между данными компетенциями и субъектностью (и ее характеристиками). Показано, что все компетенции (за исключением правовой) имеют связи с субъектностью (или ее компонентами).

Ключевые слова: модель специалиста, субъектность, цифровая компетентность, самоэффективность, интернет-риски, ресурсы.

Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В.
Интернет-риски и ресурсы: модель компетенций
специалиста по работе с подростками
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 72–92

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V.
Internet Risks and Resources: Competency Model
for a Specialist in Working with Adolescents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 72–92

Благодарности. Авторы благодарят за помощь специалистов подростковых центров, принявших участие в данном исследовании, и лично Азыркина Павла Дмитриевича, начальника отдела реализации проектов Федерального центра развития программ социализации подростков за помощь в организации исследования.

Для цитаты: *Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В.* Интернет-риски и ресурсы: модель компетенций специалиста по работе с подростками [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 72–92. DOI:10.17759/psychlaw.2023130306

Internet Risks and Resources: Competency Model for a Specialist in Working with Adolescents

Natalia V. Bogdanovich

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Varvara V. Delibalt

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Artem V. Degtyarev

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

This article proposes a competency model for a specialist of the “Teens of Russia” network of centers for working with online risks and resources, developed on the basis of the activity scheme proposed by Y. Engestrem. These centres operate on the basis of the strategic programme “Teenagers of Russia”, implemented since 2022 on the initiative of the Presidential Ombudsman for Children’s Rights in the Russian Federation. One of the areas of work of the specialists is the prevention of delinquency and the prevention of the involvement of minors in various types of destructive behaviour, including in the Internet environment. This necessitates the development of a competence model for specialists in the context of online risks. Six competencies have been identified (subject, legal, interdepartmental, technological (digital), communicative, subjective). Approbation of this model was carried out with the participation of 147 specialists from adolescent centers, which made it possible to determine the current state of these competencies among respondents. Measurement of the development of these competences in specialists working with adolescents showed that they are formed to a very different extent. The main correlations between these competencies and subjectivity (and its characteristics) were also identified. It is shown that all competencies (with the exception of legal ones) are connected with subjectivity (or its components).

Keywords: specialist model, subjectivity, digital competence, self-efficacy, Internet risks, resources.

Acknowledgements. The authors are grateful for the help of the specialists of adolescent centers who took part in this study, and personally Pavel Dmitrievich Azyrkin, head of the project implementation department of the Federal Center for the Development of Adolescent Socialization Programs, for help in organizing the study.

For citation: Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. Internet Risks and Resources: Competency Model for a Specialist in Working with Adolescents. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 72–92. DOI:10.17759/psylaw.2023130306 (In Russ.).

Введение

Интернет занимает все большее место в нашей жизни. Сейчас трудно представить себе многие повседневные области без интернет-технологий (например, общение, учебу, профессиональные задачи, покупки и т. д.). Однако наряду с ресурсами и возможностями интернет-сети онлайн-риски тоже плотно входят в нашу жизнь [22; 23]. Уже мало кто не знает про фишинг, кибербуллинг, троллинг, сексуальный онлайн-груминг и прочие риски [6; 10; 12; 13; 24]. Особо остро проблема профилактики интернет-рисков и девиантного онлайн-поведения стоит в контексте работы с несовершеннолетними [17]. С 2022 г. по инициативе Уполномоченного при Президенте по правам ребенка в Российской Федерации открываются подростковые пространства в рамках стратегической программы «Подростки России», реализуемой при участии Федерального центра развития программ социализации подростков. Одним из направлений работы специалистов по работе с подростками данной сети центров является работа с интернет-рисками.

Несмотря на то, что довольно давно развиваются отдельные виды деятельности различных специалистов в Интернете (например, психологическое интернет-консультирование, развивающая (тренинговая) и социальная работа онлайн) [4; 5; 14; 15; 25], все же встает проблема о необходимости особых компетенций, а возможно, и отдельного профессионального стандарта специалиста по работе с интернет-рисками и ресурсами в контексте отклоняющегося онлайн-поведения, в первую очередь в отношении несовершеннолетних. Более того, это обретает особую актуальность, поскольку частью стратегической программы «Подростки России», указанной выше, является профилактика правонарушений и недопущение вовлечения несовершеннолетних в различные виды деструктивного поведения. В работах авторов статьи было дано определение профилактики как направления деятельности специалистов, целью которого является предупреждение отклонений в развитии и поведении через создание условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам [3]. Таким образом, профилактическая деятельность в сети Интернет предполагает определение специальных компетенций и разработки модели специалиста.

В основу разработки модели компетенций такого рода специалистов положены схема У. Энгестрёма (см. рис. 1) [7; 9; 20] и разработки авторов статьи в области профилактической деятельности [2].

Первый элемент касается *объекта* деятельности, а именно девиантного поведения в сети Интернет. Специалисту необходимо выделять те факторы риска, а также ресурсы и уязвимости клиентов и клиентских групп, которые влияют на развитие девиантного (в том числе виктимного) поведения в Интернете, соответственно, он должен проводить постоянный мониторинг, в ходе которого определять группу риска и работать с ней. Соответственно, компетенция может звучать как *способность и готовность проводить мониторинг социальной*

среды (включая Интернет), в том числе оценку рисков, уязвимостей и ресурсов развития, и формировать просоциальную развивающую среду для детей, подростков и взрослых (в особенности для лиц с девиантным поведением). В свою очередь это требует формирования навыков стратегического и тактического планирования своей деятельности с учетом динамично меняющейся социальной среды (с акцентом на Интернет).

Рис. 1. Модель деятельности, по У. Энгестрёму

Здесь важной составляющей является также *современное понимание особенностей детей и подростков, проводящих много времени в Интернете*. Соответственно, это накладывает отпечаток на специфику протекания психических процессов, а также имеется субкультурная специфика (знание сленга и т. д.). Специалисты должны быть в контексте (или знать, где можно найти нужную информацию).

Второй элемент — это **правила**, которые в профессиональной деятельности означают не просто ознакомление с нормативно-правовой базой, а умение использовать эти знания в работе с клиентом, не подменяя юриста. Эту компетенцию можно сформулировать как *способность и готовность выстраивать помощь с учетом развития трудной жизненной и юридически значимой ситуации*.

Третий элемент модели — **разделение труда** — в нашей модели означает выстраивание продуктивного межведомственного и междисциплинарного взаимодействия. Соответствующая компетенция — это *способность и готовность к содержательному взаимодействию со специалистами других организаций (в том числе другой ведомственной подчиненности) с целью организации комплексной помощи клиенту*.

Четвертый компонент касается **профессионального сообщества**. И здесь в основном акцент делается на научную и методическую деятельности, т. е. специалист способен и готов рефлексивно относиться к своей деятельности и обмениваться методиками, программами и технологиями, доказавшими свою эффективность.

Собственно, самый сложный компонент касается как раз орудий труда — методик, программ и технологий. Специалист по работе с интернет-рисками и ресурсами должен быть *способен и готов к «разработке, модификации и применению научно-обоснованных методик, программ и технологий»*. Речь идет не только о диагностическом инструментарии, но и

об обеспечении развивающей, психокоррекционной деятельности, просвещения, консультирования и т. д. Особое значение в данной компетенции играет цифровая компетентность, которую следует понимать как «основанную на непрерывном овладении компетенциями (системой соответствующих знаний, умений, мотивации и ответственности) способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять информационно-коммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности (работа с контентом, коммуникации, потребление, техносфера), а также его готовность к такой деятельности» [21].

И последний компонент, но, на наш взгляд, один из самых важных — это **субъектная компетентность самого специалиста**. Поэтому очень важно развитие такой компетенции, как способность и готовность к развитию своей профессиональной компетентности (в том числе через получение супервизии), а также к саморазвитию и самообразованию. В работе в Интернете необходимо в том числе развивать техническую компетенцию специалиста.

На основе данной модели нами было проведено исследование для того, чтобы установить, насколько современные специалисты готовы работать с онлайн-девиантным поведением подростков.

Таким образом, можно выделить шесть базовых компетенций специалистов по работе с интернет-рисками и ресурсами в контексте отклоняющегося онлайн-поведения несовершеннолетних.

1. Понимание специфики подросткового возраста, особенностей девиантного поведения онлайн, субкультура и т. д. (предметная компетентность).
2. Нормативно-правовая база и желание к ней обращаться (правовая просвещенность).
3. Осведомленность о работе других специалистов и потребность во взаимодействии с ними (межведомственная компетентность).
4. Репертуар программ, методов и технологий работы, желание его расширять (технологическая компетентность, в данном случае цифровая).
5. Взаимодействие в профессиональном сообществе (коммуникативная компетентность).
6. Качества специалиста, способствующие эффективной работе онлайн (субъектность).

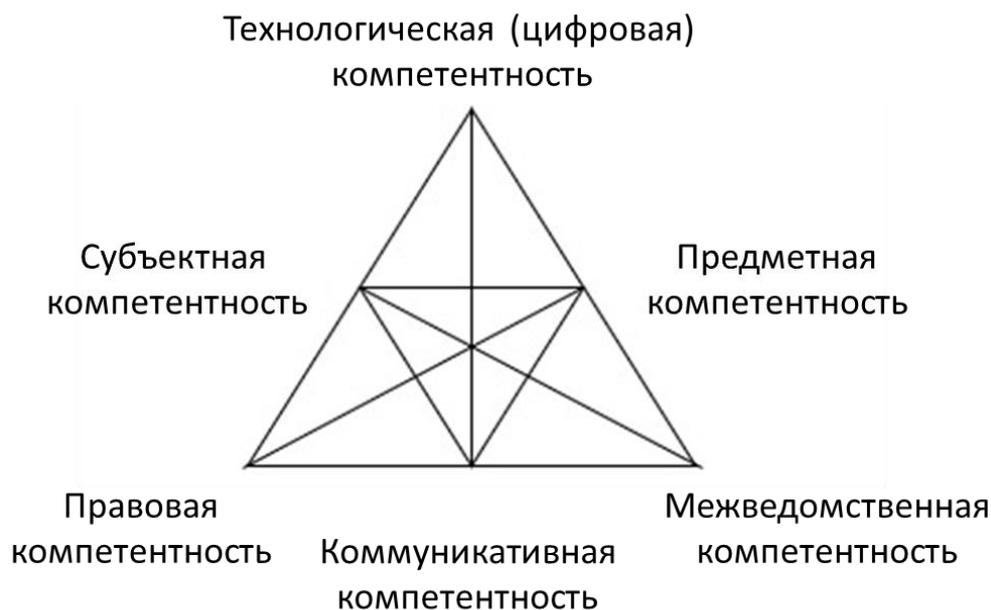

Рис. 2. Модель специалиста, работающего с подростковыми онлайн рисками и ресурсами

В соответствии с указанными компетенциями мы выходим на следующую модель специалиста, работающего с онлайн-рисками и ресурсами (рис. 2).

Целью исследования является апробация данной модели, а именно измерение всех характеристик, ее составляющих, и определение их связи с субъектностью как системообразующего фактора.

Гипотезой нашего исследования стало предположение о прямой связи личностной компетенции (а именно субъектности) специалиста с другими видами компетенций (предметной, цифровой, коммуникативной, межведомственной, правовой); т. е. от активности (и других субъектных характеристик) самого человека зависит его общая компетентность и готовность работать с рисками и ресурсами онлайн.

Процедура и методы исследования

В исследовании приняли участие 147 сотрудников подростковых центров сети «Подростки России», из них 94,6% женщин (137 человек) и 5,4% мужчин (8 человек). Возрастной диапазон оказался очень широк, однако большинство испытуемых относятся к зрелому возрасту (36—55 лет). Поэтому не странно, что большинство (почти 50% респондентов) имеют стаж работы больше 25 лет. Остальные распределились следующим образом: 21% — со стажем работы до 10 лет, 30% — от 10 до 25 лет. Причем большинство (88% респондентов) имеют опыт работы с детьми и подростками. При этом повышение квалификации по психологии проходили всего 32% испытуемых, а по киберпсихологии — 8%. Больше половины испытуемых (55%) имеют высшее образование, треть — среднее специальное.

При исследовании выделенных выше компетенций были использованы следующие методики:

- социально-психологический опросник, разработанный Г.У. Солдатовой и соавторами [21];
- тест «Знаете ли вы юношескую психологию» Е.И. Рогова [19];
- методика определения уровня самооффективности Маддукса и Шеера (перевод теста и его модификация осуществлены Л. Бояринцевой под руководством Р. Кричевского) [16];
- опросник «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)» М.А. Щукиной [26].

Для анализа данных применялся коэффициент корреляции Спирмена (r_s).

Результаты проведенного исследования

Предметная компетентность

Для определения того, насколько специалисты погружены в проблематику девиантного онлайн-поведения, принципиально важно для начала измерить их осведомленность о специфике подросткового возраста, так как многие сложности в поведении нормативны для данного возрастного кризиса. В связи с этим был проведен соответствующий тест, направленный на оценку осведомленности о специфике подросткового возраста. Большинство специалистов (77%) имеют среднюю осведомленность, высокую и низкую — 12 и 11% соответственно. Также на вопрос об основных трудностях при общении с подростками почти половина (46%) специалистов ответили, что трудностей не испытывает. Еще 3% затруднились с ответом. В остальных ответах проявился следующий диапазон трудностей: от агрессии, недопонимания, закрытости, немотивированности, использования нецензурной лексики, низкого словарного запаса, сленга до падения авторитета взрослых.

Большинство специалистов (64,8%) на вопрос о современных онлайн-субкультурах ответили, что им это не известно (затрудняются ответить). Некоторые называли социальные сети (ВК, Тик-ток и др.), другие — социальные движения (волонтерство, «Движение первых»,

«Орлята России» и др.). Вспомнили геймеров (большей частью без названия игр). Назывались субкультуры разной степени современности (аниме, готы, эмо, байкеры, барды, гопники, металлисты, панки, стилиаги, фрики, милитари, рокеры, рэперы, хиппи, скинхеды, фрики, руферы, диггеры, паркур, хакеры, воркаут, спортивные фанаты, косплей, граффити). Однако были специалисты, которые называли и собственно современные онлайн-субкультуры (томбой, софт герл, кей-поперы, черные пауки, ванильки, тамлер-гёрл и др.). Конечно, не всегда возможно различить новые и старые субкультурные течения, но для полноценного понимания подростков необходимо понимать их слэнг и понимать те смыслы, которые заложены в субкультурах.

Правовая просвещенность

Анализ ответов респондентов показывает, что подавляющее большинство специалистов (93%) считают, что нормативной базы, регулирующей процесс работы с онлайн-рисками (отклоняющимся онлайн-поведением) в Российской Федерации, не существует. Однако и среди тех, кто признает ее существование, не могут даже примерно ее назвать. Таким образом, можно говорить о низком уровне правовой просвещенности. При этом 36% специалистов считают, что безопасность детей в Интернете должно регулировать законодательство. Интересно, что ответ на этот вопрос связан со стажем: так, большая часть специалистов со стажем от 10 до 20 лет считают важным правовое регулирование в интернет-среде.

Межведомственная компетентность

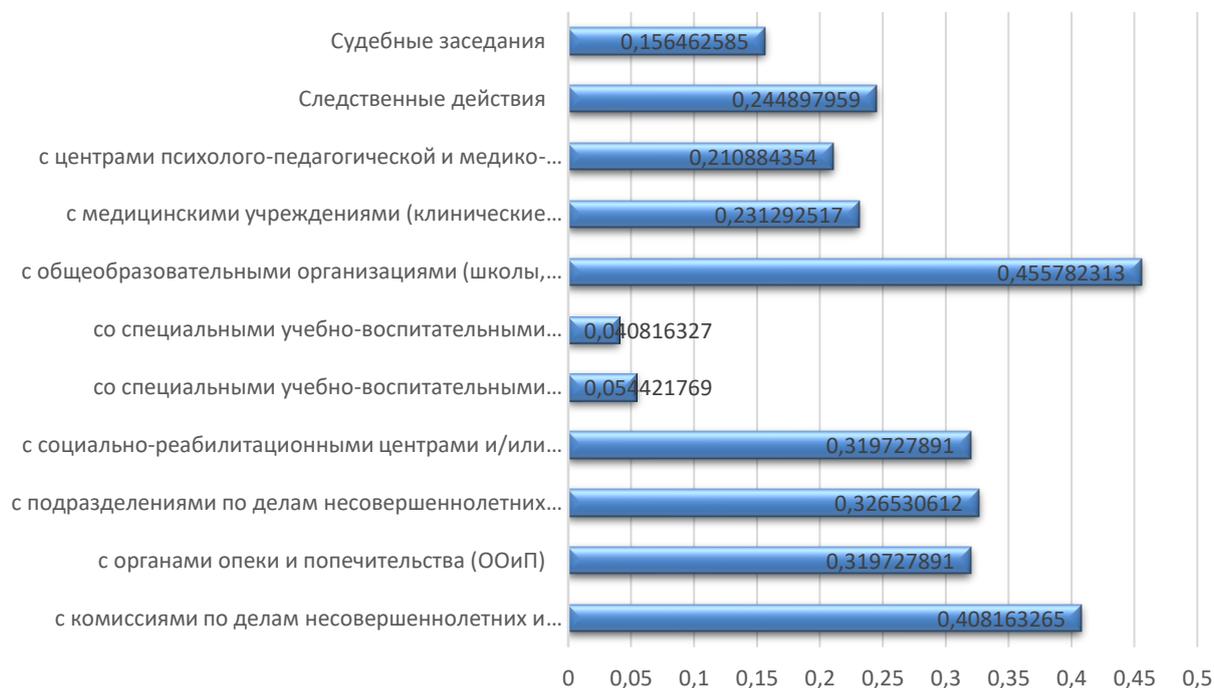

Рис. 3. Межведомственное взаимодействие специалистов подростковых клубов

На вопрос о взаимодействии с организациями других ведомств большинство респондентов (65%) ответили положительно. Очевидно, что большая часть взаимодействия приходится на образовательные учреждения (45% от общего количества респондентов), на втором месте — комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (41%). Треть респондентов имеют контакты с подразделениями по делам несовершеннолетних (33%), с органами опеки и попечительства (32%), с социально-реабилитационными центрами и/или социальными

приютами (32%). Четверть респондентов имеют опыт участия в следственных действиях (большей частью это допросы, очные ставки с участием несовершеннолетних), 16% респондентов принимали участие в судебных заседаниях (большей частью по уголовным делам) (рис. 3).

В основном специалисты взаимодействуют с двумя ведомствами — образовательными организациями и комиссиями по делам несовершеннолетних.

Технологическая (цифровая) компетентность

Для измерения цифровой компетентности использовался социально-психологический опросник, разработанный Г.У. Солдатовой и соавторами [21].

Больше всего респонденты (97%) используют Интернет как источник интересной информации или материалов, необходимых для работы или учебы, половина специалистов (51% и 48,3% соответственно) — как площадку для общения по рабочим и личным вопросам, поиска интересной информации и чтения новостных лент (в том числе в социальных сетях).

Анализ эмоций (рис. 4), испытываемых в среде Интернет, показывает явное преобладание положительных (интерес, радость, удивление, восхищение и удовлетворение), что говорит о том, что у специалистов есть предрасположенность к использованию интернет-технологий.

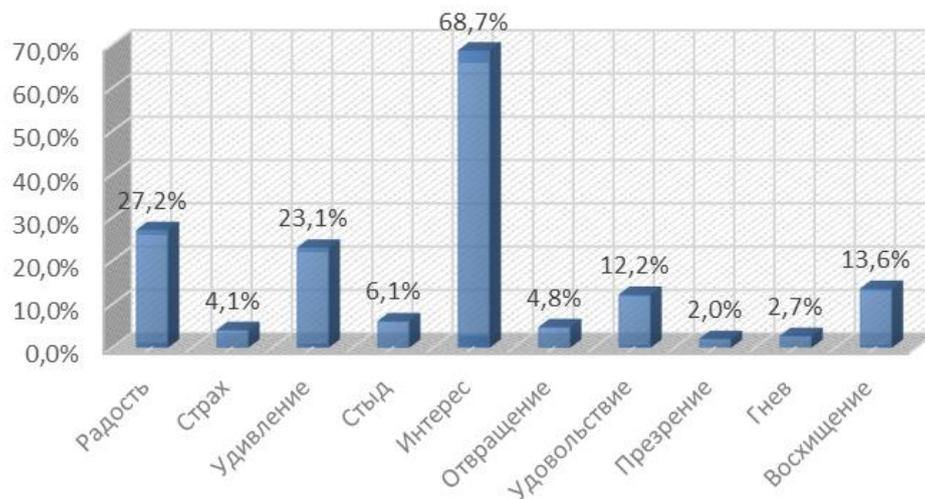

Рис. 4. Диапазон испытываемых чувств в интернет-среде

Это подтверждают результаты, полученные при вопросе об отношении к технологиям. Так, большинство специалистов (36,1%) считают, что новые технологии повышают уровень и качество жизни, это прогресс, который делает жизнь человека более эффективной и свободной; на втором месте (20,8%) — ответ о важности технологий для обыденной жизни, чуть меньше (19,4%) респондентов считают, что владение технологиями — это залог успеха. В целом, отношение к Интернету скорее положительное.

Оценка возможностей Интернета, которые знают и используют респонденты в своей жизни, показывает, что больше трех четвертей специалистов предпочитают поиск информации, музыки, фото, видео (78,2%), чуть меньше используют Интернет для образования (76,2%), еще меньше — для изменения и расширения своего круга общения (74,1%). Меньше всего используются такие возможности, как предоставление информации о себе в Интернете и способы ограничения доступа к ней (14,3%), чуть больше — создание и размещение собственного контента в Интернете (текста, фото, видео, музыки) и установление своих настроек обновления программного обеспечения (по 15,6%). Вероятно, это связано с теми репута-

ционными рисками, с которыми связаны данные возможности. В целом, респонденты используют из 10 перечисленных функций примерно 2—3.

Как можно видеть, общение в Интернете занимает не последнее место, поэтому важно понять через какие способы общения предпочитают общаться респонденты. И первое место занимает электронная почта (78%), социальные сети — на втором месте (69%), мессенджеры — на третьем (36%). Наименее предпочитаются IP-телефония и форумы. Данное распределение можно объяснить использованием данных средств в рабочем процессе. В целом, все же специалисты предпочитают пользоваться ограниченным набором средств (1—2 видами связи).

Из различных видов социальных сетей респонденты выделили три: ВКонтакте (89,1%), Одноклассники (60,5%), Телеграмм (58,5%). Возможно, это связано с тем, что специалисты предпочитают именно социальные сети для связи с подростками (74,1%); на втором месте — мессенджеры (41,5%), на третьем — онлайн документы (Яндекс документы, Google документы и др.) (24,5%).

В целом, большинство респондентов (рис. 5) считают себя довольно уверенными пользователями (45,58%), но примерно треть характеризуют себя как не очень уверенных пользователей (31,29%). Очень уверенными считают себя всего лишь 8,16% специалистов. Существует явная возрастная динамика: так, наибольшее количество респондентов, характеризующих себя как очень уверенных пользователей, приходится на период 25—30 лет; пик довольно уверенных пользователей оказывается в возрасте 50—55 лет, а большая часть не очень уверенных в себе пользователей — на возрастной период после 60 лет.

Рис. 5. Возрастная динамика уверенности пользования Интернетом

Откуда же берется владение интернет-технологиями? Большинство респондентов говорят, что научились самостоятельно (74,1%), гораздо меньше тех (21,1% и 19,7% соответственно), кого научили коллеги и дети или родители, специализированные курсы стоят только на четвертом месте (19%).

Далее анализировался собственно опыт столкновения респондентов с рисками и угрозами Интернета. Оказалось, что чуть меньше половины специалистов имели дело с вредоносными

программами (44,9%), треть — со взломом профиля в социальной сети, электронной почты или кражей персональных данных (36,7%), примерно четверть респондентов — с мошенничеством и кражей денег в Интернете, сексуальными изображениями, пропагандой наркотиков, алкоголя, табакокурения (25,9%, 22,4%, 21,1% соответственно). Гораздо меньше специалистов сталкивались с трэш-контентом (информация, фото или видео с насилием, жестокостью и убийствами — 16,3%) и с информацией, которая была размещена о подростке в социальных сетях и была использована против него/нее (8,2%). Больше трети респондентов (37,4%) не сталкивались ни с какими угрозами.

Вопрос безопасности всегда сопряжен с вопросом мер, которые необходимо предпринять с целью предотвращения угроз для детей в Интернете. Большинство специалистов считают, что родители должны объяснять ребенку правила безопасного использования Интернета (80,3%), треть респондентов считают необходимым правовое регулирование (36,1%), чуть меньше (29,9%) выступают за ограничительные меры в школе и дома. За специализированные сайты и службы (например, горячие линии, линии помощи, телефон доверия) высказалось 19,7%, а 16,3% — за саморегулирование интернет-отрасли.

При описании помощи взрослых (родителей, специалистов) детям и подросткам, столкнувшимся с проблемами в Интернете, на первое место вышли позитивные способы (учить ребенка, как вести себя по отношению к другим людям в Интернете (70,1%), при столкновении с рисками объяснить, как поступить (66,0%), рассказывать о пользе Интернета и показывать полезные сайты (55,1%), при столкновении с рисками помочь решить проблему (53,1%). Ограничительные меры тоже получили одобрение большинства, но уже не в таком количестве (нужно ограничивать время в Интернете (53,1%), следить за тем, какие сайты посещает ребенок (52,4%)). В целом, вслед за Г.У. Солдатовой и коллегами [21] можно воспользоваться классификацией основных типов медиации: в нашем исследовании ведущей стратегией медиации сотрудников стала «Активная медиация безопасности ребенка в Интернете» (54,6%), далее «Мониторинг» (39,8%), затем «Техническое ограничение» (34%) и только потом «Активная медиация использования Интернета» (27,6%) и «Ограничивающая медиация» (8,6%). Интересно, что прямая помощь при действиях в Интернете занимает последнее место. Специалисты предпочитают скорее давать советы. Но очень радует, что ограничительные меры не столь популярны.

По поводу технической защиты был задан вопрос о том, что должно быть установлено на компьютере, которым пользуется ребенок (подросток). Почти все специалисты высказались за антивирусное ПО (89,9%), за программы родительского контроля — больше половины респондентов (57,8%), различные виды безопасного поиска предпочитают уже меньше половины (41,5%).

Самооценка специалистами своих возможностей оказания помощи при возникновении проблем в Интернете показывает, что треть респондентов очень скромно характеризуют свои возможности (36,1%): «в чем-то смогу помочь, в чем-то нет», еще четверть (25,2%) говорят о том, что помогут решить большую часть проблем. Только 15% верят, что решат все проблемы. 2,7% считают, что дети и подростки не нуждаются в помощи, все знают сами, 4,8% сами нередко обращаются за помощью к детям и подросткам.

Далее специалистам были даны четыре кейса, направленные на разные сферы. Лучше всего респонденты справились с ситуацией, которая была направлена на потребление (84% правильных ответов) и на техносферу (83%). Видимо, данные ситуации уже довольно часто обсуждаются в обществе. Гораздо сложнее дела обстоят со сферой коммуникации (64% правильных ответов) и самые большие сложности возникли с контентной задачей (справились

57% респондентов). Возможно, это произошло из-за того, что авторское право в быту и в профессиональной деятельности не получило широкого распространения. В целом, меньше трети (31,97%) респондентов решили правильно все задачи, еще треть (36,05%) справились с тремя задачами из четырех. Только 2,72% респондентов не решили ни одной задачи.

Интересен тот факт, что ни один специалист не получал запроса на работу с онлайн-отклоняющимся поведением. То есть не было запросов ни от жертв кибербуллинга (хотя опросы подростков показывают большое количество пострадавших от данного явления), ни от свидетелей и правонарушителей, а также их родителей, ведь уже существуют реально заведенные уголовные и административные дела.

Коммуникативная компетентность

Для оценки данного параметра нами использовалась методика определения уровня самооффективности Маддукса и Шеера (перевод теста и его модификация осуществлены Л. Бояринцевой под руководством Р. Кричевского). Мы остановились именно на данной характеристике, ведь «...именно представление о собственной компетентности, а не сами знания, умения, личностные качества и способности есть мощное мотивационное условие, которое определяет поведение человека в конкретной ситуации, в том числе в ситуациях профессионального общения, т. е. самооффективность заключается в том, насколько компетентным и уверенным чувствует себя человек, осуществляя какую-либо деятельность» (Пасечкина Т.Н., 2019) [18]. Это позволило получить интересные результаты: если в сфере предметной деятельности специалисты характеризовали себя в целом как имеющих потенциальные способности организовать и осуществить собственную деятельность, необходимую для достижения определенной цели (даже переоценивают себя — высокий уровень у 40%), то в плане межличностных отношений большинство сомневались в осуществлении оптимальной стратегии в разнообразных ситуациях межличностного общения (низкий уровень у 51%).

Личностная компетентность

Для измерения личностной компетентности был выбран опросник «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)» М.А. Щукиной. В связи с тем, что деятельность специалиста, работающего с онлайн-рисками и ресурсами имеет довольно высокую степень неопределенности, так как пока еще нет никакого устоявшегося стандарта такого рода работы, а также в связи с тем, что сама интернет-реальность имеет высокую степень изменчивости, показалось важным определить именно степень субъектности специалистов, которая определяется автором методики как: «*способность, обеспечивающая человеку возможность осуществлять самоуправление в социальном контексте своего бытия в противоположность существованию в качестве объекта социальных влияний*» [26].

Важным аргументом в пользу выбора данной методики стало также то, какие параметры легли в основу измерения субъектности, а именно шкалы активности—реактивности, автономности—зависимости, целостности—неинтегративности, опосредствованности—непосредственности, креативности—стандартности, самооценности—малоценности.

Полученные результаты показывают, что субъектность специалистов в целом средняя у 98% респондентов, это говорит о том, что они способны довольно эффективно осуществлять субъектное самоуправление, но под давлением людей, обстоятельств или собственных психических состояний они могут перейти к использованию объектных стратегий поведения.

Рис. 6. Данные по методике «Уровень развития субъектности личности»

По всем параметрам субъектности (рис. 6) специалисты показывают средние результаты (в диапазоне от 84% (шкала опосредованности) до 93% (по шкалам активности)). Высокие результаты демонстрирует небольшое количество респондентов, самое большое количество (12,5%) — по шкалам опосредованности (свидетельствует о том, что в систему самоуправления человека между потребностями и их удовлетворением встроены психологические средства в виде построения программы поведения, обдумывания причин и последствий применения этой программы, прогнозирования своего поведения на случай сбоев в программе). Низкий уровень респонденты набрали больше всего по шкале зависимости (5,4%), это означает, что «...жизнь слишком сложна и опасна, чтобы можно было остаться с нею один на один, поэтому лучше найти себе могучего покровителя (индивидуального или группового), который бы защитил, укрыл от прямого столкновения с людьми, с жизнью в очном поединке. Он смотрит на мир чужими глазами и действует чужими руками, при этом и ответственность за свою активность он возлагает на других людей или на обстоятельства» [26]. Понятно, что в работе с интернет-рисками такая позиция требует коррекции.

Обсуждение полученных результатов

Для подтверждения нашей гипотезы был выбран критерий Спирмана. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Как можно увидеть, не все компетенции получили значимые корреляции. Так, правовая компетенция оказалась совершенно не связанной с субъектностью. Это может быть объяснено тем, что необходимо расширять перечень вопросов (возможно переформулировать). И акцент делать не просто на знании правовой базы, а на правовую активность, т. е. на отслеживание изменений в законах и законодательных актах с пониманием как их можно (нужно) применять в практической деятельности.

Таблица 1

**Значимые корреляции Спирмена между шкалами опросника
 «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)» М.А. Щукиной
 и остальными характеристиками компетенций**

Шкалы опросника УРСЛ / Характеристики компетенций	Активность—реактивность	Автономность—зависимость	Целостность—неинтегративность	Опосредствованность—непосредственность	Креативность—стандартность	Самоценность—малоценность	Общий уровень субъектности
Предметная компетентность	0,2*	0,142	0,219**	0,189*	0,134	0,213**	0,118
Межведомственная компетентность	0,252**	0,154	0,311***	0,177*	0,258**	0,192*	0,177*
Правовая компетентность	0,076	0,129	-0,035	-0,017	0,103	0,126	0,073
Самоэффективности в сфере предметной деятельности	0,656***	0,578***	0,422***	0,532***	0,556***	0,585***	0,549***
Самоэффективность в сфере межличностного общения	0,428***	0,38***	0,2*	0,299***	0,364***	0,435***	0,376***
Спектр эмоций	-0,005	-0,084	0,059	-0,015	0,002	-0,005	-0,035
Отношение к технологиям	-0,114	-0,082	-0,085	-0,073	-0,091	-0,096	-0,125
Степень уверенности пользования Интернетом	0,254**	0,228**	0,236**	0,202*	0,172*	0,21*	0,239**

Знание воз- можностей Интернета	0,284***	0,212**	0,24**	0,198*	0,268**	0,288***	0,227**
Индекс вик- тимности	-0,112	-0,17*	0,027	-0,17*	-0,052	-0,172*	-0,091
Решение задач	0,305***	0,243**	0,237**	0,271***	0,253**	0,181*	0,251**

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$.

Предметная компетенция здесь была представлена тестом на осведомленность о специфике юношеского (подросткового) возраста. Можно увидеть, что хотя с общим уровнем субъектности корреляций нет, однако есть с активностью (на уровне 0,05), целостностью и самооценностью (на уровне 0,01). И если с активностью связь понятна (чем больше общаешься с подростками, тем лучше их знаешь), то целостность как способность «строить отношения с окружающими на основе равных прав и возможностей, когда каждый участник взаимодействия рассматривается как самостоятельная ценность, интересы и особенности которой обязательно должны быть учтены» (Щукина М.А., 2009), и самооценность, когда человек «доверяет себе, является для себя точкой опоры, учитывает свои интересы и особенности при принятии решений» (там же) [26], являются важными для того, чтобы принять специфику подростков и быть для них ориентиром.

Межведомственная компетентность (измерялась шириной охвата разных ведомств) имеет больше связей, чем предметная, что видимо отразилось и на общем уровне субъектности. Интересно, что здесь тоже играет роль (даже большую) целостность, что понятно, так как выстраивать взаимодействие с разными организациями нужно, учитывая границы. Меньшую статистическую значимость получили креативность и самооценность, но их значение в выстраивании отношений не нуждается в пояснении.

Самоэффективность в предметной деятельности и межличностном общении, как характеристики коммуникативной компетенции, получили наибольшее количество связей, но это не удивительно, так как оценка своего потенциала (коей является самоэффективность) не может быть не тесно связанной с разными аспектами субъектности. Интересно только, что целостность выбивается из этого ряда, но, видимо, отстаивание границ не всегда способствует самоэффективности в общении.

Технологическая (цифровая) компетенция представлена рядом характеристик. Мы специально оставили в таблице значения корреляций, которые описывают эмоциональное отношение респондентов, так как нам показалось интересным, что, хотя в целом имеется положительное отношение к технологиям, однако связь скорее обратная (но на уровень значимости не выходит). И если со спектром эмоций это понятно (чем человек больше управляет собой, тем меньше разнообразных эмоций он испытывает в Интернете; так он может выбирать с каким контентом он взаимодействует), то с отношением к технологиям уже требуется отдельное исследование.

Много корреляций обнаруживается с самооценкой своих пользовательского уровня и знаний (использованием возможностей Интернета). Можно сказать, что все субъектные характеристики способствуют уверенности в использовании Интернета, а самооценность очень сильно связана с широким репертуаром использования разных возможностей Интернета.

Индексом виктимности обозначен репертуар рисков, с которым специалисты сталкивались в Интернете. Получается, что чем больше у человека автономность (человек как самостоятельный игрок в межличностных отношениях; принятие ответственности за свою жизнь), опосредованность (обдумывание, прогнозирование своего поведения) и самооценочность, тем с меньшим количеством опасностей в Интернете он сталкивался. И возможно, наоборот, чем выше зависимость, непосредственность и малоценность, тем больше в его опыте представлено рисков и угроз Интернета.

Решение ситуационных задач оказалось связанным с многими параметрами субъектности, однако самые стойкие связи (на уровне 0,001) обнаружены с активностью человека и опосредованностью. То есть чем активнее человек себя ведет, но при этом не импульсивно, тем больше у него шансов правильно поступить в ситуациях в различных сферах (начиная с коммуникативных до контентных). Интересно, что в данном контексте меньшую значимость (но все-таки статистически достоверную) играет самооценочность.

Общая модель компетенций специалистов

Попробуем теперь собрать все в общую модель компетенций. Для этого из предметной компетенции возьмем данные об осведомленности о специфике подросткового возраста (данные тестирования); правовую компетентность возьмем как процент людей, которые думают, что есть правовая регуляция в Интернете; межведомственную компетенцию будем считать как ширину охвата разных ведомств в деятельности специалистов; коммуникативную — как самоэффективность в сфере межличностного общения, а субъектную — как общий уровень субъектности. Наибольшую сложность вызвало измерение технологической (цифровой) компетенции из-за ее многоплановости. Мы остановились на количестве решения практических ситуаций как наиболее статистически сильном параметре. Все измерения были переведены в процентное соотношение; при этом там, где требовалось, складывались число респондентов со средним и высоким уровнем.

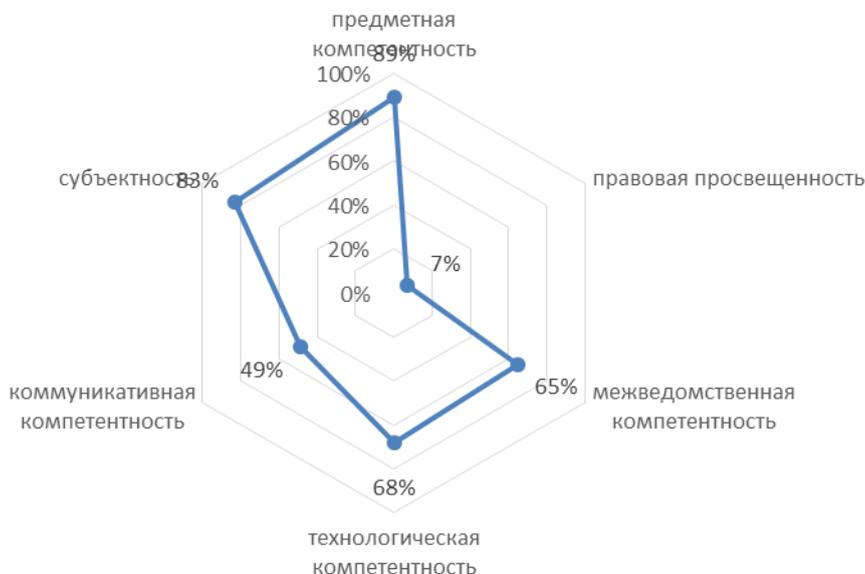

Рис. 7. Развитие компетенций у сотрудников подростковых клубов

Таким образом, на рис. 7 можно увидеть, что такие параметры, как предметная и субъектная компетенции, развиты у специалистов подростковых клубов в достаточной мере, а такие компетенции, как правовая и коммуникативная, еще требуют развития. При этом именно

наше исследование показывает, что акцент нужно делать на субъектность самого специалиста, т. е. при повышении квалификации больше давать возможности самому человеку ставить задачи и повышать уверенность специалиста в том, что он может быть успешен в такой бурно развивающейся области как интернет-технологии.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

7. На основе схемы деятельности У. Энгестрёма была разработана модель компетенций специалиста, работающего с онлайн-рисками и ресурсами, состоящая из предметной, правовой, межведомственной, технологической (цифровой), коммуникативной и субъектной компетентностей.
8. Измерение развития данных компетенций у реально работающих с подростками специалистов показало, что они сформированы в очень разной мере. Так, правовая компетентность в первом приближении оказалась очень мало развита (см. рис.7). Также вызывает удивление низкая развитость коммуникативной компетенции.
9. Определение связи всех компетенций с субъектностью специалиста позволило подтвердить гипотезу: за исключением правовой, все компетенции имеют разные уровни значимости с разными компонентами субъектности. Самые сильные связи выявлены у коммуникативной и технологической (цифровой) компетенций.

Заключение

Данное исследование является лишь началом разработки модели специалиста, работающего с онлайн-рисками и ресурсами. Хотелось бы дальше опираться на методики определения осведомленности в специфике современного подростничества, учитывающие изменения опыта социализации (в том числе цифровой). Кроме того, каждая компетенция нуждается в методике ее более глубокого измерения. Но особое значение для нас имеет цифровая компетенция, которую можно было бы расширить в сторону как практического использования интернет-технологий, так и владения специфичными педагогическими и психологическими технологиями.

Направлением дальнейших исследований может стать разработка и определение эффективности программ повышения квалификации специалистов, которые работают с интернет-рисками и ресурсами.

Литература

1. Аршинова В.В., Кузнецова Н.В. Тренинговые онлайн-технологии работы в период пандемии COVID-19 // *Личность в пространстве и времени*. № 9. Смоленск, 2020. С. 22–33.
2. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Актуальные проблемы подготовки специалистов в области профилактики девиантного поведения в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // *Вестник практической психологии образования*. 2020. Том 17. № 2. С. 87–96. doi:10.17759/bppe.2020170208
3. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2020. Том 10. № 2. С. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2020100201
4. Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В. Тренинги офлайн или онлайн: тенденции в подготовке юридических психологов [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2022. Том 12. № 2. С. 224–238. doi:10.17759/psylaw.2022120216

5. Болсуновская Н.А. Возможности online консультирования [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2009. Том 6. № 3. С. 122–127. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2009_n3/27653 (дата обращения: 23.07.2023).
6. Нуцкова Е.В., Дозорцева Е.Г. Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, потерпевших от кибергруминга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306
7. Бэксхёрст Д. К вопросу об эволюции теории деятельности [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2006. Том 2. № 4. С. 79–84. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2006_n4/Bakhurst (дата обращения: 23.07.2023).
8. Величко Г.А., Лизунова Г.Ю. Особенности проведения социально-психологических тренингов в онлайн-формате [Электронный ресурс] // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (55). С. 66–70. doi:10.37386/2413-4481-2023-2-66-70
9. Виноградова Е.М., Котляр И.А. Концепция У. Энгельста — вариант прочтения теории деятельности А.Н. Леонтьева [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2006. Том 2. № 4. С. 74–78. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2006_n4/Korepanova (дата обращения: 23.07.2023).
10. Дозорцева Е.Г., Медведева А.С. Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 250–263. doi:10.17759/psylaw.2019090217
11. Карагачева М.В., Казначеева Н.Б. Технология проведения социально-психологических тренингов в дистанционном формате // Пространство образования и личностного развития: практики исследования и сотрудничества: Материалы межрегиональной научно-практической конференции / под науч. ред. И.В. Серафимович, Г.В. Куприяновой. Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2022. С. 93–98.
12. Кирюхина Д.В. Кибербуллинг и индивидуально-психологические характеристики его участников [Электронный ресурс] // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2020): Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 19–21 ноября 2020 г. / Под ред. М.Г. Сороковой, Е.Г. Дозорцевой, А.Ю. Шеманова. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 306–310. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2020/contents/Kiryukhina> (дата обращения: 23.07.2023).
13. Медведева А.С., Дозорцева Е.Г. Характеристики онлайн груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 161–173. doi:10.17759/psylaw.2019090412
14. Меновщиков В.Ю. Психологическая помощь в сети интернет. М., 2007. 178 с.
15. Меновщиков В.Ю. Этические вопросы консультирования онлайн [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2010. Том 6. № 1. С. 89–95. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2010_n1/29278 (дата обращения: 23.07.2023).
16. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности. М.: МПСИ, 2002. 400 с.
17. Отклоняющееся онлайн-поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях: Учебное пособие [Электронный ресурс] / Под ред. Н.В. Дворянчикова, О.В. Рубцовой. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 100 с. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022 (дата обращения: 23.07.2023).

18. Пасечкина Т.Н. Формирование коммуникативной компетентности и коммуникативной самоэффективности как “soft skills” будущих специалистов [Электронный ресурс] // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева. 2019. № 2 (48). С. 178–188. doi:10.25146/1995-0861-2019-48-2-135
19. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: В 2 ч. Ч. 2. Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения: практическое пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 507 с.
20. Саннино А., Энгестрём У. Культурно-историческая теория деятельности: фундаментальные открытия и новые вызовы [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2018. Том 14. № 3. С. 43–56. doi:10.17759/chp.2018140304
21. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
22. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 87–97. doi:10.17759/chp.2020160409
23. Солдатова Г.У., Шляпников В.Н., Журина М.А. Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 3. С. 50–66. doi:10.17759/cpp.2015230304
24. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 276–295. doi:10.17759/psylaw.2019090219
25. Щедринская О.М., Бебчук М.А. Онлайн-консультирование через призму профессиональной этики: проблемы и решения [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 3. С. 84–99. doi:10.17759/cpp.2020280306
26. Щукина М.А. Психология саморазвития личности: проблемы, подходы, гипотезы. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009.

References

1. Arshinova V.V., Kuznetsova N.V. Treningovye onlain-tehnologii raboty v period pandemii COVID-19 [Online training technologies for working during the COVID-19 pandemic]. *Lichnost' v prostranstve i vremeni*. Vol. 9. Smolensk, 2020, pp. 22–33. (In Russ.).
2. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Aktual'nye problemy podgotovki spetsialistov v oblasti profilaktiki deviantnogo povedeniya v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Actual Problems of Training Specialists in the Field of Deviant Behavior Prevention in Educational Institutions] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2020. Vol. 17, no. 2, pp. 87–96. doi:10.17759/bppe.2020170208 (In Russ.).
3. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i podrostkov kak napravlenie deyatel'nosti psikhologa v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2020100201 (In Russ.).
4. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. Treningi oflain ili onlain: tendentsii v podgotovke yuridicheskikh psikhologov [Online and Offline Training: Trends in Education of Specialists in the Field of Forensic and Legal Psychology] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo =*

Psychology and Law, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 224–238. doi:10.17759/psylaw.2022120216 (In Russ.).

5. Bolsunovskaya N.A. Vozmozhnosti online konsul'tirovaniya [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2009. Vol. 6, no. 3, pp. 122–127. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2009_n3/27653 (Accessed 23.07.2023). (In Russ.).

6. Nutskova E.V., Dozortseva E.G. Kliniko-psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh, poterpevshikh ot kibergruminga [Clinical and Psychological Features of Minor Victims of Cybergrooming] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 66–76. doi:10.17759/psylaw.2022120306 (In Russ.).

7. Bekkerst D. K voprosu ob evolyutsii teorii deyatelnosti [On the Evolution of Activity Theory] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2006. Vol. 2, no. 4, pp. 79–84. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2006_n4/Bakhurst (Accessed 23.07.2023). (In Russ.).

8. Velichko G.A., Lizunova G.Yu. Osobennosti provedeniya sotsial'no-psikhologicheskikh treningov v onlain-formate [Features of conducting socio-psychological trainings in an online format] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Vestnik Altayskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2023, no. 2 (55), pp. 66–70. doi:10.37386/2413-4481-2023-2-66-70 (In Russ.).

9. Vinogradova E.M., Kotliar I.A. Kontsepsiya U. Engestrema — variant prochneniya teorii deyatelnosti A.N. Leont'eva [Understanding A.N. Leontiev's Activity Theory: U. Engestrom and His Works] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2006. Vol. 2, no. 4, pp. 74–78. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2006_n4/Korepanova (Accessed 23.07.2023). (In Russ.).

10. Dozortseva E.G., Medvedeva A.S. Seksual'nyi onlain gruming kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya [Sexual Online Grooming as an Object of Psychological Research] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 250–263. doi:10.17759/psylaw.2019090217 (In Russ.).

11. Karagacheva M.V., Kaznacheeva N.B. Tekhnologiya provedeniya sotsial'no-psikhologicheskikh treningov v distantsionnom formate [Technology of Conducting Socio-Psychological Trainings in Remote Format]. In Serafimovich I.V., Kupriyanova G.V. (eds.). *Prostranstvo obrazovaniya i lichnostnogo razvitiya: praktiki issledovaniya i sotrudnichestva: Materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Yaroslavl: GAU DPO YaO IRO Publ., 2022, pp. 93–98. (In Russ.).

12. Kiryukhina D.V. Kiberbulling i individual'no-psikhologicheskie kharakteristiki ego uchastnikov [Elektronnyi resurs]. In Sorokova M.G., Dozortseva E.G., Shemanova A.Yu. (eds.). *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2020): Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 19–21 noyabrya 2020 g.* Moscow: FGBOU VO MGPPU Publ., 2020, pp. 306–310. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2020/contents/Kiryukhina> (Accessed 23.07.2023). (In Russ.).

13. Medvedeva A.S., Dozortseva E.G. Kharakteristiki onlain gruminga kak vida seksual'noi ekspluatatsii nesovershennoletnikh (po rezul'tatam analiza perepisok vzroslykh i detei v seti Internet) [Features of online grooming as a form of sexual exploitation of minors (based on the analysis of communication between adults and children in the Internet)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i*

parvo = Psychology and Law, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 161–173. doi:10.17759/psylaw.2019090412 (In Russ.).

14. Menovshchikov V.Yu. *Psikhologicheskaya pomoshch' v seti internet*. Moscow, 2007. 178 p. (In Russ.).

15. Menovshchikov V.Yu. Eticheskie voprosy konsul'tirovaniya onlain [Ethical issues of on-line psychological counseling] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2010. Vol. 6, no. 1, pp. 89–95. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2010_n1/29278 (Accessed 23.07.2023). (In Russ.).

16. Mitina L.M. *Psikhologiya razvitiya konkurentosposobnoi lichnosti*. Moscow: MPSI Publ., 2002. 400 p. (In Russ.).

17. Dvoryanchikov N.V., Rubtsova O.V. (eds.). *Otklonyayushcheesya onlain-povedenie podrostkov i molodykh vzroslykh v sotsial'nykh setyakh: Uchebnoe posobie* [Elektronnyi resurs]. Moscow: FGBOU VO MGPPU Publ., 2022. 100 p. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deviant_online_behavior_2022 (Accessed 23.07.2023). (In Russ.).

18. Pasechkina T.N. Formirovanie kommunikativnoi kompetentnosti i kommunikativnoi samoeffektivnosti kak “soft skills” budushchikh spetsialistov [Development of communicative competence and communicative self-efficacy as “soft skills” of future specialists] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*, 2019, no. 2 (48), pp. 178–188. doi:10.25146/1995-0861-2019-48-2-135 (In Russ.).

19. Rogov E.I. *Nastol'naya kniga prakticheskogo psikhologa: V 2 ch. Ch. 2. Rabota psikhologa so vzroslymi. Korrektsionnye priemy i uprazhneniya: prakticheskoe posobie*. 4th ed. Moscow: Yurait, 2023. 507 p. (In Russ.).

20. Sannino A., Engeström Y. Kul'turno-istoricheskaya teoriya deyatelnosti: fundamental'nye otkrytiya i novye vyzovy [Cultural-historical activity theory: founding insights and new challenges] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2018. Vol. 14, no. 3, pp. 43–56. doi:10.17759/chp.2018140304 (In Russ.).

21. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.Yu. *Tsifrovaya kompetentnost' podrostkov i roditelei. Rezul'taty vserossiiskogo issledovaniya*. Moscow: Fond Razvitiya Internet, 2013. 144 p. (In Russ.).

22. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. *Itogi tsifrovoi transformatsii: ot onlain-real'nosti k smeshannoi real'nosti* [Digital Transition Outcomes: From Online Reality to Mixed Reality] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 87–97. doi:10.17759/chp.2020160409 (In Russ.).

23. Soldatova G.U., Shlyapnikov V.N., Zhurina M.A. *Evolyutsiya onlain-riskov: itogi pyatiletnei raboty linii pomoshchi “Deti onlain”* [The evolution of online-risks: the results of helpline “KIDS ONLINE” five years work] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 3, pp. 50–66. doi:10.17759/cpp.2015230304 (In Russ.).

24. Khlomov K.D., Davydov D.G., Bocharov A.A. *Kiberbulling v opyte rossiiskikh podrostkov* [Cyberbullying in the Experience of Russian Teenagers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 276–295. doi:10.17759/psylaw.2019090219 (In Russ.).

25. Shchedrinskaya O.M., Bebhuk M.A. *Onlain-konsul'tirovanie cherez prizmu professional'noi etiki: problemy i resheniya* [Online Counseling Through the Lens of Professional Ethics: Challenges]

Богданович Н.В., Делибальт В.В., Дегтярев А.В.
Интернет-риски и ресурсы: модель компетенций
специалиста по работе с подростками
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 72–92

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V.
Internet Risks and Resources: Competency Model
for a Specialist in Working with Adolescents
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 72–92

es and Solutions] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 3, pp. 84–99. doi:10.17759/cpp.2020280306 (In Russ.).

26. Shchukina M.A. *Psikhologiya samorazvitiya lichnosti: problemy, podkhody, gipotezy*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2009. (In Russ.).

Информация об авторах

Богданович Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Делибальт Варвара Васильевна, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Дегтярёв Артем Викторович, старший преподаватель, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Information about the authors

Nataliya V. Bogdanovich, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Varvara V. Delibalt, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Artem V. Degtyarev, Senior Lecturer, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Получена 21.07.2023
Принята в печать 13.08.2023

Received 21.07.2023
Accepted 13.08.2023

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Мельникова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Белова Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

На основе теории неопределенности—идентичности М. Хогга нами была сформулирована и представлена здесь модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Цель излагаемого исследования заключается в эмпирической проверке модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Выборку исследования составили ученики старших классов ряда школ г. Москвы и студенты ряда московских вузов. Всего в исследовании приняли участие 580 человек в возрасте от 14 до 27 лет ($M=17,32$; $SD=1,66$), 392 респондентов женского пола, 7 респондентов не указали свой пол. Основной метод исследования — опрос в форме анкетирования. Модель оценки риска получила частичную эмпирическую поддержку. Для последующей проверки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде предлагается реализация следующих шагов: 1) выявить специфику социальных идентичностей в подвыборке школьников; 2) проанализировать особенности групп, с которыми идентифицируются школьники и студенты; 3) на основе результатов самых последних исследований предлагается воспользоваться методикой картографирования

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

социальной идентичности, которая демонстрирует свои преимущества по сравнению с традиционными способами измерения социальной идентичности.

Ключевые слова: радикализация, механизмы радикализации, чувство неопределенности, социальная идентичность, модель оценки риска.

Финансирование. Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта (Государственное задание Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00038-23-02 от 13.02.2023 «Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде»).

Для цитаты: Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307

Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents and Young Adults: Some Empirical Evidence

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Daria V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Evgeniya D. Belova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Based on M. Hogg's uncertainty-identity theory, a radicalisation risk assessment model was formulated. The aim of the presented study was to test the model for assessing the risk of radicalisation in adolescents and young people. A total of 580 adolescents and young people aged from 14 to 27 years ($M=17.32$, $SD=1.66$) took part in the study; 392 respondents were female, 7 respondents did not indicate their gender. The main method of the study was a survey in the form of a questionnaire. The risk assessment model got partial empirical support. For further validation of the model it was proposed to implement the following steps: 1) to identify the particularities of social identities in a subsample of schoolchildren; 2) to analyse the characteristics of the groups with which schoolchildren and students identify

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

themselves; 3) based on the results of the most recent studies, it is proposed to use the method of social identity mapping, which demonstrates its advantages over traditional ways of measuring social identity.

Keywords: radicalisation, mechanisms of radicalisation, feeling of uncertainty, social identity, risk assessment model.

Funding. The work was performed as a part of the research project “Assessment of the radicalisation risk among young people” (State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, no. 073-00038-23-02 dated 13.02.2023).

For citation: Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.D. Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents and Young Adults: Some Empirical Evidence. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307 (In Russ.).

Введение

Критический анализ существующих моделей радикализации, предложенных Р. Боремом, К. Викторовичем, Ф. Мохаддамом, М.Д. Силбером и А. Баттом, М. Сейджманом [19], позволил сделать вывод о необходимости рассматривать процесс радикализации через призму такой теоретической традиции, которая была адекватна изучению самого феномена (радикализация как легитимизация терроризма понимается как явление, происходящее в групповом контексте). Процесс радикализации — это траектория поиска и обретения такой социальной идентичности, которая снизила бы чувство неопределенности, испытываемое индивидом. Такое понимание соответствует логике теории неопределенности—идентичности, предложенной М. Хоггом [7; 13—17]. В отечественной литературе эта модель получила самое пристальное внимание исследователей [2], в связи с этим ограничимся лишь указанием на суть этой модели.

1. Индивид испытывает чувство неопределенности. М. Хогг подчеркивает, что не любая неопределенность мотивирует к действиям, но только та, которая затрагивает Я, значима для человека, на разрешение которой он тратит значительную когнитивную энергию [17]. Речь идет именно о *переживании* неопределенности, а не о когнициях о неопределенности. В определенные моменты нестабильности (социальной, политической, экономической) индивиды острее переживают неопределенность окружающего мира, привлекательными для них становятся радикальные и экстремистские воззрения в силу их однозначности и определенности. В литературе имеется анализ многочисленных исторических примеров, демонстрирующих справедливость этой идеи [18].

Возникновение и широкое распространение новых технологий, несомненно, способствует усилению чувства неопределенности у их пользователей. Процесс общения в современном мире трансформировался, его преимущественная часть связана с использованием информационно-коммуникативных технологий. С одной стороны, новые технологии предоставили человеку разнообразные возможности для общения. С другой стороны, общение, опосредствованное новыми технологиями, претерпело серьезные изменения: у участников общения имеется возможность сохранять анонимность, модифицировать или сконструировать идентичность, прервать или прекратить общение в любой момент [3—6]. Новые технологии создают иллюзию общения, нежели общение в подлинном смысле слова [6]. Как отмечают А.Ш. Тхостов и К.Г. Сурнов, массовая культура разрушает устойчивые основания для иден-

тификации, порождает вакуум, который индивиду необходимо заполнить [6]. В современном мире традиционные основания для категоризации не срабатывают, что способствует порождению чувства неопределенности, которое человек стремится избежать или хотя бы снизить;

2. Для того, чтобы управлять этим чувством неопределенности, индивид ищет группу.

3. В ситуации неопределенности не любая группа обратит на себя внимание индивида, привлекательными будут только *те* группы, которые дают ему ясный, простой и четкий прототип (под прототипом понимается расплывчатый набор атрибутов, объединяющих восприятие, аттитюды, чувства, и предписывающий индивиду то или иное поведение). Прототип позволяет говорить о том, что характеризует данную группу («мы — такие») и чем она отличается от других групп («они — этакие»). В соответствии с теорией самокатегоризации, по принципу контраста члены своей группы должны быть максимально отличающимися от членов чужой группы; по принципу ассимиляции — внутри своей группы — члены группы должны иметь минимальные различия [7; 13—15].).

Получая определенный прототип, человек обретает информацию о том, что думать, чувствовать и как действовать, а также чего именно ожидать от окружающих, как взаимодействовать с ними [7], другими словами, крайне неприятное чувство неопределенности снижается.

Следствие из теории Хогга таково: люди становятся членами группировок с экстремистскими взглядами, разделяют радикальные идеи не потому, что они являются приверженцами определенной идеологии, но потому что они стремятся снизить чрезвычайно неприятное чувство неопределенности. Чем выше у индивида идентификация с такими группами, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, поскольку социальная идентичность, особенно если она всеохватывающая, ригидная, эксклюзивная и предписывающая в крайней степени, способствует переходу к действиям [17]. Переход к действиям обусловлен не негативными социальными установками в отношении тех или иных групп [22], а именно действиями от имени группы, с которой индивид идентифицируется в высокой степени.

В соответствии с этими положениями теории М. Хогга [13—17] нами была сформулирована модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. Ключевым конструктом модели оценки риска является специфика социальной идентичности индивида. Мы исходили из определения социальной идентичности, данного Г. Тэшфелом: «...знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [25, р. 292]. Другими словами, социальная идентичность — это та часть Я человека, которая происходит из знания о членстве в социальных группах, в сочетании с эмоциональным и ценностным аспектами. Социальные идентичности человека изменяются не только со временем; согласно подходу социальной идентичности, в том или ином социальном контексте доминирует определенная социальная идентичность; как следствие, когнитивный, аффективный и поведенческий уровни индивида определяются интересами именно этой социальной группы, а не других групп, членами которых он также является [8].

Чувство неопределенности — этот конструкт сопряжен с тем, что человек страдает от неопределенности, задаваясь вопросами: «Что делать?», «Кем быть?» «Что думать?». Неопределенность трактуется в логике теории неопределенности—идентичности, рассматривается как зависящая не от личности, но от социального контекста.

В логике модели оценки риска радикализации первостепенным является ответ на вопрос о специфике социальной идентичности индивида: обладает ли он рядом социальных идентич-

ностей или нет. Согласимся с тезисом А. Хаслама [12] относительно того, что множественность позитивных, значимых и совместимых друг с другом социальных идентичностей оказывается серьезным потенциалом для благополучия индивида. Идентифицируясь с различными группами, индивид обретает ценности и нормы; будучи членом группы, он оказывает влияние на других и сам оказывается под их влиянием; чем больше индивид идентифицирует себя с группой, тем в большей степени он воспринимает себя как похожего на других членов группы (что обеспечивает взаимозаменяемость членов группы), в большей степени он переживает свою связь с другими членами группы. В социальной идентичности человек черпает смысл, цель и ценность своего существования, чувство эффективности и власти [12]. Другими словами, развивая тезис А. Хаслама, можно говорить о том, что обладание такими социальными идентичностями связано с удовлетворением базовых психологических потребностей (в частности, в уважении, принадлежности, смысле) [12]; преимущества, которые индивид получает от множественных социальных идентичностей (позитивных, значимых, совместимых друг с другом), выступают своего рода защитными факторами, которые противостоят риску радикализации. На другом полюсе оказывается индивид, который идентифицирует себя с незначительным количеством групп (условно говоря, — индивид с недостаточной социальной идентичностью). Представляется возможным говорить о том, что такой индивид не обладает преимуществами, обозначенными выше; под угрозой оказывается удовлетворение базовых потребностей. Важно понять, с какими именно группами идентифицируется индивид — с малыми группами (группой близких людей, учебной или рабочей группой) или с большими группами (стихийными или устойчивыми). В пользу выделения этого параметра говорят модели радикализации и оценка риска радикализации [24]. Если исходить из того, что радикализация — это поиск новой социальной идентичности, а также принимать во внимание, что в процессе радикализации индивид отстраняется от семьи и друзей, то можно полагать, что особенности идентификации с группами из ближайшего окружения (т. е. потеря социальной идентичности или отсутствие идентификации с группами из близкого окружения) [19; 24] являются индикатором уязвимости индивида с точки зрения процесса радикализации.

Анализ специфики социальных идентичностей индивида предполагает изучение особенности групп, к которым принадлежит индивид, а также особенностей группы, к которым индивид хотел бы присоединиться. Ключевым здесь является тезис о том, что группа, которой отдает предпочтение индивид, испытывающий чувство неопределенности и стремящийся избавиться от него, должна характеризоваться высокой степенью энтитативности (или восприниматься как таковая). В логике теории М. Хогга, чувство неопределенности толкает индивида в сторону предпочтения такой группы, которая дала бы ему всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность [13—17]. Отсюда индивиды, имеющие множественную социальную идентичность, и индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности, разнятся по тому, какие группы их привлекают, какие социальные идентичности они хотели бы иметь.

Скорость процесса радикализации различается в самом начале и в конце этого пути (прихода к легитимизации терроризма). Как показывает анализ постадийных моделей радикализации [19; 24], изначально события, связанные с радикализацией, происходят преимущественно в когнитивном плане; на стадиях, приближенных к завершению радикализации, этот процесс выходит преимущественно в поведенческий план, в план социальных практик и отношений. В силу того, что события, происходящие в когнитивном плане, скрыты от наблю-

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

дения, зачастую может сложиться впечатление, что человек «быстро радикализировался», однако это скорее иллюзия.

И хотя в моделях оценки риска, используемых в настоящее время [24], этот факт принимается во внимание, тем не менее, то, что открыто для наблюдения, соответствует такой точке на пути радикализации, когда значительная часть пути уже пройдена. Сложность построения модели оценки риска радикализации, основанной на раннем распознавании признаков радикализации, связана с тем, что в фокусе внимания оказывается то, что происходит на когнитивном уровне индивида, уязвимо к радикализации. У каждого момента процесса радикализации имеются свои когнитивно-аффективные особенности, отсюда инструмент диагностики предполагает определенную субтильность для того, чтобы не допустить ошибочных суждений об уязвимости субъекта.

Первоначальные стадии радикализации, если рассматривать их в логике модели, охарактеризованной выше, сопряжены с переживанием неопределенности и поиском способов ее снижения, что позволяет ожидать поиск информации радикализирующимися индивидами, наличие запроса на коммуникацию, что говорит в пользу того, что человек оказывается уязвимым к коммуникативному воздействию соответствующих террористических организаций.

В литературе указывалось на то, что на поздних стадиях радикализации индивиды дистанцируются от ближайшего окружения (семьи, друзей) [19; 24]; было бы важно понять, как именно сами индивиды видят эти группы в качестве оснований для идентификации — имеет ли место снижение идентификации, рассматривают ли они эти группы, как не важные или дающие негативную социальную идентичность.

Все сказанное выше делает очевидным необходимость исследования, которое позволило бы проверить основополагающее предположение в модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде: индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности (набора позитивных, значимых, совместимых друг с другом социальных идентичностей, особенно, если среди этих идентичностей отсутствуют идентичности, получаемые в группах близкого окружения — семьи и друзей), испытывающие чувство неопределенности, будут стремиться к членству в высоко энтитативной группе для снижения чувства неопределенности. Во внимание принимаются этические проблемы, сопряженные с разработкой моделей оценки риска в целом, в частности, идея о том, что модель оценки риска радикализации позволяет говорить о выявлении уязвимых индивидов, с которыми предполагается проведение дополнительных диагностических процедур.

Программа исследования

Цель исследования заключалась в эмпирической проверке модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Объект исследования — подростково-молодежная среда.

Выборку составили ученики старших классов ряда школ г. Москвы и студенты ряда московских вузов. Всего в исследовании приняли участие 580 человек в возрасте от 14 до 27 лет ($M=17,32$; $SD=1,66$), 392 респондентов — женского пола, 7 респондентов не указали свой пол. Из основного анализа были исключены частично заполненные анкеты: основному анализу были подвергнуты данные, полученные от 236 студентов и 273 школьников.

Если чувство неопределенности толкает индивида в сторону предпочтения такой группы, которая дала бы ему всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность [13—17], то индивиды, имеющие множествен-

ную социальную идентичность, и индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности, различаются по тому, какие группы их привлекают. Те, кто не имеет множественной социальной идентичности, отдадут предпочтение в пользу такой группы, которая дала бы им однозначный прототип. В этом и заключалось исходное предположение, проверяемое в исследовании. В настоящей работе предлагается рассмотреть только часть результатов научно-исследовательского проекта, однако проверяемое предположение отражает основополагающую идею модели оценки риска и представляет первостепенный интерес.

Методы и процедура исследования. Основным методом исследования выступал опрос в варианте анкеты. В первой части респондентам предлагалась методика М. Куна—Т. Макпартленда «Кто я?» [1]. Предпочтение именно этого инструмента для анализа особенностей социальной идентичности по сравнению, например, с методиками, используемыми в рамках подхода социальной идентичности для измерения множественной социальной идентичности, объясняется необходимостью получения информации о специфике групп (малые или большие), с которыми индивид себя идентифицирует.

Во второй части респондентам предлагалось ответить на вопрос о среднесрочном образе своего будущего (через 5 лет). При всех ограничениях этого вопроса, он связан с дополнительным измерением чувства неопределенности.

В третьей части опросника респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, к каким группам они принадлежат (школьникам предлагалось указать три такие группы, студентам — пять групп). Со времени выхода в свет работы Д. Кэмпбелла [11], в которой он предложил понятие энтитативности, были сформулированы и получили эмпирическую проверку подходы к изучению энтитативности, в рамках каждого из них были предложены инструменты измерения энтитативности [9—10; 20—21]. С опорой на анализ этой литературы были разработаны шкалы (20 шкал), позволяющие оценивать энтитативность группы по разным основаниям. По тем же шкалам респондентам предлагалось оценить воображаемую группу, членом которой он хотел бы стать. В случае школьников дополнительный вопрос касался воображаемой группы, к которой индивид не хотел бы принадлежать. В последней части респондентам предлагалось ответить на ряд социально-демографических вопросов. Качественная информация обрабатывалась с помощью контент-анализа, с повторным кодированием, что позволило проверить совпадение результатов кодирования.

Описание и интерпретация результатов

Особенности социальной идентификации в подростково-молодежной среде. По результатам контент-анализа ответов, полученных по методике М. Куна—Т. Макпартленда «Кто я?» все респонденты были разделены на подгруппы в зависимости от частоты идентификации с различными группами: малыми группами (группами близких людей, рабочими группами или учебными группами) и большими группами (устойчивыми — этнос, профессиональная группа — или стихийными — аудитория, публика и пр.). Два типа социальных идентичностей в наибольшей степени указываются респондентами: получаемые в малых группах ближайшего окружения и в больших устойчивых социальных группах. Реже респонденты идентифицируются с рабочим коллективом или учебной группой, а также с группами по интересам (любители музыки, танцев, чтения, спорта и пр.).

В подвыборке студентов: 1) с множественной социальной идентичностью (3 и более) — 200 респондентов (84,75%); 2) без указания на социальные идентичности или с единичной социальной идентичностью — 12 студентов (5%). Отсутствие социальных идентичностей

означает, что респонденты использовали другие категории ответов на вопрос «Кто я?»: физическое Я или психологическое Я.

В подвыборке школьников: 1) с множественной социальной идентичностью (3 и более) — 225 респондентов (82,4%); 2) без указания на социальные идентичности или с единичной социальной идентичностью — 29 школьников (10,5%). В логике сформулированной выше модели эти подгруппы рассматривались как категории для дальнейшего сравнения.

Среди ответов студентов и школьников встречались как указания на возможные будущие идентичности (например, на профессиональные группы, на будущие семейные группы), так и на прошлые идентичности, например, бывшая баскетболистка, бывший танцор, бывший одноклассник.

Описанная выше специфика социальной идентификации в студенческой среде соответствует логике фрагментации современного общества, когда традиционные категории для идентификации более не действуют, не являются привлекательными.

Образ будущего. Подвыборка студентов: 206 респондентов высказали один сценарий будущего, 8 респондентов — два и больше, 22 респондента не видят своего будущего или не желают его описывать. Анализ ответов на вопрос о среднесрочном будущем демонстрируют, что в целом респонденты формулируют позитивные ожидания нормативного характера, касающиеся успешной карьеры (наличие своего дела), материального достатка (приобретение машин и квартир, материальная независимость, помощь родителям), наличия семейной жизни (или близких отношений), интересного досуга. Обращает на себя внимание идеализация этого среднесрочного будущего, которая выражается в том, что 89% респондентов высказали позитивные ожидания, относительно своего будущего, они воображают себя востребованными специалистами (добившимися успехов в своей профессии), работающими по специальности, иногда проживающими за границей (востребованными там), саморазвивающимися, уверенными в себе, счастливыми, помогающими своей семье; даются образные описания, напоминающие сцены из сериалов. Кроме того, были определены те респонденты, которые предпочли не высказывать позитивных ожиданий, объяснив это сложностью прогнозирования жизни, неопределенностью.

В подвыборке школьников имеет место та же самая специфика: 264 респондента (96,7%) видят свое будущее в позитивном ключе: идеализированное понимание своего будущего; учащиеся воображают себя востребованными специалистами (добившихся успехов в своей профессии), работающими по специальности, часто проживающими за границей, саморазвивающимися, уверенными в себе, счастливыми, помогающими своей семье, поддерживающими связи с актуальными друзьями. Значение фи-критерия Фишера (4,03, $p < 0,05$) говорит о различиях, которые можно рассматривать через призму взросления в двух подвыборках.

Очевидно, что однозначность в интерпретации данных едва ли возможна; тем не менее, информация, полученная от тех респондентов, которые не имеют картины будущего или отказываются его описывать, подверглась дополнительному соотношению с результатами, полученными по другим методикам.

Образ желаемой группы. Для сравнения того, как желаемую группу воспринимают респонденты с множественной социальной идентичностью и с недостаточной социальной идентичностью был реализован следующий анализ: 1) оценки по 20 шкалам были подвергнуты процедуре эксплораторного факторного анализ (ФА) с последующим переходом к «новым переменным» (значения показателя альфа Кронбаха для каждого фактора выступали мерой оценки согласованности пунктов по шкале (превышали 0,6)). ФА был выполнен

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.*
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

по методу главных компонент с применением ортогонального вращения-варимакс. Значения по «новым переменным» подвергались сравнению в двух группах в каждой подвыборке респондентов.

В подвыборке студентов в результате процедуры ФА были выделены 6 факторов, объясняющих 59,08% от общей дисперсии, переход к новым переменным позволил сгруппировать вместе шкалы, которые характеризуют группу, дающая значимую позитивную идентичность (группа важна, привлекательна и значима, в ней осуществляется помощь друг другу, члены группы общаются каждый день, разделяя информацию, ценности этой группы важны для ее членов). Как и ожидалось, индивидов с множественной и недостаточной социальными идентичностями привлекают различные группы: $z=-2,13$ ($p<0,05$). Для респондентов с множественной социальной идентичностью привлекательны группы единомышленников, где имеет место открытый и ежедневный обмен информацией, где члены группы могут рассчитывать на помощь друг друга. Такая группа не привлекает респондентов с недостаточной социальной идентичностью.

Данный результат говорит в пользу нашего предположения, а также соответствует логике модели Хогга, на основе которой была сформулирована модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде: индивиды, испытывающие неопределенность (в нашем случае она связывается с недостаточностью социальных идентичностей), в процессе поиска новой идентичности ищут не любую группу, но лишь ту, которая имеет высокую энтитативность (с охраняемыми границами, с иерархической структурой; члены таких групп разделяют одни и те же установки и ценности, инакомыслие исключается). Очевидно, что образ группы, дающей значимую позитивную идентичность, как это понимается индивидами с множественной социальной идентичностью, не выглядит привлекательным для людей с недостаточной социальной идентичностью.

Аналогичная процедура анализа данных (ФА с последующим переходом к новым переменным), предпринятая в подвыборке школьников, не обнаружила значимых различий в образе группы, членами которой индивиды хотели бы стать, а также в образе группы, членами которой они не хотели бы стать, у респондентов с множественной и недостаточной социальными идентичностями. Эти результаты не дают эмпирической поддержки изначальное предположению, согласно которому, индивиды, имеющие множественную социальную идентичность, и индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности, различаются по тому, какие группы их привлекают, а именно: те, кто не имеет множественной социальной идентичности, отдают предпочтение группе, которая дала бы им однозначный прототип. Тот факт, что в подгруппе студентов и школьников результаты разнятся, требует последующего анализа. Если попытаться осмыслить разницу в двух группах, то представляется возможным отметить, что подростковый возраст подразумевает изменения в социальной идентичности, причем эти трансформации связаны именно с особенностями возраста. Насколько позволяет судить анализ литературы [23; 26], этот аспект исследован в меньшей степени в социальной психологии. Для понимания изменений социальной идентичности, происходящих в подростковом возрасте, нужно опираться на тезис теории самокатегоризации Дж. Тернера, согласно которому речь идет об активизации «когнитивной категоризации Я в социальных ситуациях» [26, р. 556]; отсюда изменения в социальной и когнитивной сферах, характерные для подросткового возраста, оказывают влияние как на социальную идентичность подростков, так и на специфику ее проявлений. Результаты экспериментального исследования [26], реализованного К. Танти с коллегами на 380 подростках, где независимой

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.*
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

переменной выступал тип социальной идентичности (идентификация с гендерной группой или группой сверстников), а зависимой — восприятие себя в терминах стереотипных характеристик соответствующей группы (гендерной или группы сверстников) и ингрупповой фаворитизм, продемонстрировали важность социальной идентичности, связанной с группой сверстников. Другими словами, в раннем и позднем подростковом возрасте имеет место определение своего Я через принадлежность к группе сверстников. Этот результат сочетается с изменениями, которые соответствуют тем или иным этапам подросткового возраста. Очевидно, что последующая проверка представленной здесь модели требует особого внимания к анализу особенностей социальной идентичности школьников.

Тем не менее, взятые вместе результаты исследования позволяют говорить о том, что наше общее предположение получило частичную эмпирическую поддержку (в подвыборке студентов): респонденты с недостаточной социальной идентичностью отличаются от респондентов с множественной социальной идентичностью в образе группы, частью которой они хотели бы быть (другими словами, те, кто не имеет множественной социальной идентичности, отдают предпочтение в пользу такой группы, которая дала бы им однозначный прототип).

Заключение

В соответствии с основополагающими идеями теории неопределенности—идентичности М. Хогга [13-17] нами была сформулирована модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, а также предпринята ее эмпирическая проверка.

В логике модели М. Хогга чувство неопределенности толкает индивида в сторону предпочтения такой группы, которая дала бы ему всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность [13—17]. Отсюда индивиды, имеющие множественную социальную идентичность, и индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности, различаются по тому, какие группы их привлекают (дают им позитивную социальную идентичность). Те, кто не имеет множественной социальной идентичности, отдают предпочтение в пользу группы, которая дала бы им однозначный прототип. Это основополагающее предположение было проверено в изложенном здесь эмпирическом исследовании. Результаты, полученные на выборке из 580 представителей подростково-молодежной среды, носят, с точки зрения проверки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, предварительный характер. Тем не менее, даже эти предварительные результаты обладают определенной ценностью, исходное предположение модели получило частичную эмпирическую поддержку.

Для последующей проверки модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде предлагается реализация следующих шагов: 1) выявить специфику социальных идентичностей в подвыборке школьников; 2) проанализировать особенности групп, с которыми идентифицируются школьники и студенты; 3) на основе результатов самых последних исследований [8] предлагается воспользоваться методикой картографирования социальной идентичности, которая демонстрирует свои преимущества по сравнению с традиционными способами измерения социальной идентичности.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект пресс. 2000. 288 с.

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

2. *Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б.* Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120215
3. *Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш.* Технологии и идентичность: трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9 (17). С. 33.
4. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 15–24.
5. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 115–125.
6. *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. 2005. Том 26. № 6. С. 16–24.
7. *Belavadi S., Hogg M.A.* Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication // *Advances in Group Processes / S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 61–77. doi:10.1108/S0882-614520190000036006*
8. *Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N.* A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections // *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond / I. Winkler, S. Reissner, R. Pereira (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023. P. 87–102. doi:10.4337/9781802207972.00018*
9. *Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S.* Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups // *Group Processes & Intergroup Relations. 2020. Vol. 23. P. 91–108. doi:10.1177/1368430217743577*
10. *Brewer M.B., Hong Y., Li Q.* Dynamic entitativity // *The psychology of group perception: Perceived variability, entitativity, and essentialism / Yzerbyt V., Judd C. M., Corneille O. (eds.). New York, NY: Psychology Press, 2004. P. 19–29.*
11. *Campbell D.* Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities // *Behavioral Science. 1958. Vol. 3. P. 14–25. doi:10.1002/bs.3830030103*
12. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure. London: Routledge, 2018. 490 p. doi:10.4324/9781315648569
13. *Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism // *Extremism and psychology of uncertainty / M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 19–35. doi:10.1002/9781444344073.ch2*
14. *Hogg M.A.* Social identity theory // *Contemporary social psychological theories / P.J. Burke (ed.). Palo-Alto: Stanford University Press, 2006. P. 111–136.*
15. *Hogg M.A.* To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty // *Revista de Psicología Social. 2015. Vol. 30(3). P. 586–613 doi:10.1080/02134748.2015.1065090*
16. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Handbook of theories of social psychology / P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (eds.). Sage Publications Ltd, 2012. P. 62–80. doi:10.4135/9781446249222.n29*
17. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Advances in experimental social psychology. Vol. 39. / M.P. Zanna (ed.). San Diego, CA: Academic Press, 2007. P. 69–126.*

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

18. Hogg M., Kruglanski A., Van den Bos K. Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69(3). P. 407–418. doi:10.1111/josi.12021
19. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. Vol. 23(4). P. 602–622. doi:10.1080/09546553.2011.587064
20. Lickel B., Hamilton D.L., Sherman S.J. Elements of a lay theory of groups: Types of groups, relational styles, and the perception of group entitativity // *Personality & Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5(2). P. 129–140. doi:10.1207/S15327957PSPR0502_4
21. Lickel B., Hamilton D.L., Wierzchowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78(2). P. 223–246. doi:10.1037/0022-3514.78.2.223
22. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2020. Vol. 34(3). P. 451–459. doi:10.1080/09546553.2020.1763964
23. Palmonari A., Pombeni M. L., Kirchler E. Adolescents and their peer groups: a study on the significance of peers, social categorization processes and coping with developmental tasks // *Social Behaviour*. 1990. Vol. 5(1). P. 33–48.
24. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72(3). P. 278–288. doi:10.1037/amp0000121
25. Tajfel H. La catégorisation sociale // *Introduction à la psychologie sociale / S. Moscovici (ed.)*. Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
26. Tanti C., Stukas A.A., Halloran M.J., Foddy M. Social identity change: shifts in social identity during adolescence // *Journal of Adolescence*. 2011. Vol. 34(3). P. 555–567. doi:10.1016/j.adolescence.2010.05.012

References

1. Andreeva G.M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya*. Moscow: Aspekt press. 2000. 288 p. (In Russ.).
2. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B. Otsenka riska radikalizatsii v podrostkovo-molodezhnoi srede: potentsial sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya [Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120215 (In Russ.).
3. Emelin V.A., Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Tekhnologii i identichnost': transformatsiya protsessov identifikatsii pod vliyaniem tekhnicheskogo progressa. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal) = Modern Studies of Social Problems*, 2012, no. 9 (17), pp. 33. (In Russ.).
4. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Deformatsiya khronotopa v usloviyakh sotsiokul'turnogo uskoreniiya. *Voprosy filosofii = Voprosy Filosofii*, 2015, no. 2, pp. 15–24. (In Russ.).
5. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Soblazny i lovushki temporal'noi identichnosti. *Voprosy filosofii = Voprosy Filosofii*, 2016, no. 8, pp. 115–125. (In Russ.).
6. Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. Vliyanie sovremennykh tekhnologii na razvitie lichnosti i formirovanie patologicheskikh form adaptatsii: obratnaya storona sotsializatsii. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2005. Vol. 26, no. 6, pp. 16–24. (In Russ.).
7. Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In Thye S.R., Lawler E.J. (eds.). *Advances in Group Pro-*

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

cesses. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61–77. doi:10.1108/S0882-614520190000036006

8. Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N. A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections In Winkler I., Reissner S., Pereira R. (eds.). *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023, pp. 87–102. doi:10.4337/9781802207972.00018
9. Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S. Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2020. Vol. 23. P. 91–108. doi:10.1177/1368430217743577
10. Brewer M.B., Hong Y., Li Q. Dynamic entitativity. In Yzerbyt V., Judd C. M., Corneille O. (eds.). *The psychology of group perception: Perceived variability, entitativity, and essentialism*. New York, NY: Psychology Press, 2004, pp. 19–29.
11. Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities. *Behavioral Science*, 1958. Vol. 3, pp. 14–25. doi:10.1002/bs.3830030103
12. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure*. London: Routledge, 2018. 490 p. doi:10.4324/9781315648569
13. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In Hogg M.A., Blaylock D.L. (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp. 19–35. doi:10.1002/9781444344073.ch2
14. Hogg M.A. Social identity theory. In Burke P.J. (ed.). *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto: Stanford University Press, 2006, pp. 111–136.
15. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicologia Social*, 2015. Vol. 30, no. 3, pp. 586–613 doi:10.1080/02134748.2015.1065090
16. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In Lange P.A.M., Kruglanski A.W., Higgins E.T. (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Van Sage Publications Ltd, 2012, pp. 62–80. doi:10.4135/9781446249222.n29
17. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In Zanna M.P. (ed.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 39. San Diego, CA: Academic Press, 2007, pp. 69–126.
18. Hogg M., Kruglanski A., Van den Bos K. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 407–418. doi:10.1111/josi.12021
19. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011. Vol. 23, no. 4, pp. 602–622. doi:10.1080/09546553.2011.587064
20. Lickel B., Hamilton D.L., Sherman S.J. Elements of a lay theory of groups: Types of groups, relational styles, and the perception of group entitativity. *Personality & Social Psychology Review*, 2001. Vol. 5, no. 2, pp. 129–140. doi:10.1207/S15327957PSPR0502_4
21. Lickel B., Hamilton D.L., Wierzchowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 78, no. 2, pp. 223–246. doi:10.1037/0022-3514.78.2.223
22. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2020. Vol. 34, no. 3, pp. 451–459. doi:10.1080/09546553.2020.1763964

Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

23. Palmonari A., Pombeni M. L., Kirchler E. Adolescents and their peer groups: a study on the significance of peers, social categorization processes and coping with developmental tasks. *Social Behaviour*, 1990. Vol. 5, no. 1, pp. 33–48.
24. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 278–288. doi:10.1037/amp0000121
25. Tajfel H. La catégorisation sociale. In S. Moscovici (ed.) *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
26. Tanti C., Stukas A.A., Halloran M.J., Foddy M. Social identity change: shifts in social identity during adolescence. *Journal of Adolescence*, 2011. Vol. 34, no. 3, pp. 555–567. doi:10.1016/j.adolescence.2010.05.012

Информация об авторах

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Мельникова Дарья Вячеславовна, преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Белова Евгения Дмитриевна, специалист, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Docent, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Docent, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Darya V. Melnikova, Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

*Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В.,
Белова Е.Д., Бовина И.Б.*
Оценка риска радикализации в подростково-
молодежной среде: некоторые эмпирические факты
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107

*Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V.,
Belova E.D., Bovina I.D.*
Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents
and Young Adults: Some Empirical Evidence
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp 93–107.

Evgeniya D. Belova, Specialist, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 23.07.2023
Принята в печать 17.08.2023

Received 23.07.2023
Accepted 17.08.2023

Персональные концепции безопасности студентов-юристов

Краснянская Т.М.

Московский гуманитарный университет (АНО ВО МосГУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Тылец В.Г.

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Работа направлена на выявление структурно-содержательных и сравнительных особенностей персональных концепций безопасности студентов-юристов. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на выборке студентов, обучающихся по юридической специальности. В исследовании (N=120) приняли участие респонденты в возрасте от 18 до 21 года (M=19,7±1,3), из которых 81,7% — мужского пола. Основным исследовательским методом использован метод свободных ассоциаций. Обработка результатов проводилась с использованием простейших математических статистик (нахождение средних, разброса, процентного распределения) и непараметрического метода — критерия Пирсона χ^2 . Полученные результаты показали, что студенты-юристы обладают персональными концепциями безопасности, выстраивающимися по схожей схеме, включающей, в зависимости от центрированности на опасности/безопасности, элементы «неправильные/правильные действия», «нежелательное/желательное будущее», «негативная/позитивная реальность», «плохие/хорошие люди». Данные концепции дифференцируются в зависимости от их соотносительности с бытовой или профессиональной сферой, различаясь по доминированию объективности/субъективности и интернальности/экстернальности; содержат признаки профессионализма и связаны с проявлениями Я-концепции личности. Результаты исследования обладают объяснительным потенциалом к случаям нарушения безопасности юристами в быту и в профессии.

Ключевые слова: безопасность, опасность, персональная концепция, студенты-юристы, Я-концепция.

Для цитаты: Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Персональные концепции безопасности студентов-юристов [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 108–118. DOI:10.17759/psylaw.2023130308

Personal Security Concepts of Law Students

Tatiana M. Krasnianskaya

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Valery G. Tylets

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

The work is aimed at identifying the structural, substantive and comparative features of personal security concepts of law students. The results of an empirical study conducted on a sample of students studying in a legal specialty are presented. The study (N=120) involved respondents aged 18 to 21 years ($M=19.7\pm 1.3$), of which 81.7% were male. The main research method used is the method of free associations. The results were processed using the simplest mathematical statistics (finding averages, spread, percentage distribution) and a nonparametric method — the Pearson criterion χ^2 . The obtained results showed that law students have personal security concepts that are built according to a similar scheme, including, depending on the focus on danger/security, elements of "wrong/right actions", "undesirable/desirable future", "negative/positive reality", "bad/good people". These concepts are differentiated depending on their correlation with the household or professional sphere, differing in the dominance of objectivity/ subjectivity and internality / externality; they contain signs of professionalism and are associated with manifestations of the Self-concept of personality. The results of the study have explanatory potential for cases of security violations by lawyers in everyday life and in the profession.

Keywords: safety, danger, personal concept, law students, I-concept.

For citation: Krasnianskaya T.M., Tylets V.G. Personal Security Concepts of Law Students. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 108–118. DOI:10.17759/psylaw.2023130308 (In Russ.).

Введение

Безопасность в качестве основополагающей ценности в настоящее время подвергается междисциплинарному изучению, в том числе и средствами психологической науки. Для всех областей знания рассмотрение ее вопросов увязывается с выявлением факторов опасности для различных аспектов жизнедеятельности человека, социальных объединений, структур и разработкой подходов к повышению уровня безопасности их функционирования. В психологии проблематика смещается к установлению психологических предпосылок безопасности/опасности человека в различных условиях, средах и ситуациях.

Весь спектр исследований психологических предпосылок безопасности/опасности человека сводится к двум направлениям, названным нами общим и специализированным.

В рамках общего подхода реализуется вычленение универсальных психических процессов, состояний и черт личности, детерминирующих безопасность/опасность человека единичными элементами или некоторыми их сочетаниями (массивами). В таком качестве рассматриваются, в частности, устойчивость личности [14], субъектные представления [4; 11] и отношения [3; 6], эмоциональное благополучие [8], готовность к риску [7], темпоральная

компетентность и особенности восприятие времени [1; 9], а также комплексы различных личностных характеристик, например, смысло-жизненных и ценностных ориентаций, личностного роста, волевой регуляции, жизнестойкости [2]. Конкретизируя представление о вкладах изученных психических явлений в возникновение безопасности/опасности, данный подход, очевидно, уязвим в силу принципиальной неисчерпаемости вероятностного списка, генерируемого на перспективу детализации проблематики.

Специализированный подход к выявлению психологических предпосылок безопасности/опасности человека, значительно сужая поле исследований, нацелен на определение целостных психических образований, предметно заточенных на соответствующие состояния. Перечень таких характеристик на сегодняшний день относительно невелик, включая, как минимум, культуру безопасности субъекта [10] и его персональную концепцию безопасности [5; 12]. Оба эти психические образования имеют непосредственный выход на практику опасности/безопасности, в том числе на построение сценариев безопасности [13]. Однако если первое, легко визуализуясь, поддается направленным образовательным и воспитательным воздействиям, то второе, имплицитное по своей природе, представляя существенный интерес для психологии, сложно поддается идентификации и детерминантной верификации.

Феноменология персональной концепции безопасности, оставаясь малоизученной, требует эмпирического обоснования, в первую очередь на субъектах деятельности в условиях некоторой опасности. В такую категорию попадают субъекты профессиональной деятельности в правовой системе. Вероятностный характер формирования персональной концепции безопасности в вузовский период профессионализации определил постановку следующей *проблемы данного исследования*: каковы психологические особенности персональной концепции безопасности студентов-юристов?

Организация исследования

Целью исследования выступило установление содержательных особенностей персональных концепций безопасности студентов-юристов.

Исследовательской гипотезой рассматривалось предположение, согласно которому студенты-юристы могут обладать персональными концепциями безопасности, выстраиваемыми по схожей схеме, дифференцирующимися в зависимости от предметной области безопасности, содержащими признаки профессионализма, связанными с Я-концепцией личности.

Объектом исследования выступила ментальная сфера студентов-юристов, его *предметом* — их персональные концепции безопасности.

Предполагалось решение следующих *исследовательских задач*.

1. Выявить содержание Я-концепции и концепций опасности/безопасности студентов-юристов в профессиональной и бытовой сферах деятельности.
2. Содержательно сопоставить концепции безопасности/опасности студентов-юристов в бытовой и профессиональной сферах.
3. Сопоставить Я-концепцию и концепции опасности/безопасности студентов-юристов в бытовой и профессиональной сферах.

Основным исследовательским методом использован метод свободных ассоциаций. Респондентам последовательно предъявлялся ряд вербальных стимулов («Я», «опасность в жизни», «опасность в профессии», «безопасность в жизни», «безопасность в профессии») и предлагалось письменно зафиксировать все возникающие на каждый стимул реакции-

ассоциации, представленные словами и словосочетаниями. Время продуцирования реакций не фиксировалось, но по итогам выполнения задания не превышало 5 минут.

Собранные эмпирические материалы анализировались с привлечением экспертов-психологов, владеющих методом контент-анализа ($n=3$, профессиональный стаж — от 5 лет). Экспертам предложено сгруппировать и дать название реакциям-ассоциациям на каждый стимул. Выводы делались по итогам группового обсуждения по преобладающему мнению.

Респондентами выступили студенты-юристы нескольких московских вузов в возрасте от 18 до 21 года ($M=19,7\pm 1,3$) общей численностью 120 человек, из которых 81,7% — мужского пола.

Обработка эмпирических данных проводалась с использованием простейших математических статистик (нахождение средних, разброса, процентного распределения) и непараметрического метода — критерия Пирсона χ^2 .

Результаты и обсуждение

Выявление содержания Я-концепции и концепций опасности/безопасности студентов-юристов

Изучение всего массива реакций респондентов на стимул «Я» ($n=398$; $M=3,32$; разброс реакций — от 1 до 6) привело к выделению 4 типов: «Я — универсальное» (здесь и далее образцы элементов обозначаемой группы — человек, личность, индивид и т. п.) — отнесено 126 реакций (31,7% от всего массива); «Я — внутреннее» (умный, красивый, веселый и т. п.) — 112 (28,1%); «Я — социальное» (дочь/сын, сестра/брат, подруга/друг и т. п.) — 101 (25,4%); «Я — профессиональное» (будущий юрист/специалист, студент и т. п.) — 59 (14,8%). По Я-концепции студенты-юристы характеризуются при общем преобладании универсального самопозиционирования преобладанием внутренней оценки над автономно взятыми социальным и профессиональным самопозиционированием. Однако в сумме интернальное «проигрывает» экстернальной саморепрезентации. Профессиональный признак обнаруживается только в «Я — профессиональное».

С учетом наличия у некоторых респондентов нескольких реакций одного типа, в интересах последующего сопоставления, далее они рассматривались как одна единица анализа, что позволило «Я — универсальное» идентифицировать у 115, «Я — внутреннее» — у 102, «Я — социальное» — у 98, «Я — профессиональное» — у 59 респондентов.

Массив реакций на стимул «опасность в жизни» ($n=365$; $M=3,04$; разброс — от 1 до 5) разделен на группы: «неправильные действия» (ошибки, неточность, неправильные поступки и т. п.) — 108 (29,6%), «нежелательное будущее» (заболеть, стать нищим, несчастным и т. п.) — 99 (27,1%), «негативная реальность» (война, обман, инфляция и т. п.) — 92 (25,2%), «плохие люди» (преступники, воры, убийцы, злые и т. п.) — 66 (18,1%) респондентов. По концепциям бытовой опасности в выборке преобладает объективное («ошибочные действия», «негативная реальность», «плохие люди») над субъективным («нежелательное будущее»), одновременно, интернальное («ошибочные действия», «нежелательное будущее») над экстернальным («негативная реальность», «плохие люди»). Профессиональный признак проявляется в группе «плохие люди», отчасти в группе «неправильные действия».

Массив реакций на стимул «опасность в профессии» ($n=269$; $M=2,24$; разброс — от 1 до 3) сгруппирован следующим образом: «неправильные действия» (нарушение норм, ошибки, несоблюдение правил и т. п.) — 102 (37,9%) респондента, «негативная реальность» (экстремальность, беспорядки, коррупция и т. п.) — 81 (30,1%), «плохие люди» (преступники, шантажисты, предатели и т. п.) — 65 (24,2%), «нежелательное будущее» (нервный срыв, ране-

ние, смерть и т. п.) — 21 (7,8%) респондент. По концепциям профессиональной опасности в выборке доминирует объективное («неправильные действия», «негативная реальность», «плохие люди») над субъективным («нежелательное будущее»), экстернальное («негативная реальность», «плохие люди») над интернальным («неправильные действия», «нежелательное будущее»). Профессиональный признак проявляется во всех группах.

Массив реакций на стимул «безопасность в жизни» ($n=374$; $M=3,12$; разброс — от 1 до 5) подразделен на группы: «субъектные характеристики» (обладание здоровьем, деньгами, друзьями и т. п.) — 122 (32,6%) респондента, «правильные действия» (соблюдать правила, быть внимательным к мелочам, не проявлять агрессию и т. п.) — 101 (27,0%), «позитивная реальность» (стабильность, благополучие, мир и т.п.) — 94 (25,1%), «хорошие люди» (семья, родители, друзья и т. п.) — 57 (15,2%) респондентов. По концепциям бытовой безопасности в выборке доминирует объективное («правильные действия», «позитивная реальность», «хорошие люди») над субъективным («субъектные характеристики»), интернальное («субъектные характеристики», «правильные действия») над экстернальным («позитивная реальность», «хорошие люди»). Профессиональный признак отчасти проявляется в «правильных действиях».

Массив реакций на стимул «безопасность в профессии» ($n=241$; $M=2,01$; разброс — от 1 до 3) делится на группы: «правильные действия» (соблюдение закона, норм, дисциплины и т. п.) — 98 (40,7%), «субъектные характеристики» (быть компетентным, осторожным, внимательным и т. п.) — 96 (39,8%), «позитивная реальность» (интересная работа, достойная зарплата, защищенность и т. п.) — 38 (15,8%), «хорошие люди» (надежные коллеги, бесконфликтный коллектив, друзья) — 9 (3,7%) респондентов. По концепциям профессиональной безопасности доминирует объективное («правильные действия», «позитивная реальность», «хорошие люди») над субъективным («субъектные характеристики»), интернальное («правильные действия», «субъектные характеристики») над экстернальным («позитивная реальность», «хорошие люди»). Профессиональный признак проявляется во всех группах.

На промежуточном этапе отметим симметричность групп концепций «опасность в жизни» — «профессиональная опасность» и «безопасность в жизни» — «профессиональная безопасность», а также значительную зеркальность концепций «опасность в жизни» — «безопасность в жизни» и «профессиональная опасность» — «профессиональная безопасность» (нетождественность групп «нежелательное/желательные будущее» и «субъектные характеристики» нивелируется их описанием соответствующих характеристик, по сути, как нежелательных/желательных в будущем), что позволяет применить к количественному распределению их элементов сравнительные процедуры.

Покомпонентное сопоставление концепций безопасности/опасности студентов-юристов

Исходя из обозначенной компонентной схожести групп концепций «опасность в жизни» — «профессиональная опасность» и «безопасность в жизни» — «профессиональная безопасность», применим к распределению их элементов критерий χ^2 (критерия Пирсона).

Сопоставление тождественных элементов концепций бытовой («в жизни») и профессиональной опасности дало $\chi^2_{Эмп} = 13,006$, концепций бытовой и профессиональной безопасности — $\chi^2_{Эмп} = 12,585$, т. е. пары концепций различаются на статистически достоверном уровне ($p \leq 0,01$ при $\chi^2_{0,05} = 7,815$; $\chi^2_{0,01} = 11,345$). Следовательно, респонденты выстраивают различные концепции жизни и профессии с позиции опасности и безопасности. Основное отличие между концепциями опасности в жизни и профессии проходит по доминированию, во-первых, интернального, во-вторых, экстернального. Статистическое различие концепций

безопасности в жизни и профессии потребовало дополнительного сопоставления динамичных («правильные действия») и относительно статичных («субъектные характеристики») субъектно-обусловленных элементов: в концепциях безопасности в жизни доминирует первое, в профессии — второе.

Сопоставление распределения симметричных концепций опасности и безопасности в бытовой сфере привело к получению $\chi^2_{Эмп} = 0,876$, в профессиональной сфере — $\chi^2_{Эмп} = 41,128$. При $\chi^2_{0,05} = 7,815$; $\chi^2_{0,01} = 11,345$ в первом случае статистически значимые различия не выявлены ($p > 0,05$), во втором случае они оказались статистически достоверными ($p \leq 0,01$). Следовательно, респонденты выстраивают разные концепции опасности и безопасности в бытовой и профессиональной сферах. В рассматриваемых персональных концепциях в бытовой сфере различие обнаруживается применительно к опасности доминированием интернального, к безопасности — экстернального; в этих концепциях в профессиональной сфере, наоборот, опасность определяется доминированием экстернального, безопасность — интернального.

Установление связей персональных концепций безопасности с Я-концепцией

Таблица

Распределение концепций «опасность в жизни», «опасность в профессии», «безопасность в жизни», «безопасность в профессии» по типам Я-концепции

Концепции	Элементы		Я-универсальное	Я-внутреннее	Я-социальное	Я-профессиональное
Опасность в жизни	Неправильные действия (N=108)	n	22	8	36	42
		%	20,4	7,4	33,3	38,9
	Нежелательное будущее (N=99)	n	30	18	37	14
		%	30,3	18,2	37,4	14,1
	Негативная реальность (N=92)	n	26	9	41	16
		%	28,3	9,8	44,5	17,4
	Плохие люди (N=66)	n	22	17	24	3
		%	33,3	25,8	36,4	4,5
Опасность в профессии	Неправильные действия (N=102)	n	32	3	26	41
		%	31,4	2,9	25,5	40,2
	Нежелательное будущее (N=21)	n	5	11	2	3
		%	23,8	52,4	9,5	14,3
	Негативная реальность (N=81)	n	18	25	33	5
		%	22,2	30,9	40,7	6,2
	Плохие люди (N=65)	n	15	18	24	8
		%	23,1	27,7	36,9	12,3
Безопасность в жизни	Субъектные характеристики (N=122)	n	28	43	35	16
		%	23,0	35,2	28,7	13,1
	Правильные действия (N=101)	n	21	10	31	39
		%	20,8	9,9	30,7	38,6
	Позитивная реальность (N=94)	n	31	20	38	5
		%	33,0	21,3	40,4	5,3
	Хорошие люди (N=57)	n	15	22	17	3
		%	26,3	38,6	29,8	5,3

Безопасность в профессии	Субъектные характеристики (N=96)	n	21	28	35	12
		%	21,9	29,2	36,4	12,5
	Правильные действия (N=98)	n	27	20	15	36
		%	27,6	20,4	15,3	36,7
	Позитивная реальность (N=38)	n	8	12	16	2
		%	21,1	31,6	42,1	5,2
	Хорошие люди (N=9)	n	1	2	5	1
		%	11,1	22,2	55,6	11,1

Первоначально распределим выявленные элементы Я-концепции по элементам рассматриваемых персональных концепций безопасности и найдем их процентное выражение (таблица).

Получение ненулевых распределений элементов персональных концепций «Опасность в жизни», «Опасность в профессии», «Безопасность в жизни» и «Безопасность в профессии» позволяет проводить их сравнение с использованием критерия Пирсона χ^2 .

Поэлементное сопоставление обозначенных персональных концепций безопасности по группе «Я-универсальное» дало $\chi^2_{\text{Эмп}}=15,037$; «Я-социальное» — $\chi^2_{\text{Эмп}}=76,187$; «Я-внутреннее» — $\chi^2_{\text{Эмп}}=26,015$; «Я-профессиональное» — $\chi^2_{\text{Эмп}}=64,843$. При $\chi^2_{0,05}=16,919$ и $\chi^2_{0,01}=21,666$ по группе «Я-универсальное» различия между распределением элементов частных концепций безопасности не подтвердились, по остальным группам Я-концепции установлены статистически достоверные ($p<0,01$) различия. Таким образом, обладание концепциями «Я-социальное», «Я-внутреннее» и «Я-профессиональное» приводит к специализации персональных концепций «Опасность в жизни», «Опасность в профессии», «Безопасность в жизни» и «Безопасность в профессии». Концепция «Я-универсальное» не дает такого эффекта, возможно (что требует дополнительной проверки), обладание ею сопровождается близким со статистической точки зрения смысловым распределением элементов заданных персональных концепций.

Выводы и заключение

На основе проверки выдвинутых гипотез сделаны следующие основные выводы.

1. Студенты-юристы обладают персональными концепциями безопасности, выстраиваемыми по схожей схеме, включающей, в зависимости от центрированности на опасности/безопасности, элементы «неправильные/правильные действия», «нежелательное/желательное будущее», «негативная/позитивная реальность», «плохие/хорошие люди».

2. Персональные концепции безопасности студентов-юристов дифференцируются в зависимости от их соотношенности с бытовой или профессиональной сферой, различаясь по доминированию объективности/субъективности и интернальности/экстернальности.

3. Персональные концепции безопасности студентов-юристов содержат признаки профессионализма и связаны с проявлениями Я-концепции личности, дифференцированным на Я-универсальное, Я-социальное, Я-внутреннее и Я-профессиональное.

Исследование представило структурно-содержательное и сопоставительное описание персональных концепций безопасности студентов, ориентированных на профессиональную деятельность в сфере права. Его результаты обладают объяснительным потенциалом к случаям нарушения безопасности юристами в быту и в профессии.

Исследование может быть продолжено путем сопоставления персональных концепций безопасности студентов-юристов со студентами иной профессиональной направленности, а также действующими юристами.

Литература

1. Волохова В.И. Исследование темпоральной компетентности личности во взаимосвязи с психологическими границами. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2022. 227 с.
2. Дуганова Ю.К. Личностные особенности молодых людей с разным представлением о психологической безопасности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. 23 с.
3. Иванов М.С. Динамика показателей отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности у студентов вуза в период обучения [Электронный ресурс] // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Том 24. № 1 (89). С. 83–91. doi:10.21603/2078-8975-2022-24-1-83-91
4. Коропец О.А. Представления студентов о психологической безопасности профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Том 8. № 6. doi:10.15862/19PSMN620
5. Краснянская Т.М., Тылец В.Г., Иохвидов В.В. Концепция личной безопасности как психолого-криминологический фактор самообороны [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Том 12. № 6. С. 826–835. doi:10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835
6. Маралов В.Г., Кудака М.А., Смирнова О.В., Корягина И.И. Отношение людей к опасностям в контексте теории чувствительности к подкреплению Дж. Грея [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 102–116. doi:10.18384/2310-7235-2022-2-102-116
7. Медовикова Е.А., Морозова И.С. Готовность к риску в аспекте психологической безопасности личности [Электронный ресурс] // Эргодизайн. 2022. № 3 (17). С. 229–238. doi:10.30987/2658-4026-2022-3-229-238
8. Митицина Е.А., Парфенова Н.Б., Бизяева А.А. Эмоциональное благополучие студентов в структуре психологической безопасности в условиях дистанционного обучения // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе. Международная научно-практическая конференция (XX Мухинские чтения) (Псков, 21–23 октября 2021 года). Псков: Псковский государственный университет, 2021. С. 81–89.
9. Морозова И.С., Медовикова Е.А., Каргина А.Е., Гриненко Д.Н. Особенности параметров психологической безопасности личности с различным уровнем восприятия времени в отношении профессионального будущего // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Красноярск, 25–26 ноября 2021 года). Красноярск: ООО «Версо», 2022. С. 188–196.
10. Толмачева Л.В. Педагогическое проектирование культуры безопасности жизнедеятельности в техническом вузе. Таганрог: ЭльДирект — ИП Шкуркин Д.В. (ДиректСайнс), 2022. 321 с.
11. Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Психологические особенности представлений любителей произведений фантастического и детективного жанров о субъекте безопасности [Электрон-

ный ресурс] // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 3. С. 180–193. doi:10.17759/exppsy.2020130314

12. Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В. Персональная концепция курортного оздоровления в рефлексивной проекции субъекта безопасности [Электронный ресурс] // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2019. Том 96. № 4. С. 36–48. doi:10.17116/kurort20199604136

13. Тылец В.Г., Краснянская Т.М., Иохвидов В.В. Сценарии личной безопасности субъекта конфликтного взаимодействия [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 159–173. doi:10.17759/sps.2022130110

14. Vinogradova N.I., Kohan S.T. Resilience as a Basis for Psychological Safety of Students with Disabilities // Advances in economics, business and management research: proceedings of the First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 2019) (Kazan — Naberezhnye Chelny, 24–25 сентября 2019 года). Kazan; Naberezhnye Chelny: Atlantis Press, 2020. P. 551–554.

References

1. Volokhova V.I. Issledovanie temporal'noi kompetentnosti lichnosti vo vzaimosvyazi s psikhologicheskimi granitsami. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2022. 227 p. (In Russ.).

2. Duganova Yu.K. Lichnostnye osobennosti molodykh lyudei s raznym predstavleniem o psikhologicheskoi bezopasnosti: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Rostov-on-Don: YuFU Publ., 2014. 23 p. (In Russ.).

3. Ivanov M.S. Dinamika pokazatelei otnosheniya k lichnoi bezopasnosti v kontekste formirovaniya identichnosti u studentov vuza v period obucheniya [Attitude to Personal Security during Identity Formation in University Students] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Kemerovo State University*, 2022. Vol. 24, no. 1 (89), pp. 83–91. doi:10.21603/2078-8975-2022-24-1-83-91 (In Russ.).

4. Koropets O.A. Predstavleniya studentov o psikhologicheskoi bezopasnosti professional'noi deyatel'nosti [. Students' ideas about the psychological safety of the professional activity] [Elektronnyi resurs]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020. Vol. 8, no. 6. doi:10.15862/19PSMN620 (In Russ.).

5. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G., Iokhvidov V.V. Kontseptsiya lichnoi bezopasnosti kak psikhologo-kriminologicheskii faktor samooborony [Personal safety concept as a psychological and criminological factor of self-defense] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018. Vol. 12, no. 6. С. 826–835. doi:10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835 (In Russ.).

6. Maralov V.G., Kudaka M.A., Smirnova O.V., Koryagina I.I. Otnoshenie lyudei k opasnostyam v kontekste teorii chuvstvitel'nosti k podkrepleniyu Dzh. Greya [People's attitude to dangers in the context of J. Gray's theory of sensitivity to reinforcement] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2022, no. 2, pp. 102–116. doi:10.18384/2310-7235-2022-2-102-116 (In Russ.).

7. Medovikova E.A., Morozova I.S. Gotovnost' k risku v aspekte psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti [Readiness to risk in the aspect of the individual's psychological safety] [Elektronnyi resurs]. *Ergodizain = Ergodesign*, 2022, no. 3 (17), pp. 229–238. doi:10.30987/2658-4026-2022-3-229-238 (In Russ.).

8. Mititsina E.A., Parfenova N.B., Bizyaeva A.A. Emotsional'noe blagopoluchie studentov v strukture psikhologicheskoi bezopasnosti v usloviyakh distantsionnogo obucheniya. *Aktual'nye problemy razvitiya lichnosti v sovremennom obshchestve. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (KhKh Mukhinskie chteniya) (Pskov, 21–23 oktyabrya 2021 goda)*. Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2021, pp. 81–89. (In Russ.).
9. Morozova I.S., Medovikova E.A., Kargina A.E., Grinenko D.N. Osobennosti parametrov psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti s razlichnym urovnem vospriyatiya vremeni v otnoshenii professional'nogo budushchego. *Psikhologicheskoe zdorov'e cheloveka: zhiznennyi resurs i zhiznennyi potentsial: Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Krasnoyarsk, 25–26 noyabrya 2021 goda)*. Krasnoyarsk: ООО “Verso”, 2022, pp. 188–196. (In Russ.).
10. Tolmacheva L.V. Pedagogicheskoe proektirovanie kul'tury bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti v tekhnicheskom vuze. Taganrog: El'Direkt — IP Shkurkin D.V. (DirektSains), 2022. 321 p. (In Russ.).
11. Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M. Psikhologicheskie osobennosti predstavlenii lyubiteli proizvedenii fantasticheskogo i detektivnogo zhanrov o sub"ekte bezopasnosti [Psychological Peculiarities of Safety Concepts in Fans of Science Fiction and Detectives] [Elektronnyi resurs]. *Ekspirimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 3, pp. 180–193. doi:10.17759/exppsy.2020130314 (In Russ.).
12. Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M., Iokhvidov V.V. Personal'naya kontseptsiya kurortnogo ozdorovleniya v reflektivnoi proektsii sub"ekta bezopasnosti [The personal concept of resort rehabilitation in the reflective projection of a security subject] [Elektronnyi resurs]. *Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoi fizicheskoi kul'tury = Problems of Balneology, Physiotherapy, and Exercise Therapy*, 2019. Vol. 96, no. 4, pp. 36–48. doi:10.17116/kurort20199604136 (In Russ.).
13. Tylets V.G., Krasnyanskaya T.M., Iokhvidov V.V. Stsenarii lichnoi bezopasnosti sub"ekta konfliktnogo vzaimodeistviya [Personal Security Scenarios of Subject of Conflict Interaction] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 159–173. doi:10.17759/sps.2022130110 (In Russ.).
14. Vinogradova N.I., Kohan S.T. Resilience as a Basis for Psychological Safety of Students with Disabilities. *Advances in economics, business and management research: proceedings of the First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 2019) (Kazan — Naberezhnye Chelny, 24–25 sentyabrya 2019 goda)*. Kazan; Naberezhnye Chelny: Atlantis Press, 2020, pp. 551–554.

Информация об авторах

Краснянская Татьяна Максимовна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра общей, социальной психологии и истории психологии, Московский гуманитарный университет (АНО ВО МосГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Тылец Валерий Геннадьевич, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра фонетики и грамматики французского языка, профессор, кафедра психологии и педагогической антропологии, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Краснянская Т.М., Тылец В.Г.
Персональные концепции безопасности
студентов-юристов
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 108–118

Krasnianskaya T.M., Tylets V.G.
Personal Security Concepts of Law Students
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 108–118

Information about the authors

Tatiana M. Krasnianskaya, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Social, General Psychology and History of Psychology, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, e-mail: ktm8@yandex.ru

Valery G. Tylets, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Professor, Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Получена 03.12.2022
Принята в печать 12.02.2023

Received 03.12.2022
Accepted 12.02.2023

Народная игра как феномен инкультурации современного ребенка

Чернушевич В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1401-5070>, e-mail: chernushevichva@mgppu.ru

В статье представлена теоретическая модель инкультурации в традиционной игре. Инкультурация трактуется как социальный механизм введения в традиционную культуру. Народная культура трактуется как форма существования (бытования) ценностей того или иного народа. Традиция представлена как использование культурных форм для передачи носителями культурных ценностей от поколения к поколению. Под традиционными ценностями России понимаются ценности христианские, прежде всего христианские законы отношений человека к человеку (самоотвержение, бескорыстие, милосердие). Традиционная игра понимается как культурная форма, в которой реализуется традиция, т.е. передача ценностей от их носителей. В модели инкультурации представлены основные этапы восхождения к ценностям традиционных отношений в традиционной игре: свободное принятие и выполнение правил; субъективная трактовка правил и реализация в их рамках индивидуальных потребностей и особенностей участников (игра для себя с учетом правил); игра ради Другого (игра по совести с учетом правил). Инкультурация признается эффективным способом профилактики и коррекции девиантного поведения. Основной проблемой распространения традиционной игры в образовательных учреждениях считаются сложившиеся в них субъект-объектные отношения, неприемлемые в традиционной игре.

Ключевые слова: традиция, культура, традиционная игра, традиционные ценности, счастье, культурная форма, инкультурация.

Для цитаты: Чернушевич В.А. Народная игра как феномен инкультурации современного ребенка [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 119–134. DOI:10.17759/psylaw.2023130309

Folk Game as a Phenomenon of Inculturation of a Modern Child

Vladimir A. Chernushevich

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1401-5070>, e-mail: chernushevichva@mgppu.ru

The theoretical model of enculturation in traditional game is presented. Enculturation is interpreted as a social mechanism of introduction into traditional culture. Folk culture is interpreted as a form of existence (existence) of values of this or that nation. Tradition is presented as the use of cultural forms for the transmission of culture (cultural values) from generation to generation. Traditional values of Russia are understood as Christian values, first of all, the Christian laws of man's attitude to man (selflessness, selflessness, mercy). Traditional game is understood as a cultural form in which tradition is realized, i.e. the transfer of values from their bearers. The model of enculturation presents the main stages of ascent to the values of traditional attitudes in the traditional game: free acceptance and implementation of the rules; subjective interpretation of the rules and realization within their framework of individual needs and characteristics of the participants (playing for oneself taking into account the rules); playing for the sake of the Other (playing according to conscience, taking into account the rules). Enculturation is recognized as an effective way to prevent and correct deviant behavior. The main problem of spreading the traditional game in educational institutions is considered to be the subject-object relations that are not acceptable in the traditional game.

Keywords: tradition, culture, traditional play, traditional values, happiness, cultural form, enculturation.

For citation: Chernushevich V.A. Folk Game as a Phenomenon of Inculturation of a Modern Child. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 119–134. DOI:10.17759/psylaw.2023130309 (In Russ.).

Введение

Многолетний опыт наблюдения за динамикой отношений детей при проведении с ними фольклорных игр [23] и последующее наше экспериментальное исследование [4; 16; 17], а также работы других исследователей [7; 12; 14; 24; 25; 26] показали широкое проблемное поле для использования игры и одновременно эффективность применения традиционной игры в коррекционно-профилактической работе, направленной на развитие социально-коммуникативных навыков, коррекцию и профилактику отклоняющегося поведения.

Об особенностях условий осуществления традиционной игры мы писали ранее (это, прежде всего, ценность процесса игры, свобода входа и выхода из игры, равенство участников относительно правил, особый рамочный характер правил, не мешающий проявлению индивидуальности) [16, с. 30]. Однако остался не выясненным механизм влияния культурной традиции в игре на состояние детей, осталась непонятной причина трудностей распространения такой эффективной практики в дошкольных образовательных учреждениях. Осталось непонятным, почему простые, общедоступные тексты игровых правил не реализуются практически [17].

Различия в успешности использования игр различными группами ведущих (заводящих) игру, позволили выдвинуть гипотезу о том, что решающее значение в игре имеют не правила, представляющие собой лишь культурную форму (условие реализации культурных ценностей), а ведущие (заводящие) игру носители традиционных ценностей. Так появилось предположение о том, что важно не ЧТО играть, а КАК играть, какие культурные ценности в игре предлагаются участникам.

Обоснование и проверка гипотезы потребовали построения модели действия традиционных культурных ценностей в традиционной игре с привлечением таких понятий, как «тради-

ционная культура», «традиция», «традиционные ценности», и обнаружения на примерах конкретных игр онтологичности построенной модели, ее прогностичности при управлении свободной игрой.

Инкультурация как введение в культурную традицию

О ценностных смыслах человеческой жизни известно со времен Аристотеля. Высшим благом человеческой жизни им определено счастье, порожденное особым отношением человека к человеку. Аристотель назвал это отношение нравственным поступком, именно при его совершении рождается это ценнейшее переживание [2, с. 67—77]. Психологи подтверждают, что этот вид переживания, в отличие от радости-удовольствия не зависит от внешних условий и определяется внутренними ценностными установками человека [11] и реализацией их в поступках.

Естественно, что разные человеческие сообщества, осознавая смысл этой ценности, создавали условия их сохранения, воспроизводства — создавали уклады жизни, обычаи, ритуалы, регламентирующие отношения человека с человеком в различных ситуациях. Совокупность этих норм приобретает статус культурных форм, а культурные формы, реализованные носителями культурных ценностей, составляют культуру того или иного народа. С этими соображениями согласуется понятие культуры. Согласно ему цель культуры, «...соответствующая высшему назначению разума», — сделать всех людей счастливыми (*эвдемоническая концепция культуры*, которую мы разделяем) [9]. Соответственно культурные формы служат этой цели и только этим оправдано их хранение и воспроизводство. Они создают условия трансляции найденного культурного опыта (опыта реализации высших ценностей) от поколения к поколению.

Каков же ценностный смысл нашей традиционной культуры?

До революции 1917 года ни у кого не вызывало сомнения то, что традиционная культура русского народа суть христианская. В настоящее время это не так очевидно, и Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» подтверждается, что «...особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» (ст. 6), а к одним из основных способов воздействия деструктивных идеологий названо культивирование эгоизма (ст. 14) [18]. С этой проблемой, как мы обнаруживаем, и ведется работа в традиционной игре.

В христианской традиции основным законом отношений между людьми, идеалом является Закон Божий, главная заповедь которого — заповедь любви. Закон этот, развернутый в заповедях блаженства, однозначно указывает на источник счастья-радости, воплощая идею о высшем благе человека — человеческом счастье: блаженны нищие духом, блаженны чистые сердцем, блаженны милостивые, блаженны миротворцы (Мф.5:3-12). То есть носители традиционной культуры в отношениях к людям — *негордые, искренние, милосердные, уважительные к другим и способные возбуждать такое же отношение в других людях*. Во времена новой эры об этих ценностях говорили и философы (категорический императив Канта: желай другому, чего желаешь себе), и психологи, определявшие возможность духовного со-бытия «в той отдаче себя друг другу без остатка, которую мы называем любовью» (В. Франкл) [20, с. 95].

Традиция, по понятию, объединяет в себе воспроизводство культурной формы и культурных ценностей, для трансляции которых эта форма выработана в определенных исторических условиях [10]. В традиции культурная форма всего лишь создает условия передачи цен-

ностей от поколения к поколению, и носители ценностей используют ее для передачи ценностей новому поколению.

Традиционная игра, таким образом, представляет собой, с одной стороны, культурную форму, выработанную столетиями совместной жизни (правила игры с возможными вариациями), а с другой стороны — живую традицию, явление культуры, когда носители традиционных ценностей реализуют их в игре, как культурной форме, и делятся ими с другими участниками.

Культура и культурная форма традиционной игры

Обратим внимание на сюжеты традиционных игр, которые мы используем в своей игровой практике. «Коза пошла по лесу, искать себе принцессу». Коза скачет, дрыгает ножками, хлопает ручками... («Коза»). Коршун неотвратимо ловит детей, превращая их в коршунов («Коршун»). Ворон Иван Петрович, таскает цыплят у хозяйки («Ворон И.П.»), Тетера водит за собой птенцов, оставляя самых умных в воротцах («Тетера»), «Салки», «Прятки» и их модификации. Как здесь представлена КУЛЬТУРА, функция которой делать детей счастливыми, вытеснять, замещать опыт девиантного поведения? Как в этих сюжетах представлена традиционная культура?

По нашему мнению — никак! В данных сюжетах представлена только традиционная игровая форма, сюжеты игры в их большом разнообразии, зависящем от места, условий происхождения и бытования того или иного сюжета в игре.

Однако счастье-радость как продукт культуры рождается в игре! Хотя и не всегда, и не у каждого ребенка. От чего это зависит? Как традиционная культура все-таки действует в традиционной игре? Как она там представлена? Мы понимаем, что игровые сюжеты не являются определяющими в появлении переживания счастья. Оно зависит от внутренних нравственных установок участников игры, и опыт это подсказывает. Например, всем известную игру «Третий лишний» можно сыграть так, что самые слабые окажутся загнанными и будут думать о мести, а сильные будут злорадствовать. Каковы же должны быть внутренние установки участников, чтобы игра стала явлением традиционной культуры?

Л.С. Выготский в своих исследованиях игры обращал внимание на два плана существования в ней участников — мнимого и реального [5]. В традиционной игре мнимому плану соответствует игровой сюжет, а реальному плану — реальные взаимоотношения участников игры относительно воплощения игрового сюжета. Именно в этом реальном плане и воплощаются традиционные ценности, не предписанные сюжетом игры, а привносимые представителями традиционной культуры. Вовлекая в традиционные игры детей, мы являем им примеры поступков, свойственных нашей традиционной культуре.

Исследуя динамику состояния ребенка на игровой площадке, мы убедились в том, что атмосфера игры, создаваемая ее носителями, на определенной фазе становления игры приводит ребенка к переживанию счастья-радости, что и предполагается изначально традиционной культурой. Причем источником радости является реализованная возможность самоотвержения, сочувствия, сострадания, сорадования и как результат — переживания состояния со-бытия в игровой ситуации вместе со всеми участниками. В контексте коррекционно-профилактической работы с девиантным, отклоняющимся поведением это выглядело как отказ ребенка от эго установок, характерных для современных детей, как смещение, по А.А. Ухтомскому, доминанты на Другого [19, с. 150].

Детализация механизма инкультурации возможна при рассмотрении действия культурных форм и культурных ценностей на участников в конкретной игре. Рассмотрим это на приме-

рах известных игр, используемых нами в игровой практике [23]. Можно показать прохожде-ние новичком трех фаз игры (можно сказать — фаз инкультурации) на всем известной игре «Салки» и фрагменте диалога в игре «Коршун» (описание приведенных здесь игр в [16, с. 29]).

Внешне смысл игры «Салки» состоит в том, чтобы водящий догнал и коснулся кого-то из игроков, тем самым передав ему роль водящего. Однако достаточно ли выполнения этого правила для реализации культурного смысла игры? Все игроки различаются по своим физическим данным, т. е. не находятся в равных условиях по отношению к правилам игры, но включаются в нее на равных! И игра может пойти так, что слабейший будет вечной салкой на злую потеху остальным, получившим возможность показать свое превосходство (такие варианты начала игры случаются). И в таком варианте развития событий мы имеем насилие и агрессию сильных над слабыми, это кажется естественным и соответствует правилам игры. Игра превращается в издевательство, когда реализующийся тип отношений — «все против всех». И это не соответствует традиционной культуре. Кто свободно принимает решения о характере отношении? Участники. То есть сама игра, ее правила еще не являются достаточными для возникновения культурных отношений в прямом смысле этого слова. Необходимым условием трансляции культуры становится наличие в игре достаточного количества носителей культуры. *Именно они, используя условия игры, задаваемые правилами, превращают отношения в игре в традиционные и игру делают традиционной.* То, что игра пошла не так, быстро становится очевидным и для измученного водящего, и для многих других. Игра может вообще прекратиться, если нет представителей традиции, но в реальной игровой ситуации они, как правило, находятся и меняют ситуацию противопоставления слабых и сильных на ситуацию общения равных. То есть они должны *уровнять* естественные способности участников своим поведением, показать, что игра — не конкурентная борьба за первое место, а ценен для участников именно *процесс* общения в игре, способность каждого подыграть другому, погоняться за ним или убежать от него, учитывая его индивидуальные способности. Традиционная игра — это радостное общение, где нет победителей.

Что должно произойти в игровом событии для восстановления его культурного статуса? Кто-то, самый совестливый из участников (обладающий ценностями традиционной культуры), берущий на себя ответственность за игру, должен пошалить (нарушить формально правильный ход игры), поддаться и принять на себя роль салки, переняв ее от слабого. Это делается для спасения водящего (по совести, из-за сочувствия), причем делается это так, что водящий и остальные игроки принимают это не как действие более сильного, унижающее достоинство слабого, а как успех слабого и оплошность сильного. Если это кто-то сделал, то в одно мгновение атмосфера в игре меняется. Явным образом такое событие происходит, когда в «Салки» подростков включается малыш и вся компания старается обеспечить его участие на равных за счет самоограничения своих беговых ресурсов в отношениях с ним, при этом сохраняя эти ресурсы в отношениях с равными. И игра только тогда состоится по существу, когда участники смогут включить этот режим самоограничения, регулятором которого будет учет возможности другого играть по правилам на равных. То есть концептуальное требование равенства участников в игре (оно вытекает и из миротворческого смысла традиционной культуры) возможно только за счет понимания, сочувствия, самоограничения с учетом возможностей других участников. Подчеркнем — безусловного, бескорыстного самоограничения, не продиктованного внешними правилами, а определяемого именно внутренней, ценностной установкой. Игра по правилам переходит в игру по совести (с сохранением правил). Поэтому важным является наличие в игре носителей традиционной культуры, так как именно

они, используя игру как культурную форму, создают ситуацию сообщества равных, сопровождающуюся переживанием радости от этого совместного, активного и мирного со-бытия. Тут мы и наблюдаем феномен воспитания средствами традиционной культуры, заражения личным примером, актуализации духовного Я участников, обусловленного переживаниями чувства счастья-радости, свойственного состоявшейся традиционной игре, нравственному поступку в ней. На тесную связь культуры и жизни в нравственном поступке обращал внимание М.М. Бахтин [3].

Вторая игра, фрагмент которой взят нами для анализа — «Коршун».

Ребенок не знает слов и правил, но входит в игру, соглашается принять в ней участие вместе со всеми знающими, знакомыми с игрой и не знакомыми. После первого кона он попадает к первому коршуну и садится с ним в круг, тоже становясь, пока формально, коршуном. Он видит диалог, в котором опытные игроки проговаривают слова, обращая их к детям, окружающим коршунов, вопрошая коршунов: «коршуны, коршуны, что вы делаете?», опытный игрок отвечает со смыслом «ямку рою» и показывает соответствующее движение, интонацией добавляя «разве не видишь!».

Плавность, четкость диалога с демонстрацией соответствующих ему движений (ямку рою, денежку ищу,..) позволяет новичку понять его смысл и включиться в диалог с детьми в кругу.

Обычно первая фаза вхождения в игру завершается тем, что дети, поняв слова диалога, а он каждый раз ведется в новом составе (коршунов в каждом кону прибавляется), начинают его воспроизводить, каждый сам по себе, делая все формально правильно, но автономно в группе коршунов. Признак освоения первой фазы — правильность, функциональность беседы, правильность слов и движений (вот я, а вот роль, я делаю, что положено в ней делать и как положено!). Признак освоения игры во второй фазе — индивидуализированность существования ребенка в группе коршунов. Ребенок, поняв смысл действия, выполняет его самостоятельно и начинает проявлять свою индивидуальность, не формально выполнять правила, а играть, шалить, по-своему расставлять акценты в диалоге (Я коршун, Я ямку рою...). Например, очень интенсивно начинает рыть ямку, выразительно хвастаться найденной денежкой, т. е. эмоционально включаться в роль, демонстрируя свое личное отношение к происходящему. Но основной ресурс для перехода на третью фазу игры (игра для Другого), совместность — это говорение в диалоге. Сначала совместно хором не получается, да никто и не стремится к этому, этому мешает установка на то, «как хочу, так и говорю». Чтобы помочь коршунам стать «вместе» опытный игрок показывает, как это может быть, создает это «вместе» в группе коршунов следующим образом. Прислушивается к кому-то из коршунов и входит с ним в унисон, в совместное говорение, помогает ему звучать громче, увереннее, ярче, старается добиться ответной реакции ребенка, принятия им этой поддержки, старания тоже услышать партнера и удерживать контакт. Уже вдвоем они обращают внимание на третьего коршуна и повторяют присоединение. Именно здесь, в этом фрагменте игры дети входят в третью ее фазу — игру для Другого, получают ответ на свое внимание, принятие и соответственно переживание радости от совместного действия. Так постепенно все коршуны становятся единым целым с нарастающей численностью, перерывом на погоню за новыми коршунами и возвратом к диалогу с детьми в кругу, число которых убывает от кона к кону. Умелые ведущие (условно ведущие, поскольку в этой игре ведущих и водящих нет), как адепты культуры, таким образом передают детям опыт совместного и в этом смысле культурного проживания диалога в игре, со-бытия в диалоге, со-бытия в движениях во время диалога, в говорении, в эмоциональных состояниях без утраты проявления индивидуальности каждого кор-

шуна — безоценочного сопребывания. Аналогично содействуют участию в игре опытные участники с представителями другой стороны диалога — с детьми в кругу.

На этом фрагменте становящегося игрового со-бытия мы показываем фазы становления игры: формальное понимание и принятие правил, смысловое эмоциональное принятие правил с индивидуальным их воплощением и отношением к ним, совместное проживание игровой ситуации (со-бытийная фаза игры). Мы обратили здесь внимание только на один фрагмент игры (диалог коршунов и детей), но таких и более сложных ситуаций в игре много — это и совместное ведение хора вокруг коршунов и совместная ловля коршунами детей и совместное пение. То есть традиционная игра как культурный феномен достаточно сложна и требует от участников времени на ее освоение, именно как культурной традиции, освоение ее культурных ресурсов, которые могут остаться и не замеченными, и не освоенными, если в игре нет достаточного количества участников, ими владеющих. Тогда игра просто превращается в «ловишки», диалог и хор не обретает своего культурного смысла, главным действием становятся групповые догонялки. В них есть свои культурные ресурсы, также могущие остаться не освоенными.

На вышеприведенных примерах можно увидеть, что в игре на каждой ее фазе важна не сама роль, формальное ее исполнение, а воплощение в ней ценностного смысла, реально определяющего отношения участников в игре. Специалисты обычно обращают внимание на специфику второй фазы игры, включающую «вызов» (Л.И. Эльконинова [27]), преодоление (Н.Н. Чупракова [24]), предусмотренные сюжетными целями игры, ее правилами (найти, спрятаться, поймать, убежать, опередить).

Фактически в игре с помощью ролевых условностей обыгрываются все человеческие отношения. Об этом свидетельствует богатейший спектр эмоций, манифестирующих возникающие отношения участников [22]. Именно здесь, в этих отношениях участников могут проявиться все их нравственные качества. На самом деле участники приходят в свободное игровое пространство с желанием пошалить, проявить себя, именно в этой шалости показать себя другому, быть понятому, принятому и ответить взаимностью; «первый основной признак игры: она свободна, она есть свобода» [21 с. 32]. Свобода в игре дает каждому участнику возможность быть в игре и игроком, и постановщиком игры. Каждый кон сопровождается смелой ролью, игра вновь и вновь рождается, становится по согласию участников. Роли в игре лишь повод войти во взаимодействие и взаимоотношения с Другим. Это можно понять из вышеприведенных примеров игровых событий.

Обсуждение феномена традиционной игры и его значения

Изучая динамику ситуаций в игре в рамках модели инкультурации, удалось проследить развитие мотивации детей, привлекаемых в традиционную игру. В каждой фазе игры реализуется определенный мотив, и в зависимости от индивидуальных особенностей участника каждый может проходить эти фазы индивидуально.

Первый этап (первая фаза игры) — мотивация, в основе которой лежит естественная неудовлетворенная физиологическая потребность детей в физической активности. Ради этого дети включаются в предложенные им правила (бегать, прыгать, кричать, ползать). Здесь, счастье-удовольствие — от удовлетворения этой потребности.

Второй этап (вторая фаза игры) — потребность в самореализации, самопроявлении, демонстрации своих возможностей и особенностей, своего характера перед другими участниками. Ради этого участники готовы потерпеть друг друга, уступить друг другу в игре. Здесь, счастье-удовольствие — от удовлетворения потребностей собственного Я.

И третий этап (третья фаза игры) — удовлетворение потребности в общении, переживание чувства общности с другими участниками, бескорыстного содействия удовлетворению вышеуказанных потребностей других участников. Здесь, чувство счастья-радости — от переживания общности, чувства МЫ с другими.

В каждой фазе игры имеются ресурсы в работе с девиантным поведением, поскольку нормосообразное поведение в игре, в которую ребенок включается по собственному желанию, является условием реализации всех его естественных потребностей.

Считаем важным соотнести наши выводы о значении традиционной игры как средства инкультурации с представлениями других исследователей.

Очень точно об игре как феномене культуры писал И. Хейзинга: «Истинная, чистая игра сама по себе выступает как основа и фактор культуры» [21, с. 28], «...она устанавливает порядок, она сама есть порядок. В этом несовершенном мире, в этой сумятице жизни она воплощает временное, ограниченное совершенство» [21, с. 35]. Об этом мы говорим, когда замечаем, что детям в игре удалось выйти на третью фазу совершенных отношений общности, со-бытия, соответствующих традиционной культуре и порождающих переживание счастья [16].

Мы согласны с учеными и практиками многих стран в том, что проблемы общения, взаимоотношения людей — самые важные проблемы нашего времени. Именно в традиционной игре многие исследователи видят культурные ресурсы для решения этих проблем. В кратком отчете об исследовании в Испании, посвященном традиционным играм (изучено более 500 традиционных игр), делается вывод: «Научиться жить вместе, укротить агрессивность, воспитывать устойчивость, научиться конкурировать и не сравнивать себя с другими — ценности, представляющие максимальный интерес для общества 21 века» [29, с. 1]. По мнению исследователей, традиционные игры по своей природе обеспечивают и культурные основания, и реализацию их в опыте совместной жизни, т. е. в отношениях, обеспечивают межличностный контакт, «...который формирует миниатюрные сообщества, наполненные эмоциональным смыслом» [29, с. 1]. В нашем опыте такие культурные сообщества (детские, детско-родительские) складываются, если игра состоялась, т.е. когда носители традиционной культуры смогли донести ее до участников как основу со-бытия.

Авторы отмечают, что «...включение в игру является не... ..просто моделированием смыслового поля взрослой деятельности, а свободным обращением с его содержанием» [1, с. 141], что «...дети с самого раннего возраста могут стать активными носителями культурных ценностей», при условии культурологической компетентности взрослых, создающих для детей необходимые социокультурные условия [12, с. 1; 26, с. 121]. На то, что ключевым элементом в реализации потенциала народной культуры является этнокультурная компетентность педагогов, воспитателей, также обращают внимание отечественные исследователи Н.В. Еремина [7, с. 10—11] и Н.А. Каратаева [8, с. 58]. Последнее подтверждает наш тезис об особом значении в игре носителя культуры, созидающего игру как явление культуры, средство *инкультурации*, что очень важно для современных детей, не имеющих естественной игровой среды, традиционно обеспечивавшей инкультурацию.

Исследователи традиционной игры полагают, что игры задают культурно-историческое пространство на территориях проживания, являются формой реализации традиции (передачи культурного смысла от поколения к поколению) [30], способствуют универсальному диалогу между людьми [28, с. 1]. Игры являются «процедурами, которые служат для фиксации индивидуальной и коллективной идентичности, это методы субъективизации и индивидуальной идентичности, в которых игра означает отношение к другим членам сообщества» [29, с. 8].

В Индонезии считают, что традиционные игры имеют решающее значение для защиты и сохранения культурных ценностей, на которых строится сотрудничество и знакомство между людьми [34, с. 1].

Исследование роли игр в улучшении обучения младших школьников проводилось в Карадже (Иран). Обращается внимание на то, что развитие персонажа достигается за счет эволюции характера игры [37, с. 5]. Мы обозначили это как фазы становления игры.

То, что характеризуем мы в игре как ведущее переживание — радость, отмечают большинство исследователей [29; 33; 34].

Особый интерес вызывает исследование доступа к культурным смыслам, передаваемым в традиционной игре (на примере одной из известных традиционных игр Европы «Прикованный медведь»). Исследование показало, что этот доступ есть и реализуется через эмоциональное переживание при наблюдении или участии в играх, что делает игры «агентами инкультурации», иллюстрирующими ценности и символы, лежащие в основе указанной культуры [31, с. 8].

То значение, которое традиционные игры имеют для защиты и сохранения культурных ценностей, привело к признанию традиционных игр частью нематериального культурного наследия [36], к созданию международных организаций, таких как Европейская ассоциация традиционных видов спорта и игр (European Traditional Sports and Games Association (ETSGA/AEJeST)) и Международная ассоциация игры — International Play Association (IPA), а также региональных объединений, таких как Историческая ассоциация штата Техас, накапливающих, изучающих и распространяющих традиционные игры [31].

Особая забота об игре вызвана не только ее культурной ценностью, но и отсутствием условий для свободной, прежде всего детской, традиционной игры, зафиксированного во всех странах. «Согласно исследованиям, проведенным сотрудниками IPA в разных странах мира, игра детей часто находится в кризисном состоянии — отмечается недостаточность мест и времени для игры детей, перегруженность трафиком в городах, гиперпротекция взрослых в организации детских активностей, нивелирование роли игры в развитии и жизни человека различными социальными институтами — от семьи и школы до правительства страны» [15]. Об этом же говорят исследования последних лет специалистов из Индонезии. По их мнению, с которым во многом мы согласны, дети и подростки стали отказываться от традиционных игр по четырем основным причинам. Во-первых, не хватает знаний о традиционных играх. Во-вторых, отсутствуют игровые площадки, где бы дети могли свободно играть (особенно это характерно для городов). В-третьих, — это сложность создания игровой группы в городских условиях. Четвертая причина — преобладание «игровых» технологий, которые быстро развиваются, особенно в секторе онлайн-игр [35], ориентированных не на традиционную культуру, а на культуру потребления эмоций.

Выводы

Нам представляется, что мы ответили на главные вопросы нашего исследования — каков механизм действия традиционной культуры посредством традиционной игры как культурной формы на поведение ребенка и в чем проблемы инкультурации в образовательных учреждениях.

Носители культуры используют игровые сюжеты, представленные традиционными играми для реализации в них традиционных ценностей, вытесняющих формы поведения, человеческих отношений, не соответствующих традиционной культуре и собственно божественной природе человека. Стремление к счастью, к переживанию счастья-радости в игре, обуслов-

ленное традиционными ценностями отношений в игровых ситуациях, является целевым мотивом воспитательной и коррекционно-профилактической работы в игре. В традиционной игре особым образом ведется работа с девиантным, отклоняющимся поведением. В ней создаются условия *свободного* совершения нравственных поступков, и радостный опыт сочувствия, сопереживания, содействия вытесняет, замещает опыт ненадлежащего поведения ребенка и подростка.

Трудности использования традиционной игры в работе с детьми в образовательных учреждениях обусловлены системой формальных, субъект-объектных отношений участников образовательного процесса. Такие отношения не соответствуют традиционным культурным ценностям, реализация которых предполагается в традиционной игре как инструменте инкультурации. Почему многие пытаются использовать игру в учебном процессе, интуитивно понимая, что игровая атмосфера мотивирует детей к активности? Как нам ясно из вышеизложенного, игру привлекают как культурную форму, которая может задать определенный тип отношений участников (свободы, равенства и возможности проявления индивидуальности), и для учеников, и для педагога, — отношения культурные в определенном нами выше смысле. Эти отношения являются ценностью человека и в рамках этих отношений, в их контексте эффективно выстраивается учебная деятельность. Однако не всегда удается игру превратить в реальное явление культуры, прежде всего из-за того, что педагоги не готовы к ней, не являются носителями игровой культуры, являясь предметниками, сторонниками директивных отношений и не могут ввести в эту культурную форму детей, создать игровую атмосферу в детской учебной группе. Игра не может состояться. В силу этих трудностей ресурсы игры остаются не оцененными специалистами, особенно психологами, хотя обращение к ресурсам традиционной культуры объявлено государственной политикой. Одним из путей решения проблемы отношений детей и взрослых в организациях образования и социальной защиты может быть использование восстановительной программы «Круги сообщества», где практика взаимоотношений особым образом выстраивается через создание социальной детско-взрослой среды, для которой, как и для традиционной игры, характерны отношения доверия, равенства, доброжелательности [13].

Одновременно нам удалось показать, что во многих странах, представители традиционной культуры осознают процесс утраты традиций, понимают значение традиционной культуры и традиционной игры для сохранения и нормализации человеческих отношений в разных сферах общественной жизни.

Во всем мире есть похожее понимание ценностей традиционной игры как приносящей радость, чувство общности, дружбы, чувствительность к Другому, благодаря наличию общей основы в традиционных играх и культурах, обеспечивающей выживаемость народа как особой общности. Поэтому может быть перспективным использование традиционной игры как предмета культурного обмена, знакомства с разными традициями, вероятно, обладающими одной культурной основой, что могло бы способствовать лучшему взаимопониманию и нормализации отношений между разными народами.

Заключение

Мы рассмотрели этапы развития мотивации детей, привлекаемых в традиционную игру. В каждой фазе игры реализуется определенный мотив, и в зависимости от индивидуальных особенностей участника, каждый может проходить эти фазы индивидуально. Такое понимание происходящего в игре может помочь инициировать и поддерживать игру.

Сложность недирективного регулирования всего многообразия отношений в игре, возникающих в ходе ее движения к третьей фазе, обуславливают трудности использования ее педагогами и воспитателями. В дальнейших исследованиях предполагается специальное рассмотрение стратегии и тактики участия в игре представителей традиционной культуры, в особенности проработка рефлексивной составляющей игровой практики, до сих пор считавшейся неуместной в традиционной игре, как снимающей непосредственные эмоциональные реакции — индикаторы непроизвольно возникающих отношений, гасящей игровую установку участников, переводящую ее в деятельностный план и лишаящую игру всех ее принципиальных преимуществ (прежде всего свободы, непредписанности нравственного поступка). Предполагается продолжить полевые исследования бытования народной игры, начатые ранее [22] для выявления современной городской фольклорной игры, игры, выдержавшей испытание городской средой (самые стойкие игровые культурные формы, объединяющие детей в ватаги). Это поможет оптимизировать игровой репертуар для освоения его специалистами, решающими задачу возвращения традиционной игры в пространство современной жизни и профессиональной работы.

Человек — социальное существо. Каждый хочет, чтобы его заметили, услышали, поняли, приняли, отнеслись к нему с уважением и любовью. Однако не каждый понимает, что это зависит только от него самого, условием этого является его отношение к Другим со вниманием, уважением и любовью. Именно принятие этого правила дает человеку чувство свободы и счастья. Этому отношению учит традиционная игра, поскольку это и является содержанием традиционной (христианской) культуры, а инкультурация есть путь к счастливой совместной жизни.

Литература

1. *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства. М.: Пер Сэ, 2008. 431 с.
2. *Аристотель.* Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53—295.
3. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники / Под ред. И. Фролова. М.: Наука, 1986. С. 80—160.
4. *Валевич А.А., Куприянова Е.А., Тюмина Н.С., Чернушевич В.А.* Исследование уровня социально-коммуникативного развития дошкольников (эффективность программы «Сила народной игры» (Folkskills)) [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 3. С. 18–30. doi:10.17759/bpre.2021180302
5. *Выготский Л.С.* Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Альманах Института коррекционной педагогики. 2017. № 28. Вып. 1.
6. *Григорьев В.М.* Этнопедагогика игры // Традиционная культура. 2000. Том 1. № 1 (1). С. 99–106.
7. *Еремينا Н.В.* Реализация педагогического потенциала традиционной народной культуры субъектами образования в современном мегаполисе: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2014. 26 с.
8. *Каратаева Н.А.* Отношение педагогов дошкольных образовательных организаций к хороводной культуре: результаты эмпирического исследования // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (38). С. 57–61.
9. *Культура* // Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1970–1981. 1770 с.

10. Левада Ю.А. Традиция // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 5. М., 1970.
11. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 14–37. doi:10.14515/monitoring.2020.1.02
12. Москвина И.В., Каратаева Н.А. Педагогический потенциал русских народных игр и хороводов в развитии культурной идентичности у детей дошкольного возраста // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Том 7. № 5.
13. Путинцева Н.В. Консилиум / Совет профилактики в формате восстановительной программы «Круг сообщества» в центрах содействия семейному воспитанию // Вестник восстановительной юстиции. 2023. № 17. С. 73–75.
14. Рубан О.В., Белопольская Н.Л. Развитие игрового взаимодействия у дошкольников с расстройствами аутистического спектра методом «Хороводные игры» // Альманах Института коррекционной педагогики. 2017. № 28. Вып. 1.
15. Смирнова Е.О., Соколова М.В., Котляр И.А. Отчет о XIX всемирной конференции Международной ассоциации игры (International Play Association (IPA)) [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2014. Том 10. № 2. С. 105–109. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2014_n2/70026 (дата обращения: 22.07.2022).
16. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Аксиологический и методологический анализ народных игр [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 4. С. 22–38. doi:10.17759/psyedu.2021130402
17. Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н. Проблемы внедрения фольклорной игровой практики как коррекционно-профилактического ресурса (результаты и перспективы экспериментальной работы) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77. doi:10.17759/psylaw.2020100206
18. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 02.07.2023).
19. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб: Питер, 2002. 448 с.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
21. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
22. Чернушевич В.А. Экспериментальное исследование психоэмоциональных ресурсов народных игр (фольклора) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. Том 4. № 1. С. 25–34. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68310 (дата обращения: 14.07.2022).
23. Чернушевич В.А., Куприянова Е.А., Бобрышова Е.И. Народная игровая культура как средство формирования норм общения в детском возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 2. С. 93–106. doi:10.17759/psylaw.2016060207
24. Чупракова Н.Н. Игровая технология преодоления как профилактика социальных рисков с целью обеспечения безопасного развития детей и подростков в современных условиях // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2018. С. 213–215.

25. Чухланцев Ю.С., Чиркина Р.В., Курпьянова Е.А. Социальный остракизм и склонность к девиантному поведению подростков [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 4. С. 22–29. doi:10.17759/bpre.2021180402
26. Шереметьева М.А. Детская игра как фактор инкультурации и формирования социокультурной идентичности [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2020. № 8 (76). С. 118–122. doi:10.24158/fik.2020.8.24
27. Эльконина Л.И., Бажанова Т.В. Форма и материал сюжетно-ролевой игры дошкольников [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2007. Том 3. № 2. С. 2–11. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2007_n2/Elkoninova (дата обращения: 14.07.2022).
28. Chung S.S., Zimmermann A.C. Traditional Sports and Games: Intercultural Dialog, Sustainability, and Empowerment // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyg.2020.590301
29. Costes A., March-Llanes J., Muñoz-Arroyave V., Damian-Silva S., Luchoro-Parrilla R., Salas-Santandreu C., Pic M., Lavega-Burgués P. Traditional Sporting Games as Emotional Communities: The Case of Alcover and Moll’s Catalan—Valencian—Balearic Dictionary // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyg.2020.582783
30. Fitri M., Nur H.A., Putri W. Commemoration of Independence Day: Recalling Indonesian Traditional Games // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyg.2020.587196
31. García-Monge A., Rodríguez-Navarro H., Bores-García D. New Images for Old Symbols: Meanings That Children Give to a Traditional Game // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. doi:10.3389/fpsyg.2021.676590
32. Hartzog M. Folk Games // *Handbook of Texas / Texas State Historical Association (TSHA)*. Austin: Texas State Historical Association (TSHA), 2022.
33. Koundourou C., Ioannou M., Stephanou C., Pappastodemou M., Katsigari T., Tsitsas G., Sotiropoulou K. Emotional Well-Being and Traditional Cypriot Easter Games: A Qualitative Analysis // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. doi:10.3389/fpsyg.2021.613173
34. Nur H.A., Ma'mun A., Fitri M. The Influence of Traditional Games on Social Behavior of Young Millennials // *Proceedings of the 4th International Conference on Sport Science, Health, and Physical Education (ICSSHPE 2019)*. Dordrecht: Atlantis Press, 2020. P. 251–255. doi:10.2991/ahsr.k.200214.066
35. Ormo-Ribes E., Lavega-Burgués P., Rodríguez-Arregi R., Luchoro-Parrilla R., Rillo-Albert A., Pic M. Playing Ludomotor Activities in Lleida During the Spanish Civil War: An Ethnomotor Approach // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyg.2020.612623
36. Prabucki B. Book Review: Games and Society in Europa // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyg.2020.596400
37. Rajabi Varzani M.A. Study of the Role of Games in the Learning Improvement of Elementary Schoolboys in Karaj, Iran // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 84. P. 400–404. doi:10.1016/j.sbspro.2013.06.574

References

1. Abramenkova V.V. *Sotsial'naya psikhologiya detstva*. Moscow: Per Se, 2008. 431 p. (In Russ.).
2. Aristotel. *Nikomakhova etika*. In Aristotel. *Sochineniya*: V 4 t. T. 4. Moscow: Mysl', 1983. pp. 53–295. (In Russ.).
3. Bakhtin M.M. *K filosofii postupka*. In Frolov I. (ed.). *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki*. Moscow: Nauka, 1986, pp. 80–160. (In Russ.).

4. Valevich A.A., Kupriyanova E.A., Tyumina N.S., Chernushevich V.A. Issledovanie urovnya sotsial'no-kommunikativnogo razvitiya doshkol'nikov (effektivnost' programmy "Sila narodnoi igry" (Folkskills)) [The Research of the Level of Social and Communicative Development of Preschoolers (the Effectiveness of the Program "The Power of Folk Game" (Folkskills))] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 18–30. doi:10.17759/bppe.2021180302 (In Russ.).
5. Vygotsky L.S. Igra i ee rol' v psikhicheskom razvitii rebenka [Play and its Role in the Psychological Development of the Child]. *Al'manakh Instituta korrektsionnoi pedagogiki = The Almanac Institute of Special Education*, 2017, no. 28, iss. 1. (In Russ.).
6. Grigoryev V.M. Etnopedagogika igry. *Traditsionnaya kul'tura = Traditional Culture*, 2000. Vol. 1, no. 1 (1), pp. 99–106. (In Russ.).
7. Eremina N.V. Realizatsiya pedagogicheskogo potentsiala traditsionnoi narodnoi kul'tury sub"ektami obrazovaniya v sovremennom megapolise: Avtoref. diss. kand. ped. nauk. Moscow, 2014. 26 p. (In Russ.).
8. Karataeva N.A. Otnoshenie pedagogov doshkol'nykh obrazovatel'nykh organizatsii k khorovodnoi kul'ture: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [The attitude of preschool educational organizations' teachers to the round dance culture: results of empirical research]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2018, no. 2 (38), pp. 57–61. (In Russ.).
9. Kul'tura. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: V 30 t. T. 13*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1970–1981. 1770 c. (In Russ.).
10. Levada Yu.A. Traditsiya. *Filosofskaya entsiklopediya: V 5 t. T. 5*. Moscow, 1970. (In Russ.).
11. Leontiev D.A. Schast'e i sub"ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiinogo polya [Happiness and Well-Being: Toward the Construction of the Conceptual Field] [Elektronnyi resurs]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 2020, no. 1 (155), pp. 14–37. doi:10.14515/monitoring.2020.1.02 (In Russ.).
12. Moskvina I.V., Karataeva N.A. Pedagogicheskii potentsial russkikh narodnykh igr i khorovodov v razvitii kul'turnoi identichnosti u detei doshkol'nogo vozrasta [The pedagogical potential of Russian folk games and round dances in the development of cultural identity in preschool children]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2019. Vol. 7, no. 5. (In Russ.).
13. Putintseva N.V. Konsilium / Sovet profilaktiki v formate vosstanovitel'noi programmy "Krug soobshchestva" v Tsentrah sodeistviya semeinomu vospitaniyu. *Vestnik vosstanovitel'noi yustitsii = Restorative Justice Herald*, 2023, no. 17, pp. 73–75 (In Russ.).
14. Ruban O.V., Belopolskaya N.L. Razvitie igrovogo vzaimodeistviya u doshkol'nikov s rasstroistvami autisticheskogo spektra metodom "Khorovodnye igry" [The Development of Playing Interaction of Preschool Children with Autism Spectrum Disorders Using the Method of "Playing in the ring"]. *Al'manakh Instituta korrektsionnoi pedagogiki = The Almanac Institute of Special Education*, 2017, no. 28, iss. 1. (In Russ.).
15. Smirnova E.O., Sokolova M.V., Kotliar I.A. Otchet o XIX vseмирnoi konferentsii Mezhdunarodnoi assotsiatsii igry (International Play Association (IPA)) [Report on the XIX International Play Association Triennial World Conference] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2014. Vol. 10, no. 2, pp. 105–109. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2014_n2/70026 (Accessed 22.07.2022). (In Russ.).

16. Teplova A.B., Chernushevich V.A. Aksiologicheskii i metodologicheskii analiz narodnykh igr [Axiological and Methodological Analysis of Folk Games] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologopedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 22–38. doi:10.17759/psyedu.2021130402 (In Russ.).
17. Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N. Problemy vnedreniya fol'klornoi igrovoi praktiki kak korrektsionno-profilakticheskogo resursa (rezul'taty i perspektivy eksperimental'noi raboty) [Implementation Issues of Folklore Game Practice as a Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of Experimental Work)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77. doi:10.17759/psylaw.2020100206 (In Russ.).
18. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 9 noyabrya 2022 g. No. 809 “Osnovy gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsenostei” [Elektronnyi resurs]. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (Accessed 02.07.2023). (In Russ.).
19. Ukhtomsky A.A. Dominanta. Saint Petersburg: Piter, 2002. 448 p. (In Russ.).
20. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. Moscow: Progress, 1990. 368 p. (In Russ.).
21. Kheizinga I. Homoludens. Chelovek igrayushchii. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2011. 416 p. (In Russ.).
22. Chernushevich V.A. Eksperimental'noe issledovanie psikhoemotsional'nykh resursov narodnykh igr (fol'klora) [An experimental study of psycho-emotional resources of folk games (folklore)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2014. Vol. 4, no. 1, pp. 25–34. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68310 (Accessed 14.07.2022). (In Russ.).
23. Chernushevich V.A., Kupriyanova E.A., Bobryshova E.I. Narodnaya igrovaya kul'tura kak sredstvo formirovaniya norm obshcheniya v detskom vozraste [Folk national culture as a means of forming norms of communication in childhood] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2016. Vol. 6, no. 2, pp. 93–106. doi:10.17759/psylaw.2016060207 (In Russ.).
24. Chuprakova N.N. Igrovaya tekhnologiya preodoleniya kak profilaktika sotsial'nykh riskov s tsel'yu obespecheniya bezopasnogo razvitiya detei i podrostkov v sovremennykh usloviyakh. *Kochenovskie chteniya “Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii”. Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem*. Moscow: MGPPU Publ., 2018, pp. 213–215. (In Russ.).
25. Chukhlantsev Yu.S., Chirkina R.V., Kupriyanova E.A. Sotsial'nyi ostrakizm i sklonnost' k deviantnomu povedeniyu podrostkov [Social Ostracism and Tendency to Deviant Behavior of Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2021. Vol. 18, no. 4, pp. 22–29. doi:10.17759/bppe.2021180402 (In Russ.).
26. Sheremetyeva M.A. Detskaya igra kak faktor inkul'turatsii i formirovaniya sotsiokul'turnoi identichnosti [Children's Play as a Factor of Inculturation and the Formation of Sociocultural Identity] [Elektronnyi resurs]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2020, no. 8 (76), pp. 118–122. doi:10.24158/fik.2020.8.24 (In Russ.).
27. Elkoninova L.I., Bazhanova T.V. Forma i material syuzhetno-rolevoi igry doshkol'nikov [Form and Material of Role Play in Preschool Children] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2007. Vol. 3, no. 2, pp. 2–11. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2007_n2/Elkoninova (Accessed 14.07.2022). (In Russ.).

28. Chung S.S., Zimmermann A.C. Traditional Sports and Games: Intercultural Dialog, Sustainability, and Empowerment. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyg.2020.590301
29. Costes A., March-Llanes J., Muñoz-Arroyave V., Damian-Silva S., Luchoro-Parrilla R., Salas-Santandreu C., Pic M., Lavega-Burgués P. Traditional Sporting Games as Emotional Communities: The Case of Alcover and Moll's Catalan—Valencian—Balearic Dictionary. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyg.2020.582783
30. Fitri M., Nur H.A., Putri W. Commemoration of Independence Day: Recalling Indonesian Traditional Games. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyg.2020.587196
31. García-Monge A., Rodríguez-Navarro H., Bores-García D. New Images for Old Symbols: Meanings That Children Give to a Traditional Game. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12. doi:10.3389/fpsyg.2021.676590
32. Hartzog M. Folk Games. *Handbook of Texas / Texas State Historical Association (TSHA)*. Austin: Texas State Historical Association (TSHA), 2022.
33. Koundourou C., Ioannou M., Stephanou C., Papanastasiou M., Katsigari T., Tsitsas G., Sotiropoulou K. Emotional Well-Being and Traditional Cypriot Easter Games: A Qualitative Analysis. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12. doi:10.3389/fpsyg.2021.613173
34. Nur H.A., Ma'mun A., Fitri M. The Influence of Traditional Games on Social Behavior of Young Millennials. *Proceedings of the 4th International Conference on Sport Science, Health, and Physical Education (ICSSHPE 2019)*. Dordrecht: Atlantis Press, 2020, pp. 251–255. doi:10.2991/ahsr.k.200214.066
35. Ormo-Ribes E., Lavega-Burgués P., Rodríguez-Arregi R., Luchoro-Parrilla R., Rillo-Albert A., Pic M. Playing Ludomotor Activities in Lleida During the Spanish Civil War: An Ethnomotor Approach. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyg.2020.612623
36. Prabucki B. Book Review: Games and Society in Europa. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11. doi:10.3389/fpsyg.2020.596400
37. Rajabi Varzani M.A. Study of the Role of Games in the Learning Improvement of Elementary Schoolboys in Karaj, Iran. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2013. Vol. 84, pp. 400–404. doi:10.1016/j.sbspro.2013.06.574

Информация об авторах

Чернушевич Владимир Анатольевич, заведующий, учебно-производственная лаборатория, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1401-5070>, e-mail: chernushevichva@mgppu.ru

Information about the authors

Vladimir A. Chernushevich, Head, Training Laboratory, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1401-5070>, e-mail: chernushevichva@mgppu.ru

Получена 24.07.2023
Принята в печать 24.08.2023

Received 24.07.2023
Accepted 24.08.2023

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Особенности связи антисоциальной креативности и понимания собственных эмоций

Бочкова М.Н.

независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: boschkova.m84@gmail.com

В рамках снижения психологического насилия и деструкции в межличностных отношениях изучение проявления антисоциальной креативности (АК) в поведении становится актуальной проблемой для органов внутренних дел (ОВД) РФ. В статье приводится анализ результатов, полученных в нескольких исследованиях на разновозрастных выборках: осужденных, кадетов, курсантов и действующих сотрудников ОВД (N=281, из них 45% — женщины). Использовались опросники агрессии BRAQ-24, эмоционального интеллекта (ЭИИ), сокращенный вариант опросника «NEO PI-R», «Поведенческие особенности антисоциальной креативности». Проверялись гипотезы: 1) реализация антисоциальной креативности в межличностном взаимодействии опосредуется низким пониманием собственных эмоций (ПСЭ), низким сотрудничеством и высокой враждебностью, причем преимущественная роль принадлежит враждебности; 2) сочетание высоких значений сотрудничества и ПСЭ опосредует снижение АК; 3) существуют гендерные различия в компонентах АК и ее связи с сотрудничеством и ПСЭ. Результаты показали, что враждебность является полным медиатором в отрицательной связи ПСЭ и АК. В то же время вклад самооценки понимания собственных эмоций не является скромным в реализацию АК в поведении, наносящем вред другим людям. Было показано, что у высоко враждебных людей, имеющих развитую черту сотрудничества, высокое ПСЭ может регулировать АК. Сочетание высокой враждебности и высокого ПСЭ опосредует АК и может способствовать ее реализации в девиантном поведении в случае низких значений черты «Сотрудничество». Были выявлены гендерные особенности: у женщин снижение реализации АК в нанесении вреда опосредуется сочетанием высоко развитых ПСЭ и черты большой пятерки «Сотрудничество». Делается вывод о важном вкладе самооценки понимания собственных эмоций как компонента эмоционального интеллекта в антисоциальную креативность и девиантное поведение в межличностном взаимодействии.

Ключевые слова: антисоциальная креативность, эмоциональный интеллект, самооценка понимания собственных эмоций, сотрудничество, враждебность.

Для цитаты: Бочкова М.Н. Особенности связи антисоциальной креативности и понимания собственных эмоций [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 135–149. DOI:10.17759/psylaw.2023130310

Features of the Relationship of Malevolent Creativity and Understanding of One's Own Emotions

Margarita N. Bochkova

Independent Researcher, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: boschkova.m84@gmail.com

As part of the reduction of psychological violence and destruction in interpersonal relationships, the study of the manifestation of malevolent creativity (MC) in behavior becomes an urgent problem for the internal affairs bodies (ATS) of the Russian Federation. The article provides an analysis of the results obtained in several studies on samples of different ages: convicts, cadets, cadets and active police officers (N=281, of which 45% are women). The questionnaires of aggression BRAQ-24, emotional intelligence (EmIn), an abbreviated version of the questionnaire "NEO PI-R", "Behavioral features of malevolent creativity" were used. Hypotheses were tested: 1. The realization of malevolent creativity in interpersonal interaction is mediated by a low understanding of one's own emotions (PSE), low agreeableness and high hostility, with hostility playing a predominant role; 2. the combination of high values of cooperation and PSE mediates a decrease in MC; 3. there are gender differences in the components of MC and its relationship with cooperation and PSE. The results showed that hostility is a complete mediator in the negative relationship of PSE and MC. At the same time, the contribution of self-esteem to understanding one's own emotions is not modest in the implementation of MC in behavior that harms other people. It has been shown that in highly hostile people with a developed trait of cooperation, high PSE can regulate MC. The combination of high hostility and high PSE mediates MC and can contribute to its implementation in deviant behavior in the case of low values of the Cooperation trait. Gender features were identified: in women, the decrease in the realization of MC in harming is mediated by a combination of highly developed PSE and the traits of the big five Cooperation. The conclusion is made about the important contribution of self-assessment of understanding one's own emotions as a component of emotional intelligence to malevolent creativity and deviant behavior in interpersonal interaction.

Keywords: malevolent creativity, emotional intelligence, self-esteem of understanding one's own emotions, agreeableness, hostility.

For citation: Bochkova M.N. Features of the Relationship of Malevolent Creativity and Understanding of One's Own Emotions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 135–149. DOI:10.17759/psylaw.2023130310 (In Russ.).

Введение

Креативность, реализующаяся в девиантном поведении, стала предметом изучения во многих отраслях психологии [5]. При этом особый интерес представляет девиантность, угрожающая благополучию других членов организации [10]. Вербальная агрессия, злые шутки, черный юмор зачастую являются оригинальным следствием проявления антисоциальной креативности в поведении, мстостью за нанесенную обиду и при этом могут наносить психологический вред людям, являющимся мишенями такого поведения. Более того, как показывают зарубежные исследования, у жертв подобного поведения, в свою очередь, провоцируется ответная

реакция, проявляющаяся в нечестном, неэтичном поведении [21]. Мы понимаем под антисоциальной креативностью оригинальное решение проблемы в межличностном взаимодействии с намеренным нанесением вреда объекту взаимодействия.

Проблема девиантности в межличностном взаимодействии актуальна для органов внутренних дел России [см. обзор: 1]. Так, в исследовании В.Е. Петрова [14] было показано, что 75% обследуемой выборки сотрудников ОВД были склонны к психологическому насилию и деструкции в межличностных отношениях в виде активного вербального воздействия — использования ненормативной лексики, кличек, иронии, необоснованной критики сослуживцев, оскорбительных или унижительных форм общения. Мнения авторов о причинах девиаций в межличностном взаимодействии расходятся. Одни авторы считают, что властные полномочия и особенность профессиональной деятельности создают благоприятные условия для проявления различных форм агрессии у сотрудников ОВД [6]. Другие авторы склонны объяснять проблему профдеформацией и выгоранием [7]. Мы согласны с теми, кто утверждает, что важно изучать психологические показатели склонности к делинквентному поведению [8] и, в частности, такие особенности личности, которые могут привести к девиантному и противоправному поведению в межличностном взаимодействии [9].

Анализ современных исследований девиантного поведения на выборках разных возрастов — учащихся кадетских корпусов, курсантов вузов МВД, действующих сотрудников органов внутренних дел — показывает, что важным предиктором девиантного поведения в межличностном взаимодействии являются негативные личностные характеристики: враждебность и агрессия [см. обзор: 1]. Как показывают исследования, эти же переменные являются предикторами антисоциальной креативности [2; 4; 11; 12].

На выборке осужденных за корыстные и агрессивно-насильственные преступления было показано, что реализация антисоциальной креативности (с мотивацией намеренного нанесения вреда) в девиантном поведении опосредуется низкой выраженностью составляющих эмоционального интеллекта в сочетании с компонентами агрессии, причем решающее значение принадлежит враждебности и низкому пониманию собственных эмоций [2]. На выборках кадетов и курсантов было показано, что предиктором антисоциальной креативности является враждебность [3]. Перспективным представляется подход, в котором проводятся сравнения выборок и, в частности, преступников и обычных людей. Так, Б. Волхендлер (B. Wolhendler) показал, что и у подростков, находящихся в следственном изоляторе, и у подростков из общей выборки высокий уровень креативности сочетался с насильственным контентом содержания рисунков, т. е. делинквентность не модерировала связь креативности и насильственного контента [19]. Это говорит, во-первых, о том, что существуют общие связи и зависимости психологических переменных, характерные для всех людей, а, во-вторых, о целесообразности проведения сравнительного исследования антисоциальной креативности на разных возрастных выборках.

В сравнительных исследованиях связи эмоционального интеллекта и антисоциальной креативности были получены следующие результаты: выборка курсантов 2—3-го курсов и сотрудников ОВД со стажем не различались по уровню антисоциальной креативности, но уровень понимания собственных эмоций у курсантов был значимо ниже, а враждебность значимо выше; основные предикторы антисоциальной креативности у курсантов — враждебность, у действующих сотрудников ОВД — черта большой пятерки «Сотрудничество». У сотрудников ОВД была выявлена значимо отрицательная корреляция понимания собственных эмоций с враждебностью [5]. В исследовании на кадетках были выявлены отрицательные связи черты «Сотрудничество» и понимания собственных эмоций с продуцированием решений, наносящих ненамеренный вред в просоциальной ситуации [3]. Результаты согласуются с данными,

полученными Д. Харрис (D. Harris) с коллегами, выявившими отрицательную корреляцию количества продуцируемых идей, которые можно интерпретировать как наносящие вред другим людям, и эмоционального интеллекта [16]. Однако продуцирование идей и реальное воплощение их в жизнь не одно и то же, и вопрос о том, каков вклад компонентов эмоционального интеллекта в реализацию антисоциальной креативности в девиантном поведении, остается открытым.

Также, согласно результатам исследований, существуют гендерные различия в предикторах антисоциальной креативности у кадетов и курсантов [11; 13], но подобные сравнения не включали в себя анализ взаимосвязей девиантного поведения с параметрами эмоционального интеллекта (далее ЭИ), которые, как показывает анализ публикаций, не однозначно связаны с различными видами поведения: ЭИ не всегда опосредует только просоциальное поведение, а его компоненты могут быть положительно связаны и с девиантным поведением [см.: 4]. Так, при решении конфликта ЭИ положительно коррелировал со стратегиями кооперации и отрицательно — с доминирующими и агрессивными стратегиями [15; 20]. Однако те респонденты, кто считал приемлемым в конфликте унижать оппонента и использовать вербальную агрессию, так и поступал в реальности, даже в случае высокой способности осознания и управления собственными эмоциями [18]. Можно предположить, что определенный вклад в такое поведение вносит слаборазвитая черта Большой пятерки «Сотрудничество», поведенческие особенности обладателей которой состоят в озабоченности только своими потребностями, игнорировании потребностей других людей, небрежности в отношениях и взаимодействии с ними, склонности манипулировать, конфликтности и отсутствием склонности к сотрудничеству [17]. Мы полагаем, что значимо положительные корреляции черты «Сотрудничество» и понимания собственных эмоций будут служить дополнительным подтверждением вклада самооценки понимания собственных эмоций именно в просоциальное поведение. Более того, сочетание высоких значений обеих переменных могут нивелировать реализацию антисоциальной креативности в поведении.

Исходя из всего вышесказанного и результатов, полученных на выборке осужденных [2], мы формулируем следующие гипотезы: 1) реализация антисоциальной креативности в межличностном взаимодействии опосредуется низким пониманием собственных эмоций, низким сотрудничеством и высокой враждебностью, причем преимущественная роль принадлежит враждебности; 2) сочетание высоких значений сотрудничества и понимания собственных эмоций опосредует снижение антисоциальной креативности; 3) существуют гендерные различия в антисоциальной креативности и ее связи с сотрудничеством и пониманием собственных эмоций.

Метод и методики

Исследование проводилось в 2018—2021 гг. На первом этапе были обследованы осужденные за корыстные и агрессивно-насильственные действия [2]. На втором этапе в 2019—2020 гг. участвовали кадеты, а также курсанты 2—5-х курсов одного из московских вузов. На третьем этапе в 2021 гг. участвовали действующие сотрудники органов внутренних дел [5]. Всего приняли участие 281 человек. В настоящей статье мы поставили цель осуществить сравнительный анализ полученных результатов в нескольких исследованиях и выявить общие закономерности и гендерные особенности связи антисоциальной креативности, враждебности, сотрудничества и понимания собственных эмоций в выборках кадетов, курсантов и действующих сотрудников ОВД с привлечением данных, полученных на выборке осужденных [1]. Состав выборок представлен в табл. 1.

Таблица 1

Состав выборок исследований

Выборка	Муж- чины	Женщины	Совокупная выборка	Возраст ± SD
Осужденные	30	-	30	36,7 ± 9,18
Кадеты	27	19	46	15,0 ± 0,631
Курсанты	119	30	149	21,4 ± 1,03
Сотрудники ОВД	22	34	56	30,0 ± 5,22
Итого	198	83	281	-

Использовалась батарея опросников: агрессии BRAQ-24 (в адаптации С.Н. Ениколопова, Н.П. Цыбульского), эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д.В. Люсин), «NEO-FFI» — сокращенный вариант опросника «NEO PI-R» П. Коста и Р. Макраэ (В.Е. Орел, И.Г. Сенин), «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (ПОАК) [12]. Опросник ПОАК состоит из трех шкал «Нанесение вреда», «Ложь» и «Злые шутки», включающие утверждения о видах поведения, в которых может проявляться антисоциальная креативность. Респондентам предлагается ответить, как часто они ведут себя в соответствии с данными утверждениями. Подсчет ведется по шкалам и затем баллы суммируются в интегральный показатель [12].

Статистическая обработка проводилась в программе jamovi-2.3.24 с использованием сравнений по t-критерию Уэлша, однофакторного анализа ANOVA с применением критерия Тьюки, корреляционного и регрессионного анализа и анализа медиации.

Результаты исследования

Описательные статистики по переменным антисоциальной креативности, враждебности, сотрудничества и самооценки понимания собственных эмоций с корреляционными связями представлены в табл. 2.

В совокупной выборке были выявлены значимые отрицательные корреляции антисоциальной креативности и враждебности с самооценкой понимания собственных эмоций и сотрудничеством, значимо положительные корреляции антисоциальной креативности — с враждебностью и сотрудничеством с пониманием собственных эмоций. Корреляционный анализ, по Спирмену, в совокупной выборке (без осужденных) показал значимо положительные корреляции враждебности и значимо отрицательные корреляции сотрудничества с показателями шкал антисоциальной креативности «Нанесение вреда» и «Злые шутки»; понимание собственных эмоций значимо отрицательно коррелирует со шкалой «Нанесение вреда». Коэффициенты и уровень значимости корреляций представлены в табл. 2.

Согласно регрессионному анализу, 22% дисперсии значений антисоциальной креативности в совокупной выборке объясняются враждебностью ($\beta=0,465$; $p<0,001$); 4% к объяснению дисперсии добавляет сотрудничество ($\beta = - 0,222$; $p<0,001$).

Анализ медиации с помощью метода Bootstrap показал, что враждебность является медиатором связи понимания собственных эмоций и антисоциальной креативности. В таблице 3 представлены коэффициенты прямого и непрямого эффекта. Показано, что при включении враждебности в модель значимость прямого эффекта связи эмоционального интеллекта и антисоциальной креативности составила 0,966, т. е. приближается к единице. Результаты представлены в табл. 3 и на рис. 1.

Таблица 2

**Описательные статистики переменных в совокупной выборке и выборкам по полу
и корреляции переменных в совокупной выборке**

Переменные	Антисоциальная креативность	Враждебность	Понимание собственных эмоций	Сотрудничество
Выборки	Среднее и стандартное отклонение			
Совокупная выборка	9,74±6,48	17,8±5,27	22,0±7,08	41,5±5,25
Мужчины	10,1±6,26	17,7±5,12	21,2±6,55	40,8±4,97
Женщины	9,06±7,00	18,1±5,66	23,6±7,86	43,0±5,34
Мужчины без осужденных	10,7±6,19	17,2±4,91	21,6±6,81	41,0±4,80
Корреляции, по Спирмену, переменных в совокупной выборке (N=281)				
Антисоциальная креативность	-	0,482***	- 0,232***	- 0,297***
Враждебность	-	-	- 0,408***	- 0,176**
Понимание собственных эмоций	-	-	-	0,289***
Корреляции, по Спирмену, шкал антисоциальной креативности с враждебностью, сотрудничеством и пониманием собственных эмоций (без осужденных N=253)				
Нанесение вреда	-	0,447***	-0,127*	-0,298***
Злые шутки	-	0,293***	нет корреляций	-0,145*

Условные обозначения: «***» — $p < 0,001$; «**» — $p < 0,01$; «*» — $p < 0,05$.

Таблица 3

**Эффекты медиации враждебности в связи понимания собственных эмоций
и антисоциальной креативности**

Тип	Эффект	β	SE	Интервал 95% С.И. (a)		p
				Нижний	Верхний	
Непрямой	ПСЭ \Rightarrow Вр \Rightarrow АК	- 0,19487	0,0296	- 0,243	- 0,1249	< ,001
Компоненты	ПСЭ \Rightarrow Вр	- 0,40998	0,0390	- 0,380	- 0,2323	< ,001
	Вр \Rightarrow АК	0,47532	0,0668	0,460	0,7200	< ,001
Прямой	ПСЭ \Rightarrow АК	- 0,00246	0,0524	- 0,103	0,1062	0,966
Общий	ПСЭ \Rightarrow АК	- 0,19733	0,0535	- 0,285	- 0,0750	< ,001

Условные обозначения: ПСЭ — понимание собственных эмоций; Вр — враждебность, АК — антисоциальная креативность.

В совокупной выборке была выделена группа (N=59) со значениями враждебности и понимания собственных эмоций выше среднего значения. Сравнения средних по t-критерию Уэлша показало, что в выделенной группе антисоциальная креативность выше, чем в остальной части выборки ($p=0,033$, размер эффекта Cohen's $d = - 0,319$). Линейная регрессия показала, что существует эффект взаимодействия: в данной группе связь антисоциальной креативности и понимания собственных эмоций сильнее, чем в остальной части выборки. Значимость взаимодействия составила 0,014. Результаты представлены в табл. 4 и на рис. 2.

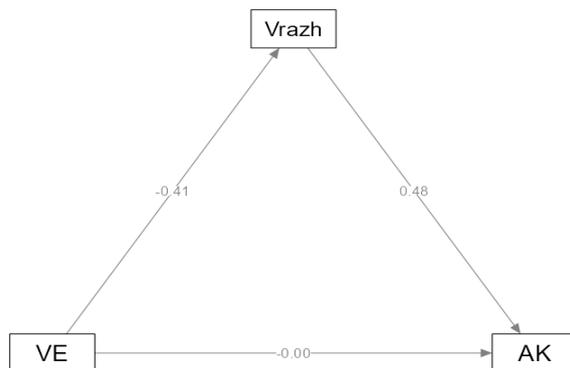

Рис. 1. Модель медиации враждебностью связи понимания собственных эмоций и антисоциальной креативности

Таблица 4

Коэффициенты модели антисоциальной креативности и взаимодействия понимания собственных эмоций и групп, выделенных по разному уровню враждебности и сотрудничества

Переменные	Стандартизированный коэффициент	p	SE	t
Антисоциальная креативность	-	< 0,001	0,4259	22,08
Понимание собственных эмоций центр.	- 0,142	0,023	0,0567	- 2,29
Группа: 1-0	0,236	0,044	0,9188	2,02
Взаимодействие понимания собственных эмоций и группы (1-0)	- 0,437	0,014	0,1608	- 2,49

Условные обозначения: группа 1 — выделенная группа со значениями враждебности и сотрудничества выше средних значений; группа 0 — остальная часть выборки.

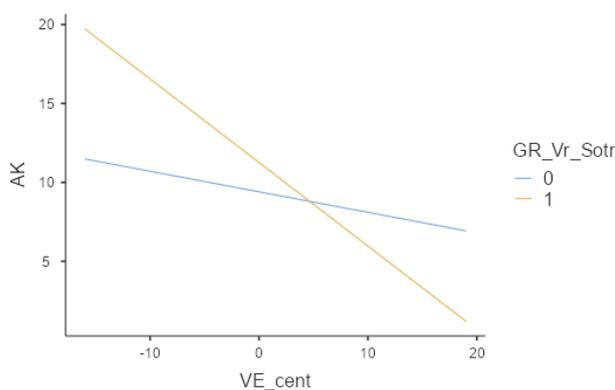

Рис. 2. Влияние на антисоциальную креативность взаимодействия понимания собственных эмоций и групп, выделенных по разному уровню враждебности и сотрудничества: АК — антисоциальная креативность; VE_cent — центрированная переменная понимание собственных эмоций; Gr_Vr_Sotr — группы, выделенные по значениям враждебности и сотрудничества; 1 — группа с показателями враждебности и сотрудничества выше среднего; 0 — остальная часть выборки

В совокупной выборке была выделена группа (N=33) со значениями враждебности и сотрудничества выше среднего. Сравнения средних по t-критерию Уэлша показало, что между выделенной группой и остальной частью выборки нет различий по антисоциальной креативности и сотрудничеству. Однако линейная регрессия показала, что существует эффект взаимодействия: в данной группе связь антисоциальной креативности и сотрудничества сильнее, чем в остальной части выборки. Значимость взаимодействия составила 0,57, что несколько превышает допустимый порог 0,05 и может объясняться малой выборкой (N=33). Результаты представлены в табл. 5 и на рис. 3.

Таблица 5

Коэффициенты модели антисоциальной креативности и взаимодействия сотрудничества и групп, выделенных по разному уровню враждебности и понимания собственных эмоций

Переменные	Стандартизированный коэффициент	p	SE	t
Антисоциальная креативность	-	< 0,001	0,3923	24,41
Сотрудничество_центр.	- 0,231	< 0,001	0,0770	- 3,70
Группа: 1-0	0,249	0,165	1,1634	1,39
Взаимодействие сотрудничества и группы (1-0)	- 0,298	0,057	0,1923	- 1,91

Условные обозначения: группа 1 — выделенная группа со значениями враждебности и понимания собственных эмоций выше средних значений, группа 0 — остальная часть выборки

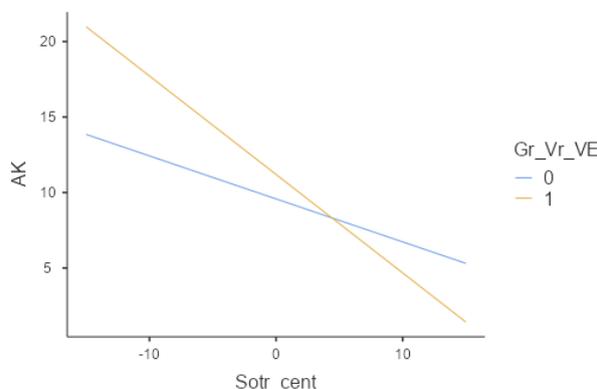

Рис. 3. Влияние взаимодействия на антисоциальную креативность сотрудничества и групп, выделенных по разному уровню враждебности и понимания собственных эмоций:

AK — антисоциальная креативность; Sotr_cent — центрированная переменная сотрудничества; Gr_Vr_VE — группы, выделенные по значениям враждебности и понимания собственных эмоций; 1 — группа с показателями враждебности и понимания собственных эмоций выше среднего; 0 — остальная часть выборки

Сравнение средних по t-критерию Уэлша (данный критерий был выбран в связи с неуравненностью выборок по численности) переменных антисоциальной креативности, враждебности, сотрудничества и понимания собственных эмоций показало, что понимание собственных эмоций и сотрудничество у женщин выше, чем у мужчин (без осужденных) ($p < 0,05$, значимость эффекта — 0,282; $p < 0,001$; значимость эффекта — 0,495 соответственно). По остальным параметрам различий выявлено не было.

Пошкальный анализ антисоциальной креативности выявил различия между выборками: у мужчин (без осужденных) значимо выше показатели по шкалам «Нанесение вреда» и «Злые шутки». Размеры эффекта достаточно приемлемые. По шкале «Ложь» различий между мужчинами и женщинами выявлено не было. Результаты представлены в табл. 6.

Таблица 6

Сравнения по t-критерию Уэлша показателей по шкалам антисоциальной креативности у мужчин (не включая выборку осужденных) и женщин

Переменные	Коэффициент	df	p	Размер эффекта (Cohen's d)
Нанесение вреда	– 1,992	149	0,048	– 0,272
Ложь	– 0,742	157	0,459	– 0,100
Злые шутки	– 2,361	166	0,019	– 0,316

Далее с помощью линейной регрессии мы выясняли влияние пола на связь компонентов антисоциальной креативности и понимания собственных эмоций. Эффект взаимодействия пола и понимания собственных эмоций был выявлен у компонента антисоциальной креативности «Нанесение вреда»: его связь с пониманием собственных эмоций — однонаправленная у мужчин и женщин, но разная по силе. У женщин эта связь сильнее, чем у мужчин. Результаты представлены в табл. 7 и на рис. 4.

Таблица 7

Коэффициенты линейной регрессии влияния взаимодействия пола и понимания собственных эмоций на переменную «Нанесение вреда» опросника ПОАК

Переменные	Стандартизированный коэффициент	p	SE	t
Нанесение вреда	-	< ,001	0,3436	9,91
Понимание собственных эмоций	– 0,261	0,008	0,0420	– 2,66
Пол: м-ж	0,166	0,298	0,4048	1,04
Взаимодействие понимания собственных эмоций и пола (м/ж)	0,252	0,043	0,0532	2,03

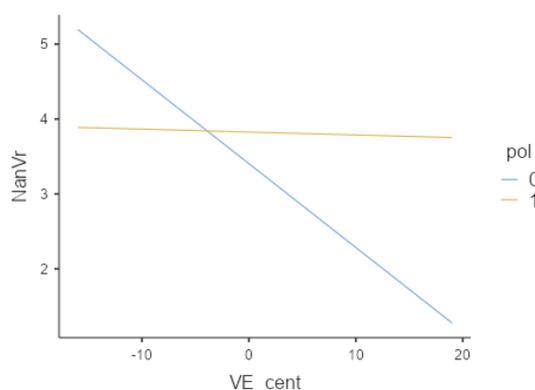

Рис. 4. График влияния взаимодействия пола и понимания собственных эмоций на компонент антисоциальной креативности «Нанесение вреда» в выборках мужчин и женщин: NanVr — нанесение вреда; VE_cent — понимание собственных эмоций (центрированные значения); pol — пол; 0 — женщины, 1 — мужчины

Обсуждение полученных результатов

В анализе результатов нескольких исследований мы сосредоточились на выявлении роли, которую играют в антисоциальной креативности такие переменные, как самооценка понимания собственных эмоций, враждебность и черта большой пятерки «Сотрудничество», а также на гендерных особенностях связи этих переменных.

Согласно первой гипотезе, реализация антисоциальной креативности в межличностном взаимодействии опосредуется низким пониманием собственных эмоций, низким сотрудничеством и высокой враждебностью, причем преимущественная роль принадлежит враждебности. Подтверждением данной гипотезы стали результаты, полученные в корреляционном и регрессионном анализе и анализе медиации. Вполне закономерным явлением, согласующимся с полученными нами ранее результатами на выборке осужденных [2] и сотрудников органов внутренних дел [5], являются положительная корреляция антисоциальной креативности с враждебностью и отрицательные корреляции с сотрудничеством и пониманием собственных эмоций. Главным предиктором антисоциальной креативности стала враждебность и ей принадлежит преимущественная роль, что также сочетается с полученными данными на выборках подростков [4]. Новым знанием стал тот факт, что враждебность является полным медиатором отрицательной связи понимания собственных эмоций и антисоциальной креативности. Иными словами, человек, который не понимает свои эмоции и того, что он чувствует, будет насторожен и враждебен к другим людям, так как, не понимая себя, сложно понять другого человека, в большинстве стимулов он будет видеть угрозу и неправильно интерпретировать эти стимулы, соответственно, и реагировать во взаимодействии с другими, нанося им вред. Однако утверждать обратное, что все враждебные люди не понимают собственные эмоции не правомерно. В исследовании была выделена выборка с высоким уровнем враждебности и с высоким пониманием собственных эмоций. Нами показано, что при таком сочетании антисоциальная креативность может регулироваться такой чертой, как сотрудничество. Полученные результаты дополняют выводы С. Мюллера (С. Moeller) и С. Квантеса (С. Kwantes) о том, что обладание высоким эмоциональным интеллектом не спасает от проявления агрессии в случае, если человек считает приемлемым использование агрессии в отношении оппонента [18]. Наши дополнения таковы: это может происходить в случае, если он обладает слабо развитой способностью к сотрудничеству.

Согласно второй гипотезе, сочетание высоких значений сотрудничества и понимания собственных эмоций опосредует снижение антисоциальной креативности. Результаты показывают, что в группе со значениями враждебности и сотрудничества выше среднего по выборке антисоциальная креативность выше по сравнению с той частью выборки, у которой и враждебность, и сотрудничество ниже средних значений. Интересно, что связь понимания собственных эмоций с антисоциальной креативностью сильнее у тех, у кого показатели враждебности и сотрудничества выше. Это означает, что самооценка понимания собственных эмоций вносит свой определенный вклад в антисоциальное поведение. В данном случае, именно она может регулировать реализацию креативности в антисоциальном поведении, нивелируя влияние враждебности и, в сочетании с чертой сотрудничество, снижая возможность нанесения вреда другим людям в личностном взаимодействии.

Что касается третьей гипотезы, то результаты, полученные у мужчин и женщин, показали, что высокие значения компонентов антисоциальной креативности («Нанесение вреда» и «Злые шутки») у мужчин сочетаются с низкими значениями понимания собственных эмоций и сотрудничества. Кроме того, выявлены гендерные различия в связи самооценки понимания собственных эмоций и такого параметра антисоциальной креативности, как нанесения вреда:

у женщин эта связь значимо сильнее, чем у мужчин, а значит, у женщин эмоциональный интеллект регулирует поведение, сдерживая агрессию в большей степени, чем у мужчин. Данный факт согласуется с результатами других авторов, показавших, что эмоциональный интеллект положительно коррелирует со стратегиями кооперации [15; 20]. Таким образом, третья гипотеза о существовании гендерных различий в антисоциальной креативности и ее связи с личностными характеристиками получила свое подтверждение.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Враждебность является полным медиатором отрицательной связи самооценки понимания собственных эмоций и антисоциальной креативности. Однако вклад понимания самооценки собственных эмоций также является не менее существенным: у высоко враждебных людей, имеющих развитую черту сотрудничества, она может регулировать антисоциальную креативность, снижая ее реализацию в девиантном поведении, наносящем вред другим.

2. Сочетание высокой враждебности и высокой самооценки понимания собственных эмоций опосредует антисоциальную креативность и может способствовать ее реализации в девиантном поведении в случае низких значений такой черты, как сотрудничество.

3. Снижение реализации антисоциальной креативности в агрессии у женщин опосредуется сочетанием высокоразвитых сотрудничества и понимания собственных эмоций.

Заключение

В исследовании было показано, что враждебность, самооценки понимания собственных эмоций и сотрудничество играют важную роль в антисоциальной креативности и ее компонентах. При этом важны также уровни развития этих психологических коррелятов и предикторов реализации антисоциальной креативности в девиантном поведении в межличностном взаимодействии. Новизна исследования заключается в том, что было показано, как определенные психологические характеристики могут нивелировать связь враждебности и антисоциальной креативности. Соответственно, развивая понимание эмоций у человека, стимулируя сотрудничество с другими людьми, можно снизить антисоциальную креативность. Исследование имеет ограничения, связанные с размером выборок. Дальнейшим направлением исследований нам видится проведение лонгитюдного исследования. Особенности выявленных связей и зависимостей определяются спецификой выборок, имеющих отношение к силовым структурам, и на данном этапе исследований можно рекомендовать включать упражнения по развитию эмоционального интеллекта и стимуляции положительных личностных черт, например сотрудничества, в тренинги для учащихся кадетских корпусов и вузов МВД, а также сотрудников ОВД. Без этих мероприятий бороться с межличностной девиацией будет затруднительно.

Литература

1. *Бочкова М.Н.* Девиантное поведение сотрудников органов внутренних дел: обзор исследований в современной российской психологии [Электронный ресурс] // Прикладная психология и педагогика. 2023. Том 8. № 1. С. 29–46. doi:10.12737/2500-0543-2023-8-1-29-46
2. *Бочкова М.Н.* Эмоциональный интеллект и креативность: связь и взаимодействие на примере разных категорий осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 92–102. doi:10.17759/psylaw.2020100108

3. Бочкова М.Н., Мешкова Н.В. Поведенческие особенности негативной и антисоциальной креативности на примере подростков [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 1. С. 93–106. doi:10.17759/psyedu.2019110108
4. Бочкова М.Н., Мешкова Н.В. Эмоциональный интеллект и социальное взаимодействие: зарубежные исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 49–59. doi:10.17759/jmfp.2018070205
5. Бочкова М.Н., Шаповал В.А., Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Особенности антисоциальной креативности и эмоционального интеллекта у сотрудников органов внутренних дел в зависимости от образования и стажа работы // Организационная психология. 2021. Том 11. № 2. С. 154–168.
6. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. СПб: Питер, 2010. 352 с.
7. Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. Профессиональная личностная деформация сотрудников органов внутренних дел // Организационная психология. 2020. Том 10. № 2. С. 80–106.
8. Лютых В.А., Коноплева И.Н. Психологические и криминологические аспекты преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. Том 4. № 3. С. 86–101. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n3/72730 (дата обращения: 01.07.2023).
9. Марьин М.И., Бочкова А.А. Девиантное поведение сотрудников правоохранительных органов: причины возникновения, диагностика и профилактика // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): Сборник тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 20–22 ноября 2019 г.): В 10 т. Т. 8. Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 33–38.
10. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 86–107. doi:10.17759/psylaw.2020100307
11. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т., Кравцов О.Г., Бочкова М.Н., Мешков И.А. Возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Том 17. № 1. С. 60–72. doi:10.17323/1813-8918-2020-1-60-72
12. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В., Мешков И.А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 6. С. 25–40 doi:10.17759/pse.2018230603
13. Мешкова Н.В., Шаповал В.А., Герасименко Е.А., Потарыкина М.С., Мешков И.А. Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 83–96. doi:10.17759/psylaw.2018080306
14. Петров В.Е. Психометрическое исследование опросника оценки склонности сотрудников к психологическому насилию // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2020): материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 23 апреля 2020 года / под ред. Ю.А. Шаранова, Н.А. Гончаровой. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 415–419.

15. Ann B.Y., Yang C.C. The moderating role of personality traits on emotional intelligence and conflict management styles // *Psychological Reports*. 2012. Vol. 110(3). P. 1021–1025. doi:10.2466/21.01.09.20.PR0.110.3.1021-1025
16. Harris D.J., Reiter-Palmon R., Kaufman J.C. The effect of emotional intelligence and task type on malevolent creativity // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2013. Vol. 7. P. 237–244. doi:10.1037/a0032139
17. McCrae R.R., Costa P.T. Validation of the five — factor model of personality across instruments and observers // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 52(1). P. 81–90. doi:10.1037//0022-3514.52.1.81
18. Moeller C., Kwantes C.T. Too Much of a Good Thing? Emotional Intelligence and Interpersonal Conflict Behaviors // *The Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 155(4). P. 314–324. doi:10.1080/00224545.2015.1007029
19. Wolhendler B. Creativity, Delinquency, and Production of Unsolicited Violent Content in Drawings: Doctor of Philosophy in Psychology Diss. ProQuest LLC, 2015.
20. Zeidner M., Kloda I. Emotional intelligence (EI), conflict resolution patterns, and relationship satisfaction: Actor and partner effects revisited // *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 54(2). P. 278–283. doi:10.1016/j.paid.2012.09.013
21. Yip J.A., Schweitzer M.E., Nurmohamed S. Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2018. Vol. 144. P. 125–144. doi:10.1016/j.obhdp.2017.06.002

References

1. Bochkova M.N. Emotsional'nyi intellekt i kreativnost': svyaz' i vzaimodeistvie na primere raznykh kategorii osuzhdennykh [Emotional Intelligence and Creativity: Relation and Interaction on the Example of Different Categories of Convicts] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 92–102. doi:10.17759/psylaw.2020100108 (In Russ.).
2. Bochkova M.N. Deviantnoe povedenie sotrudnikov organov vnutrennikh del: obzor issledovaniy v sovremennoi rossiiskoi psikhologii [Deviant behavior of law enforcement officers: a review of research in modern Russian psychology] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika = Applied Psychology and Pedagogy*, 2023. Vol. 8, no. 1, pp. 29–46. doi:10.12737/2500-0543-2023-8-1-29-46 (In Russ.).
3. Bochkova M.N., Meshkova N.V. Povedencheskie osobennosti negativnoi i antisotsial'noi kreativnosti na primere podrostkov [Behavioral Features of Negative and Malevolent Creativity in Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2019. Vol. 11, no. 1, pp. 93–106. doi:10.17759/psyedu.2019110108 (In Russ.).
4. Bochkova M.N., Meshkova N.V. Emotsional'nyi intellekt i sotsial'noe vzaimodeistvie: zarubezhnye issledovaniya [Emotional intelligence and social interaction: foreign studies] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018. Vol. 7, no. 2, pp. 49–59. doi:10.17759/jmfp.2018070205 (In Russ.).
5. Bochkova M.N., Shapoval V.A., Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Osobennosti antisotsial'noi kreativnosti i emotsional'nogo intellekta u sotrudnikov organov vnutrennikh del v zavisimosti ot obrazovaniya i stazha raboty [Features of malevolent creativity and emotional intelligence in police officers depending on education and length of service]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 154–168. (In Russ.).
6. Zmanovskaya E.V., Rybnikov V.Yu. Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy: Uchebnoe posobie. Saint Petersburg: Piter, 2010. 352 p. (In Russ.).

7. Korneeva Ya.A., Simonova N.N. Professional'naya lichnostnaya deformatsiya sotrudnikov organov vnutrennikh del [Professional personality deformation of internal affairs employees of various departments]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 80–106. (In Russ.).
8. Lyutykh V.A., Konopleva I.N. Psikhologicheskie i kriminologicheskie aspekty prestuplenii, sovershaemykh sotrudnikami organov vnutrennikh del [Psychological and criminological aspects of the crimes committed by members of the internal affairs bodies] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2014. Vol. 4, no. 3, pp. 86–101. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n3/72730 (Accessed 01.07.2023). (In Russ.).
9. Maryin M.I., Bochkova A.A. Deviantnoe povedenie sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: prichiny vozniknoveniya, diagnostika i profilaktika. *IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii): Sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov (g. Ryazan', 20–22 noyabrya 2019 g.): V 10 t. T. 8. Materialy mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsii i kruglykh stolov*. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii Publ., 2019, pp. 33–38. (In Russ.).
10. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Kreativnost' i deviantnost': sovremennoe sostoyanie problemy v psikhologii [Creativity and Deviance: The Present State of the Issue in Psychology] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 86–107. doi:10.17759/psylaw.2020100307 (In Russ.).
11. Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtsev V.T., Kravtsov O.G., Bochkova M.N., Meshkov I.A. Vozrastnye i polovye osobennosti lichnostnykh prediktorov antisotsial'noi kreativnosti [Age and Gender Characteristics of Personality Predictors for Antisocial Creativity] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2020. Vol. 17, no. 1, pp. 60–72. doi:10.17323/1813-8918-2020-1-60-72 (In Russ.).
12. Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Mitina O.V., Meshkov I.A. Adaptatsiya oprosnika "Povedencheskie osobennosti antisotsial'noi kreativnosti" [Adaptation of the Malevolent Creativity Behavior Scale] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2018. Vol. 23, no. 6, pp. 25–40 doi:10.17759/pse.2018230603 (In Russ.).
13. Meshkova N.V., Shapoval V.A., Gerasimenko E.A., Potarykina M.S., Meshkov I.A. Lichnostnye osobennosti i antisotsial'naya kreativnost' na primere kadetov i sotrudnikov MVD [Personal features and malevolent creativity on the example of cadets and policemen] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 83–96. doi:10.17759/psylaw.2018080306 (In Russ.).
14. Petrov V.E. Psikhometricheskoe issledovanie oprosnika otsenki sklonnosti sotrudnikov k psikhologicheskomu nasiliyu. In Sharanov Yu.A., Goncharova N.A. (eds.). *Aktual'nye problemy psikhologii pravookhranitel'noi deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya — 2020): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 23 aprelya 2020 goda*. Saint Petyersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii Publ., 2020, pp. 415–419. (In Russ.).
15. Ann B.Y., Yang C.C. The moderating role of personality traits on emotional intelligence and conflict management styles. *Psychological Reports*, 2012. Vol. 110, no. 3, pp. 1021–1025. doi:10.2466/21.01.09.20.PR0.110.3.1021-1025
16. Harris D.J., Reiter-Palmon R., Kaufman J.C. The effect of emotional intelligence and task type on malevolent creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2013. Vol. 7, pp. 237–244. doi:10.1037/a0032139

17. McCrae R.R., Costa P.T. Validation of the five — factor model of personality across instruments and observers. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987. Vol. 52, no. 1, pp. 81–90. doi:10.1037//0022-3514.52.1.81
18. Moeller C., Kwantes C.T. Too Much of a Good Thing? Emotional Intelligence and Interpersonal Conflict Behaviors. *The Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 155, no. 4, pp. 314–324. doi:10.1080/00224545.2015.1007029
19. Wolhendler B. Creativity, Delinquency, and Production of Unsolicited Violent Content in Drawings: Doctor of Philosophy in Psychology Diss. ProQuest LLC, 2015.
20. Zeidner M., Kloda I. Emotional intelligence (EI), conflict resolution patterns, and relationship satisfaction: Actor and partner effects revisited. *Personality and Individual Differences*, 2013. Vol. 54, no. 2, pp. 278–283. doi:10.1016/j.paid.2012.09.013
21. Yip J.A., Schweitzer M.E., Nurmohamed S. Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2018. Vol. 144, pp. 125–144. doi:10.1016/j.obhdp.2017.06.002

Информация об авторах

Бочкова Маргарита Николаевна, магистр психологии, независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: boschkova.m84@gmail.com

Information about the authors

Margarita N. Bochkova, MA in Psychology, Independent Researcher, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: boschkova.m84@gmail.com

Получена 07.07.2023
Принята в печать 27.08.2023

Received 07.07.2023
Accepted 27.08.2023

Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике

Блинова Д.Н.

Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0439-7311>, e-mail: semenova_d_n@mail.ru

Гурина О.Д.

Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

В работе проанализированы материалы с признаками киберагрессии и кибербуллинга на примере дел, поступивших на комплексное психолого-лингвистическое исследование в ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр». Целью работы стало описание структурных и содержательных характеристик информационного материала, имеющего признаки киберагрессии. К структурным характеристикам были отнесены особенности коммуникационного процесса, а именно роль адресата и адресанта, тип сообщения, кодирование и канал информации, цель и результат коммуникации; к содержательным психологическим характеристикам с учетом различных вариантов киберагрессии (флейминг, троллинг, хейтинг, киберсталкинг, кибербуллинг и др.) были отнесены: тип представленной в материале коммуникативной ситуации, приемы психологического воздействия, социально-психологическая направленность материала. Представленные в статье характеристики позволяют структурировать проведение психолого-лингвистического исследования по информационным материалам в русле исследования киберагрессии и расширить возможности комплексной судебно-психолого-лингвистической экспертизы по информационным материалам.

Ключевые слова: киберагрессия, кибербуллинг, психологическое насилие, комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, психологическое исследование информационных материалов.

Для цитаты: Блинова Д.Н., Гурина О.Д. Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 150–160. DOI:10.17759/psylaw.2023130311

Cyberaggression and Cyberbullying in Forensic Practice

Daria N. Blinova

Moscow Research Center, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0439-7311>, e-mail: semenova_d_n@mail.ru

Oksana D. Gurina

Moscow Research Center; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

The paper analyzes materials with the phenomena of cyberaggression and cyberbullying on the topic of history, received for a comprehensive forensic psycholinguistic study on the example of the cases received by the Moscow State Budgetary Institution “Moscow Research Centre”. The aim of the work is to describe the structural and the content characteristics of the information material with signs of cyberaggression. The structural characteristics include the features of the communication process, such as the function of an addressee and an addresser, the type of a message, the encoding and the channel of information, the purpose and the result of communication; the content psychological characteristics, taking into account various options for cyberaggression (flaming, trolling, hating, cyberstalking, cyberbullying, etc.), are the following: the type of the communicative situation presented in the material, the methods of psychological influence, the socio-psychological orientation of the material. The characteristics presented in the article will allow structuring the conduct of psychological and linguistic research on information materials in line with the study of cyberaggression, expand the possibilities of a comprehensive forensic psycholinguistic study on information materials.

Keywords: cyberaggression, cyberbullying, psychological violence, complex forensic psychological and linguistic expertise, psychological research of informational materials.

For citation: Blinova D.N., Gurina O.D. Cyberaggression and Cyberbullying in Forensic Practice. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 150–160. DOI:10.17759/psylaw.2023130311 (In Russ.).

Введение

Развитие информационных технологий привело к тому, что многие явления в реальной жизни становятся предметом исследования в виртуальном пространстве. Ситуация с виртуализацией ускорилась, в том числе ввиду эпидемиологической ситуации во всем мире, приведшей к ограничению живого общения. Онлайн-общение проникло в разные сферы жизни, что требует не только социального, но и правового регулирования. Одной из проблем виртуального общения стали киберагрессия и кибербуллинг. В отечественной и зарубежной литературе можно встретить разные иерархические отношения между этими понятиями. Имеются представления, что кибербуллинг включен в киберагрессию или же они рассматриваются самостоятельно как независимые друг от друга явления [2; 15; 17; 18; 19; 24; 26].

Обобщенно, на основании современных отечественных и зарубежных исследований, киберагрессию можно определить как поведение, направленное на причинение вреда посредством электронных устройств одному человеку или группе лиц и воспринимаемое как оскорбительное, уничижительное, приносящее ущерб или нежелательное [2; 3; 15; 17; 18; 21; 22;

24; 25; 26]. Исследователями предполагается, что киберагрессия может нанести так называемые «цифровые повреждения», способные оказывать продолжительное негативное воздействие на психологическое состояние жертвы.

На сегодняшний день выделяют различные типы киберагрессии, например: флейминг, троллинг, хейтинг, киберсталкинг, кибербуллинг, секстинг и др. [2; 4; 7; 15; 24]. Для некоторых типов киберагрессии можно определить следующие характерные черты.

Флейминг. К характеристикам флейминга относят: импульсивность, эмоциональность, диалогический или полилогический характер, непродолжительность по времени. Во флейминге тип взаимодействия между его участниками можно определить как спор. В рамках спора уже формируется конфликтное взаимодействие, которое приводит к взаимным оскорблениям и унижениям [1; 4; 15; 18; 24].

Троллинг. Представлен как деструктивная онлайн-деятельность, направленная на провокацию конфликтов через нарушение правил интернет-коммуникации, в отдельных случаях — на привлечение внимания к какой-либо социально значимой проблеме [2; 4; 15; 18; 20].

Хейтинг. К нему относят враждебные действия в форме оскорбительных, угрожающих высказываний, содержащихся в сообщениях, комментариях, видеороликах или изображениях [7; 15].

Киберсталкинг. Представляет собой преследование жертвы с использованием электронных средств. К действиям киберсталкинга можно отнести навязчивые повторяющиеся действия в отношении жертвы (звонки, сообщения) [16; 18; 23].

Кибербуллинг. Данное понятие может рассматриваться как отдельное явление, но в целом оно представляет собой отдельный вид киберагрессии. К его характеристикам Г.У. Солдатова относит непредсказуемость и неожиданность совершаемых агрессивных действий, достаточность одного агрессивного акта, изолированность свидетелей друг от друга и от жертвы, стимулирование механизма инверсии в ролевой структуре, неравенство сил в онлайн-пространстве [2; 8; 11; 15; 17; 19; 22; 26].

Секстинг В нашей работе мы не затрагивали подробно эту разновидность киберагрессии, которая представляет собой переписки на сексуальные темы, а также кибергруминга и киберсталкинга по сексуальным мотивам, так как указанные явления образуют отдельное крупное направление в области исследования сексуального общения в сети Интернет, требующее правового регулирования [2; 14].

Помимо используемой популярной терминологии киберагрессии и кибербуллинга наравне с ними в российской практике может быть использовано понятие психологического или психического насилия, а также нефизического насилия в сети Интернет [6; 9; 12].

В российском законодательстве существует ряд норм, регулирующих одну из форм насилия — психологическое насилие (и смежные с ним явления), в том числе совершенное с использованием информационных технологий [6; 9]. Необходимо отметить, что в России понятие «психологическое насилие» не используется ни в одном из кодексов, однако такое понятие, как «психическое насилие», зафиксировано в Семейном и Трудовом кодексах Российской Федерации (ст. 69 СК РФ, ч. 2 ст. 336 ТК РФ). О тождественности или принципиальных различиях этих понятий в контексте их правоприменения в данной работе речь не идет, но отметим, что уголовная, гражданская и административная ответственность за некоторые формы психологического насилия, в частности за угрозу, жестокое обращение, систематические унижения, оскорбления, закреплены в законодательстве, например в ст. 110, 110.1, 117, 119, 128.1 УК РФ, ст. 152 ГК РФ, ст. 5.61, 20.1 КоАП РФ.

При этом законодательно в России киберагрессия и кибербуллинг не регулируются. По мнению отдельных исследователей, киберагрессия должна иметь правовое регулирование, необходимо внести административную, а в отдельных случаях и уголовную ответственность за некоторые виды агрессии и насилия в сети Интернет [6; 8; 9].

В настоящее время к правовому регулированию киберагрессии можно отнести те статьи кодексов, в которых какое-либо из запрещенных законодательством деяний совершается с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, а именно: ст. 110, 110.1, 128.1 УК РФ, ст. 152 ГК РФ, ст. 5.61, 20.1 КоАП РФ.

В российской практике исследований киберагрессии, кибербуллинга и психологического насилия требуется более четкое разграничение и определение указанных понятий, а также их взаимосвязи и взаимовлияния. На наш взгляд, важно маркировать и определять те виды психологического насилия и агрессии, которые должны попасть под правовое регулирование.

В этой связи может возникнуть вопрос о возможностях экспертизы с целью установления фактов и обстоятельств, имеющих значение для принятия правового решения в том или ином случае. В рамках комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы возможно установить содержание и направленность информационного материала, психологические средства воздействия и др. [10; 13]. В настоящее время нарабатан достаточный опыт по проведению комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз и исследований по информационным материалам.

Материалы и методы

На примере комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз и исследований, поступивших в ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр», нами проведен аналитический разбор материалов, фиксирующих случаи проявления различных форм киберагрессии, описанных во Введении.

За период с 01 января 2019 г. по 31 декабря 2021 г. в ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» было проведено более 900 комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз и исследований, назначенных по делам о противодействии экстремизму и терроризму.

В рамках исследования использовался подход, описанный в методике комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [10].

Результаты и их обсуждение

В рамках производства комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз и исследований, в том числе по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [10; 13], можно выделить следующие структурные и содержательные особенности таких материалов. К структурным особенностям, согласно теориям коммуникативного процесса [5], можно отнести следующие характеристики материалов с киберагрессией.

1. Представление адресата и адресанта в роли жертвы и агрессора. При этом возможна инверсия указанных ролей в процессе коммуникации.
2. Сообщение представлено как акт, в котором отражены агрессивные намерения коммуниканта или коммуникантов.
3. Кодирование информации возможно в вербальном, невербальном (визуальном, аудиальном), а также в поликодовом варианте.
4. Цель киберагрессии может быть определена как причинение вреда посредством негативного воздействия на психическое состояние коммуниканта.

5. Каналом связи выступают электронные средства связи, в основном с использованием сети Интернет.

6. Результат киберагрессии — изменение психоэмоционального состояния коммуникантов.

К содержательным психологическим аспектам киберагрессии, учитывая теорию и практику экспертизы информационных материалов, можно отнести: тип коммуникативной ситуации в размещенных материалах, социально-психологическую направленность материала и приемы психологического воздействия [10; 13].

Тип коммуникативной ситуации — любая коммуникативная ситуация, подразумевающая обращение посредством использования сети Интернет или иных электронных средств связи к конкретному лицу или обозначенной группе лиц. К ним могут относиться и большие социальные группы (например расы, нации и др.).

Приемы психологического воздействия — весь спектр приемов психологического воздействия, который определяет ту или иную социально-психологическую направленность в ситуации киберагрессии. К ним могут быть отнесены угроза, шантаж, психологическое давление и другие виды и приемы психологического воздействия, используемые при различных типах киберагрессии.

Социально-психологическая направленность — исходя из видов киберагрессии, можно обобщенно представить следующие типы социально-психологической направленности: инициация у адресата негативных переживаний, эмоций (например флейминг, хейтинг, кибербуллинг); формирование у адресата готовности к ответным агрессивным действиям (например троллинг); формирование у адресата положительного или негативного отношения к преследователю (например киберсталкинг). Такое выделение типов социально-психологической направленности крайне условно, так как во многом зависит от структурных и содержательных характеристик информационного материала. Указанное перечисление не ограничивается предложенными типами социально-психологической направленности.

Рассмотрим основные описательные особенности различных видов киберагрессии в экспертной практике ГБУ г. Москвы «МИЦ».

Ситуация **флейминга** между представителями различных групп может выглядеть следующим образом: участник одной из групп переходит на личности и обращается к конкретному участнику другой группы, демонстрируя к нему презрение в связи с его национальной принадлежностью, при этом в ответ получает симметричное оскорбление также по национальному признаку. Основная цель такого общения — «задеть за живое», причинить душевный дискомфорт противнику. Психологическим мотивом подобного типа общения может быть, в том числе, желание продемонстрировать свое превосходство над противником, проявить «правильную», с точки зрения агрессора, позицию и др. Стоит отметить, что информационные материалы с подобным типом коммуникативной ситуации, часто становятся объектом исследования по делам о противодействии экстремистской деятельности. Однако, на наш взгляд, психологических признаков возбуждения вражды, ненависти или же унижения такой материал может и не содержать, виду того, что основная социально-психологическая направленность материалов с психологическими признаками возбуждения вражды, ненависти и/или психологическими признаками унижения, в первую очередь, — формирование у адресата враждебного эмоционально-смыслового отношения (установки) к представителям той или иной группы лиц. Для формирования установки необходимы когнитивное, эмоциональное убеждение, а также направленность на формирование готовности к враждебным действиям по отношению к указанным представителям или группе лиц, тогда как инициация негативных переживаний, эмоций (раздражение, злость, обида и др.) в условиях спора, даже

с учетом агрессивных действий, не обязательно является критерием психологического признака возбуждения вражды, ненависти и/или унижения.

Троллинг представляет собой пример преднамеренного нарушения правил виртуального общения, действия могут быть направлены на конкретное лицо или группу лиц. Оба коммуниканта могут быть агрессорами, стремящимися вызвать друг у друга негативные эмоции и переживания, такие как раздражение, гнев, злость, обида. Часто это может быть ситуацией, в которой один из коммуникантов на комментарий другого реагирует агрессивно, в том числе демонстрируя пренебрежение или же презрение к собеседнику, при этом очевидных причин для этого нет. В экспертной практике такие случаи встречаются редко, объектом исследования в них становятся высказывания коммуникантов на предмет наличия признаков унижения и/или оскорбления (в рамках лингвистического исследования). Социально-психологическая направленность подобных материалов чаще всего — формирование у адресата готовности к ответным агрессивным действиям.

Хейтинг — в экспертной практике подобных случаев зафиксировано не было, так как обычно хейтинг предполагает групповое преследование жертвы. Так, группа, не связанных между собой лиц может демонстрировать ненависть по отношению к жертве в результате совершения ею каких-либо действий. Такая ситуация характерна больше для публичных лиц, чьи поступки вызывают у ряда лиц желание выразить свое негативное отношение в виде оскорблений, унижений и т. д. Социально-психологическая направленность указанных материалов, скорее всего, также будет связана с формированием у адресата негативных переживаний.

Киберсталкинг предполагает преследование жертвы на протяжении длительного времени и чаще всего связан с романтическими и/или сексуальными намерениями преследователя. В экспертной практике ГБУ г. Москвы «МИЦ» подобные случаи были предметом исследования, но основная задача была связана с установлением признаков побуждений к сексуальным действиям, если речь шла о переписке с несовершеннолетними, а также установлением признаков порнографии. Однако в данной статье проблема секстинга и киберсталкинга на сексуальной почве не рассматривается, о чем было сказано выше.

Другой коммуникативной ситуацией, которую можно обозначить как действия **кибербуллинга**, является размещение контента, чаще всего видео, с унижительными, насильственными действиями в отношении жертвы. Такие видеозаписи фиксируют длительные или однократные ситуации унижения, насилия и выкладываются в сеть для публичного доступа. Обычно преследователь унижает и/или насилует, как физически, так и психологически, жертву по каким-либо признакам ее принадлежности к какой-либо группе или же по каким-то иным особенностям. Это может быть яркая «неформальная» внешность жертвы, принадлежность к тем или иным расовым, национальным, религиозным группам, группам сексуальной ориентации и др. Данные материалы становятся достоянием общественности и быстро распространяются с помощью информационных систем.

Выводы

В России существуют уже закрепленные в законодательстве правонарушения, которые неофициально можно отнести к явлениям кибербуллинга и киберагрессии. Тем самым дальнейший разбор и анализ материалов, содержащих признаки кибербуллинга и киберагрессии в рамках комплексного психолого-лингвистического исследования информационных материалов, может способствовать полному и всестороннему исследованию подобных материалов с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Предметом для дальнейшего изучения киберагрессии, кибербуллинга и психологического насилия является изучение типов направленности различных информационных материалов, приемов психологического воздействия, особенностей коммуникативного акта взаимодействия между участниками онлайн-общения в рамках производства комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз и исследований. На наш взгляд, это позволит в том числе обогатить опыт производства судебных экспертиз и исследований разного рода информационных материалов, выделить их признаки и свойства, имеющие юридическое значение.

Литература

1. *Бабук А.В.* Флейминг как инструмент разжигания речевого конфликта в интернет-дискурсе [Электронный ресурс] // Российский девиантологический журнал. 2022. Том 2. № 1. С. 85–92. doi:10.35750/2713-0622-2022-1-85-92
2. *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Том 11. № 3. С. 177–191.
3. *Волкова Е.Н., Волкова И.В., Голубовская А.С.* Обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга среди подростков и молодежи // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 2. С. 71–81.
4. *Воронцова Т.А.* Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Том 26. № 2. С. 109–116.
5. *Гулевич О.А.* Психология коммуникации. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 384 с.
6. *Дайшутов М.М., Динека В.И., Денисенко М.В.* Психическое насилие в уголовном праве [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 77–81. doi:10.24411/2073-0454-2019-10138
7. *Дозорцева Е.Г., Кирюхина Д.В.* Проявления отклоняющегося онлайн-поведения и его диагностика // Отклоняющееся онлайн-поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях: Учебное пособие / Под ред. Н.В. Дворянчикова, О.В. Рубцовой. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. С. 77–93.
8. *Копылова О.П., Медведева С.В., Калашикова Ю.В.* Кибербуллинг в современных условиях: возможности правового регулирования [Электронный ресурс] // Право: история и современность. 2021. № 1 (14). С. 97–103. doi:10.17277/pravo.2021.01.pp.097-103
9. *Круковский В.Е., Мосечкин И.Н.* О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 171–182. doi:10.17759/psylaw.2020100115
10. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [Электронный ресурс]. Изд. 2-е, перераб., и доп. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022. 108 с. doi:10.30764/978-5-91133-245-7-2022-11
11. *Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А.* Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления [Электронный ресурс] // Российский психологический журнал. 2016. Том 13. № 3. С. 293–311. doi:10.21702/rpj.2016.3.17
12. *Мосечкин И.Н.* Дистанционное психическое насилие: перспективы совершенствования уголовного законодательства [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 64–76. doi:10.17759/psylaw.2021110405

13. *Секераж Т.Н.* Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: Монография [Электронный ресурс]. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. 406 с. doi:10.30764/978-5-91133-231-0-2021-13
14. *Секераж Т.Н.* О терминах и понятиях, отражающих явления интернет-коммуникации по делам о нарушении половой неприкосновенности несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Том 17. № 1. С. 130–136. doi:10.30764/1819-2785-2022-1-130-136
15. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В.* Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 3–20. doi:10.11621/npj.20200201
16. *Тимошкина В.А.* Киберсталкинг: современное состояние и меры противодействия на досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 26–30.
17. *Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А.* Кибербуллинг в опыте российских подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 276–295. doi:10.17759/psylaw.2019090219
18. *Brandau M., Ray S.* Caring for the Digital Generation: Understanding Electronic Aggression // Journal of Pediatric Health Care. 2021. Vol. 35(1). P. 132–140. doi:10.1016/j.pedhc.2020.07.010
19. *Chun J., Lee J., Kim J., Lee S.* An international systematic review of cyberbullying measurements // Computers in Human Behavior. 2020. Vol. 113. P. 1–12. doi:10.1016/j.chb.2020.106485
20. *Coles B.A., West M.* Trolling the trolls: Online forums users constructions of the nature and properties of trolling // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 60. P. 233–244. doi:10.1016/j.chb.2016.02.070
21. *Drury B., Drury S.M., Rahman Md A., Ullah I.* A social network of crime: A review of the use of social networks for crime and the detection of crime // Online Social Networks and Media. 2022. Vol. 30(1). doi:10.1016/j.osnem.2022.100211
22. *Foody M., Samara M., Carlbring P.* A review of cyberbullying and suggestion for online psychological therapy // Internet Interventions. 2015. Vol. 2. P. 235–242. doi:10.1016/j.invent.2015.05.002
23. *Kaur P., Dhir A., Tandon A., Alzeiby E. A., Abohassan A.A.* A systematic literature review on cyberstalking. An analysis of past achievements and future promises // Technological Forecasting & Social Change. 2021. Vol. 163. doi:10.1016/j.techfore.2020.120426
24. *Mardianto, Hanurawan F., Chusniyah T., Rahmawati H., Nurmina, Pratama M.* Understanding Cyber Aggression in Social Media Users with the Social Psychological Paradigm // Global Conferences Series: Sciences and Technology. 2020. Vol. 4. P. 12–18. doi:10.32698/GCS-PSTRS387
25. *Menin D., Guarini A., Mameli C., Skrzpiec G., Brighi A.* Was that (cyber)bullying? Investigating the operational definitions of bullying and cyberbullying from adolescents' perspective // International Journal of Clinical and Health Psychology. 2021. Vol. 21(2). doi:10.1016/j.ijchp.2021.100221
26. *Olweus D.* Cyberbullying: A critical overview // Aggression and Violence: A Social Psychological Perspective / Bushman B.J. (ed). New York, 2017. P. 225–240.

References

1. Babuk A.V. Fleiming kak instrument razzhiganiya rechevogo konflikta v internet-diskurse [Flaming as a speech conflict inciting tool in internet-discourse] [Elektronnyi resurs]. Rossiiskii de-

- viantologicheskii zhurnal = Russian Journal of Deviant Behavior*, 2022. Vol. 2, no. 1, pp. 85–92. doi:10.35750/2713-0622-2022-1-85-92 (In Russ.).
2. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologii [Cyberbullying: Harassment in the Space of Modern Technologies]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2014. Vol. 11, no. 3, pp. 177–191. (In Russ.).
 3. Volkova E.N., Volkova I.V., Golubovskaya A.S. Obzor zarubezhnykh issledovaniy po probleme kiberbullinga sredi podrostkov i molodezhi [Review of foreign studies on the problem of cyberbullying among adolescents and youth]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 2019. Vol. 12, no. 2, pp. 71–81. (In Russ.).
 4. Vorontsova T.A. Trolling i fleiming: rechevaya agressiya v internet-kommunikatsii [Trolling and flaming: speech aggression in the internet communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2016. Vol. 26, no. 2, pp. 109–116. (In Russ.).
 5. Gulevich O.A. *Psikhologiya kommunikatsii*. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2007. 384 p. (In Russ.).
 6. Daishutov M.M., Dineka V.I., Denisenko M.V. Psikhicheskoe nasilie v ugovnom prave [Mental abuse in criminal law] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, pp. 77–81. doi:10.24411/2073-0454-2019-10138
 7. Dozortseva E.G., Kiryukhina D.V. Proyavleniya otklonyayushchegosya onlain-povedeniya i ego diagnostika. In Dvoryanchikov N.V., Rubtsova O.V. (eds.). *Otklonyayushcheesya onlain-povedenie podrostkov i molodykh vzroslykh v sotsial'nykh setyakh: Uchebnoe posobie*. Moscow: FGBOU VO MGPPU Publ., 2022, pp. 77–93 (In Russ.).
 8. Kopylova O.P., Medvedeva S.V., Kalashnikova Yu.V. Kiberbulling v sovremennykh usloviyakh: vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya [Cyber Bulling in Modern Conditions: Possibilities of Legal Regulation] [Elektronnyi resurs]. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: history and modernity*, 2021, no. 1 (14), pp. 97–103. doi:10.17277/pravo.2021.01.pp.097-103 (In Russ.).
 9. Krukovsky V.E., Mosechkin I.N. O formakh nefizicheskogo (psikhologicheskogo) nasiliya v ugovnom zakonodatel'stve Rossii [On Forms of Non-Physical (Psychological) Violence in the Criminal Legislation of Russia] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 171–182. doi:10.17759/psylaw.2020100115 (In Russ.).
 10. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Metodika provedeniya sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu [Method of conducting complex forensic psychological and linguistic examination on cases related to counteraction to extremism and terrorism] [Elektronnyi resurs]. 2nd ed. Moscow: FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii Publ., 2022. 108 p. doi:10.30764/978-5-91133-245-7-2022-11 (In Russ.).
 11. Makarova E.A., Makarova E.L., Mahrina E.A. Psikhologicheskie osobennosti kiberbullinga kak formy internet-prestupleniya [Psychological Features of Cyberbullying as a Form of Internet Crime] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2016. Vol. 13, no. 3, pp. 293–311. doi:10.21702/rpj.2016.3.17 (In Russ.).
 12. Mosechkin I.N. Distantcionnoe psikhicheskoe nasilie: perspektivy sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatel'stva [Distant Psychological Violence: Prospects for Improvement of Criminal Legislation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 64–76. doi:10.17759/psylaw.2021110405 (In Russ.).

13. Sekerazh T.N. Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza informatsionnykh materialov: teoriya i praktika: Monografiya [Psychological forensic examination of information material: theory and practice] [Elektronnyi resurs]. Moscow: FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2021. 406 p. doi:10.30764/978-5-91133-231-0-2021-13 (In Russ.).
14. Sekerazh T.N. O terminakh i ponyatiyakh, otrazhayushchikh yavleniya internet-kommunikatsii po delam o narushenii polovoi neprikosновенности nesovershennoletnikh [On the Terms and Concepts Reflecting the Phenomena of Internet Communication on the Cases of Violation of Minors' Sexual Integrity] [Elektronnyi resurs]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2022. Vol. 17, no. 1, pp. 130–136. doi:10.30764/1819-2785-2022-1-130-136 (In Russ.).
15. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V. Vidy kiberagressii: opyt podrostkov i molodezhi [Types of cyberaggression: adolescents and youth experience] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2020, no. 2 (38), pp. 3–20. doi:10.11621/npj.20200201 (In Russ.).
16. Timoshkina V.A. Kiberstalking: sovremennoe sostoyanie i mery protivodeistviya na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa [Cyberstalking: the current state and counteraction measures at the pre-trial stages of the criminal process]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2023, no. 1, pp. 26–30. (In Russ.).
17. Khlomov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Kiberbullying v opyte rossiiskikh podrostkov [Cyberbullying in the Experience of Russian Teenagers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 276–295. doi:10.17759/psylaw.2019090219 (In Russ.).
18. Brandau M., Ray S. Caring for the Digital Generation: Understanding Electronic Aggression. *Journal of Pediatric Health Care*, 2021. Vol. 35, no. 1, pp. 132–140. doi:10.1016/j.pedhc.2020.07.010
19. Chun J., Lee J., Kim J., Lee S. An international systematic review of cyberbullying measurements. *Computers in Human Behavior*, 2020. Vol. 113, pp. 1–12. doi:10.1016/j.chb.2020.106485
20. Coles B.A., West M. Trolling the trolls: Online forums users constructions of the nature and properties of trolling. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 60, pp. 233–244. doi:10.1016/j.chb.2016.02.070
21. Drury B., Drury S.M., Rahman Md A., Ullah I. A social network of crime: A review of the use of social networks for crime and the detection of crime. *Online Social Networks and Media*, 2022. Vol. 30, no. 1. doi:10.1016/j.osnem.2022.100211
22. Foody M., Samara M., Carlbring P. A review of cyberbullying and suggestion for online psychological therapy. *Internet Interventions*, 2015. Vol. 2. P. 235–242. doi:10.1016/j.invent.2015.05.002
23. Kaur P., Dhir A., Tandon A., Alzeiby E. A., Abohassan A.A. A systematic literature review on cyberstalking. An analysis of past achievements and future promises. *Technological Forecasting & Social Change*, 2021. Vol. 163. doi:10.1016/j.techfore.2020.120426
24. Mardianto, Hanurawan F., Chusniyah T., Rahmawati H., Nurmina, Pratama M. Understanding Cyber Aggression in Social Media Users with the Social Psychological Paradigm. *Global Conferences Series: Sciences and Technology*, 2020. Vol. 4, pp. 12–18. doi:10.32698/GCS-PSTRS387
25. Menin D., Guarini A., Mamelì C., Skrzpiec G., Brighi A. Was that (cyber)bullying? Investigating the operational definitions of bullying and cyberbullying from adolescents' perspective. *Interna-*

Блинова Д.Н., Гурина О.Д.
Киберагрессия и кибербуллинг
в судебно-экспертной практике
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 150–160

Blinova D.N., Gurina O.D.
Cyberaggression and Cyberbullying
in Forensic Practice
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 150–160

tional Journal of Clinical and Health Psychology, 2021. Vol. 21, no. 2.
doi:10.1016/j.ijchp.2021.100221

26. Olweus D. Cyberbullying: A critical overview. In Bushman B.J. (ed). *Aggression and Violence: A Social Psychological Perspective*. New York, 2017, pp. 225–240.

Информация об авторах

Блинова Дарья Николаевна, главный эксперт, Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0439-7311>, e-mail: semenova_d_n@mail.ru

Гурина Оксана Дмитриевна, кандидат психологических наук, главный эксперт, Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»); доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Information about the authors

Daria N. Blinova, Main Expert, Moscow Research Center, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0439-7311>, e-mail: semenova_d_n@mail.ru

Oksana D. Gurina, PhD in Psychology, Main Expert, Moscow Research Center; Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Получена 29.03.2023
Принята в печать 09.08.2023

Received 29.03.2023
Accepted 09.08.2023

Psychological Difficulties in Marriage Migrant Women Adaptation

Oksana I. Mironova

HSE University; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Lydia A. Ruonala

Independent Researcher, Gothenburg, Sweden

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

The paper is devoted to the theoretical review of psychological difficulties in the adaptation of migrant women, who moved to a new country due to family reunification. In this article, psychological difficulties are understood as any internal barriers, violations, failures, etc., that prevents optimal adaptation, in this case, of migrants. The focus of research by modern scientists is aimed at studying socially disadvantaged migrants and labor migrants. There is not enough research on women who have moved to a new country with their husbands. Four groups of psychological difficulties were identified that impede the successful adaptation of women, as well as the clinical manifestations associated with these difficulties: women's expectations regarding interaction with society do not coincide with society's expectations which contributes to the emergence of frustration and deprivation; the predominance of external motivation when moving to another country (following a husband) results in loss of work and familiar environment which often leads to depression and/or somatization; the predominance of compelled contacts in the structure of communication causes an increased irritability; self-image as a migrant before the move does not coincide with real self-image in a new country generates intrapersonal conflicts.

Keywords: female migrants, marriage migration, adaptation in a new country, psychological difficulties, clinical manifestations of adaptation.

For citation: Mironova O.I., Ruonala L.A. Psychological Difficulties in Marriage Migrant Women Adaptation [Электронный ресурс]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 161–174. DOI:10.17759/psylaw.2023130312

Психологические трудности адаптации женщин-мигрантов, заключивших брак с иностранцами

Миронова О.И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ);
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Руонала Л.А.

независимый исследователь, г. Гетеборг, Швеция
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Статья представляет собой теоретический обзор исследований, посвященных проблеме психологических трудностей в адаптации женщин-мигрантов, переехавших в новую страну в связи с воссоединением семьи. Под психологическими трудностями в данной статье понимаются любые внутренние барьеры, нарушения, сбои и пр., препятствующие оптимальной адаптации, в данном случае мигрантов. Основной фокус исследований современных ученых направлен на изучение социально неблагоприятных переселенцев и трудовых мигрантов. Исследований, посвященных женщинам, переехавшим в новую страну за мужем, недостаточно. Были выявлены четыре группы психологических трудностей, препятствующих успешной адаптации женщин, а также связанные с этими трудностями клинические проявления: ожидания женщин относительно взаимодействия с обществом не совпадают с ожиданиями общества, что способствует возникновению фрустрации, депривации; преобладание внешней мотивации при переезде в другую страну (за мужем), как следствие — потеря работы и привычного окружения часто приводит к депрессиям, соматизации; преобладание вынужденных контактов в структуре общения обуславливает повышенную раздражительность; представления о себе как о мигранте до переезда не совпадают с реальными представлениями о себе в новой стране и порождает внутриличностные конфликты.

Ключевые слова: женщины-мигранты, брачная миграция, адаптация в новой стране, психологические трудности, клинические проявления адаптации.

Для цитаты: Миронова О. И., Руонала Л.А. Психологические трудности адаптации женщин-мигрантов, заключивших брак с иностранцами [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 161–174. DOI:10.17759/psylaw.2023130312

Introduction

The study of migrants' adaptation takes a special place in modern science due to prevalence of this phenomenon. So, 3,6% of the world's population live outside the country of their birth, and this number is constantly growing [32]. When moving to a new country, migrants shall adapt to a new place of residence. This process is due to objectively emerging contradictions between the internalized cultural frame, habitual needs, interests, an established model of social activity and new social conditions of life activities, changed status characteristics.

A significant number of studies on migration difficulty is devoted to various aspects of adaptation of pupils, students, labour migrants, forced migrants from places of military operations. Starting from 2020 significant attention has also been paid to the influence of the pandemic to various aspects of migrants' lives.

It should be noted that there are still not enough studies for specifics of migration of women who moved to a new country due to marriage or husband's career prospects. The analysis of theoretical and empirical studies for women adaptation in a new social and cultural environment helped to discover that the following topics are mainly in the focus of scientists' attention:

- women labour migration including involvement in criminal forms of exploitation [15; 19],
- health including mental [14; 38],
- peculiarities of female migrants' reproductive choice and fertility [10; 35].

The range of these topics is interesting, but it cannot reveal in full the content of adaptation processes of women as their social status can be called well-to-do. They do not pose a threat to a society, don't need social benefits. They often do not understand themselves the reasons of worsening of their psychological state. However, they also have specific adaptation difficulties which can cause different clinical symptoms and prevent integration into the host society.

Despite the insufficiency of publications on problems of adaptation of the studied social group, there is a significant number of theoretical and empirical researches on gender differences in migrants' adaptation, clinical manifestations of migration, social and psychological difficulties impedes successful adaptation to a new country.

At the same time, it should be noted that usually in the focus of research there are either difficulties faced by people who moved to a new country or clinical aspects associated with migration. There are not enough studies that analyze and compare these aspects of migration phenomenon.

Based on the above mentioned, the purpose of the study is to identify psychological difficulties faced by the studied social group of migrants and to establish clinical consequences associated with identified difficulties. It will allow to better understand the reasons of adaptation failure among women migrants, to provide them with adequate support at diagnostics of detected clinical symptoms as well as to develop prevention programs.

Difficulty in the scientific literature is understood as “the presence of obstacles that can be compensated” [8, p. 93], “experience and, sometimes, understanding of the discrepancy between the requirements of activity and the abilities of an individual” [5, p. 302] “an obstacle that needs to be removed in order to continue the intended path and achieve the goal, and additional input is required to eliminate it” [1, p. 65], “a subjective state of tension, severity, dissatisfaction which is caused by external factors of activity and depends on the nature of factors themselves, the educational, moral and physical readiness of a person for activity and attitude to it” [4, p. 63].

Basically, the concept of the difficulty was developed in connection with the study of communication (communicative difficulties), in pedagogy (learning difficulties), labour psychology (difficulties in professional activity) etc.

In this article, psychological difficulties are understood as any internal barriers, violations, failures, etc. that prevent optimal adaptation, in this case, of migrants.

State of the Research Problem

Modern theories of migration are developed within framework of different schools, the most famous of which is a theory of assimilation (the rejection identity of the country of origin in favour of the identity of the new country) and a theory of acculturation (forming a new, mixed identity combining both identity of the country of origin and the new country). This study is based on the theory

of flexible acculturation that takes into consideration the modern challenges of transnationalism and digitalization of contacts [9; 34].

Adaptation, therefore, is a series of successive choices associated with reflection related to tradition, culture, values, and motives inherent to the home country of a migrant and the host society.

Integration, i.e., successful inclusion of a migrant into a host society, in accordance with J.W. Berry, is possible due to behavioural shifts, i.e. refusal from habitual behaviour in favour of assimilation of the norms of the host society, and difficulties are associated with cultural stress (changes in social status, reduced self — esteem, general dissatisfaction) [12].

In the opinion of Y.Y. Kim, three important elements associated with the migrant's inclusion in the host society shall be considered: communicative activity of the individual in the host environment, interpersonal communication with the members of the host society and mass media, communication with compatriots and experiencing of the native culture [27].

A significant number of researches is devoted to the factors of successful adaptation. Modern scientists believe that in terms of increasingly diverse societies new research shall not be based on geographical or ethnic background of participants but rather should try to “unpack” culture, for example, by examining interconnections between certain values or orientations and various manifestations of psychological stress of acculturation. Social support, psychological assistance and good quality of life in the host country affect successful adaptation [13].

The most studied clinical outcomes associated to the migration process are depression, anxiety and post-traumatic stress disorder. It is noted that the level of depression, anxiety, stress, a feeling of disengagement and insomnia in the studied groups of migrants are higher than in the control groups of local residents [42]. In particular, tension, stress and culture shock experiencing are observed during adaptation.

At present time there are no accurate statistics regarding these clinical signs among migrants. However, it is being concluded, that depressive symptoms may occur in at least 15% of migrants [18].

There are also specific psychological difficulties faced by female migrants. S. Mahler points out that only recently the difficulty of gender in research of migrants' adaptation has been considered as a key aspect of adaptation and not one of equal factors affected adaptation [31]. It means that it is impossible to make conclusions regarding adaptation of women based on research where gender discrepancies are not considered, or majority of sample is male.

Many modern scientists are of the opinion that discrepancies in the adaption of men and women primarily depend on the characteristics of gender socialization i.e. formed at the level of a large group attitudes that are not subject to reflection and often not realized at all but significantly affect forming of self-concept [44].

Finding herself in another culture, a woman may face a number of difficulties which, on one hand, she cannot identify, and on the other hand which are not customary to discuss in the host society especially if members of the host culture consider themselves as tolerant to migrants. Among the difficulties the researchers note labour and sexual discrimination, exploitation in domestic work as well as the attitude towards women from different cultures as having a “wrong” or “immature” gender identity.

Analysing the sources, it is possible to identify aspects associated to women migration and distinguishing it from male and child migration:

- gender socialization in different countries is more diverse than that of men;

- a female migrant is in a more vulnerable position in the labour market, it is especially noticeable at the level of low skilled professions, for a woman it is more difficult to seek a job, a woman is more vulnerable to economical and sexual abuse;
- women with a high level of education when moving are much more likely to find themselves in a situation of downshifting;
- in comparison with a man, a woman of reproductive age faces a number of challenges related to childbearing: if there are children, a woman spends more energy on their adaptation; if there are no children, a woman has to either give up childbearing in favour of adaptation or to be realized in parenthood but “pause” processes associated with integration to society.

Taking into consideration the above specific related to women migrants’ adaptation into the host society, we will consider in more detail the available studies that help to identify psychological difficulties after moving into a new country and clinical manifestations associated with them.

Psychological difficulties of women migrants’ adaptation

Despite a lack of studies devoted to the studied group, based on related researches it is possible to identify the following psychological difficulties which affect women adaptation in the host society:

1. woman’s expectations regarding interaction with a society do not match with society’s expectations;
2. predominance of external motivation when moving to a new country (following a husband), as a consequence — loss of job and familiar social environment;
3. predominance of compelled contacts in the communication structure;
4. self-image as a migrant before the move does not coincide with real self-image in a new country.

We will consider in more detail these difficulties and those clinical outcomes resulting from inability to resolve them.

Woman’s expectations regarding interaction with a society do not coincide with society’s expectations

It is generally accepted in modern psychology that any migrant regardless of reasons for moving faces difficulties related to a mismatch of cultures, traditions, roles, expectations in a native and the host society.

Migrants experiencing social and psychological difficulties in the process of adaptation may experience “culture shock”, feel “different” surrounded by people even of their own nationality, “culture shock” is a shock from something new; a situation when the experience of a new culture is unreceptive or even shocking as it can lead to negative reappraisal of values of the country of origin.

K. Oberg [36] identified the following characteristics of “culture shock”:

- efforts to achieve necessary psychological adaptivity bring to tension;
- feeling of loss, deprivation of a circle of friends and relatives, social status and property;
- failure in values and self-identification;
- unexpected anxiety from awareness of cultural differences;
- inability to “cope with” a new social environment is accompanied by feelings of inferiority, helplessness.

“Culture shock” experienced by a refugee or a migrant is characterised by a high level of stressfulness and may cause different somatic physiological and mental dysfunctions.

The concept of culture shock has had a huge impact on research of processes of migrants’ adaptation. Given the ambivalence of processes occurring as a result of adaptation, since the 1970s the

term “stress of acculturation” has been used in social and psychological science which takes into account both negative and positive changes and analyzes intercultural interaction.

The positive side of the acculturation stress can be attributed to the fact that the discord of social demands and actual opportunities of migrants who find themselves in a “alien” socio-cultural environment, naturally causes their active desire to overcome arisen problems, achieve comfort existence and self-realization in new conditions that motivates migrants to start adaptation.

The phenomenon of acculturation stress is considered as ambivalent. But, of course, not always a migrant can discover positive aspects of this process. J.W. Berry [11] noted that success of migrants adaptation is connected both to the strategy of migrants behaviour and expectations of the host society.

In the opinion of V.S. Vitkovskaya lack of constructive communications and interaction with local residents bring to maladaptive feelings to forced migrants — alienation, isolation, uselessness and futility [2]. And even in certain times when the main domestic difficulties are more or less resolved, migrants experience “feelings of loneliness”, “lack of friendly relations”, feelings like “strangers, superfluous, unwanted guests” that result in “social vacuum” around migrants.

According to G.U. Soldatova the degree of individual’s experience of her social deprivation and isolation depends on the social parameters of the host society and also migration policy of the host country in general [7]. As behaviour of local residents may seem unpredictable, all migrants face difficulties in interacting. Customs of the host country often seem mysterious and people strange [28].

The typical psychological consequences of the studied difficulty, which negatively affect adaptation are the following:

5. lack of contacts with social environment negatively affects the mental state of an individual and the mechanisms of social adaptation that later can lead to a feeling of loneliness, social deprivation [37, 40];
6. discrepancies between expectations and real state of the situation that leads to frustration [20, 41].

Social recognition and acceptance are the most important factors influencing the subjective well-being of people. In a situation of migration, the satisfaction of these needs is considerably complicated. The attention of modern scientists is directed to resolving the difficulties that affect the ability of a migrant to gain recognition in a new society and relate to certain groups in the host society. Unlike labour and educational migrants, marriage female migrants can experience difficulties in principle in organizing communication with representatives of the host society.

The conducted analysis shows that at least three reasons can be identified that act as a determinant of this psychological difficulty:

- acculturation stress is complicated by gender specificity of migration;
- social deprivation on of marriage migrants can be more pronounced in comparison to labour and educational migrants as well as those migrants who take decision on moving based on diaspora support in the host society;
- dissatisfaction with the conditions of activity, communication and relationships, especially among women with education and high status in their homeland.

Thus, *frustrations and deprivations* are associated with contradictions regarding the social needs of the migrant and the position in society which are intensified due to the fact that the migrant cannot fully realize the level of claims.

In addition, frustration may be connected with the fact that a woman finds herself in a situation of inability to express her feelings because of their real or imagined inconsistency with the norms of society.

According to S. Hofball, it is important not only to see both external and internal resources for overcoming difficult life situations or improving one's life but also to perceive them as available. If it is successful, the so-called "upward spiral of resources" occurs, i.e. accumulation of resources and development. Otherwise, a person finds himself in "descending funnel of losses", feels himself in deficit. Moreover, a person tends to overestimate losses and underestimate gains [23].

Special importance in how successfully a person can recover in a stress situation is the social resource. Due to the experience of frustration, a person cannot fully use even the social resources she has, accumulates their deficit due to which the feeling of loneliness can intensify.

Predominance of external motivation when moving into a new country (following a husband), as a consequence — loss of job and usual social environment

Motivation for moving is one of the leading factors the scientists associate with the adaptation success. At the same time researchers focus on migrants whose moving was associated with traumatic events or economic prerequisites [47].

Meanwhile, if a woman's move is associated with marriage, then even before the move she is in the situation of a difficult choice: maintaining important relations or maintaining social capital (social environment, work, colleagues' respect). Women after moving may find themselves in the situation of disqualification and de-emancipation, their dependence on their husbands increases, there are difficulties in seeking a new job that matches their skill level and salary expectations [19].

After moving, a woman finds herself in a situation where her ambitions are significantly frustrated, and the system of motivational factors needs to be rethought. It is especially difficult for those migrants whose leading coping strategy is the search for social support and like-minded people.

In addition, if in a native country for women it was possible to simultaneously relate herself to different social categories the content of which slightly intersected with each other, then in a new country she mainly experiences herself like a wife of her husband as well as a migrant from a native country.

As it is noted in research, migrants whose move is not associated with satisfaction of career ambitions, experience insecurity, their self-esteem decreases, they cease to satisfy their needs by taking care of the family. Many of the woman's needs which could be satisfied in a native country turn to be frustrated. In addition, the social identity of a woman needs to be rethought. As a result, women have an increased risk of *depression* [24; 45].

This clinical condition is associated with the need to obtain qualified support from a psychiatrist and clinical psychologist. However, migrants, even if they are actually eligible for health care, may face difficulties due to communication barriers that complicate the diagnostic process. Doctors and psychologists cannot always correctly assess the status of migrants due to cultural differences. Finally, it can be difficult for migrants to understand how the medical care works in a new country and they may avoid interacting with it [22].

Since migration in the study group is associated with complicated acculturation stress due to real loss of social, job, friends, usual lifestyle and difficulty of using habitual coping strategies, pain from this loss can be isolated due to which a female migrant can *somatise* the emerging symptoms [17].

The migrants with somatisation demonstrate higher psychological stress, have an increased perceived need for medical services and report more post — migration life difficulties and/or post-traumatic stress disorder than migrants without somatisation [29].

Domination of compelled contacts in the communication structure

Moving to a new country associate with changes in the structure of migrant contacts. The social context impacts successful adaptation of migrants in the host society. It is noted that integration is facilitated by such factors as contact between cultural groups of migrants and locals, communicative competency, communication, knowledge of the local language and social norms [13; 27; 46].

Communicating with representatives of state structures, attending language courses, or choosing available work, a woman faces with compelled contacts. On one hand, a female migrant understands the significance of these contacts for her well-being and potential integration but on the other hand she experiences negative feelings as she is surrounded by negatively significant others. Due to differences in cultural norms, there might be communicative barriers, complicated by the fact that women can experience difficulties in communication due to lack of knowledge of the language [6].

Difficulties associated with communicative barriers can lead to the fact that people around the female migrant are not perceived by her as authorities. At the same time a woman can experience rejection and resistance to communication and associated with it activities necessary for integration that, in turn, leads to the necessity to follow role-playing behavior.

In addition, the behaviour of a migrant herself and her attempts to handle difficulties associated with the situation of the compelled contacts can be regarded as inadequate, incomprehensible, and unpredictable.

There are four strategies of interaction with negatively significant others: conflict (readiness to completely interrupt or worsen communication), agreement (maintaining relationships at the same level), disengagement (readiness to temporarily interrupt relationships through procrastination or avoidance), rapprochement (readiness to positive dynamics) [6]. In dependence on the situation and personal characteristics and cultural attitudes a woman can use one of the mentioned strategies.

Rapprochement with negatively significant other can occur through two strategies corresponding to a humanistic and manipulative way of interaction [6]. In the first case there is an acceptance of negatively significant other, desire to build trusting relations with him. But accumulating complexities and lack of resources helping to cope with communicative barriers based on cultural differences, rapprochement can be manipulative. Such communication is built not on real desire of intimacy but on imitation in order to regain a sense feeling of control over the situation and negatively significant others [33]. In addition, a distinctive characteristic of compelled contacts is disadaptation as previous models and ways of behavior do not work.

It is known that in the situation of coercion and communication that does not meet the expectations *soreness* can occur [16]. Trying to cope with this condition, a woman can restrain it, suppress it, or react that makes her communication more difficult and complicate building new contacts.

Attempt of suppression can lead to that in communication a woman can choose the strategy of disengagement or manipulative rapprochement and the attempt of reacting can lead to conflict.

At this moment there are no researches that can reveal the characteristics of migrants' behaviour in a situation of compelled contacts. There is data showing that migrants, including marriage migrants, demonstrate concerns when approaching and strive for controlling others while they have a negative attitude when they are controlled by others [33], that can be connected with the prevailing strategies of disengagement and manipulation in a situation of compelled contact.

Self-image as a migrant before the move does not coincide with real self-image in a new country

When preparing to move to a new place of residence, migrants think about what their life will look like in the host society. As a rule, many of them are aware of difficulties and try to be prepared to moving in advance, study information about a new country, learn the language. However, everyday life, immersion in daily routine, emotional reply to frustrating events turn out to be a challenge for migrants and their ideas about themselves and their way of life formed before moving do not coincide with the way a woman will behave after moving [39].

The presuppositions for emergence of this psychological difficulty are partially described in theories of the dynamics of socio - cultural adaptation. Thus, in the theory of U-curve by S. Lysgaard [30], and W-curve by J.E. and J.T. Gullahorn [21], and the modified W-curve by S. Reinsmith [43] it is shown that after moving a migrant experiences a “honey moon” stage; move finally happened, the migrant focuses on the advantages of the new country, she is positively disposed towards gradual studying and acceptance of new social — cultural rules, laws, signs and codes through rapprochement with representatives of different culture.

At the same time there is a process of accumulation of contradictions associated with the fact that in the new country there are negative differences from the native country, and often in the usual things that have always been taken for granted. In studies this stage is most often connected with external contradictions and that fact that it is impossible to prepare for all the difficulties, with the loss of control in small things, loss of familiar resources.

However, the important reason for disappointment which the migrant experience after the move is confrontation of the migrant with how her idea of “Ideal Self” differs from “Real Self”. This contradiction has become especially obvious as before the move to a new country the migrant, first of all, might not realize how much cultural characteristics and traditions can affect her motives, values and activity and, secondly, the new environment allows to illuminate some unconscious conflicts and complexes which become noticeable due to triggers accompanying life of the migrant during his adaptation [26].

This discrepancy between “Ideal Self” and “Real Self” can be so great that it can cause dependency, confusion, a feeling of loneliness. A woman can lose confidence in her strengths and abilities, a negative perception of future is formed, an imbalance of the time perspective and effect of “self-fulfilling prophecy”.

As a result of the gap between “Ideal Self” and “Real Self”, a woman finds herself in the situation of *interpersonal conflict* [3; 38]. What happens to her can be described metaphorically: the main loss she experiences in the process of adaptation is the loss of herself. This is without any doubt one of the most difficult losses that can happen in an individual’s life. Migration can become that turning point for a person, that crisis and that challenge that will either let a person meet the “Real Self” in its entity or fails to cope with frustration and form a false identity [25].

To handle these difficult experiences, a woman can choose several behavioural strategies. First, she can start defensive fantasizing about the possibility to build an “Ideal Self” postponing her life for later. Secondly, there is the possibility of getting stuck in the daily routine due to a fear of thinking of future. Both scenarios imply rejection from active subjective position.

Conclusions

Recent studies devoted to socio-psychological adaptation of migrants shows that different types of migrants have their own specific factors contributing to successful integration into the host society. It should be noted that the bulk of the research is devoted to the problems of difficulties associ-

ated with relations between society and migrants to create conditions for financial independence for those who moved. Less attention is paid to interpersonal and family conflicts of migrants and the problems of “socially prosperous” groups of migrants, i.e., those who do not need help from the state, are not practically developed.

As for women adaptation whose motive to move is related to marriage, there is still no understanding of competent ways to provide support to the representatives of this social group. As a result, responsibility for adaptation is on the woman’s shoulders herself and in the science, there is no understanding of specific difficulties a migrant woman experience.

As shown by the theoretical review, four groups of psychological difficulties can be distinguished that impedes successful adaptation of women as well as clinical manifestations associated with these difficulties: women’s expectations regarding interaction with society don’t coincide with expectations of society — frustration, deprivation; predominance of external motivation when moving to a different country (following a husband) as a result — loss of job and familiar environment — depression, somatisation; prevailing of compelled contacts in the structure of communication — soreness; Self-image as a migrant before the move does not coincide with real self-image in a new country — intrapersonal conflicts.

It should be noted that these clinical symptoms can present both in a situation of normal resolving of difficulties associated with forming a new identity and rethinking of the self-concept and in the pathological course of adaptation process characterized by integration impossibility. Differences can be in duration of the mentioned symptoms and the reaction of migrant women to them. The symptoms themselves, apparently, act as markers of the mentioned psychological difficulties and should be considered as an invitation to action directed to working through and elimination of these difficulties.

The identified psychological difficulties and the clinical manifestations associated with them are obtained as a result of the theoretical review and are given in general form. Further research prospects are an empirical study of the problem that can expand understanding and clarify the content of these difficulties.

References

1. Belukhin D.A. *Osnovy lichnostno-orientirovannoi pedagogiki*. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: NPO “Modek”, 1997. 265 p. (In Russ.).
2. Vitkovskaya G.V. *Vynuzhennye pereselentsy iz blizhnego zarubezh’ya: problemy integratsii v rossiiskii sotsium. Migratsionnye protsessy posle raspada SSSR: Programma po issledovaniyu migratsii*. Vypusk 5. Moscow: Federal’noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya Rossiiskoi akademii nauk, 1994, pp. 53–69. (In Russ.).
3. Kobzeva N.V. *Psikhologicheskie osobennosti vnutrilichnostnykh konfliktov v razlichnykh situatsiyakh migratsii* [Psychological characteristics of the intrapersonal conflicts in various situations of migration]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 2, pp. 86–101. doi:10.18384/2310-7235-2018-2-86-101 (In Russ.).
4. Kuzmina N.V. *Ocherki psikhologii truda uchitelya: Uchebnik dlya vuzov*. Leningrad: Izdatel’stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1967. 114 p. (In Russ.).
5. Mardakhaev L.V. *Sotsial’naya pedagogika: kratkii slovar’ ponyatii i terminov*. Moscow: RGSU Publ., 2016. 364 p. (In Russ.).

6. Mironova O.I. Vynuzhdennye kontakty v mezhlichnostnom vzaimodeistvii: Uchebnoe posobie. Moscow: Izdatel'skii dom "Belyi veter", 2020. 113 p. (In Russ.).
7. Soldatova G.U., Shaigerova L.A. Refleksiya mnozhestvennosti vybora v psikhologii mezhkul'turnykh kommunikatsii [Reflection upon multiplicity of choice in psychology of intercultural communication]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2015. Vol. 8, no. 40. doi:10.54359/ps.v8i40.561 (In Russ.).
8. Chagina A.V., Samokhvalova A.G. Preodolenie mezhkul'turnykh kommunikativnykh trudnostei kak osnova razvitiya mezhkul'turnoi kompetentnosti lichnosti [Overcoming intercultural communicative difficulties as a basis of development of intercultural competency of the person]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2017. Vol. 23, no. 2, pp. 91–97. (In Russ.).
9. Endryushko A.A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu adaptatsii migrantov v prinyimayushchem obshchestve: zarubezhnyi opyt [Theoretical approaches towards examining the adaptation of migrants to the host society: foreign practices]. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2017. Vol. 8, no. 4, pp. 45–70. doi:10.19181/vis.2017.23.4.480 (In Russ.).
10. Alarcão V. Fertility, Migration and Acculturation (FEMINA): a research protocol for studying intersectional sexual and reproductive health inequalities. *Reproductive Health*, 2019, no. 16, pp. 1–13. doi:10.1186/s12978-019-0795-5
11. Berry J.W. Theories and models of acculturation. In S.J. Schwartz, J. Unger (eds.). *The Oxford Handbook of Acculturation and Health*. 2017, pp. 15–28.
12. Berry J.W. Migrant acculturation and adaptation. Oxford: Oxford University Press, 2021, pp. 311–318.
13. Brunnet A.E., dos Santos Lobo N., Silveira T., Kristensen C.H., Derivois D. Migrations, trauma and mental health: A literature update on psychological assessment. *Encephale*, 2020, Vol. 46, no. 5, pp. 364–371. doi:10.1016/j.encep.2020.03.009.
14. Carroll H., Luzes M. The migration journey and mental health: Evidence from Venezuelan-forced migration. *SSM - Population Health*, 2020, no. 10, pp. 1–11. doi:10.1016/j.ssmph.2020.100551.
15. Crawford C. Decolonizing Reproductive Labor: Caribbean Women, Migration, and Domestic Work in the Global Economy. *The Global South*, 2018, Vol. 12, no. 1, pp. 33–55. doi:10.2979/globalsouth.12.1.03
16. Deveney C.M., Roule A.L., Wulff R.A. Trait irritability and social cue identification and interpretation in young adult females. *Personality and Individual Differences*, 2020. Vol. 156, Article 109751. doi:10.1016/j.paid.2019.109751
17. Falcoff A. Functional Somatic Symptoms and Somatization: Person-centered Approach to Understanding their Relationships. *International Journal of Person Centered Medicine*, 2019. Vol. 7, no. 4, pp. 235–241. doi:10.5750/ijpcm.v7i4.672
18. Foo S.Q., Tam W.W., Ho C.S., Tran B.X., Nguyen L.H., McIntyre R.S., Ho R.C. Prevalence of Depression among Migrants: A Systematic Review and Meta-Analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2018, Vol. 15, no. 9, Article 1986. doi:10.3390/ijerph15091986
19. Gerber R., Wanner P. The National Centres of Competence in Research. De-Qualification and De-Emancipation among Recently Arrived Highly Skilled Immigrant Women in Switzerland. Geneva: National Center of Competence in Research — The Migration-Mobility Nexus, 2019. 28 p.

20. Geurts N., Davids T., Spierings N. The lived experience of an integration paradox: why high-skilled migrants from Turkey experience little national belonging in the Netherlands. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2021. Vol. 47, no. 1, pp. 69–87. doi:10.1080/1369183X.2020.1770062
21. Gullahorn, J., Gullahorn, J. An Extension of the U-Curve Hypothesis. *Journal of Social Issues*, 1963. Vol. 19, no. 3, pp. 33–47. doi:10.1111/j.1540-4560.1963.tb00447.x
22. Haseeb M., Bashir T. Challenges faced by physicians and patients to provide adequate healthcare to patients, particularly the migrant population. *Middle East Journal of Family Medicine*, 2022. Vol. 18, no. 12, pp. 264–266. doi:10.5742/mewfm.2020.93941
23. Hobfoll S.E. Social and Psychological Resources and Adaptation. *Review of General Psychology*, 2002. Vol. 6, no. 4, pp. 307–324. doi:10.1037/1089-2680.6.4.307
24. Holding A.C., Hope N.H., Harvey B., Marion Jetten A.S., Koestner R. Stuck in limbo: Motivational antecedents and consequences of experiencing action crises in personal goal pursuit. *Journal of Personality*, 2017. Vol. 85, pp. 893–905. doi:10.1111/jopy.12296
25. Kast V. Time to Mourn: Growing Through the Grief Process. Einsiedeln: Daimon Verlag, 1993. 156 p.
26. Kazmierska K. Migration Experiences and Changes of Identity. The Analysis of a Narrative. *Forum Qualitative Sozialforschung = Forum Qualitative Social Research*, 2003. Vol. 4, no. 3, pp. 72–89. doi:10.17169/fqs-4.3.669
27. Kim Y.Y. Integrative Communication Theory of Cross-Cultural Adaptation. *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*, 2017. pp. 1–13. doi:10.1002/9781118783665.ieicc0041
28. Kolesnikov A.A., Nikulina D.E., Danilenko I.A., Zimovets N.V. Social and psychological features of inter-cultural adaptation of Russian students in different universities. *Cypriot Journal of Educational Sciences*, 2019. Vol. 14, no. 1, pp. 90–98. doi:10.18844/cjes.v14i1.3966
29. Lanzara R., Scipioni M., Conti C. A clinical-psychological perspective on somatization among immigrants: A systematic review. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 9, Article 2792. doi:10.3389/fpsyg.2018.02792
30. Lysgaard S. Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States. *International Social Sciences Bulletin*, 1955. Vol. 7, pp. 45–51.
31. Mahler S.J., Pessar P.R. Gender Matters: Ethnographers Bring Gender from the Periphery toward the Core of Migration Studies. *International Migration Review*, 2006. Vol. 40, no. 1, pp. 27–63. doi:10.1111/j.1747-7379.2006.00002.x
32. McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds.) World Migration Report. Geneva: International Organization for migrants (IOM), 2022. 540 p.
33. Mironova O.I., Ruonala L.A. Type of attachment as a factor of socio-psychological adaptation of women married to foreigners. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2022, no. 4, pp. 101–112. doi:10.18384/2310-7235-2022-4-101-112
34. Mironova O.I., Ruonala L.A., Mironov E.S. Digitalization of social contacts - risks for women seeking a spouse through dating sites and apps. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 42–63. doi:10.17759/psylaw.2021110404
35. Mussino E., Cantalini S., Ortensi L.E., Strozza S. Fertility intentions within a 3-year time frame: a comparison between migrant and native Italian women. *Journal of International Migration and Integration*, 2023. Vol. 24, no. 1, pp. 233–260. doi:10.1007/s12134-020-00800-2

36. Oberg K. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. *Practical Anthropology*, 1960. Vol. 4, no. 7, pp. 177–182. doi:10.1177/009182966000700405
37. O'Donoghue B., Downey L., Eaton S., Mifsud N., Kirkbride J., McGorry P. Risk of psychotic disorders in migrants to Australia. *Psychological Medicine*, 2021. Vol. 51, no. 7, pp. 1192–1200. doi:10.1017/S0033291719004100
38. Olukotun O., Gondwe K., Mkandawire-Valhmu L. The Mental Health Implications of Living in the Shadows: The Lived Experience and Coping Strategies of Undocumented African Migrant Women. *Behavioral Sciences*, 2019. Vol. 9, no. 12. Article 127. doi:10.3390/bs912012739
39. Osbaldiston N., Picken F., Denny L. Exploring emotional reflexivity in British lifestyle migration to Australia. *Population, Space and Place*, 2020. Vol. 26, no. 5, Article e2328. doi:10.1002/psp.2328
40. Osler A. Education, migration and citizenship in Europe: untangling policy initiatives for human rights and racial justice. *Intercultural Education*, 2020. Vol. 31, no. 5, pp. 562–577. doi:10.1080/14675986.2020.1794231
41. Pham T., Tomlinson M., Thompson C. Forms of capital and agency as mediations in negotiating employability of international graduate migrants. *Globalisation, Societies and Education*, 2019. Vol. 17, no. 3, pp. 394–405. doi:10.1080/14767724.2019.1583091
42. Rawnuck T., Reza M.S., Sharmi R.H. Physical and Psychological Health Problems Associated with Migration. *Medicine Today*, 2023. Vol. 3, no. 1, pp. 49–51. doi:10.3329/medtoday.v35i1.64941
43. Rhinesmith S.H. Bring Home the World: A Management Guide for Community Leaders of International Programs. New York: McGraw-Hill, 2001. 223 p.
44. Schmitt D.P., Long A.P., McPhearson A., O'Brien K., Remmert B., Shah S.H. Personality and gender differences in global perspective. *International Journal of Psychology*, 2017. Vol. 52, no. 51, pp. 45–56. doi:10.1002/ijop.12265
45. Schouten B.C., Cox A., Duran G., Kerremans K., Banning L.K., Lahdidoui A., van den Muijsenbergh M., Schinkel S., Sungur H., Suurmond J., Zendedel R., Krystallidou D. Mitigating language and cultural barriers in healthcare communication: Toward a holistic approach. *Patient Education and Counseling*, 2020. Article S0738-3991(20)30242-1. doi:10.1016/j.pec.2020.05.001
46. Watkins P.G., Razee H., Richters J. 'I'm Telling You ... The Language Barrier is the Most, the Biggest Challenge': Barriers to Education among Karen Refugee Women in Australia. *Australian Journal of Education*, 2012. Vol. 56, no. 2, pp. 126–141. doi:10.1177/000494411205600203
47. Yang F. Breadwinning: Migrant workers' family motivation in facing life-threatening events and its performance implications. *Journal of Business Research*, 2022, no. 150, pp. 491–502. doi:10.1016/j.jbusres.2022.06.038

Information about the authors

Oksana I. Mironova, Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University; Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Lydia A. Ruonala, MA in Psychology, Independent Researcher, Gothenburg, Sweden, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Миронова О. И., Руонала Л.А.
Психологические трудности адаптации женщин-
мигрантов, заключивших брак с иностранцами
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 161–174

Mironova O.I., Ruonala L.A.
Psychological Difficulties
in Marriage Migrant Women Adaptation
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 161–174

Информация об авторах

Миронова Оксана Ивановна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); профессор, департамент психологии и развития человеческого капитала, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Руонала Лидия Александра, магистр психологии, независимый исследователь, г. Гетеборг, Швеция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Получена 10.07.2023
Принята в печать 10.08.2023

Received 10.07.2023
Accepted 10.08.2023

Особенности полового самосознания у больных с органическим расстройством личности и множественными расстройствами сексуального предпочтения

Басинская И.А.

Орловская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением (ФКУ «Орловская ПБСТИН» Минздрава России), г. Орел, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3445-9285>, e-mail: opbstin@yandex.ru

Беженарь Н.В.

Орловская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением (ФКУ «Орловская ПБСТИН» Минздрава России), г. Орел, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4530-9103>, e-mail: natali.bejenar@yandex.ru

Борисова Т.Ю.

Орловская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением (ФКУ «Орловская ПБСТИН» Минздрава России), г. Орел, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5918-9034>, e-mail: tat-logvinova@yandex.ru

В статье анализируются результаты эмпирического исследования, целью которого явилась оценка динамики параметров полового самосознания и склонности к агрессивному поведению в межличностном взаимодействии у лиц, страдающих органическим расстройством личности с множественными расстройствами сексуального предпочтения в процессе принудительного лечения. Обследовано 30 больных до и после курса лечения (психофармакологическое воздействие в сочетании с антиандрогенами и когнитивно-бихевиоральной психотерапией). Использовались методики: «МиФ», «ЦТО», «Кодирование», тест «Руки» Вагнера. Изменения психологических характеристик и параметров полового самосознания, выявленные в процессе исследования, позволили выделить актуальные мишени для психотерапевтического воздействия и учитывались нами при определении оценки риска рецидива и степени общественной опасности пациентов.

Ключевые слова: множественные расстройства сексуального предпочтения, органическое расстройство личности и поведения, антиандрогены, половое самосознание, полоролевая идентичность, антипсихотическая терапия, принудительное лечение, парафилия.

Для цитаты: Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю. Особенности полового самосознания у больных с органическим расстройством личности и множественными расстройствами сексуального предпочтения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 175–192. DOI:10.17759/psylaw.2023130313

Features of Sexual Self-Awareness in Patients with Organic Personality Disorder and Multiple Disorders of Sexual Preference

Irina A. Basinskaya

Orel Psychiatric Hospital of a Specialized Type with Intensive Supervision, Orel, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3445-9285>, e-mail: opbstin@yandex.ru

Nataliya V. Bezhenar

Orel Psychiatric Hospital of a Specialized Type with Intensive Supervision, Orel, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4530-9103>, e-mail: natali.bejenar@yandex.ru

Tatyana Yu. Borisova

Orel Psychiatric Hospital of a Specialized Type with Intensive Supervision, Orel, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5918-9034>, e-mail: tat-logvinova@yandex.ru

The article analyzes the results of an empirical study aimed at assessing the dynamics of the parameters of sexual self-awareness and the tendency to aggressive behavior in interpersonal interaction in persons suffering from organic personality disorder with multiple disorders of sexual preference in the process of compulsory treatment. 30 patients were examined before and after the course of treatment (psychopharmacological effects in combination with antiandrogens and cognitive-behavioral psychotherapy). The following methods were used: “MyF”, “СТО”, “Coding”, the “Hands” test of Wagner. The changes in the psychological characteristics and parameters of sexual self-consciousness revealed in the course of the study allowed us to identify actual targets for psychotherapeutic influence and were taken into account by us when determining the assessment of the risk of relapse and the degree of social danger of patients.

Keywords: multiple disorders of sexual preference, organic personality and behavior disorder, antiandrogens, sexual self-awareness, gender-role identity, antipsychotic therapy, forced treatment, paraphilia.

For citation: Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu. Features of Sexual Self-Awareness in Patients with Organic Personality Disorder and Multiple Disorders of Sexual Preference [Электронный ресурс]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 175–192. DOI:10.17759/psylaw.2023130313 (In Russ.).

Введение

Актуальность изучения механизмов формирования аномальной сексуальной активности, выбора превентивных мер и адекватной терапии парафилий при обследовании психически больных пациентов определяется распространенностью сексуальных правонарушений в отношении не только взрослых, но и детей [2; 24; 28; 29; 30; 33; 37; 39; 40]. Данная проблема требует междисциплинарного подхода в связи с тем, что одну из первостепенных ролей, наряду с конституционально-генетическими и клиничко-психопатологическими особенностями, играют психологические факторы, опосредующие все остальные, такие как особенности

полового самосознания и межличностного взаимодействия [11; 14; 17; 18; 19; 32]. Эти факторы имеют важное значение при оценке степени сохранности потенциальной способности к регуляции сексуального поведения [1; 13; 22].

Роль органической патологии в формировании парафилий показана во многих исследованиях. На связь сексуальных девиаций и органического поражения головного мозга указывал еще К. Имелинский [21]. Большое значение для возникновения парафилий имеют биологические причины, негативные факторы внутриутробного развития, злоупотребление психоактивными веществами, перенесенные заболевания, травмы, приводящие к поражению центральной нервной системы [26; 43; 44; 48]. Патология мозга приводит к сложным и сочетанным асинхрониям полового развития, к искажению биологического, психического и психо-сексуального развития личности. Такое сочетание искажений с семейными и социокультурно детерминированными факторами в период формирования стереотипов поведения обуславливает возможность развития парафилии [22; 45]. Важно учитывать и инволюционные изменения в центральной нервной системе [34].

Связь раннего органического поражения головного мозга и наличия сексуальных отклонений отмечает А.В. Арутюнян, указывающий, что нарушения сексуального поведения у таких лиц отличались стойкостью, большим количеством повторных правонарушений и тенденцией к их утяжелению [3]. Многие авторы считают этиопатогенетическое звено обязательным в формировании сексуальных девиаций. Основное патологическое воздействие приходится именно на тот этап онтогенеза, когда еще не закончено биологическое созревание морфологических структур и механизмов функционирования мозга [1; 6; 16].

При повреждении мозга на ранних этапах развития может произойти изменение полового самосознания с последующим нарушением полоролевого поведения и психосексуальных ориентаций, что ведет к возникновению садизма и мазохизма [16; 25]. При парафилиях половая идентичность чаще смещена в фемининную сторону. Компенсация недостатка мужественности осуществляется через гиперролевое поведение, явления промискуитета и коллекционирование половых партнеров [34]. При этом, чтобы самоутвердиться в мужской половой роли, в действиях появляются элементы садизма [2; 16]. Одним из первых на это обратил внимание R. Brittain [11; 38; 46], указавший на недостаточность у сексуальных садистов именно маскулинных полоролевых качеств — от самосознания до поведения. S. Hucker, R. Langevin и др. (1988) [43] отмечали свойственное для значительной части садистов нарушение половой идентичности, выражающееся в половой индифферентности, фемининных тенденциях [12; 16; 20; 31].

Исследования сексуального агрессивного поведения показывают нозологическую неоднородность, полиморфность клинической картины у лиц с парафилиями и наличие большого количества наблюдений с преобладанием признаков ранней органической патологии головного мозга [10; 16; 23; 36; 41; 45].

Цель исследования — выявление динамических особенностей полового самосознания и межполового взаимодействия у больных-сексуальных правонарушителей, страдающих органическим расстройством личности с множественными расстройствами сексуального предпочтения в процессе принудительного лечения.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе ФКУ «Орловской психиатрической больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением» Минздрава России. В выборку были

включены 30 мужчин с органическим расстройством личности (F07) и множественными расстройствами сексуального предпочтения, находившихся на длительном (до 12 лет) принудительном лечении в указанной больнице (табл. 1). Возраст респондентов — от 17 до 60 лет (средний возраст — $35,1 \pm 10,5$).

Таблица 1

Нозологическая структура обследуемых пациентов

Классификация по МКБ-10	Множественные расстройства сексуального предпочтения (F65.6)	
Органическое расстройство личности, обусловленное болезнью, повреждением или дисфункцией головного мозга F 07	Гетеросексуальный садизм, гомицидомания — 19 человек	63,3%
	Бисексуальный садизм, некросадизм, бисексуальная гомицидомания — 11 человек	36,7%

Все пациенты совершили сексуальные правонарушения (ст. 131,132,133,135,105 УК РФ) и были признаны невменяемыми. У 23 (76%) обследованных обнаружена коморбидная основному заболеванию зависимость от алкоголя или других психоактивных веществ. Критерием исключения из исследования было наличие декомпенсации психического расстройства.

В настоящее время лечение и психокоррекция парафилий имеет весомые доказательства эффективности снижения уровня рецидивизма среди сексуальных правонарушителей всех типов. Поэтому, все пациенты в период исследования находились на антипсихотической терапии (хлорпромазин, хлорпротиксен, диазепам, карбамазепин, препараты лития, ноотропы) в соответствии с клиническими показаниями в сочетании с антиандрогенами (ципротерон ацетат пролонгированного действия для инъекций, средняя доза составила 300 мг 1 раз в 2 недели в/м) и психотерапией [4; 5; 8; 9; 37; 42; 47].

При психологической оценке полового самосознания [12; 19; 29], были использованы *методики*: модифицированная методика «МиФ» в адаптации Н.В. Дворянчикова; невербальный цветовой тест отношений (ЦТО), разработанный психиатром Е.Ф. Бажиным и психологом А.М. Эткиндром; модифицированная методика «Кодирование»; тест «Руки» Вагнера (Hand Test) [7; 12; 15; 27; 35].

Проводилось прерывное (дискретное) периодическое статистическое наблюдение через равные интервалы времени: до лечения, через 12 месяцев после лечения и психотерапии. Материалы исследования были подвергнуты статистической обработке с использованием методов непараметрического анализа. Совокупности количественных показателей описывались при помощи значений медианы (Me) и нижнего/верхнего квартилей (Q1-Q3). Номинальные данные описывались с указанием абсолютных значений и процентных долей. Для проверки различий между двумя сравниваемыми парными выборками применялся W-критерий Уилкоксона. Для сравнения относительных показателей связанных совокупностей использовался тест МакНемара. Для изучения связи между количественными данными использовался расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена (значения интерпретировались по шкале Чеддока). В результатах исследования в скобках указывается количество пациентов, маскулинность обозначается как m, фемининность — как f.

Исследование проводилось с соблюдением современных норм биомедицинской этики. От всех пациентов получено добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

Результаты и обсуждение

Результаты направленного психологического исследования *до лечения*, свидетельствуют, что на передний план выходят нарушения в становлении и усвоении аспектов полового самосознания (табл. 2).

Таблица 2

Распределение типа полоролевой идентичности и предпочтения (МиФ). Идентификация (ЦТО)

«МиФ»	До лечения			
	Полоролевая идентичность, Я-реальное	Полоролевые предпочтения, Я-идеальное	Идентификация с образами на эмоциональном уровне, «ЦТО»	
Маскулинный	7% (2)	20% (6)	с мужским	27% (8)
Феминильный	57% (17)	0%	с женским	37% (11)
Андрогинный	30% (9)	80% (24)	с андрогинным	16% (5)
Недифференцированный	7% (2)	0%	отсутствие идентификации	20% (6)

При анализе целостной системы полового самосознания выявляется выраженность *фемининных* черт полоролевой идентичности (Я-реальное), полоролевые предпочтения (Я-идеальное) недостаточно дифференцированы и характеризуются андрогинностью (табл. 2). Разрыв между актуальной и идеальной самооценкой затрудняет сопоставление этих структур и снижает эффективность саморегуляции именно в ситуациях, релевантных половому самосознанию индивида [13].

Рассогласованность образов «Я-реальное» и «Я-идеальное» отражается на участии полоролевых стереотипов в регуляции своего поведения и свидетельствует о наличии внутриличностного конфликта, противоречивости самовосприятия и самооценки, что вызывает трудности соотнесения своего реального поведения с желаемым. На эмоциональном уровне выявляется нечеткость половозрастной идентификации у 37% (11), где образ Я идентифицируется с фемининным образом (цветоассоциативные связи «я — женщина/девушка» (ЦТО).

При анализе индивидуальных особенностей переживания образа Я выявляется у 50% (15) амбивалентное и у 33% (10) отрицательное отношение к собственному образу (ЦТО) (табл. 3). В межличностных отношениях у 43% (13) обследуемых обнаруживается потребность в *доминировании* [16; 31].

При исследовании *полоролевых стереотипов* выявляются слабая интериоризация, искажение когнитивного компонента и эмоционального аспекта восприятия образа другого с размытостью представлений о полоролевых стереотипах. Выявляется андрогинность женских в 57% (17) и мужских образов с более высокими показателями по фемининности в 63% (19), МиФ. Выявляется отсутствие четкой дифференцированности половой роли (цветоассоциативная связь образов «мужчина—женщина» в 33% (10), ЦТО.

При исследовании эмоционального отношения к образам выявляется целый ряд пересечений образов «мужчина» и «женщина» с эмоционально окрашенными словами, что является отличительной чертой психически больных с сексуальными расстройствами. Выявляется амбивалентное в 50% (15) и отрицательное в 30% (9) отношение к мужскому образу, ЦТО, что говорит о конфликтности переживания собственного соответствия мужским полоролевым стереотипам, при стремлении к данной половой роли и, одновременно, ее избегании. В 63%

(19) выявляется амбивалентное отношение к женскому образу, что отражает конфликтность понимания женского полоролевого стереотипа. Встречаются такие суждения, как «кошка, — царепушечка, ласковая, нежная», «принцесса — красивая, высокомерная, капризная, добрая» (Кодирование). Изменение эмоционального отношения к полоролевым стереотипам выявляется и другими авторами [19].

При анализе *полоролевого поведения* выявляется недостаточная усвоенность мужской половой роли. Реальное Я не соотносится с образом «Мужчины считают, что я...» и оценки мужской референтной группы не значимы в 47% (14). В женском коллективе в 50% (15) выбираются фемининные стереотипы поведения (связь между Я и «Женщины считают, что я...» — прямая, теснота связи по шкале Чеддока высокая, коэффициент корреляции Спирмена $r = 0,850$; $f = 28$, критическое значение критерия Спирмена — 0.362; $p < 0,05$).

Сексуальные предпочтения определены по андрогинному типу для «реального сексуального партнера» в 80% (24) и для «идеального сексуального партнера» в 70% (21), МиФ. Недостаточная дифференцированность половой роли по возрастному признаку обнаруживается через цветоассоциативные связки между понятиями «женщина—девочка» в 47% (14), «мужчина— мальчик» и «женщина—ребенок» в 33% (10) и понятиями: «сексуальное желание — идеальный/реальный сексуальный партнер — сексуальное удовлетворение — секс» (ЦТО). Выявляется ассоциативно-семантическая близость образов «женщина—ребенок» в 20% (6) (Кодирование).

Данные факты могут свидетельствовать о дефиците социальных навыков, нарушении способности устанавливать близкие отношения с партнерами, соответствующими по возрасту, о низкой компетентности при оценке эмоциональных состояний в межличностном общении [15; 16]. Выявляется склонность переживать сильную тревогу в области сексуальной сферы, где негативное отношение к ней выявляется в 47% (14) (табл. 5).

Также выявляется сочетание амбивалентности и инверсии эмоций, что свидетельствует о низкой степени дифференциации эмоций. У 17% (5) выявлены пересечения по типу инверсии эмоций, где объединялись эмоции, находящиеся на противоположных полюсах континуума: связки «боль—удовольствие», «радость испуг», «приятный человек—страх», «праздник—грубость», «унижение—доброжелательность». В 23% (7) выявлены и многокомпонентные эмоциональные связки, говорящие о присутствии негативизма и агрессивных тенденций: «боль—нежность—безопасность», «удовольствие—смерть—доверие—счастье», «опасность—доброжелательность—враги—безопасность—грубость—праздник—злоба». Это не позволяет адекватно оценить исходящие от партнера сигналы, ведет к существенным ошибкам межличностного восприятия и отражается на регуляции сексуального поведения.

По данным HAND-test, обнаружена склонность к открытому агрессивному поведению в 76% (23), в 47% (14) выявлена личностная дезадаптация ($r = 0,940$; связь — прямая; теснота связи по шкале Чеддока — высокая; $f = 28$, критическое значение критерия Спирмена — 0,362; $p < 0,05$).

Выявляются инфантильные в 43% (13) и аутоэротические в 40% (12) тенденции (МиФ, ЦТО), что может говорить о спонтанном сексуальном влечении, не обусловленном прямым или опосредованным внешним объектом.

Результаты исследования после лечения: было выделено две группы пациентов.

1-я группа — 21 пациент (70%) с положительной динамикой в сфере полового самосознания (снижение частоты признака статистически значимо, использовался биномиальный точ-

ный тест = 0,142857 с 95% доверительным интервалом от 0,017576 в 1,161158 — χ^2 МакНемара = 4,500; влияние фактора доказано при: $df = 1$; $p = 0,034$; χ^2 МакНемара с поправкой Йейтса = 3,781, $p = 0.05$).

2-я группа — 9 пациентов (30%) без положительной динамики в сфере полового самосознания.

В первой группе выявлены такие положительные сдвиги, как в 47% (14) изменение типа полоролевой идентичности с фемининной на андрогинную с более высокими показателями по маскулинности и снижением показателей по фемининности ($T_{Эмп} = 78,5$; $p \leq 0,01$), МиФ (рис. 1).

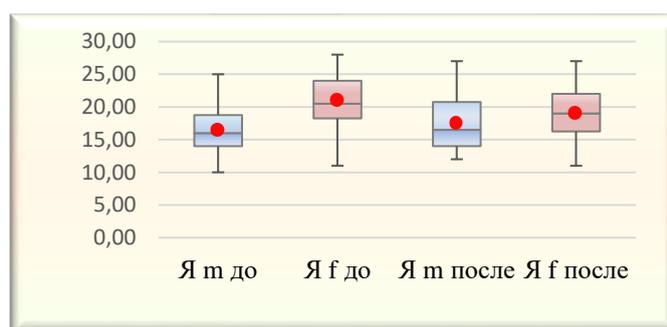

Рис. 1. Изменение типа полоролевой идентичности

На эмоциональном уровне выявляется идентификация с мужским образом в 43% (13) и изменение самоотношения с отрицательного и амбивалентного на положительное в 60% (18), $p < 0,05$ (табл. 3).

Таблица 3

Статистически значимые цветоассоциативные связи с образами «ЦТО»

Т-критерий Уилкоксона при $n = 30$	Встречались до лечения		Встречались после лечения	
	Отрицательные по смыслу слова		$p \leq 0,01$	$p \leq 0,05$
«Я реальный» $T_{Эмп} = 11$	Боль — 33% (10), смерть, зло — 27% (8), грубость, злоба — 23% (7)		Боль — 7% (2), смерть, зло — 3% (1)	Грубость, злоба — 7% (2)
«Я идеальный» $T_{Эмп} = 33.5$	Тревога — 23% (7)			
	Положительные по смыслу слова			
«Я реальный» $T_{Эмп} = 8.5$	Нежность, доверие — 17% (5), надежда — 13% (4), безопасность — 10% (3)		Добро — 60% (18), безопасность — 53% (16), счастье — 50% (15)	Друзья — 47% (14), доверие — 47% (14), друг — 53% (16)
«Я идеальный» $T_{Эмп} = 9.5$	Доверие, счастье — 17% (5), успех — 10% (3)		Доверие — 53% (16), счастье — 53% (16)	Успех — 30% (9)

При исследовании *полоролевых стереотипов* выявляется более четкое представление о поведении и функциях, характеризующих мужчин (рис. 2), снижение показателей по феминности образа «Мужчина должен быть» (МдБ) в 40% (12) ($T_{Эмп} = 69$; $p \leq 0,01$) и снижение в 57% (17) показателей маскулинности образа «Женщина должна быть» (ЖдБ) ($T_{Эмп} = 30$; $p \leq 0,01$ — МиФ).

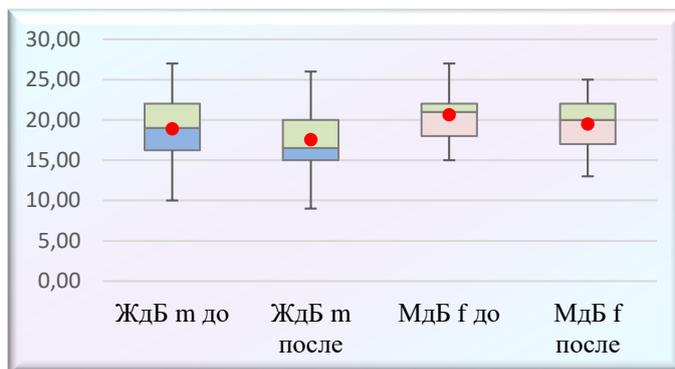

Рис. 2. Изменение полоролевых стереотипов

Выявляется изменение отношения с отрицательного на положительное к мужскому образу в 43% (13) и к женскому образу в 50% (15) (табл. 4).

Таблица 4

Статистически значимые цветоассоциативные связки с образами «ЦТО»

Т-критерий Уилкоксона при n = 30	Встречались <i>до</i> лечения		Встречались <i>после</i> лечения	
	Отрицательные по смыслу слова		$p \leq 0,01$	$p \leq 0,05$
«Мужчина» $T_{Эмп} = 15$	Неприятный человек, грубость — 33% (10), боль 30% (9), опасность, горе 7% (8), смерть, страх, зло, угроза — 23% (7)		Грубость, горе — 7% (2)	Неприятный человек, опасность — 10% (3), боль — 13% (4)
«Женщина» $T_{Эмп} = 18$	Риск — 23% (7), боль, опасность — 20% (6)		Риск — 3% (1)	Опасность — 3% (1)
	Положительные по смыслу слова		$p \leq 0,01$	$p \leq 0,05$
«Мужчина» $T_{Эмп} = 17$	Удовольствие — 10% (3), друг, надежда — 7% (2)		Доброжелательность — 40% (12)	Друг, надежда — 40% (12)
«Женщина» $T_{Эмп} = 21$	Приятный человек, нежность — 20% (6), удовольствие — 13% (4)		Удовольствие — 47% (14), нежность — 57% (17), приятный человек — 53% (16)	Праздник, привлекательность — 47% (14), счастье — 50% (15)

Выявляется динамика представлений о паттернах *полоролевого поведения*, где в женском коллективе в 50% (15), ($T_{Эмп} = 83,5$; $p \leq 0,01$) и в мужском в 37% (11) демонстрируются андрогинные модели поведения со снижением черт феминности ($T_{Эмп} = 62$; $p \leq 0,01$). Такие модели поведения являются наиболее адаптивными с точки зрения концепции андрогинии S. Bem. Человек, более гибкий в рамках полоролевого поведения, обнаруживает лучшую со-

циальную приспособляемость [15; 20]. («Женщины/мужчины считают, что я» — ЖсЯ/МсЯ f (рис. 3).

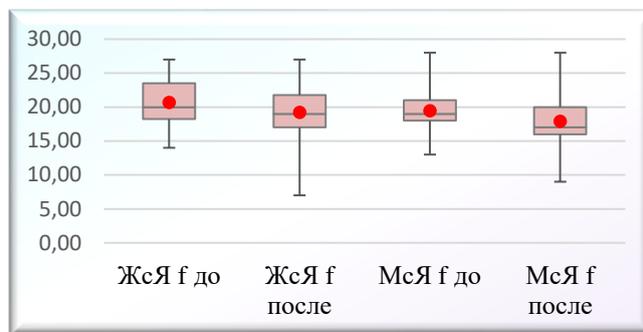

Рис. 3. Изменение полоролевого поведения

В сфере *сексуальных предпочтений* выявляется дифференцированность образов-представлений, снижение в 40% выраженности черт маскулинности в образе идеального сексуального партнера [ИсП] ($T_{Эмп} = 118,5; p \leq 0,01$) и в восприятии реального сексуального партнера [РсП] в 30% ($T_{Эмп} = 116,5; p \leq 0,01$), МиФ (рис. 4).

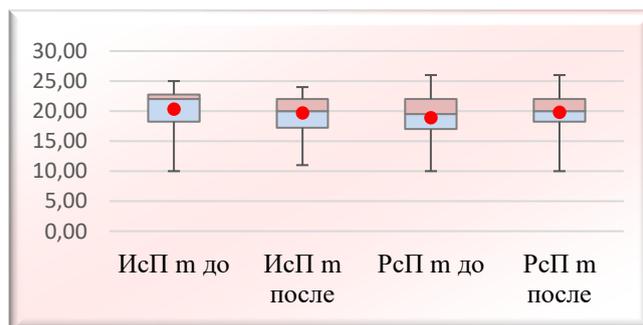

Рис. 4. Дифференцированность сексуальных предпочтений

Выявляется положительное отношение к сексуальной сфере в 53% (16) табл. 5.

Таблица 5

Цветоассоциативные связки с образами, имеющие статистическую значимость «ЦТО»

Т-критерий Уилкоксона при n = 30	Встречались до лечения	Встречались после лечения	
	Отрицательные по смыслу слова	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,05$
«Секс» $T_{Эмп} = 50,5$	Тревога — 47% (14), грубость, боязнь в 40% (12), страх, неуспех — 33% (10), злоба — 27% (8), риск, унижение — 23% (7)	Грубость, боязнь — 10% (3)	Тревога — 14% (4), страх, неуспех — 10% (3)
«Реальный сексуальный партнер» $T_{Эмп} = 82$	Риск — 40% (12), тревога — 37% (11)	Риск — 10% (3)	Тревога — 10% (3)

«Идеальный сексуальный партнер» $T_{Эмп} = 115,5$	Страх — 40% (12)		
	Положительные по смыслу слова	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,05$
«Секс» $T_{Эмп} = 10,5$	Привлекательность, радость — 20% (6)	Удовольствие, праздник — 30% (9), доброжелательность — 27% (8)	Радость — 27% (8), привлекательность — 40% (12)
«Идеальный сексуальный партнер» $T_{Эмп} = 60,5$	Приятный человек — 23% (7)	Нежность — 53% (16), удовольствие — 27% (8)	Приятный человек — 53% (16), радость — 47% (14)

Выявляется снижение внешне направленных *агрессивных* установок в 67% (20) ($T_{Эмп} = 23,5$) и снижение личностной дезадаптации в 46% (14) ($T_{Эмп} = 62,5$ (связь — прямая; коэффициент корреляции Спирмена: $\rho = 0,373$; $p < 0,05$)).

При анализе данных *не выявлено* изменений в сфере полового самосознания следующих параметров: образ мужчины по m ($T_{Эмп} = 145,5$), женский образ, по f ($T_{Эмп} = 158$); расстояние между образами «Я» и «Я идеальный» ($T_{Эмп} = 215,5$); показателей инфантильных и аутоэротических тенденций. Здесь полученные эмпирические значения находятся в зоне незначимости. Эти показатели в последующем будут являться мишенями психотерапевтического воздействия.

Заключение

В результате исследования психосексуальной сферы нами были выявлены специфические для данной группы больных особенности полового самосознания: расхождение между биологическим полом и усвоенной половой ролью; несовпадение между представлениями о себе и мужским образом; выраженность фемининных черт полоролевой идентичности, где образ мужчины слабо включен в ценностно-смысловую структуру личности, что приводит к ослаблению механизмов личностной саморегуляции; амбивалентное и отрицательное отношение к собственному образу и образу мужчины, что говорит о конфликтности переживания собственного соответствия мужским полоролевым стереотипам; потребность доминирования в межполовом взаимодействии и партнерских отношениях; амбивалентное отношение к женскому образу; отсутствие четкости сексуальных предпочтений, склонность переживать сильную тревогу в области сексуальной сферы; наличие инфантильных и аутоэротических тенденций; низкий уровень коммуникативной компетентности и склонность к открытому агрессивному взаимодействию. Это говорит о присутствии сложностей в установлении адекватных субъект-субъектных отношений с потенциальным или настоящим сексуальным партнером.

Результаты исследования показывают, что после проведенного лечения и психотерапевтических мероприятий выявляются положительные сдвиги в сфере полового самосознания, такие как: изменение типа полоролевой идентичности с фемининной на андрогинную с более высокими показателями по маскулинности; идентификация на эмоциональном уровне с мужским образом; изменение самоотношения с отрицательного и амбивалентного на положительное; более четкое представление о поведении и функциях, характеризующих мужчин

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Особенности полового самосознания у больных
с органическим расстройством личности
и множественными расстройствами
сексуального предпочтения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 175–192

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Features of Sexual Self-Awareness in Patients
with Organic Personality Disorder
and Multiple Disorders of Sexual Preference

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 175–192

и женщин; изменение отношения с отрицательного на положительное к мужскому и женскому образу; динамика представлений о паттернах полоролевого поведения индивида; большая дифференцированность образов-представлений о реальном и идеальном сексуальном партнере со снижением выраженности черт маскулинности в образе идеального сексуального партнера. Выявляется снижение внешне направленных агрессивных установок и личностной дезадаптации. Это может позволить выработать социально одобряемые установки и научить пациентов социально желательному поведению относительно другого субъекта.

Полученные результаты могут использоваться для определения оценки эффективности лечения, риска рецидива, степени общественной опасности пациентов и психотерапевтического воздействия на выявленные мишени.

Литература

1. Аномальное сексуальное поведение / Под ред. А.А. Ткаченко, Г.Е. Введенского. СПб: Юридический центр Пресс, 2003. 657 с.
2. *Антонян Ю.М.* Преступное насилие как глобальная проблема // Борьба с преступным насилием: Материалы межведомственной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Ю.М. Антоняна. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2008. С. 13–15.
3. *Арутюнян А.В.* О сексуальных перверсиях при церебральном атеросклерозе // Материалы I съезда невропатологов, психиатров и нейрохирургов Армении. Ереван, 1980. С. 164–165.
4. *Бабина С.В., Дворянчиков Н.В.* Возможности психокоррекционных лечебных мероприятий в отношении лиц с аномальным сексуальным предпочтением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 53–66. doi:10.17759/psylaw.2015100204
5. *Бабина С.В., Дворянчиков Н.В.* Возможности психологической коррекции сексуальных аномалий в стационаре [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. Том 4. № 2. С. 1–17. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n2/69856 (дата обращения: 07.12.2022).
6. *Батамиров И.И., Введенский Г.Е., Ткаченко А.А., Пережогин Л.О.* Нейропсихологические особенности лиц с девиантным сексуальным поведением // Аномальное сексуальное поведение. М.: Медицина и право, 1997. С. 174–217.
7. *Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С.* Общая психодиагностика. СПб: Речь, 2000. 440 с.
8. *Бут Б.Д., Уоттс Д.* Потенциальная общественная опасность и управление риском повторного совершения правонарушений сексуального характера // Российский психиатрический журнал. 2018. № 4. С. 15–23.
9. *Введенский Г.Е., Басинская И.А.* Опыт применения и перспективы лечения антиандрогенами лиц с парафилиями (аналитический обзор) // Российский психиатрический журнал. 2013. № 3. С. 41–47.
10. *Введенский Г.Е., Ткаченко А.А., Каменсков М.Ю.* Психофизиологическая диагностика расстройств сексуальных предпочтений. М., 2013. С. 3–20.
11. *Дворянчиков Н.В.* Использование психологических познаний в сексологии // Российский психиатрический журнал. 2002. № 2. С. 17–25.

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Особенности полового самосознания у больных
с органическим расстройством личности
и множественными расстройствами
сексуального предпочтения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 175–192

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Features of Sexual Self-Awareness in Patients
with Organic Personality Disorder
and Multiple Disorders of Sexual Preference

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 175–192

12. *Дворянчиков Н.В.* Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1998. 20 с.
13. *Дворянчиков Н.В.* Психологическое исследование в сексологической экспертизе обвиняемых по сексуальным правонарушениям [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2012. Том 4. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53470 (дата обращения: 07.12.2022).
14. *Дворянчиков Н.В.* Психологическое исследование в судебной сексологии // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 4-е изд., испр. и доп. М.: Генезис, 2016. С. 89–111.
15. *Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К.* Половое самосознание и методы его диагностики. М.: ФЛИНТА; Наука, 2011. 216 с.
16. *Дворянчиков Н.В., Ткаченко А.А.* Некоторые дизонтогенетические механизмы формирования садизма // Российский психиатрический журнал. 1998. № 3. С. 4–9.
17. *Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В.* Проблема расстройств сексуального предпочтения по материалам зарубежных исследований // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 36–40.
18. *Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В.* Когнитивная и аффективная составляющие межличностного взаимодействия у лиц с аномальным сексуальным поведением [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2014. Том 6. № 1. С. 323–334. doi:10.17759/psyedu.2014060134
19. *Демидова Л.Ю.* Половое самосознание при расстройствах сексуального предпочтения // Психологические исследования. 2019. Том 12. № 64.
20. *Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В.* Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал. 2001. Том 22. № 3. С. 100–115.
21. *Имелинский К.* Сексология и сексопатология. М.: Медицина, 1986. 424 с.
22. *Каменсков М.Ю.* Клинико-патогенетические аспекты парафилий и их судебно-психиатрическое значение: Дисс. ... докт. мед. наук. М., 2017. 381 с.
23. *Каменсков М.Ю.* Структурно-динамические особенности парафилий как модели аддиктивных расстройств // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. Том 27. № 3. С. 56–62.
24. *Кекелидзе З.И., Качаева М.А., Фастовцов Г.А., Данилова С.В., Тальникова Е.С.* Обследование пациента с психическими расстройствами: Учебное пособие. 2-е изд. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2013. С. 5–39.
25. *Петина Т.В.* Клинические особенности парафилий у лиц с психоорганическими расстройствами: Вопросы диагностики и судебно-психиатрической оценки: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 1996. 23 с.
26. *Свальковский А.В.* Объем общественно опасных действий больных органическим поражением головного мозга и их клинические предпосылки // Молодой ученый. 2015. № 22 (102). С. 75–79.
27. *Старович З.* Судебная сексология. М.: Юридическая литература, 1991. 178 с.
28. *Ткаченко А.А.* Руководство по судебной психиатрии: В 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 523 с.
29. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексология. М.: Бином, 2020. 648 с.
30. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Каменсков М.Ю., Демидова Л.Ю., Васильев Н.Г.* Становление и развитие судебной сексологии в Центре имени В.П. Сербского [Электронный ресурс]

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Особенности полового самосознания у больных
с органическим расстройством личности
и множественными расстройствами
сексуального предпочтения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 175–192

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Features of Sexual Self-Awareness in Patients
with Organic Personality Disorder
and Multiple Disorders of Sexual Preference

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 175–192

// Российский психиатрический журнал. 2020. № 6. С. 4–12. doi:10.24411/1560-957X-2020-10601

31. Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В., Герасимов А.В. Некоторые механизмы гомицидного садистического поведения // Российский психиатрический журнал. 2000. № 5. С. 26–31.

32. Ткаченко А.А., Каменсков М.Ю., Демидова Л.Ю. Современная диагностика расстройств сексуального предпочтения (международный опыт) // Российский психиатрический журнал. 2017. № 6. С. 60–69.

33. Ткаченко А.А., Шишков С.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете Федерального закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»: Информационное письмо. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2012. 10 с.

34. Чуприков А.П., Цупрык Б.М. Общая и криминальная сексология: Учебное пособие. Киев: МАУП, 2002. 248 с.

35. Эткин А.М. Цветовой тест отношений. Общая психодиагностика. СПб: Речь, 2000. С. 221–228.

36. Яковлева Е.Ю. Уголовно релевантные психосексуальные состояния: Автореф. дисс. ... докт. мед. наук. М., 2010. 37 с.

37. Allardyce S. Theories of Sexual Crime Prevention // Sexual Crime and Prevention / Lievesley R., Hocken K., Elliott H., Winder B., Blagden N., Banyard P. (eds). Palgrave Macmillan Cham, 2018. P. 1–25. doi:10.1007/978-3-319-98243-4_1

38. Brittain R.P. The sadisti murderer // Medicine, Science and the Law. 1970. Vol. 10(4). P. 198–207. doi:10.1177/002580247001000402

39. Castro A., Ibáñez J., Maté B., Esteban J., Barrada J. Childhood Sexual Abuse, Sexual Behavior, and Revictimization in Adolescence and Youth: A Mini Review // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.02018

40. Clayton E., Jones C., Brown J., Taylor J. The aetiology of child sexual abuse: A critical review of the empirical evidence // Child Abuse Review. 2018. Vol. 27(7). doi:10.1002/car.2517

41. Craig L.A., Hutchinson R.B. Sexual offenders with learning disabilities: risk, recidivism and treatment // Journal of Sexual Aggression. 2005. Vol. 11(3). P. 289–304. doi:10.1080/13552600500273919

42. Cucolo H.E., Perlin M.L. Preventing Sex-Offender Recidivism Through Therapeutic Jurisprudence Approaches and Specialized Community Integration // Temple Political & Civil Rights Law Review. 2013. doi:10.2139/ssrn.2116424

43. Hucker S., Langevin R., Dickey R., Handy L., Chambers J., Wright S., Bain J., Wortzman G. Cerebral damage and dysfunction in sexually aggressive men // Annals of Sex Research. 1988. Vol. 1. P. 33–47. doi:10.1007/BF00852881

44. Langevin R. Sexual offenses and traumatic brain injury. Comparative Study // Brain and Cognition. 2006. Vol. 60(2). P. 206–207.

45. Langevin R., Curnoe S. The Therapeutic Challenge of the Learning Impaired Sex Offender // Sexual Offender Treatment. 2007. Vol. 2(1).

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Особенности полового самосознания у больных
с органическим расстройством личности
и множественными расстройствами
сексуального предпочтения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 175–192

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Features of Sexual Self-Awareness in Patients
with Organic Personality Disorder
and Multiple Disorders of Sexual Preference

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 175–192

46. MacCulloch M., Gray N., Watt A. Brittain's Sadistic Murderer Syndrome reconsidered: An associative account of the aetiology of sadistic sexual fantasy // *Journal of Forensic Psychiatry*. 2000. Vol. 11(2). P. 251–262. doi:10.1080/09585180050142606

47. Marshall W.L. Treatment of sexual offenders and its effects. 2006 // The United Nations Asia and Far East Institute for the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (UNAFEI). URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No72/No72_12VE_Marshall.pdf (дата обращения: 07.12.2022).

48. Simpson G., Blaszczyński A., Hodgkinson A. Sex Offending as a Psychosocial Sequela of Traumatic Brain Injury // *The Journal of Head Trauma Rehabilitation*. 1999. Vol. 14(6). P. 567–580. doi:10.1097/00001199-199912000-00005

References

1. Tkachenko A.A., Vvedensky G.E. (eds.). *Anomal'noe seksual'noe povedenie*. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. 657 p. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M. Prestupnoe nasilie kak global'naya problema. *Bor'ba s prestupnym nasiliem: Materialy mezhdvomedstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Yu.M. Antonyana*. Moscow: Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii Publ., 2008, pp. 13–15. (In Russ.).
3. Arutyunyan A.V. O seksual'nykh perversiyakh pri tserebral'nom ateroskleroze. *Materialy I s'ezda nevropatologov, psikhiatrov i neirokhirurgov Armenii*. Yerevan, 1980, pp. 164–165. (In Russ.).
4. Babina S.V., Dvoryanchikov N.V. Vozmozhnosti psikhokorreksionnykh lechebnykh meropriyatiy v otnoshenii lits s anomal'nym seksual'nym predpochteniem [Possibility of psychotherapeutic interventions for people with abnormal sexual preferences] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2015. Vol. 5, no. 2, pp. 53–66. doi:10.17759/psylaw.2015100204 (In Russ.).
5. Babina S.V., Dvoryanchikov N.V. Vozmozhnosti psikhologicheskoi korrektsii seksual'nykh anomalii v statsionare [Possibility of psychological correction of sexual anomalies in hospital] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2014. Vol. 4, no. 2, pp. 1–17. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n2/69856 (Accessed 07.12.2022). (In Russ.).
6. Batamirov I.I., Vvedensky G.E., Tkachenko A.A., Perezhogin L.O. Neiropsikhologicheskie osobennosti lits s deviantnym seksual'nym povedeniem. *Anomal'noe seksual'noe povedenie*. Moscow: Meditsina i pravo, 1997, pp. 174–217. (In Russ.).
7. Bodalev A.A., Stolin V.V., Avanesov V.S. *Obshchaya psikhodiagnostika*. Saint Petersburg: Rech', 2000. 440 p. (In Russ.).
8. Booth B.D., Watts J. Potentsial'naya obshchestvennaya opasnost' i upravlenie riskom povtornogo soversheniya pravonarushenii seksual'nogo kharaktera [Assessment and Risk Management of Sexual Offenders]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2018, no. 4, pp. 15–23. (In Russ.).
9. Vvedensky G.E., Basinskaya I.A. Opyt primeneniya i perspektivy lecheniya antiandrogenami lits s parafiliyami (analiticheskii obzor) [The experience of application and outlook for antiandrogen treatment of paraphilias (analytical review)]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2013, no. 3, pp. 41–47. (In Russ.).
10. Vvedensky G.E., Tkachenko A.A., Kamenskov M.Yu. Psikhofiziologicheskaya diagnostika rasstroistv seksual'nykh predpochtenii. Moscow, 2013, pp. 3–20. (In Russ.).

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Особенности полового самосознания у больных
с органическим расстройством личности
и множественными расстройствами
сексуального предпочтения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 175–192

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Features of Sexual Self-Awareness in Patients
with Organic Personality Disorder
and Multiple Disorders of Sexual Preference

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 175–192

11. Dvoryanchikov N.V. Ispol'zovanie psikhologicheskikh poznaniy v seksologii [Application of psychological knowledge in sexology]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2002, no. 2, pp. 17–25. (In Russ.).
12. Dvoryanchikov N.V. Polorolevaya identichnost' u lits s deviantnym seksual'nym povedeniem: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 1998. 20 p. (In Russ.).
13. Dvoryanchikov N.V. Psikhologicheskoe issledovanie v seksologicheskoi ekspertize obvinnykh po seksual'nym pravonarusheniyam [Psychological research in sexological expertise of persons accused of sexual offences] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological-Educational Studies*, 2012. Vol. 4, no. 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53470 (Accessed 07.12.2022). (In Russ.).
14. Dvoryanchikov N.V. Psikhologicheskoe issledovanie v sudebnoi seksologii. In Dmitrieva T.B., Safuanov F.S. (eds.). *Meditinskaya i sudebnaya psikhologiya. Kurs lektsii: Uchebnoe posobie*. 4th ed. Moscow: Genezis, 2016, pp. 89–111. (In Russ.).
15. Dvoryanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K. Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki. Moscow: FLINTA; Nauka, 2011. 216 p. (In Russ.).
16. Dvoryanchikov N.V., Tkachenko A.A. Nekotorye dizontogeneticheskie mekhanizmy formirovaniya sadizma. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 1998, no. 3, pp. 4–9. (In Russ.).
17. Demidova L.Yu., Dvoryanchikov N.V. Problema rasstroistv seksual'nogo predpochteniya po materialam zarubezhnykh issledovaniy. *Yuridicheskaya psikhologiya = Juridical Psychology*, 2011, no. 4, pp. 36–40. (In Russ.).
18. Demidova L.Yu., Dvoryanchikov N.V. Kognitivnaya i affektivnaya sostavlyayushchie mezhlichnostnogo vzaimodeystviya u lits s anomal'nym seksual'nym povedeniem [Cognitive and affective components of interpersonal interaction in patients with abnormal sexual behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological-Educational Studies*, 2014. Vol. 6, no. 1, pp. 323–334. doi:10.17759/psyedu.2014060134 (In Russ.).
19. Demidova L.Yu. Polovoe samosoznanie pri rasstroistvakh seksual'nogo predpochteniya [Gender self-awareness in disorders of sexual preference]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2019. Vol. 12, no. 64. (In Russ.).
20. Enikolopov S.N., Dvoryanchikov N.V. Kontseptsii i perspektivy issledovaniya pola v klinicheskoi psikhologii [Concepts and perspectives of sex research in clinic psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2001. Vol. 22, no. 3, pp. 100–115. (In Russ.).
21. Imelinsky K. Seksologiya i seksopatologiya. Moscow: Meditsina, 1986. 424 p. (In Russ.).
22. Kamenskov M.Yu. Kliniko-patogeneticheskie aspekty parafilii i ikh sudebno-psikhiatricheskoe znachenie: Diss. dokt. med. nauk. Moscow, 2017. 381 p. (In Russ.).
23. Kamenskov M.Yu. Strukturno-dinamicheskie osobennosti parafilii kak modeli addiktivnykh rasstroistv [The clinical dynamical characteristics of paraphilias as the model of addictions]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya = Social and Clinical Psychiatry*, 2017. Vol. 27, no. 3, pp. 56–62. (In Russ.).
24. Kekelidze Z.I., Kachaeva M.A., Fastovtsov G.A., Danilova S.V., Talnikova E.S. Obsledovanie patsienta s psikhicheskimi rasstroistvami: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: FGBU "GNTsSSP im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii Publ., 2013, pp. 5–39. (In Russ.).

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Особенности полового самосознания у больных
с органическим расстройством личности
и множественными расстройствами
сексуального предпочтения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 175–192

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Features of Sexual Self-Awareness in Patients
with Organic Personality Disorder
and Multiple Disorders of Sexual Preference

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 175–192

25. Petina T.V. Klinicheskie osobennosti parafilii u lits s psikhoorganicheskim rasstroistvami: Voprosy diagnostiki i sudebno-psikhiatricheskoi otsenki: Avtoref. diss. kand. med. nauk. Moscow, 1996. 23 p. (In Russ.).
26. Svalkovsky A.V. Ob'em obshchestvenno opasnykh deistvii bol'nykh organicheskim porazheniem golovnoy mozga i ikh klinicheskie predposylki. Molodoi uchenyi = Young Scientist, 2015, no. 22 (102), pp. 75–79. (In Russ.).
27. Starovich Z. Sudebnaya seksologiya. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1991. 178 p. (In Russ.).
28. Tkachenko A.A. Rukovodstvo po sudebnoi psikiatrii: V 2 t. 4th ed. Moscow: Yurait, 2023. 523 p. (In Russ.).
29. Tkachenko A.A., Vvedensky G.E., Dvoryanchikov N.V. Sudebnaya seksologiya. Moscow: Bionom, 2020. 648 p. (In Russ.).
30. Tkachenko A.A., Vvedensky G.E., Kamenskov M.Yu., Demidova L.Yu., Vasiliev N.G. Stanovlenie i razvitie sudebnoi seksologii v Tsentre imeni V.P. Serbskogo [Formation and development of forensic sexology in the Serbsky Centre] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2020, no. 6, pp. 4–12. doi:10.24411/1560-957X-2020-10601 (In Russ.).
31. Tkachenko A.A., Dvoryanchikov N.V., Gerasimov A.V. Nekotorye mekhanizmy gomitsidnogo sadisticheskogo povedeniya. *Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2000, no. 5, pp. 26–31. (In Russ.).
32. Tkachenko A.A., Kamenskov M.Yu., Demidova L.Yu. Sovremennaya diagnostika rasstroistv seksual'nogo predpochteniya (mezhdunarodnyi opyt) [Contemporary diagnosis of sexual preference disorders (international practices)]. *Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2017, no. 6, pp. 60–69. (In Russ.).
33. Tkachenko A.A., Shishkov S.N. Sudebno-psikiatricheskaya ekspertiza po opredeleniyu rasstroistv seksual'nykh predpochtenii v svete Federal'nogo zakona ot 29.02.2012 No. 14-FZ "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v tselyakh usileniya otvetstvennosti za prestupleniya seksual'nogo kharaktera, sovershennyye v otnoshenii nesovershennoletnikh": Informatsionnoe pis'mo. Moscow: FGBU "GNTsSSP im. V.P. Serbskogo" Minzdravsotsrazvitiya Rossii Publ., 2012. 10p. (In Russ.).
34. Chuprikov A.P., Tsupryk B.M. Obshchaya i kriminal'naya seksologiya: Uchebnoe posobie. Kiev: MAUP Publ., 2002. 248 p. (In Russ.).
35. Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii. *Obshchaya psikhodiagnostika*. Saint Petersburg: Rech', 2000, pp. 221–228. (In Russ.).
36. Yakovleva E.Yu. Ugolovno relevantnye psikhoseksual'nye sostoyaniya: Avtoref. diss. dokt. med. nauk. Moscow, 2010. 37 p. (In Russ.).
37. Allardyce S. Theories of Sexual Crime Prevention. In Lievesley R., Hocken K., Elliott H., Winder B., Blagden N., Banyard P. (eds). *Sexual Crime and Prevention*. Palgrave Macmillan Cham, 2018, pp. 1–25. doi:10.1007/978-3-319-98243-4_1
38. Brittain R.P. The sadisti murderer. *Medicine, Science and the Law*, 1970. Vol. 10(4), pp. 198–207. doi:10.1177/002580247001000402
39. Castro A., Ibáñez J., Maté B., Esteban J., Barrada J. Childhood Sexual Abuse, Sexual Behavior, and Revictimization in Adolescence and Youth: A Mini Review. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. doi:10.3389/fpsyg.2019.02018

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Особенности полового самосознания у больных
с органическим расстройством личности
и множественными расстройствами
сексуального предпочтения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 175–192

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Features of Sexual Self-Awareness in Patients
with Organic Personality Disorder
and Multiple Disorders of Sexual Preference

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 175–192

40. Clayton E., Jones C., Brown J., Taylor J. The aetiology of child sexual abuse: A critical review of the empirical evidence. *Child Abuse Review*, 2018. Vol. 27, no. 7. doi:10.1002/car.2517
41. Craig L.A., Hutchinson R.B. Sexual offenders with learning disabilities: risk, recidivism and treatment. *Journal of Sexual Aggression*, 2005. Vol. 11, no. 3, pp. 289–304. doi:10.1080/13552600500273919
42. Cucolo H.E., Perlin M.L. Preventing Sex-Offender Recidivism Through Therapeutic Jurisprudence Approaches and Specialized Community Integration. *Temple Political & Civil Rights Law Review*, 2013. doi:10.2139/ssrn.2116424
43. Hucker S., Langevin R., Dickey R., Handy L., Chambers J., Wright S., Bain J., Wortzman G. Cerebral damage and dysfunction in sexually aggressive men. *Annals of Sex Research*, 1988. Vol. 1, pp. 33–47. doi:10.1007/BF00852881
44. Langevin R. Sexual offenses and traumatic brain injury. Comparative Study. *Brain and Cognition*, 2006. Vol. 60, no. 2, pp. 206–207.
45. Langevin R., Curnoe S. The Therapeutic Challenge of the Learning Impaired Sex Offender. *Sexual Offender Treatment*, 2007. Vol. 2, no. 1.
46. MacCulloch M., Gray N., Watt A. Brittain's Sadistic Murderer Syndrome reconsidered: An associative account of the aetiology of sadistic sexual fantasy. *Journal of Forensic Psychiatry*, 2000. Vol. 11, no. 2, pp. 251–262. doi:10.1080/09585180050142606
47. Marshall W.L. Treatment of sexual offenders and its effects. 2006. *The United Nations Asia and Far East Institute for the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (UNAFEI)*. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No72/No72_12VE_Marshall.pdf (Accessed 07.12.2022).
48. Simpson G., Blaszczynski A., Hodgkinson A. Sex Offending as a Psychosocial Sequela of Traumatic Brain Injury. *The Journal of Head Trauma Rehabilitation* 1999. Vol. 14, no. 6, pp. 567–580. doi:10.1097/00001199-199912000-00005

Информация об авторах

Басинская Ирина Александровна, кандидат медицинских наук, главный врач, Орловская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением (ФКУ «Орловская ПБСТИН» Минздрава России), г. Орел, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3445-9285>, e-mail: opbstin@yandex.ru

Беженарь Наталья Вячеславовна, медицинский психолог, отдел психологической диагностики и коррекции, Орловская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением (ФКУ «Орловская ПБСТИН» Минздрава России), г. Орел, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4530-9103>, e-mail: natali.bejenar@yandex.ru

Борисова Татьяна Юрьевна, медицинский психолог, отдел психологической диагностики и коррекции, Орловская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением (ФКУ «Орловская ПБСТИН» Минздрава России), г. Орел, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5918-9034>, e-mail: tat-logvinova@yandex.ru

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Особенности полового самосознания у больных
с органическим расстройством личности
и множественными расстройствами
сексуального предпочтения
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 175–192

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Features of Sexual Self-Awareness in Patients
with Organic Personality Disorder
and Multiple Disorders of Sexual Preference

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 175–192

Information about the authors

Irina A. Basinskaya, PhD in Medicine, Chief Physician, Orel Psychiatric Hospital of a Specialized Type with Intensive Supervision, Orel, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3445-9285>, e-mail: opbstin@yandex.ru

Nataliya V. Bezhenar, Medical Psychologist, Department of Psychological Diagnostics and Correction, Orel Psychiatric Hospital of a Specialized Type with Intensive Supervision, Orel, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4530-9103>, e-mail: natali.bejenar@yandex.ru

Tatyana Yu. Borisova, Medical Psychologist, Department of Psychological Diagnostics and Correction, Orel Psychiatric Hospital of a Specialized Type with Intensive Supervision, Orel, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5918-9034>, e-mail: tat-logvinova@yandex.ru

Получена 30.01.2023

Принята в печать 30.04.2023

Received 30.01.2023

Accepted 30.04.2023

Взаимосвязь профессионального выгорания с показателями возраста и характеристиками образовательной среды

Березина Т. Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Деулин Д. В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Сечко А. В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

Розенова М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6976-5587>, e-mail: profi1234@yandex.ru

Изучается зависимость профессионального выгорания педагогов средней школы от благоприятности образовательной среды и от возрастных характеристик педагогов. Первый этап: изучение взаимосвязи профессионального выгорания педагогов с характеристиками возраста; второй этап: изучение взаимосвязи показателей благоприятности образовательной среды с профессиональным выгоранием педагогов). Испытуемые: 70 человек (женщины, средний возраст 43,2 + 12,61 года, минимальный возраст 23 года, максимальный — 62 года). Методы: диагностические (Опросник профессионального выгорания МВИ, опросник безопасности образовательной среды, опросник психотической атмосферы в коллективе, показатель биологического возраста) и статистические (корреляционный анализ и пошаговая множественная регрессия). Выводы: для педагогов, имеющих стаж работы от 1 года, линейная взаимосвязь между стажем, календарным возрастом и показателями профессионального выгорания отсутствует. Присутствует положительная корреляция между показателями выгорания и биологическим возрастом. Профессиональное выгорание зависит от степени благоприятности образовательной среды: ее безопасности и психологической атмосферы в коллективе.

Березина Т.Н., Деулин Д.В., Сечко А.В., Розенова М.И.
Взаимосвязь профессионального выгорания
с показателями возраста и характеристиками
образовательной среды
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 193–210

Berezina T.N., Deulin D.V., Sechko A.V. Rosenova M.I.
The Relationship of Professional Burnout
with Indicators of Age and Characteristics
of the Educational Environment
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 193–210

Ключевые слова: психологическая безопасность, безопасность образовательной среды, профессиональное выгорание, календарный возраст, биологический возраст, личность, педагогическая деятельность.

Финансирование. Исследование выполнено по государственному заданию Министерства просвещения Российской Федерации от 31.07.2023 № 073-00038-23-06 «Разработка социально-психологической технологии профилактики и преодоления профессионального выгорания у педагогов общеобразовательных организаций».

Благодарности. Педагогу-психологу С.Д. Новиковой и педагогу Ю.Ф. Фасхутдиновой за помощь в сборе данных.

Для цитаты: *Березина Т.Н., Деулин Д.В., Сечко А.В., Розенова М.И.* Взаимосвязь профессионального выгорания с показателями возраста и характеристиками образовательной среды [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 193–210. DOI:10.17759/psylaw.2023130314

The Relationship of Professional Burnout with Indicators of Age and Characteristics of the Educational Environment

Tatiana N. Berezina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Dmitry V. Deulin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Alexander V. Sechko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

Marina I. Rozenova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6976-5587>, e-mail: profi1234@yandex.ru

The article examines the dependence of professional burnout of secondary school teachers on the favorable educational environment and on the age characteristics of teachers. The study was carried out in two stages (the first stage included the study of the relationship between the professional burnout of teachers and age characteristics; the second stage was aimed at studying the relationship between the indicators of the favorable educational environment of the school and the professional burnout of teachers). The study involved 70 subjects (women, mean age 43.2 + 12.61 years, minimum age 23 years, maximum age 62). The main research methods were: diagnostic (MBI professional burnout questionnaire, educational environment safety questionnaire, psychotic atmosphere in the team questionnaire, assessment of the index of relative biological aging according to V.P. Voitenko) and statistical (correlation analysis and stepwise multiple regression with the inclusion of variables). The

authors come to the conclusion that for teachers with a work experience of 1 year or more, there is no linear relationship between experience, calendar age and indicators of professional burnout. At the same time, there is a correlation between the indicators of burnout and the index of relative biological aging: the higher the indicators of burnout, the stronger the rate of biological aging of the body. The main conclusion in the work is the established fact of the relationship of professional burnout with an increase in biological age, and the absence of a linear relationship with calendar age and length of service. On the other hand, professional burnout depends on the degree of favorable educational environment: the more favorable the environment, the less burnout.

Keywords: psychological safety, educational environment safety, professional burnout, calendar age, biological age, personality, pedagogical activity.

Funding. The study was carried out according to the state order of the Ministry of Education of Russian Federation dated July 31, 2023, No. 073-00038-23-06 “Development of sociopsychological technology of prevention and overcoming of professional burn-out in teachers of general educational organisations”.

Acknowledgements. Teacher-psychologist D. Novikova and teacher Yu.F. Faskhutdinova for assistance in data collection.

For citation: Berezina T.N., Deulin D.V., Sechko A.V. Rosenova M.I. The Relationship of Professional Burnout with Indicators of Age and Characteristics of the Educational Environment [Электронный ресурс]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 193–210. DOI:10.17759/psylaw.2023130314 (In Russ.).

Введение

Согласно постановлению ЮНЕСКО, именно изучение безопасности и благополучия в образовании является важной областью научных исследований и областью практического применения, посредством которых реализуется право человека на благополучие. Ключевая роль благоприятности образовательной среды определяется благополучием учителя, который формирует эту среду и обеспечивает благополучие учащихся в ней; существуют исследования, подтверждающие значительную взаимосвязь между психологической атмосферой в школе и благополучием учителя [2].

Изучение психологически благоприятной образовательной среды — направление, получившее развитие в последнее десятилетие в России. Психологически благоприятная образовательная среда — это прежде всего среда, безопасная для ее участников. Благополучие образовательной среды также включает в себя хороший психологический климат в педагогическом коллективе. При этом важно понимать, что психологический климат определяется взаимоотношениями педагогов, характер которых может определять различные составляющие профессиональной деформации работников сферы образования. Одной из таких негативных составляющих является профессиональное выгорание, или истощение, учителя. В настоящее время профессиональное выгорание педагогов — это огромная проблема современного образования.

Теоретико-методологические основы исследования. Под психологической безопасностью образовательной среды понимается состояние, свободное от психологического насилия и удовлетворяющее потребность в личностно доверительном общении участников. Также

психологически безопасная школа должна пользоваться уважением всех включенных в нее участников. Участниками образовательной среды являются педагоги, администрация, ученики и их родители [10]. Психологическая безопасность образовательной среды включает в себя три основных компонента: 1) отношение к образовательной среде как к структуре, позволяющей реализовываться, давать положительные эмоции и в которой хочется трудиться; 2) удовлетворенность ее основными характеристиками; 3) защищенность от принуждения и насилия со стороны других педагогов, администрации, родителей и учеников [10]. Психотически благоприятной образовательной средой также считается среда, которая обеспечивает снижение психологического стресса у педагогов и уменьшение показателей сниженной работоспособности, таких как общее утомление и монотония [15].

Результаты эмпирического исследования, выполненного в Чехии, также показали, что удовлетворенность социальным климатом среди преподавательского состава статистически значимо связана с уровнем риска синдрома эмоционального выгорания во всех измерениях. Существует отрицательная взаимосвязь между качеством климата и уровнями эмоционального истощения и деперсонализации. Была обнаружена положительная значимая корреляция между социальным климатом и уровнем личной удовлетворенности [17].

Психологические профессии относятся к типу социальных профессий, находящихся в зоне риска возникновения профессионального выгорания и ускоренного биопсихологического старения [15]. Профессиональное выгорание является клиническим синдромом, который Всемирная организация здравоохранения официально включила в 11-ю Международную классификацию болезней (код QD85) с 1 января 2022 года. Согласно определению — это клинически значимый синдром, возникающий в ситуации хронического стресса на рабочем месте и который невозможно успешно преодолеть. Психологами описаны три измерения выгорания: а) эмоциональное истощение, характеризующееся эмоциональным истощением и потерей энергии; б) деперсонализация или цинизм, также описываемые как дегуманизация, отстраненность от работы и клиентов и эмоциональное ожесточение; в) снижение личных достижений или неэффективность, т. е. ощущение личной или профессиональной неадекватности, а также снижение производительности и навыков совладания [25].

Наличие профессионального выгорания является тяжелым симптомом, который ведет к неудовлетворенности работой, прогулам, пенсии по инвалидности [26]. Как показывают исследования, уровень выгорания у представителей многих профессий коррелирует с количеством дней отсутствия на работе по разным причинам и периодами отсутствия по болезни. Исследования показали, что работники с большим уровнем выгорания отсутствуют на работе в среднем 13,6 дня в год по сравнению с теми, кто имеет низкий уровень выгорания — они отсутствуют на работе только 5,4 дня. Увеличение показателя выгорания предсказывало увеличение на 21% и 9% числа дней отсутствия на работе и периодов отсутствия по болезни соответственно, даже после корректировки на социально-демографические условия, условия работы и здоровья [16].

У педагогов повышенное профессиональное выгорание приводит к снижению их профессионального долголетия и к раннему уходу из профессии. Профессиональное выгорание повышает вероятность того, что педагоги будут искать повод для отсутствия на рабочем месте. Например, для работников высшей школы показано, что повышение профессионального выгорания приводит к кадровому дефициту [6]. Исследователи отмечали, что среди последствий выгорания преподавателей для высших учебных заведений является снижение работоспособности и, как следствие, снижение включенности в новые проекты развития института,

теряются способности к энтузиазму, оперативности и результативности. Несмотря на то, что образование является фактором, способствующим увеличению продолжительности продуктивного периода жизни [12], при наличии симптомов выгорания преподаватели продолжают работать, но с меньшей интенсивностью и заинтересованностью, что в дальнейшем может привести к профессионально-личностной деформации, когда преподаватель проводит занятия в «инерционном режиме», переходит к «автоматизированным» формам занятия [6].

Однозначных данных о связи профессионального выгорания педагогов с календарным возрастом и стажем не обнаружено. Большинство авторов утверждают наличие связей между возрастом, стажем и показателями профессионального выгорания, но подчеркивают нелинейный характер этой связи. Например, в исследовании профессионального выгорания преподавателей спортивных школ было показано, что синдром в большей степени проявляется в возрастном диапазоне от 28 до 55 лет, т. е. самые молодые и самые возрастные преподаватели менее подвержены выгоранию [8]. Другие авторы показывают наличие его более сложной зависимости. В исследовании И.В. Грозы, было показано, что наиболее подвержены эмоциональному выгоранию, наоборот, совсем молодые педагоги (со стажем от 0 до 5 лет) и также педагоги в возрасте от 31 до 39 лет (со стажем работы (от десяти до пятнадцати лет)). Педагоги в возрасте от 28 до 32 лет (стаж от пяти до десяти лет) мало подвержены эмоциональному выгоранию, а меньше всего показатели выгорания у педагогов старшей возрастной группы (возраст — 41—45 лет, стаж — от пятнадцати до двадцати лет) [3]. В исследовании преподавателей вузов на Северном Кавказе было показано, что все педагоги подвержены профессиональной деформации, несмотря на разный педагогический стаж и возраст респондентов, а уровень профессионального выгорания исследуемых преподавателей был в целом выше среднего [7].

Скорее всего, это означает, что связь между показателями возраста и профессиональным выгоранием у педагогов присутствует, но она более сложная и опосредуется какими-то другими факторами. Многие авторы утверждают, что это факторы здоровья. Установлено, что чем больше возраст педагога, тем больше у него выражены психосоматические проблемы [4]. В другом исследовании, проведенном в общеобразовательных школах г. Югры, куда вошли учителя с разным стажем работы, была показана связь вариабельности сердечного ритма с эмоциональным выгоранием педагогов, были выявлены особенности динамики сердечного ритма при разной степени сформированности симптома V — «Неадекватное эмоциональное реагирование» эмоционального выгорания фазы «резистенции» [5].

Следует отметить, что показатели работы сердечно-сосудистой системы, для которых чаще всего исследуется связь с показателями выгорания, — это возрастная характеристика, нормы которой изменяются с возрастом и которая входит во многие методы оценки биологического возраста [1]. Биологический возраст профессионала — это другой параметр, нежели календарный возраст, он характеризуется именно состоянием здоровья, его соответствием возрастным нормам. Следует отметить, что на биологический возраст влияют различные стресс-факторы, неблагоприятная внешняя среда; отсутствие в ней психологической безопасности ведет к его увеличению и ускорению темпов старения организма [9].

Существуют исследования, показавшие отрицательную взаимосвязь благоприятности образовательной среды и профессионального выгорания педагогов. Также выявлены факторы профессиональной самореализации педагогов, показавшие ярко выраженные отрицательные корреляционные связи с показателями эмоционального выгорания: удовлетворенностью работой, активностью (инициативностью), верой в профессиональный успех, сотрудничеством

с коллегами, самообразованием, стремлением к самореализации [27]. Связь профессионального долголетия с различными показателями профессионального выгорания учителей государственных и частных школ была изучена в Турции. Профессиональная приверженность — это стремление продолжать свою карьеру в одной и той же профессии, при этом должности могут различаться. Было показано, что деперсонализация, как одно из подпространств выгорания, оказала негативно направленное влияние на некоторые аспекты профессиональной приверженности, в частности, на эмоциональную профессиональную приверженность и общую профессиональную приверженность, в то время как на нормативную профессиональную приверженность она не оказала существенного влияния [11].

Исследования, проведенные на педагогах различного уровня (воспитатели детских садов, учителя начальных и средних школ) в Китае, показали, что взаимосвязь между профессиональной идентичностью учителя и выгоранием частично опосредуется вовлеченностью в работу. Вовлеченность в работу, по И.А. Басовой, входит в когнитивный компонент безопасности образовательной среды. Благодаря вовлеченности в работу профессиональная идентичность учителя оказала наибольшее прогностическое влияние на выгорание [23]. На основе результатов теоретического и эмпирического исследования в Литве были определены основные факторы, влияющие на связь между профессиональным выгоранием и профессиональной удовлетворенностью, также была подтверждена значительная негативная взаимосвязь между профессиональной удовлетворенностью и профессиональным выгоранием [18; 19]. Профессиональная удовлетворенность, по И.А. Басовой, входит в эмоциональный компонент безопасности образовательной среды [10].

Среди личностных ресурсов, повышающих профессиональное долголетие специалистов, исследователи также называют наличие благоприятной и безопасной профессиональной среды [14; 24]. Это важно как для педагогов, так и обучающихся, особенно это заметно в учебных заведениях, что учащиеся совмещают работу с учебой [21].

Организация и методика исследования

Исходя из проведенного теоретико-методологического анализа, сформулирована научная задача нашего исследования: изучить связь отдельных компонентов профессионального выгорания с характеристиками благоприятности образовательной среды, выявить симптом-комплексы выгорания. Это позволит в перспективе проводить профилактику профессионального выгорания у педагогов через создание благоприятной образовательной среды.

Целью нашего исследования является изучение факторов образовательной среды, влияющих на компоненты профессионального выгорания педагогов.

Гипотезой выступило предположение о том, что факторы благополучия образовательной среды (психологическая безопасность и атмосфера) влияют на отдельные компоненты профессионального выгорания педагогов. Безопасная образовательная среда замедляет темпы профессионального выгорания, а негативная психологическая атмосфера в педагогическом коллективе его ускоряет.

Основными методами исследования являются диагностические.

1. Опросник выгорания Маслач (Maslach Burnout Inventory, MBI), в российской адаптации (авторы Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова), он предназначен для измерения основных показателей синдрома профессионального выгорания:

1) эмоциональное истощение (прямая шкала), профессиональная деятельность перестает приносить удовлетворение;

- 2) деперсонализация (прямая шкала), негативное отношение к своим коллегам;
- 3) редукция профессиональных достижений (обратная шкала), ощущение собственной некомпетентности, обесценивание собственного профессионализма.

2. Метод оценки безопасности образовательной среды для педагога, по И.А. Басовой, включающий в себя 3 опросника.

А. Отношение к образовательной среде школы:

- 1) когнитивный компонент отношения (развивает ли работа в школе способности учителя и его профессиональное мастерство). Положительное значение этого показателя означает, что учитель считает, что школа развивает его способности и мастерство. Отрицательное — не развивает.
- 2) эмоциональный компонент отношения (какие эмоции вызывает работа в школе — положительные или отрицательные). Положительное значение этого показателя означает, что работа в школе вызывает положительные эмоции, отрицательное — отрицательные.
- 3) поведенческий компонент отношения (отсутствие намерения уйти с работы в этой школе и вообще из профессии). Положительное значение этого показателя означает, что учитель стремится остаться на работе в этой школе и в педагогической профессии. Отрицательное — желает уйти с работы и вообще из профессии.

Также оценивалось общее отношение к образовательной среде как сумма остальных показателей.

Б. Удовлетворенность значимыми характеристиками образовательной среды школы; при оценке удовлетворенности учитывались: взаимоотношения с учителями, взаимоотношения с учениками, возможность высказать свою точку зрения, уважительное отношение к себе, сохранение личного достоинства, возможность обратиться за помощью, возможность проявлять инициативу, активность, учет личных проблем и затруднений.

В. Защищенность от психологического насилия (при оценке защищенности оценивалась защищенность от следующих явлений: публичное унижение/оскорбление, угрозы, принуждение делать что-либо против желания, игнорирование, недоброжелательное отношение).

4. Методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по Ф. Фидлеру). Опросник представляет собой адаптацию методики Least preferred coworker (LPC) scale (Fiedler's scale) (автор адаптации Ю.Л. Ханин). В основе лежит метод семантического дифференциала (в таблице приводятся противоположные по смыслу пары слов, с помощью которых педагогу предлагается описать атмосферу в его педагогическом коллективе, при этом оценка осуществляется по следующим шкалам: 1) дружелюбие—враждебность; 2) согласие—несогласие; 3) удовлетворенность—неудовлетворенность; 4) продуктивность—непродуктивность; 5) теплота—холодность; 6) сотрудничество—несогласованность; 7) сотрудничество—недоброжелательность; 8) увлеченность—равнодушие; 9) занимательность—скука; 10) согласие—безуспешность.

5. Методика оценки индекса относительного биологического старения, по В.П. Войтенко» (БВ- ДБВ). [1]. Вычисляется как разность показателей биологического возраста (БВ) и должного биологического возраста (ДБВ).

Отрицательные значения говорят об индивидуальной молодости человека, а положительные — об индивидуальном старении относительно статистических норм. Нормальный индекс старения = 0. Это означает, что человек стареет в полном соответствии со своим возрастом.

6. Проводился корреляционный (вычисление коэффициента корреляции Пирсона) и регрессионный виды анализа. Использовался метод пошаговой регрессии с включением переменных [1].

Всего в исследовании принимали участие 70 обследуемых (все женщины, педагоги средних общеобразовательных школ в возрасте от 23 до 62 лет со стажем работы от 1 года, минимальный возраст 23 года, максимальный — 62 года, средний возраст — 43,2 + 12,61 года).

Исследование осуществлялось в два этапа (первый этап включал изучение взаимосвязи профессионального выгорания педагогов с характеристиками возраста; второй этап направлен на изучение взаимосвязи показателей благоприятности образовательной среды школы с профессиональным выгоранием педагогов)

В первом этапе исследования участие принимали 28 обследуемых, во втором — 42. Отбор испытуемых осуществлялся по критериям добровольности, информативности, анонимности и субъективной конфиденциальности. Исследование проводилось на основе этического кодекса психолога.

Результаты исследования

В табл. 1 представлены результаты первого этапа исследования, на котором изучалась взаимосвязь показателей профессионального выгорания с возрастными характеристиками.

Таблица 1

Взаимосвязь показателей профессионального выгорания показателями возраста

Профессиональное выгорание	Календарный возраст	Стаж педагогической деятельности	Индекс биологического старения (БВ-ДБВ)
Эмоциональное истощение	0,152	0,213	0,556910257**
Деперсонализация	0,115	0,117	0,731959093**
Редукция профессиональных достижений (обратная шкала)	-0,125	-0,199	-0,330474406 *

Примечание: «*» — отмечено различие на уровне $p \leq 0,05$; «**» — отмечено различие на уровне $p \leq 0,01$.

Как видно из табл. 1, между показателями календарного возраста, стажа и показателями профессионального выгорания взаимосвязь отсутствует. Однако есть сильная положительная взаимосвязь между эмоциональным истощением и индексом биологического старения ($r = 0,556910257$ при $p \leq 0,01$), между деперсонализацией и индексом биологического старения ($r = 0,731959093$ при $p \leq 0,01$). Есть умеренная отрицательная связь между редукцией профессиональных достижений и индексом биологического старения ($r = -0,330474406$ при $p \leq 0,01$); однако поскольку редукция профессиональных достижений — обратная шкала, то увеличение именно редукции связано с повышением биологического старения.

На втором этапе исследования изучались показатели профессионального выгорания и психологической безопасности образовательной среды для педагогов средней школы. В табл. 2 и 3 содержится оценка взаимосвязи всех показателей безопасности образовательной среды с показателями профессионального выгорания.

Как видно из таблицы, есть достоверные корреляции между профессиональным выгоранием педагогов и показателями безопасности образовательной среды.

Таблица 2

**Взаимосвязь показателей профессионального выгорания
 с психологической безопасностью образовательной среды**

Профессиональное выгорание	Отношение к образовательной среде				Удовлетворенность образовательной средой	Защищенность от психологического насилия
	Общее	Когнитивный компонент	Эмоциональный компонент	Поведенческий компонент		
Эмоциональное истощение	-0,61**	-0,21	-0,51**	-0,57**	-0,53**	-0,43**
Деперсонализация	-0,26	0,11	-0,40*	-0,19	-0,22	-0,31
Редукция профессиональных достижений	0,30	-0,08	0,41*	0,21	0,38*	0,44**

Примечание: «*» — отмечено различие на уровне $p \leq 0,05$; «**» — отмечено различие на уровне $p \leq 0,01$.

Во-первых, эмоциональное истощение коррелирует со многими показателями отношения к образовательной среде (общим отношением, эмоциональным и поведенческими компонентами отношения). Эти показатели говорят о том, что обследуемому с эмоциональным истощением не нравится его работа и он планирует уволиться в ближайшем будущем. Также есть достоверные отрицательные корреляции эмоционального истощения с общей удовлетворенностью образовательной средой и защищенностью от психологического насилия. Все корреляции — обратные: чем выше безопасность образовательной среды, тем медленнее развивается эмоциональное истощение.

Во-вторых, есть одна небольшая корреляция между деперсонализацией и эмоциональным компонентом отношения к образовательной среде. Корреляция тоже отрицательная: чем больше положительных эмоций педагог испытывает от работы, тем медленнее развивается деперсонализация (негативное отношение к коллегам).

В-третьих, есть корреляции между редукцией профессиональных достижений и эмоциональным компонентом отношения к образовательной среде, удовлетворенностью образовательной средой, защищенностью от психологического насилия. Корреляции — положительные, но поскольку шкала «Редукция профессиональных достижений» — обратная, то они также говорят о том, что повышение безопасности образовательной среды снижает риск возникновения редукции профессиональных достижений.

В табл. 3 отражены результаты изучения взаимосвязи между профессиональным выгоранием и психологической атмосферой в педагогическом коллективе.

Как видно из табл. 3, больше всего связей наблюдается между деперсонализацией и показателями психологической атмосферы. Корреляции — положительные: чем выше показатели неблагоприятности атмосферы в коллективе (несогласие, непродуктивность, холодность, несогласованность, недоброжелательность, равнодушие, скука, безуспешность), тем сильнее возникает деперсонализация. Есть одна отрицательная корреляция между враждебностью и редукцией профессиональных достижений ($r = -0,39$ при $p \leq 0,05$), поскольку шкала обратная, то это говорит о том, что увеличение враждебности в коллективе связано с редукцией профессиональных достижений. Очень неожиданны отрицательные корреляции между эмо-

циональным истощением и скукой ($r = -0,58$ при $p \leq 0,01$), а также безуспешностью ($r = -0,39$ при $p \leq 0,05$). Возможно, — это случайная корреляция, характерная только для обследованных нами школ. Также, возможно, увеличение скуки и чувство безуспешности коллектива школы выступает своеобразной защитой, предотвращающей эмоциональное истощение. Педагогу становится все равно, что происходит в его школе и это позволяет отгородиться от отрицательных эмоций и тем самым задержать эмоциональное истощение.

Таблица 3

**Взаимосвязь показателей профессионального выгорания педагога
и психологической атмосферы в коллективе**

Профессиональное выгорание	Психологическая атмосфера в коллективе									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Эмоциональное истощение	0,01	0,21	0	0,03	0,11	0,15	0,07	0,11	-0,58**	-0,39*
Деперсонализация	0,34	0,42*	0,31	0,56**	0,38*	0,47**	0,58**	0,57**	0,52**	0,51**
Редукция профессиональных достижений (обратная шкала)	-0,39*	-0,27	-0,14	-0,28	-0,16	-0,1	-0,26	-0,19	-0,21	-0,25

Примечание: «*» — отмечено различие на уровне $p \leq 0,05$; «**» — отмечено различие на уровне $p \leq 0,01$; 1 — Враждебность, 2 — Несогласие, 3 — Неудовлетворенность, 4 — Непродуктивность, 5 — Холодность, 6 — Несогласованность, 7 — Недоброжелательность, 8 — Равнодушие, 9 — Скука, 10 — Безуспешность).

В табл. 4, 5 и 6 отображаются результаты регрессионного анализа, который мы провели для оценки совокупного воздействия факторов образовательной среды на профессиональное выгорание педагогов.

Таблица 4

**Совокупное влияние факторов образовательной среды
на эмоциональное истощение педагогов**

Показатели образовательной среды	B	Стандартная ошибка	T	p
Свободный член	40,2	3,90	10,3	0,000000
Общее отношение к образовательной среде	-0,8	0,21	-3,7	0,000906
Защищенность от насилия	-0,5	0,30	-1,7	0,102956

Примечание: B — коэффициент регрессии; T — показатель T-критерия; p — уровень значимости.

Данный анализ объясняет 40% дисперсии ($R^2 = 0,40$), $F = 9,3947$ при $p = 0,000$).

Из таблицы можно вывести следующую формулу эмоционального истощения: эмоциональное истощение = $-0,8 \times$ [Общее отношение к образовательной среде] — $0,5 \times$ [Защищенность от насилия] + 40,2

Совокупное действие положительного отношения к образовательной среде и защищенность от насилия снижает эмоциональное истощение.

Таблица 5

Совокупное влияние факторов образовательной среды на деперсонализацию педагогов

Показатели образовательной среды	B	Стандартная ошибка	T	p
Свободный член	7,2	1,24	5,8	0,000004
Равнодушие	1,3	0,63	2,1	0,043169
Отношение к образовательной среде (поведенческий компонент)	-1,0	0,41	-2,5	0,020238
Безуспешность	1,1	0,58	1,9	0,066393

Примечание: В — коэффициент регрессии; T — показатель T-критерия; p — уровень значимости.

Данный анализ объясняет 49% дисперсии ($R^2 = 0,49$), $F = 6,244527$ при $p = 0,000$.

Из таблицы следует формула деперсонализации: деперсонализация = $1,3x$ [Равнодушие] – $1,0x$ [отношение к образовательной среде (поведенческий компонент)] + $1,1x$ [Безуспешность] + $7,2$.

Деперсонализация зависит преимущественно от психологической атмосферы в коллективе и меньше — от безопасности образовательной среды. Равнодушно-безуспешная атмосфера совместно с субъективным ощущением невозможности собственного профессионального развития в школе приводят к развитию деперсонализации.

Таблица 6

Совокупное влияние факторов образовательной среды на редукцию профессиональных достижений (обратная шкала) педагогов

Показатели образовательной среды	B	Стандартная ошибка	T	p
Свободный член	31,0	3,73	8,3	0,000000
Несогласие	-1,2	0,51	-2,3	0,027811
Общее отношение к образовательной среде	0,4	0,18	2,0	0,055306
Защищенность от насилия	0,4	0,254108	1,58788	0,123956

Примечание: В — коэффициент регрессии; T — показатель T-критерия; p — уровень значимости.

Данный анализ объясняет 34% дисперсии ($R^2 = 0,33913381$; $F = 4,618491$ при $p = 0,000$).

Из таблицы выводится следующая формула редукции профессиональных достижений: редукция профессиональных достижений (обратная шкала) = $-1,2x$ [Несогласие] + $0,4$ [Общее отношение к образовательной среде] + $0,4$ [Защищенность от насилия] + $31,0$.

Редукция профессиональных достижений увеличивается в небезопасной образовательной среде в сочетании с атмосферой несогласия, царящей в педагогическом коллективе.

Обсуждение результатов

Прежде всего отметим, что в нашем исследовании не было обнаружено связи возраста и стажа с профессиональным выгоранием педагогов. В науке до сих пор нет однозначного ответа о связи профессионального выгорания с возрастом и стажем. Многие авторы такую связь находили, но утверждали, что она нелинейная и меняется у разных возрастных групп [2]. В нашем исследовании мы применяли корреляционный анализ, и он не выявил линейной зависимости изучаемых показателей, что логично, если взаимосвязи нелинейные. Однако мы получили взаимосвязь между индексом относительного биологического старения (показа-

тель входит в группу оценки биологического возраста) и всеми компонентами профессионального выгорания. Поэтому можно сказать, что взаимосвязь между возрастными показателями и профессиональным выгоранием педагогов все-таки есть, но она опосредуется какими-то другими параметрами, которые больше связаны с биологическим старением (показателями здоровья), нежели с календарным. Причинно-следственные отношения между биологическим возрастом и профессиональным выгоранием мы не изучали, поэтому трудно сказать однозначно, что здесь причина, а что следствие: ухудшение здоровья провоцирует выгорание или, наоборот, постоянное выгорание приводит к ускорению биологического старения. Мы предположили, что второй вариант встречается чаще. Поэтому следующая серия нашего исследования была посвящена поиску психологических факторов, которые связаны с профессиональным выгоранием педагогов и которые в перспективе поддаются коррекции. На роль таких факторов нами были выбраны показатели благоприятности образовательной среды.

Для получения достоверных результатов мы провели два статистических анализа. В целом, их результаты подтверждают друг друга. Однако есть разница — корреляционный анализ позволяет выявить отдельные взаимосвязи, а регрессионный установить симптомокомплексы. Корреляционный анализ показал, что эмоциональное истощение и редукция профессиональных достижений больше зависят от безопасности образовательной среды, в то время как деперсонализация — от психологической атмосферы в педагогическом коллективе.

В нашем исследовании были выявлены наиболее значимые связи между двумя этими показателями — это связи между защищенностью от насилия и всеми компонентами профессионального выгорания. Связи с высоким уровнем значимости. Если педагоги чувствуют себя незащищенными от психотического насилия, которое включает принуждение, угрозы, требование делать что-то против их воли, то у них снижается чувство субъектности (самостоятельности) — важный фактор в современных моделях профессионального выгорания педагога [19]. Мы можем предположить существование и обратной зависимости: если увеличить субъектность педагога, предоставить ему право самому контролировать свою профессиональную деятельность, самому принимать решения о своей работе, то это замедлит темпы профессионального выгорания. Полученные результаты совпадают с данными других исследователей [19; 21].

С помощью регрессионного анализа мы выявили 3 симптомокомплекса, связанных с отдельными компонентами профессионального выгорания.

Эмоциональное истощение зависит от безопасности образовательной среды, а именно, от отношения к образовательной среде и от степени защищенности от насилия. Педагог чувствует себя незащищенным от психологического насилия, и это приводит к негативному отношению к своей школе. Отношение к образовательной среде — это самооценочный показатель: оценка требует предварительной рефлексии и среды своей школы, и своего отношения. Мы полагаем, что наиболее сильное эмоциональное истощение возникает в ситуации, когда человек осознает наличие психотического насилия на своей работе и никак не может этому противостоять. И на это не влияет психотический климат в коллективе — осознаваемое принуждение делает неважным даже самую благоприятную атмосферу на работе. Близкий симптомокомплекс — у редукции профессиональных достижений, но для его возникновения нужно к осознаваемому принуждению добавить ощущение несогласия в педагогическом коллективе.

Третий симптомокомплекс ведет к деперсонализации — негативному отношению педагога к своим коллегам. Следует отметить, что развитие этого комплекса в основном вызывается психологическим климатом в коллективе. Из компонентов психологического климата силь-

нее всего влияют чувство равнодушия со стороны коллег и ощущение безуспешности. Безуспешность в сочетании с равнодушием вызывает у педагога стремление уйти с работы и, возможно, из профессии

Установление взаимосвязей между безопасностью образовательной среды и профессиональным выгоранием педагогов открывает для нас возможности психопрофилактики и психокоррекции этого синдрома. Если профессиональное выгорание — это тяжелый клинический синдром, то безопасность образовательной среды — состояние среды, определяемое корректируемыми и поддающимися изменению условиями.

Выводы

Из всех возрастных показателей с профессиональным выгоранием коррелируют характеристики биологического возраста (индекс относительного биологического старения, по В.П. Войтенко). Увеличение уровня профессионального выгорания связано с ускорением биологического старения организма педагогов. Связи между показателями календарного возраста, стажа и параметрами профессионального выгорания нами не обнаружено; если таковая связь и имеется, то она может быть только нелинейной.

Проведенное нами исследование также позволило установить связь между показателями профессионального выгорания педагогов и благоприятностью образовательной среды школы. Снижение безопасности образовательной среды для учителя приводит к развитию у него симптомов эмоционального истощения и редукции профессиональных достижений. Безопасность образовательной среды во многом зависит от администрации, которая организует работу в школе и может использовать принуждение по отношению к педагогу. Эмоциональное истощение возникает в ситуации, когда человек осознает наличие психотического насилия на своей работе и никак не может этому противостоять. Для возникновения редукции профессиональных достижений к осознаваемому принуждению добавляется ощущение несогласия в педагогическом коллективе

Развитие симптома деперсонализации вызывается негативной психологической атмосферой в коллективе, которая создается самим педагогическим коллективом. Сильнее всего влияют чувство равнодушия со стороны коллег и ощущение безуспешности, это сочетание в соединении со стремлением педагога уйти с работы и, возможно, из профессии приводит к возникновению деперсонализации.

Перспективы исследования. Создание благоприятной атмосферы в педагогическом коллективе, безопасность образовательной среды, могут способствовать замедлению профессионального выгорания педагогов. Наличие взаимосвязи между профессиональным выгоранием и индексом биологического старения открывает для нас перспективы: через психологическую коррекцию и профилактику профессионального выгорания способствовать замедлению и биологического старения организма.

Ограничения полученных результатов. Исследование выполнены для педагогов государственной общеобразовательной средней школы, в других образовательных учреждениях на профессиональное выгорание могут влиять другие факторы. Педагоги, принимавшие участие в исследовании — женщины, результаты на мужской выборке могут отличаться.

Литература

1. Биологический возраст. Наследственность и старение / Под ред. В.П. Войтенко, А.В. Токарь. Киев: Институт геронтологии, 1984. 143 с.

Березина Т.Н., Деулин Д.В., Сечко А.В., Розенова М.И.
Взаимосвязь профессионального выгорания
с показателями возраста и характеристиками
образовательной среды
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 193–210

Berezina T.N., Deulin D.V., Sechko A.V. Rosenova M.I.
The Relationship of Professional Burnout
with Indicators of Age and Characteristics
of the Educational Environment
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 193–210

2. Гилемханова Э.Н., Хусаинова Р.М., Лушпаева И.И., Хайрутдинова М.Р. Модель субъективной оценки профессионального благополучия учителя в контексте обеспечения безопасной образовательной среды [Электронный ресурс] // Образование и саморазвитие. 2022. Том 17. № 4. С. 288–302. doi:10.26907/esd.17.4.20
3. Гроза И.В. Влияние возраста и стажа педагога на эмоциональное выгорание // Современные наукоемкие технологии. 2009. № 10. С. 63–54.
4. Кудряшова К.В., Верещагина Л.А. Психологические факторы профессиональной деформации учителей общеобразовательной школы // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. Том 5. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. С. 45–51.
5. Майстренко В.И., Майстренко Е.В., Проворова О.В. Динамика параметров квазиаттракторов вектора состояния организма педагогов Югры с разным стажем работы при выраженности у них эмоционального выгорания [Электронный ресурс] // Вестник новых медицинских технологий. 2017. № 2. С. 89–94. doi:10.12737/article_5943a726c42896.26764325
6. Самсонова Е.А. Социологические факторы влияния образовательной среды на профессиональное выгорание преподавателей вузов [Электронный ресурс] // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 3. С. 179–192. doi:10.19181/vis.2022.13.3.837
7. Смирнова Е.В., Поштарева Т.В. Исследование профессионального выгорания преподавателей [Электронный ресурс] // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022. № 5 (92). С. 219–227. doi:10.37493/2307-907X.2022.5.25
8. Усманова З.Т., Латыпов И.К. Эмоциональное выгорание тренера-преподавателя по спортивным единоборствам // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2018. № 1. С. 43–46.
9. Финогенова Т.А., Березина Т.Н., Литвинова А.В., Рыбцов С.А. Влияние разных видов стресса на биопсихологический возраст: обзор современных исследований // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 3.
10. Baeva I.A., Bordovskaia N.V. The psychological safety of the educational environment and the psychological well-being of Russian secondary school pupils and teachers // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Vol. 8(1). P. 86–99. doi:10.11621/pir.2015.0108
11. Bakan İ., Amırlı H. Tükenmişliğin Mesleki Bağlılık Üzerindeki Etkisi: Öğretmenler Üzerinde Bir Alan Araştırması. Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi // 21. Uluslararası işletmecilik kongresi özel sayisi. 2022. Vol. 1. doi:10.33437/ksusbd.1160212
12. Berezina T.N. Differences in individual life path choices affecting life expectancy and health in Russia // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 210. doi:10.1051/e3sconf/202021017032
13. Berezina T.N. Distribution of biomarkers of aging in people with different personality types (in Russia) // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 210. doi:10.1051/e3sconf/202021017028
14. Berezina T.N., Rybtsov S.A. Use of Personal Resources May Influence the Rate of Biological Aging Depending on Individual Typology // European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education. 2022. Vol. 12. P. 1793–1811. doi:10.3390/ejihpe12120126
15. Berezina T.N., Temirkanova A., Litvinova A.V., Kokurin A.V. Using Virtual Reality Techniques to Alleviate Cognitive Fatigue in Graduate Students Working while in College // European Journal of Contemporary Education. 2022. Vol. 11(1). P. 36–46. doi:10.13187/ejced.2022.1.36
16. Borritz M., Rugulies R. Christensen K.B., Villadsen E., Kristensen T.S. Burnout as a predictor of self-reported sickness absence among human service workers: prospective findings from three

Березина Т.Н., Деулин Д.В., Сечко А.В., Розенова М.И.
Взаимосвязь профессионального выгорания
с показателями возраста и характеристиками
образовательной среды
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 193–210

Berezina T.N., Deulin D.V., Sechko A.V. Rosenova M.I.
The Relationship of Professional Burnout
with Indicators of Age and Characteristics
of the Educational Environment
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 193–210

year follow up of the PUMA study // Occupational and Environmental Medicine. 2006. Vol. 63(2). P. 98–106. doi:10.1136/oem.2004.019364

17. Cech T., Dobesova Cakirpaloglu S., Gillova A., Hormanđlova T. School climate and other factors influencing the risk of burnout in nursery school teachers // EDULEARN 21 Proceedings. 13th International Conference on Education and New Learning Technologies. July 5th-6th, 2021. 2021. P. 2283–2291. doi:10.21125/edulearn.2021.0511

18. Gedvilienė G., Didžiulienė R. The Interaction between Teachers' Professional Burnout and Professional Satisfaction // Pedagogika. 2020. Vol. 137(1). P. 66–82. doi:10.15823/p.2020.137.4

19. Gedvilienė G., Tūtlys, V., Lukošūniene V. Development of the profession and qualifications of adult educators in Lithuania in the context of reforms of adult education // International Review of Education. 2018. Vol. 64(4). P. 465–487. doi:10.1007/s11159-018-9704-3

20. Gilmour A.F., Sandilos L.E. The Crucial Role of Administrators in Shaping Working Conditions for Teachers of Students With EBD // Journal of Emotional and Behavioral Disorders. 2023. Vol. 31(2). P. 109–119. doi:10.1177/10634266221149933

21. Hasson F., McKenna H.P., Keeney S. A qualitative study exploring the impact of student nurses working part time as a health care assistant // Nurse Education Today. 2013. Vol. 33(8). P. 873–879. doi:10.1016/j.nedt.2012.09.014

22. Koteneva A.V., Berezina T.N., Rybtsov S.A. Religiosity, Spirituality and Biopsychological Age of Professionals in Russia // European Journal of Investigation in Health Psychology and Education. 2021. Vol. 11(4). P. 1221–1238. doi:10.3390/ejihpe11040089

23. Li X., Xiao W., Sun C., Li W., Sun. B. Does Burnout Decrease with Teacher Professional Identity Among Teachers in China? // Journal of Career Development. 2022. Vol. 50(1). doi:10.1177/08948453221138937

24. Litvinova A., Kokurin A., Ekimova V., Koteneva A., Pozdnyakov V. Procrastination as a Threat to the Psychological Security of the Educational Environment // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10(1). doi:10.3390/bs10010001

25. Maslach C., Leiter M.P. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry // World Psychiatry. 2016. Vol. 15(2). P. 103–111. doi:10.1002/wps.20311

26. Salvagioni D.A.J., Melanda F.N., Mesas A.E., González A.D., Gabani F.L., Andrade S.M. Physical, psychological and occupational consequences of job burnout: A systematic review of prospective studies // PLoS ONE. 2017. Vol. 12(10). doi:10.1371/journal.pone.0185781

27. Sviderskaya S.P., Shabasheva E.A., Ignatovich Yu.O. Research on interrelations between mental burnout and factor signs of teachers' professional self-fulfillment // Perspectives of Science & Education. 2023. Vol. 2(62). P. 517–535. doi:10.32744/pse.2023.2.30

References

1. Voitenko V.P., Tokar A.V. (eds.). Biologicheskii vozrast. Nasledstvennost' i starenie. Kiev: Institut gerontologii, 1984. 143 p. (In Russ.).

2. Gilemphanova E.N., Khusainova R.M., Lushpaeva I.I., Khairutdinova M.R. Model' sub'ektivnoi otsenki professional'nogo blagopoluchiya uchitelya v kontekste obespecheniya bezopasnoi obrazovatel'noi sredy [A Model of Subjective Well-Being of a Teacher in the Context of the Safety of Educational Environment] [Elektronnyi resurs]. *Obrazovanie i samorazvitiye = Education and Self Development*, 2022. Vol. 17, no. 4, pp. 288–302. doi:10.26907/esd.17.4.20 (In Russ.).

3. Groza I.V. Vliyanie vozrasta i stazha pedagoga na emotsional'noe vygoranie. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii = Modern High Technologies*, 2009, no. 10, pp. 63–54. (In Russ.).

Березина Т.Н., Деулин Д.В., Сечко А.В., Розенова М.И.
Взаимосвязь профессионального выгорания
с показателями возраста и характеристиками
образовательной среды
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 193–210

Berezina T.N., Deulin D.V., Sechko A.V. Rosenova M.I.
The Relationship of Professional Burnout
with Indicators of Age and Characteristics
of the Educational Environment
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 193–210

4. Kudryashova K.V., Vereshchagina L.A. Psikhologicheskie faktory professional'noi deformatsii uchitelei obshcheobrazovatel'noi shkoly [Psychological factors of the professional deformation of teachers of comprehensive schools]. *Nauchnye issledovaniya vypusnikov fakul'teta psikhologii SPbGU*. Vol. 5. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2017, pp. 45–51. (In Russ.).
5. Maistrenko V.I., Maistrenko E.V., Provorova O.V. Dinamika parametrov kvaziattraktorov vektora sostoyaniya organizma pedagogov Yugry s raznym stazhem raboty pri vyrazhennosti u nikh emotsional'nogo vygoraniya [The expression of emotional burnout and the dynamics of parameters of quasi-attractors of the vector of the state of the organism of teachers of Ugra with different work experience] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii = Journal of New Medical Technologies*, 2017, no. 2, pp. 89–94. doi:10.12737/article_5943a726c42896.26764325 (In Russ.).
6. Samsonova E.A. Sotsiologicheskie faktory vliyaniya obrazovatel'noi sredy na professional'noe vygoranie prepodavatelei vuzov [Sociological Factors of the Influence of the Educational Environment on the Professional Burnout of University Teachers] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Instituta sotsiologii = Vestnik Instituta Sotziologii*, 2022. Vol. 13, no. 3, pp. 179–192. doi:10.19181/vis.2022.13.3.837 (In Russ.).
7. Smirnova E.V., Poshtareva T.V. Issledovanie professional'nogo vygoraniya prepodavatelei [Research of professional burnout of teachers] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2022, no. 5 (92), pp. 219–227. doi:10.37493/2307-907X.2022.5.25 (In Russ.).
8. Usmanova Z.T., Latypov I.K. Emotsional'noe vygoranie trenera-prepodavatelya po sportivnym edinoborstvam [Emotional burnout in martial arts trainer-instructor]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka = Physical Culture: Upbringing, Education, Training*, 2018, no. 1, pp. 43–46. (In Russ.).
9. Finogenova T.A., Berezina T.N., Litvinova A.V., Rybtsov S.A. Vliyanie raznykh vidov stressa na biopsikhologicheskii vozrast: obzor sovremennykh issledovaniy [The Influence of Different Types of Stress on Psychological Age: A Review of Modern Research]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2023. Vol. 12, no. 3. (In Russ.).
10. Baeva I.A., Bordovskaia N.V. The psychological safety of the educational environment and the psychological well-being of Russian secondary school pupils and teachers. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2015. Vol. 8, no. 1, pp. 86–99. doi:10.11621/pir.2015.0108
11. Bakan İ., Amırlı H. Tükenmişliğin Mesleki Bağlılık Üzerindeki Etkisi: Öğretmenler Üzerinde Bir Alan Araştırması. Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. *21. Uluslararası işletmecilik kongresi özel sayısı*, 2022. Vol. 1. doi:10.33437/ksusbd.1160212
12. Berezina T.N. Differences in individual life path choices affecting life expectancy and health in Russia. *E3S Web of Conferences*, 2020. Vol. 210. doi:10.1051/e3sconf/202021017032
13. Berezina T.N. Distribution of biomarkers of aging in people with different personality types (in Russia). *E3S Web of Conferences*, 2020. Vol. 210. doi:10.1051/e3sconf/202021017028
14. Berezina T.N., Rybtsov S.A. Use of Personal Resources May Influence the Rate of Biological Aging Depending on Individual Typology. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*, 2022. Vol. 12, pp. 1793–1811. doi:10.3390/ejihpe12120126
15. Berezina T.N., Temirkanova A., Litvinova A.V., Kokurin A.V. Using Virtual Reality Techniques to Alleviate Cognitive Fatigue in Graduate Students Working while in College. *European Journal of Contemporary Education*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 36–46. doi:10.13187/ejced.2022.1.36

Березина Т.Н., Деулин Д.В., Сечко А.В., Розенова М.И.
Взаимосвязь профессионального выгорания
с показателями возраста и характеристиками
образовательной среды
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 193–210

Berezina T.N., Deulin D.V., Sechko A.V. Rosenova M.I.
The Relationship of Professional Burnout
with Indicators of Age and Characteristics
of the Educational Environment
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 193–210

16. Borritz M., Rugulies R. Christensen K.B., Villadsen E., Kristensen T.S. Burnout as a predictor of self-reported sickness absence among human service workers: prospective findings from three year follow up of the PUMA study. *Occupational and Environmental Medicine*, 2006. Vol. 63, no. 2, pp. 98–106. doi:10.1136/oem.2004.019364
17. Cech T., Dobesova Cakirpaloglu S., Gillova A., Hormanidlova T. School climate and other factors influencing the risk of burnout in nursery school teachers. *EDULEARN 21 Proceedings. 13th International Conference on Education and New Learning Technologies. July 5th-6th, 2021*. 2021, pp. 2283–2291. doi:10.21125/edulearn.2021.0511
18. Gedvilienė G., Didžiulienė R. The Interaction between Teachers' Professional Burnout and Professional Satisfaction. *Pedagogika*, 2020. Vol. 137, no. 1, pp. 66–82. doi:10.15823/p.2020.137.4
19. Gedvilienė G., Tūtlys, V., Lukošūnienė V. Development of the profession and qualifications of adult educators in Lithuania in the context of reforms of adult education. *International Review of Education*, 2018. Vol. 64, no. 4, pp. 465–487. doi:10.1007/s11159-018-9704-3
20. Gilmour A.F., Sandilos L.E. The Crucial Role of Administrators in Shaping Working Conditions for Teachers of Students with EBD. *Journal of Emotional and Behavioral Disorders*, 2023. Vol. 31, no. 2, pp. 109–119. doi:10.1177/10634266221149933
21. Hasson F., McKenna H.P., Keeney S. A qualitative study exploring the impact of student nurses working part time as a health care assistant. *Nurse Education Today*, 2013. Vol. 33, no. 8, pp. 873–879. doi:10.1016/j.nedt.2012.09.014
22. Koteneva A.V., Berezina T.N., Rybtsov S.A. Religiosity, Spirituality and Biopsychological Age of Professionals in Russia. *European Journal of Investigation in Health Psychology and Education*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 1221–1238. doi:10.3390/ejihpe11040089
23. Li X., Xiao W., Sun C., Li W., Sun. B. Does Burnout Decrease with Teacher Professional Identity Among Teachers in China? *Journal of Career Development*, 2022. Vol. 50, no. 1. doi:10.1177/08948453221138937
24. Litvinova A., Kokurin A., Ekimova V., Koteneva A., Pozdnyakov V. Procrastination as a Threat to the Psychological Security of the Educational Environment. *Behavioral Sciences*, 2020. Vol. 10, no. 1. doi:10.3390/bs10010001
25. Maslach C., Leiter M.P. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry. *World Psychiatry*, 2016. Vol. 15, no. 2, pp. 103–111. doi:10.1002/wps.20311
26. Salvagioni D.A.J., Melanda F.N., Mesas A.E., González A.D., Gabani F.L., Andrade S.M. Physical, psychological and occupational consequences of job burnout: A systematic review of prospective studies. *PLoS ONE*, 2017. Vol. 12, no. 10. doi:10.1371/journal.pone.0185781
27. Sviderskaya S.P., Shabasheva E.A., Ignatovich Yu.O. Research on interrelations between mental burnout and factor signs of teachers' professional self-fulfillment. *Perspectives of Science & Education*, 2023, no. 2 (62), pp. 517–535. doi:10.32744/pse.2023.2.30

Информация об авторах

Березина Татьяна Николаевна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Березина Т.Н., Деулин Д.В., Сечко А.В., Розенова М.И.
Взаимосвязь профессионального выгорания
с показателями возраста и характеристиками
образовательной среды
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 193–210

Berezina T.N., Deulin D.V., Sechko A.V. Rosenova M.I.
The Relationship of Professional Burnout
with Indicators of Age and Characteristics
of the Educational Environment
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 193–210

Деулин Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Сечко Александр Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

Розенова Марина Ивановна, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6976-5587>, e-mail: prof11234@yandex.ru

Information about the authors

Tatiana N. Berezina, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Dmitry V. Deulin, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Alexander V. Sechko, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

Marina I. Rozenova, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6976-5587>, e-mail: prof11234@yandex.ru

Получена 04.08.2023
Принята в печать 14.08.2023

Received 04.08.2023
Accepted 14.08.2023

Вертикальный вектор мозговой организации отклоняющегося поведения: от нейродинамических дисфункций к регуляторным

Потапов А.М.

Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ «НИИ СП им. Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3470-1183>, e-mail: potapov.aleksey.33@gmail.com

Луковцева З.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Чиркина Р.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Нарушения произвольной саморегуляции — важный фактор отклоняющегося поведения, что определяет значимость изучения их мозговых механизмов. Запросы превентивной практики требуют выявления наиболее онтогенетически ранних механизмов, во многом основанных на работе энергетического блока мозга. Коррекционное воздействие на этот блок позволяет преодолеть нейродинамические дисфункции и системно обусловленные ими проблемы произвольной саморегуляции, предотвращая тем самым возникновение поведенческих девиаций. В статье представлен нейропсихологический анализ результатов исследований, освещающих распространенные дисфункциональные состояния структур, образующих вертикальный вектор мозговой организации поведения. Особое внимание уделено легким дисфункциям. Сделан вывод о том, что регуляторные дисфункции, относящиеся к числу детерминант отклоняющегося поведения, могут носить как первичный, так и вторичный характер; в последнем случае в их основе лежит дефицитарность структур энергетического блока мозга, современная нейропсихологическая стратегия преодоления которой также описана в статье.

Ключевые слова: отклоняющееся поведение, произвольная саморегуляция, энергетический блок мозга, нейродинамические дисфункции, регуляторные дисфункции, нейропсихологическая коррекция.

Потапов А.М., Луковцева З.В., Чиркина Р.В.
Вертикальный вектор мозговой организации
отклоняющегося поведения: от нейродинамических
дисфункций к регуляторным
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 211–227

Potapov A.M., Lukovtseva Z.V., Chirkina R.V.
Vertical Vector of Brain Organization
of Deviant Behavior: from Neurodynamic
Dysfunctions to Regulatory Ones
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 211–227

Для цитаты: Потапов А.М., Луковцева З.В., Чиркина Р.В. Вертикальный вектор мозговой организации отклоняющегося поведения: от нейродинамических дисфункций к регуляторным [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 211–227. DOI:10.17759/psylaw.2023130315

Vertical Vector of Brain Organization of Deviant Behavior: from Neurodynamic Dysfunctions to Regulatory Ones

Alexey M. Potapov

Sklifosovsky Research Institute for Emergency Medicine, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3470-1183>, e-mail: potapov.aleksey.33@gmail.com

Zoya V. Lukovtseva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Rimma V. Chirkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Violations of arbitrary self-regulation are an important factor in deviant behavior, which determines the importance of studying their brain mechanisms. Requests for preventive practice require the identification of the most ontogenetically early mechanisms, largely based on the energy block of the brain. Corrective action on this block allows overcoming neurodynamic dysfunctions and systemic problems of arbitrary self-regulation, thus preventing the occurrence of behavioral deviations. The article presents a neuropsychological analysis of research results that highlight the common dysfunctional states of structures that form a vertical vector of the brain organization of behavior. Special attention is paid to mild dysfunctions. It has been concluded that regulatory dysfunctions, which are among the determinants of deviant behavior, can be both primary and secondary; in the latter case, they are based on the deficiency of the structures of the energy block of the brain, a modern neuropsychological strategy to overcome which is also described in the article.

Keywords: deviant behavior, voluntary self-regulation, brain energy block, neurodynamic dysfunctions, regulatory dysfunctions, neuropsychological correction.

For citation: Potapov A.M., Lukovtseva Z.V., Chirkina R.V. Vertical Vector of Brain Organization of Deviant Behavior: from Neurodynamic Dysfunctions to Regulatory Ones. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 211–227. DOI:10.17759/psylaw.2023130315

Введение

Мозговую организацию поведения можно описать на языке трех векторов системного взаимодействия структур. Латеральный вектор характеризует функциональную асимметрию мозга и межполушарное взаимодействие, горизонтальный — связи между полями коры в пределах одного полушария, а вертикальный — лобно-подкорковые взаимоотношения. Вертикальный вектор связывает первый (энергетический) и третий (регуляторный) блоки мозга.

Анализ процессов, относящихся к данному вектору, позволяет проследить, как нейродинамические дисфункции вызывают нарушения произвольной саморегуляции и, наоборот, какое влияние регуляторные дисфункции оказывают на нейродинамику.

Регуляторные проблемы связаны со всеми характеристиками отклоняющегося поведения: с несоответствием социальным и/или правовым нормам, сопряженностью с причинением ущерба себе или другим, социальной дезадаптацией [3; 6; 12]. В одних случаях нарушения мозгового обеспечения саморегуляции клинически отчетливы, в других же не дают оснований для постановки диагноза, но вызывают заметные поведенческие проблемы. Наиболее изучена первичная функциональная несформированность префронтальной конвекситальной коры, входящей в состав регуляторного блока мозга [1; 8; 16; 24; 25]. Своевременное обнаружение и коррекция такой несформированности повышают эффективность учебной деятельности ребенка/подростка и нормализуют его социальное поведение. Вторичные регуляторные проблемы могут быть обусловлены нейродинамическими дисфункциями, субстратом которых выступает дефицитарность структур энергетического блока; тогда поведение приобретает характер «лобного фасада» [1; 16; 24; 25]. Выраженность таких дисфункций колеблется от нижненормативного до патологического уровня, подтверждая необходимость распространения представлений о нейропсихологическом синдроме, синдромном и метасиндромном анализе на весь континуум функциональных состояний мозга [17; 19; 22].

Морфофункциональные особенности энергетического блока: краткий экскурс

Энергетический блок мозга, или блок регуляции тонуса и бодрствования, образуют неспецифические глубокие структуры, мозолистое тело, мозжечок и медно-базальные поверхности лобной и височной коры. В целом он обеспечивает нейродинамическую основу высшей психической деятельности, поддерживая оптимальный баланс процессов возбуждения и торможения и регулируя кортикальную активность. Но если общий функциональный фон психической деятельности поддерживает ретикулярная формация продолговатого и среднего мозга, то нейропсихосоматическая активация связана в основном с промежуточным мозгом. К числу задач энергетического блока относятся также эмоционально-вегетативная регуляция и обеспечение модально-неспецифических процессов памяти и внимания. Без полноценной работы данного блока невозможна мобилизация адаптационных ресурсов в случаях, когда внешние или внутренние условия предъявляют к человеку особые требования [19]. Энергетический блок должен, в свою очередь, непрерывно активироваться и сам. К источникам его активации относятся информационная стимуляция, обменные процессы, а также намерения, планы и программы. Последние определяют характер эфферентных воздействий на энергетический блок со стороны префронтальной конвекситальной коры, входящей в состав третьего (регуляторного) блока мозга. Пути, соединяющие структуры энергетического и регуляторного блоков, и сами эти структуры в совокупности образуют вертикальный вектор мозговой организации психических процессов и поведения.

Функциогенез энергетического блока мозга и остальных структур вертикального вектора мозговой организации психической деятельности

Решающим для функциогенеза энергетического блока является внутриутробный период, ведь к моменту появления ребенка на свет соответствующие мозговые структуры оказываются почти полностью созревшими. Полной зрелости данный блок достигает к 12 месяцам жизни; исключение составляет мозолистое тело, продолжающее развиваться до середины подросткового периода [21; 22; 24; 25]. Вначале формируются спинально-подкорковые, а за-

тем и корково-подкорковые связи, обеспечивающие равновесие между психофизиологическими процессами и произвольной саморегуляцией. Преимущество в развитии последней позволяет девочкам опережать мальчиков в выполнении большинства нейропсихологических проб, но далее это опережение сохраняется лишь в показателях внимания, тогда как в эмоциональной стабильности и способности управлять собственными эмоциями девушки уступают юношам [32]. Лобно-подкорковые пути полностью миелинизируются к 25—27 годам, причем у женщин это происходит раньше [2; 24]. Регуляторное преимущество женщин вновь проявляется в средней взрослости, после чего на первый план выступают половые различия уже не в саморегуляции, а в соотношении лево- и правополушарных стратегий психической деятельности [31].

Благополучные закладка и созревание анатомо-морфологического субстрата со всеми необходимыми физиологическими процессами образуют базис, дополняемый влиянием культурных нормативов, социальных и социально-педагогических отношений, в которых участвует ребенок/подросток [1; 8; 24; 25]. Учет средовых влияний в процессе диагностики позволяет описать особенности развития психики и реконструировать процесс формирования иерархии первичных и вторичных нарушений в структуре синдрома [5; 18; 17].

Функциональная дефицитарность энергетического блока может проявляться на уровне стволовых и/или подкорковых структур. Ее основу составляют нейродинамические дисфункции, обусловленные воздействием патогенных факторов в диапазоне от пренатального периода до младенчества [1; 8; 24; 25]. Более ранние патогенные воздействия на мозг увеличивают удельный вес признаков дефицитарности стволовых, а более поздние — подкорковых структур.

Среди доношенных новорожденных перинатальные поражения центральной нервной системы регистрируются в 0,2—0,6% случаев [30], а у пациентов неонатологических отделений этот показатель превышает 90% [14]. В структуре инвалидизирующей перинатальной патологии заболевания психоневрологического профиля лидируют: на долю болезней нервной системы приходится 62,90% случаев, психические расстройства диагностируются у 16,13% детей-инвалидов, а удельный вес врожденных аномалий составляет всего 6,45% [27].

Долю случаев ненормативного развития мозга повышают достижения в сфере родовспоможения, сохраняющие жизнь детям с серьезными анатомо-морфологическими и функциональными нарушениями, а также появление новых репродуктивных технологий. Так, по данным исследования нейропсихологического и ЭЭГ-статуса дошкольников, зачатых с помощью ЭКО, на первый план в выборке вышли дисфункция стволово-диэнцефальных структур (от минимальной до выраженной), дефицит общей нейродинамики и недостаточная функциональная сформированность корково-подкорковых и транскортикальных межполушарных связей. Авторы связывают перечисленные особенности с пре- и перинатальными нарушениями ликвородинамики, мозгового кровообращения, вегетатики [29]. Таким образом, наименее функционально благополучными у обследованных оказались структуры энергетического блока; при этом если корково-подкорковые и межполушарные связи у дошкольников еще продолжают свое формирование (и можно допустить, что описанная картина соответствует нижненормативному уровню зрелости), то общая нейродинамическая регуляция и стволово-диэнцефальные функции действительно должны обладать уже полной зрелостью.

Легкие дисфункции структур, образующих вертикальный вектор мозговой организации психической деятельности, как ранняя предпосылка возникновения отклоняющегося поведения

К числу важнейших задач нейропсихологии справедливо относят своевременное выявление и коррекцию легких дисфункций. Основную целевую группу составляют дети, не имеющие диагнозов психоневрологического профиля, но испытывающие адаптационные и учебные трудности, а также обладатели диагнозов небольшой степени тяжести [4]. Формулировки последних чаще характеризуют состояние центральной нервной системы («минимальная мозговая дисфункция», «церебрастенический синдром», «нейроциркуляторная дистония», «гипертензионно-гидроцефальный синдром»), но иногда и особенности психического развития и/или поведения ребенка («синдром дефицита внимания и гиперактивности», «негрубая задержка психоречевого развития») [28]. Яркой иллюстрацией может служить описание субнормального типа минимальной мозговой дисфункции, выполненное Л.А. Ясюковой [34]: траекторию развития здесь определяют нарушения умственной работоспособности по типу повышенной утомляемости, которая, за исключением случаев вторичного энергетического «обкрадывания» префронтальной коры, компенсируется произвольной саморегуляцией. Картина выполнения диагностических методик отражает способность к первоначальной мобилизации сил с последующим ухудшением показателей, причем скорость работы страдает в меньшей степени по сравнению с точностью. Развитие таких детей нормализуется к 10—12 годам, когда префронтальная кора завершает второй межкризисный скачок в своем развитии и может уже обеспечить регуляторный противовес нейродинамической недостаточности [22; 24; 25].

Синдромный анализ результатов диагностики старших дошкольников и младших школьников с субнормальным нейропсихологическим статусом, по данным А.С. Султановой, демонстрирует картину парциальной функциональной недостаточности различных мозговых структур. Наибольшую распространенность (45%) имеет функциональная дефицитарность стволовых и подкорковых образований, 35% случаев приходится на лобные дисфункции и проблемы с лобно-подкорковыми связями, и 20% остаются на долю функциональной незрелости левого полушария [28]. Первую группу составляют дети с перинатальной патологией и негрубыми нейродинамическими дисфункциями, выявляемыми лишь при углубленном анализе энерго-скоростных характеристик ВПФ. Нейродинамические проблемы вполне компенсируются за счет произвольной саморегуляции, а значит, префронтальная конвекситальная кора справляется со своими задачами. Если в учебной деятельности и возникают затруднения, связанные с повышенной утомляемостью, то социальное поведение и самоорганизация в учебе остаются нормативными, что затрудняет своевременное выявление подобных случаев [28]. Картина психической деятельности и развития детей из этой группы очень напоминает субнормальный тип минимальной мозговой дисфункции, описанный Л.А. Ясюковой в вышеупомянутом исследовании [34].

Более поведенчески «трудны», а значит, и заметны на общем фоне представители второй группы — дети с ретардацией функций префронтальной коры и ее связей с нижележащими структурами. Несоответствие уровня сформированности произвольной саморегуляции социально-педагогическим требованиям и нормам общения в сочетании с некоторой примитивностью психического склада проявляется в быту, общении, учебе и при диагностике ВПФ [28]. Как уже отмечалось, такое состояние префронтальной коры не всегда является самостоятельным; возможны ситуации вторичного энергетического ее «обкрадывания» на почве

нейродинамических дисфункций («лобный фасад»). Клинически очерченные проявления такой несформированности, проявляющиеся в агрессивном и насильственном поведении, немотивированной гневливости, негативизме, лживости и демонстративном нарушении социальных норм на фоне экстернального локуса контроля получили название «Вызывающего оппозиционного расстройства». Его распространенность ожидаемо увеличивается при переходе от младшего школьного возраста к подростково-юношескому. Хотя данные о родительских семьях таких детей и подростков наводят на мысль о низкой социализации как основной причине возникновения «Вызывающего оппозиционного расстройства», все чаще поднимается вопрос и о мозговых его механизмах, тем более что самым частым спутником такого расстройства выступает дефицит внимания с гиперактивностью [11]. В.А. Розанов указывает на связь разноуровневых дисфункций энергетического блока с риском суицидального поведения как крайней степени аутоагрессии. Особенности нервной деятельности лиц с суицидальным поведением, сообщает автор, включают пониженную сенсорную и эмоционально-вегетативную реактивность. Последняя ослабляет переживания страха и тревоги (в том числе, в конфликтных и стрессовых ситуациях), порождает нечувствительность к собственной и чужой боли, стремление к компенсаторному поиску острых ощущений. При этом дисфункции энергетических структур приводят к суицидальному поведению тем вероятнее, чем более выражена недостаточность регулирующих воздействий лобной коры [23]. К этой картине близки особенности нервной деятельности психопатических личностей, склонных к импульсивной (реактивной) агрессии; проявления же спланированной агрессии детерминированы почти исключительно дисфункциями структур, реализующих произвольную саморегуляцию, т. е. орбитофронтальной и префронтальной корой.

Последняя группа старших дошкольников и младших школьников с субнормальным нейropsychологическим статусом, описанная А.С. Султановой, состоит из обладателей левосторонней мануальной и/или сенсорной (ухо, глаз) асимметрии. Им свойственны проблемы в социальном взаимодействии и адаптации, связанные с особой вычурностью, непредсказуемостью поведения, зачастую уже в дошкольном возрасте выходящего за нормативные рамки [28]. Такие характеристики можно связать не только с особенностями латерализации, но и с функциональной дефицитарностью диэнцефально-лимбических структур. Эти версии не противоречат друг другу, если взглянуть на них с позиций теории «патологической леворукости», где левосторонняя асимметрия трактуется как результат влияния перинатальной патологии на функциогенез полушарий [26]. Правое полушарие, успевшее в существенной степени созреть до рождения ребенка, оказывается более функционально активным, что и проявляется впоследствии как левосторонняя асимметрия. Подтверждением могут служить данные А.Ю. Егорова, считающего особой группой риска по возникновению аддикций, сексуальных девиаций, агрессивного и противоправного поведения лиц со сдвигом асимметрии в сторону правополушарных механизмов, что вызывает, в свою очередь, устойчивое преобладание отрицательных эмоций; поведенческие девиации понимаются здесь как ответ на длительный или постоянный эмоциональный дискомфорт [12].

Итак, дефицитарность энергетического блока может быть настолько выраженной, что нейродинамических ресурсов оказывается недостаточно для полноценного обеспечения более «молодых» регуляторных структур. Если речь идет о развивающемся мозге, преходящее «обкрадывание» дополняется замедлением морфо- и функциогенеза названных отделов коры, от работы которых, в свою очередь, зависит успешность восполнения нейродинамической недостаточности за счет эфферентных управляющих воздействий. Не случайно многие

современные нейропсихологи считают первой мишенью коррекции структуры именно энергетического блока. При реализации такой стратегии основой коррекционного воздействия становится оптимизация ритмически организованных процессов непроизвольной саморегуляции с применением дыхательной и глазодвигательной гимнастики, техник нивелирования псевдокомпенсаторных патологических явлений (синкинезий, мышечных зажимов и пр.) и улучшения базовых сенсомоторных взаимодействий [9; 15; 21; 24; 25]. Только после нормализации работы «древних» структур становится возможным и достаточно эффективным коррекционный доступ к корковому уровню организации психической деятельности.

Легкие дисфункции структур, образующих вертикальный вектор мозговой организации психической деятельности, при отклоняющемся поведении за порогом детства

На вопрос об отдаленных последствиях ранних нейродинамических дисфункций в отсутствие своевременной и полноценной нейрокоррекционной помощи отвечают результаты исследований функционального неблагополучия энергетического, а вслед за ним и регуляторного блоков мозга при расстройствах личности, девиантном и делинквентном поведении в более старших возрастных группах. Так, анализ ЭЭГ-маркеров функционирования регуляторных систем показал, что неоптимальное состояние лимбической системы и глубинных структур наиболее характерно для подростков именно с девиантным поведением. Сочетание неблагополучия этих отделов мозга с возрастной или индивидуальной незрелостью префронтального регулирующего воздействия — особый фактор риска формирования импульсивности, тяготения к риску, неспособности к планированию и кинетической организации деятельности [16]. Вероятно, морфо- и функциогенез мозга у участников данного исследования протекал с энергетическим «обкрадыванием» не только префронтальной, но и премоторной коры на фоне изначальных дисфункций диэнцефально-лимбических (а возможно, и еще более «древних» структур). Тогда становится объяснимой резистентность девиантного поведения к разного рода коррекционным воздействиям, ведь премоторное неблагополучие выражается в нехватке способности к пересмотру и изменению собственных установок, ценностей, способов поведенческого и эмоционального реагирования.

Возникает вопрос о маркерах ранней идентификации нейродинамических проблем, которые с высокой вероятностью приведут в дальнейшем к «обкрадыванию» префронтальной коры и возникновению проблем с социальным поведением. Одним из таких маркеров, по видимому, может служить низкое качество сна. Подтверждена достоверная его связь с показателями импульсивности и стремления к поиску острых ощущений у подростков; при этом у юношей эта связь ослабевает, и проблемы со сном начинают ассоциироваться уже с выраженностью антисоциального поведения [37]. Очевидно, что недостаточно полноценный сон негативно сказывается на созревании лобно-лимбических связей, а значит, и на успешности управления собственным поведением (особенно в эмоционально острых ситуациях), но рано возникшие и упорные нарушения формулы сна сами по себе свидетельствуют, конечно, об изначальном функциональном неблагополучии энергетического блока.

Прогностически важен и тип астенического синдрома, выявляемого у половины детей и подростков с признаками школьной дезадаптации. При гипостеническом типе преобладают нервно-психическая слабость, вялость, плаксивость, снижение показателей внимания и памяти на фоне ярко выраженной истощаемости, а при гиперстеническом — повышенная психомоторная и эмоциональная возбудимость, обидчивость, раздражительность [4; 13]. Характе-

ристики обоих типов указывают на дисфункциональность энергетического блока, но если в первом случае можно думать о стволовых структурах уровня продолговатого и среднего мозга, то во втором — о диэнцефально-лимбических структурах и лобно-подкорковых связях, и именно второй тип представляется более вероятным предиктором нарушений произвольной саморегуляции и социального поведения в дальнейшем. Гиперстенический тип близок к синдрому дефицита внимания и гиперактивности (или, по другой терминологии, гиперактивному расстройству с дефицитом внимания), который в отсутствие своевременной нейрокоррекции и при недостаточной социализации может сохраняться в течение многих лет, причем особенности поведения и мозговой организации психической деятельности у законопослушных обладателей этого синдрома обнаруживают сходство с таковыми у преступников [3]. С. Delfin et al. сообщают о значимо большей распространенности синдрома дефицита внимания и гиперактивности, а также девиантного поведения, реализующего тягу к острым ощущениям (включая употребление алкоголя и наркотиков), в детско-подростковом анамнезе взрослых осужденных за насильственные преступления в сравнении с законопослушными испытуемыми. Достоверные различия между группами обнаружены и в ЭЭГ-коррелятах «нейронной эффективности» управления собственными агрессивными и антисоциальными побуждениями на этапе оценки ситуации, а также прогнозирования результатов своего поведения. Авторы связывают полученные результаты с недостаточной миелинизацией лобно-подкорковых путей и с дефицитом серого вещества в области поясной извилины [39].

Представляют интерес исследования нейropsychологических механизмов преступного поведения психопатических личностей. И. Дацковский указывает, что экспертная традиция диагностики психопатий, в отличие от феноменологической, предполагает выявление высоко константных «надхарактерных» свойств (например, эмпатии или бессердечия). Даже считаясь клинически здоровыми, обладатели последних демонстрируют противоправное или просто безнравственное, аморальное поведение, а на мозговом уровне обнаруживают дисфункции амигдаларного комплекса и всей лимбической системы в целом, орбитофронтальной и префронтальной коры [10]. A.R. Cruz et al. относят префронтальные и лобно-подкорковые дисфункции к важнейшим мозговым предикторам различных видов агрессии, подчеркивая, что при изучении импульсивной агрессии, характерной для лиц с психопатиями, следует обращать особое внимание на такие черты, как черствость, эгоцентризм, патологическая лживость, неспособность соотносить собственное поведение с моральными нормативами [38]. Данные J. Dugré et al. позволяют считать важным фактором способности контролировать собственные тенденции к антисоциальному или иному девиантному поведению у подростков сформированность связей пре- и постцентральных областей коры с конвекситальной префронтальной областью [40].

Таким образом, регуляторные проблемы могут находить проявление как в недостаточности волевых процессов по типу импульсивности, поверхностности, неспособности к активному просоциальному самоопределению и самореализации, так и во внешне вполне осознанном и последовательном выборе асоциальных и антисоциальных ценностно-смысловых ориентиров. Самостоятельность такого выбора, по мнению некоторых авторов, сомнительна, ведь во многом он совершается лишь в порядке противоречия существующим нормам, т. е. «от противного» [20].

По данным О.А. Шишкиной, признаки функционального неблагополучия энергетического блока типичны для взрослых подэкспертных, у которых в подростково-юношеском возрасте было выявлено органическое расстройство личности. При начале заболевания до 18 лет (а

именно здесь велико влияние ранних дисфункций энергетического блока, тогда как в дальнейшем на первый план выступают факторы алкоголизации, наркотизации, эндокринных нарушений и т. п.) возрастает риск криминальной агрессии на фоне дисфории и недостаточности волевого самоконтроля [33]. Описанная картина соотносится с симптомами вышеупомянутого «Вызывающего оппозиционного расстройства» [11]. В когорте подэкспертных, исследованных О.А. Шишкиной, обнаружена нестабильность поведенческого и, в целом, жизненного стереотипов, в противоположность «премоторной» ригидности у подростков с девиантным поведением, описанных в исследовании А.А. Корнеева и соавт. [16]. Можно допустить, что основной причиной формирования агрессивного противоправного поведения при рано диагностированном органическом расстройстве личности выступает функциональное неблагополучие диэнцефально-лимбических структур, причем вторичное обкрадывание регуляторного блока затрагивает преимущественно префронтальные отделы коры, но не премоторные.

Другое исследование взрослых подэкспертных с органическим психическим расстройством и когнитивными нарушениями, не достигающими степени деменции, выявило патологическую заинтересованность как третичных полей коры (префронтальной области и теменно-височно-затылочного перекрытия), так и подкорковых структур. Когнитивный статус обследованных обнаружил связь со способностью скорее к социально полезной деятельности, чем к самообслуживанию или контролю собственного поведения, а состояние речевых и управляющих функций оказалось более благополучным при относительно сохранной способности к поддержанию социальных, в том числе эмоционально близких, отношений [7].

Органическое расстройство личности и легкое когнитивное расстройство относятся к мозговым поражениям, наиболее значимым в судебно-экспертном отношении. Проявления первого из этих расстройств во многом связаны с лобно-лимбическими дисфункциями, причем от преимущественной заинтересованности отдельных областей лобной коры или структур лимбической системы зависит поведенческая картина. Мозговые механизмы второго расстройства более разнообразны. Например, при дезрегуляторном варианте наблюдаются структурно-функциональные изменения не только коры и подкорковых ядер, но и белого вещества, амнестический же вариант связан в основном с дисфункциями височной коры, гиппокампа и миндалин [6].

G. Cartocci et al., изучая ФМРТ-корреляты психологических механизмов социально опасного поведения у насильственных преступников, находящихся на принудительном лечении, также ассоциируют корковые дисфункции скорее с регуляторными, чем с аффективно-мотивационными механизмами. Если ощущение собственной социальной «непризнанности» и стремление к получению острых ощущений сопряжено с заинтересованностью на уровне миндалины, островка, поясной извилины и стриатума, то в моральной детерминации социального поведения задействованы также медио-базальные поверхности лобной коры, орбитофронтальная область, нижняя теменная доля, предклинье, верхняя и средняя височные извилины [36]. Интересно, что упомянутое ощущение «непризнанности» является важной частью самовосприятия детей и подростков с функциональной дефицитарностью подкорковых образований, а тяга к острым ощущениям встречается также и при функциональной несформированности префронтальной коры [24; 25]. G. Cartocci et al., кроме того, выявили у преступников гиперсвязи внутри стриопаллидарной системы левого полушария и немногочисленные межполушарные гиперсвязи на том же уровне, нехарактерные для законопослушных испытуемых [36]. Основную группу в данном исследовании составили не просто преступники, но обладатели серьезных психических расстройств, а значит, выявленные автора-

ми особенности мозгового функционирования требуют анализа в свете характера патологического процесса и влияния медикаментозной терапии. Особенно тщательной верификации заслуживают данные относительно самых «молодых» мозговых структур, формирование которых с большой вероятностью происходило уже на фоне дебютировавшего заболевания и на фоне лечения. Кроме того, известно, что лица с тяжелыми психическими расстройствами имеют и в целом меньшую функциональную зрелость мозга («возраст мозга») по сравнению со здоровыми людьми вне зависимости от опыта совершения насильственных преступлений [41].

По данным другого исследования, проведенного с помощью ФМРТ, у психически здоровых насильственных преступников присутствуют гиперсвязи между ножками мозжечка и рядом других структур — гиппокампом, парагиппокампальными образованиями, теменно-затылочными областями коры и «default mode network», охватывающей медиальную префронтальную кору, заднюю поясную кору, среднюю височную извилину и некоторые области теменной коры обоих полушарий. Психологическая диагностика выявила вполне ожидаемые отличительные особенности представителей данной группы: наличие иррациональных убеждений относительно своих жертв и трудности в понимании эмоций страха и гнева. При этом у здоровых осужденных по ненасильственным статьям обнаружены гиперсвязи лишь между правой нижней ножкой мозжечка и лобно-теменной корой, принимающей активное участие в реализации исполнительных функций [35]. Описанное исследование дополняет представления о вертикальном векторе мозговой организации поведения данными о роли мозжечка, который генерирует прогнозы на основе информации от «областей ментализации» и сверяет эти прогнозы с реальным поведением человека, что необходимо для модуляции кортикальной активности.

Заключение

По данным исследований, выполненных с применением нейропсихологических методов диагностики и нейровизуализации, функциональное неблагополучие структур энергетического и регуляторного блоков мозга является важным фактором формирования девиантного поведения. Есть указания и на заинтересованность блока приема, переработки и хранения экстероцептивной информации (главным образом, теменно-височно-затылочного перекрытия и прилежащих полей коры). Ослабление функционального вклада структур энергетического блока в организацию поведения отражается сперва на нейродинамике, а в случае дальнейшего усугубления «энергетического голодания» — на развитии и/или осуществлении произвольной саморегуляции. Регуляторные дисфункции могут оказывать встречное отрицательное влияние на нейродинамику, что в чистом виде встречается не столь часто, — как правило, речь идет о своеобразном «порочном круге». Результаты современных работ указывают на зависимость удельного веса импульсивности и негативизма как факторов возникновения отклоняющегося поведения (в том числе и приводящего к возникновению проблем с законом) от сочетания заинтересованных мозговых структур. В частности, важно, насколько функционально благополучными являются ствольные и подкорковые структуры, лобно-подкорковые связи, некоторые области лобной, височной и теменной коры, а также мозжечок. Ведется сравнительный анализ роли мозгового субстрата аффективно-мотивационных механизмов гетеро- и аутоагрессивного поведения и его ингибиции. Отдельное направление образуют исследования латерального вектора организации поведения в контексте представлений о механизмах поведенческих девиаций. В дальнейшем представляется необходимым не только уточнять данные о роли вертикального и латерального векторов мозговой органи-

зации нормативного и девиантного поведения, но и накапливать соответствующие сведения о малоизученном горизонтальном векторе. Его вклад в детерминацию поведенческих девиаций, по-видимому, следует рассматривать в первую очередь на примере связей префронтальной коры с диэнцефально-лимбическими структурами, височной корой, а также с теменно-височно-затылочным перекрытием одноименного полушария. Особого внимания заслуживают легкие дисфункции, поскольку именно они наиболее трудны в рутинной идентификации.

Литература

1. Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста: Учебное пособие / Под ред. Л.С. Цветковой. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 318 с.
2. Бадалян Л.О. Детская неврология: Учебное пособие. М.: МЕДпрессинформ, 2016. 608 с.
3. Бахарев Д.В., Бахарева С.А. Гиперактивное расстройство с дефицитом внимания – проблема для медика, психолога или юриста? // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 118–123.
4. Булычева Е.В. Психическое здоровье детей и подростков школьного возраста: вызовы XXI века (обзор) // Оренбургский медицинский вестник. 2021. Том 9. № 1 (33). С. 5–10.
5. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Развитие практики и методологии патопсихологического эксперимента (традиция московской школы патопсихологии). М.: Издательство Московского университета, 2020. 272 с.
6. Вандыш-Бубко В.В., Микадзе Ю.В., Пилчев Д.А., Велисевич Д.В. Возможности нейропсихологической диагностики психических расстройств в практике судебной психиатрии [Электронный ресурс] // Доктор.Ру. 2021. Том 20. № 9. С. 60–65. doi:10.31550/1727-2378-2021-20-9-60-65
7. Велисевич Д.В. Органически обусловленные когнитивные нарушения, не достигающие степени деменции (принципы и критерии судебно-психиатрической оценки): Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2022. 21 с.
8. Габуева Е.М., Камнева О.А., Семеняк О.В., Тайсаева С.Б. Причины нейропсихологических трудностей в обучении современных детей [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8-2 (110). С. 157–163. doi:10.23670/IRJ.2021.110.8.066
9. Горячева Т.Г., Никитина Ю.В. Расстройства аутистического спектра у детей: метод сенсорной моторной коррекции. М.: Генезис, 2018. 165 с.
10. Дацковский И. Два подхода к диагностике психопатий [Электронный ресурс] // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2019. Том 7. № 4 (26). URL: http://medpsy.ru/climp/2019_4_26/article06.php (дата обращения: 16.07.2023).
11. Дубатова И.В., Анцыборов А.В., Калинин А.В., Анцыборов Л.А. Вызывающее оппозиционное расстройство в детском и подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Интерактивная наука. 2020. № 6 (52). С. 8–26. doi:10.21661/r-551677
12. Егоров А.Ю. Нейропсихология девиантного поведения. СПб: Речь, 2006. 224 с.
13. Захарова И.Н., Творогова Т.М., Пишеничникова И.И. Астенический синдром у школьников: от риска развития до диагностики и лечения [Электронный ресурс] // Педиатрия. Consilium Medicum. 2021. № 1. С. 76–83. doi:10.26442/26586630.2021.1.200713

Потапов А.М., Луковцева З.В., Чиркина Р.В.
Вертикальный вектор мозговой организации
отклоняющегося поведения: от нейродинамических
дисфункций к регуляторным
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 211–227

Potapov A.M., Lukovtseva Z.V., Chirkina R.V.
Vertical Vector of Brain Organization
of Deviant Behavior: from Neurodynamic
Dysfunctions to Regulatory Ones
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 211–227

14. Клиточенко Г.В., Малюжинская Н.В. Этиология, патогенез и диагностика перинатального поражения нервной системы у детей // Лекарственный вестник. 2019. Том 13. № 1 (73). С. 38–41.
15. Коган Б.М., Ляпина А.М. Системная оценка нейропсихологических подходов коррекционной работы с детьми с особенностями развития [Электронный ресурс] // Системная психология и социология. 2022. № 4 (44). С. 48–58. doi:10.25688/2223-6872.2022.44.4.04
16. Корнеев А.А., Захарова М.Н., Курганский А.В., Ломакин Д.И., Мачинская Р.И. Прогностическое значение электроэнцефалографических и нейропсихологических показателей состояния регуляторных функций мозга для оценки вероятности отклонений поведения у подростков [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2021. Том 14. № 1. С. 135–150. doi:10.17759/exppsy.2021140106
17. Корсакова Н.К., Вологодина Я.О. Варианты нейропсихологического синдрома и этапы генеза концепции А.Р. Лурии о мозговой организации психических функций [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 3. С. 64–69. doi:10.17759/chp.2022180309
18. Корсакова Н.К., Ковязина М.С. Новый взгляд на старую проблему: категория «Синдром» в психологии [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2015. № 2 (18). С. 66–76. doi:10.11621/npj.2015.0207
19. Корсакова Н.К., Рощина И.Ф. К истории концепции А.Р. Лурии о трех структурно-функциональных блоках мозга человека [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2021. Том 13. № 2. doi:10.24412/2219-8245-2021-2-3
20. Кравцов О.Г. Проблема личностного развития несовершеннолетних правонарушителей: культурно-исторический подход [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 1. С. 49–56. doi:10.17759/chp. 2020160105
21. Кузнеченкова С.О. Нейройога: Воспитание и развитие ребенка с пользой для здоровья. СПб: Речь, 2010. 192 с.
22. Микадзе Ю.В. Нейропсихология детского возраста: Учебное пособие. СПб: Питер, 2008. 288 с.
23. Розанов В.А. Агрессия и аутоагрессия (суицид) — анализ с позиций нейробиологии [Электронный ресурс] // Суицидология. 2022. Том 13. № 3 (48). С. 3–38. doi:10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-3-38
24. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста: Учебное пособие. М.: Генезис, 2008. 50 с.
25. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте: метод замещающего онтогенеза: Учебное пособие. М.: Генезис, 2007. 474 с.
26. Семенович А.В. Эти невероятные левши. Практическое пособие для психологов и родителей. М.: Генезис, 2018. 232 с.
27. Соколовская Т.А., Ступак В.С. Организация медицинской помощи детям с последствиями перинатальной патологии: проблемы и региональные особенности [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. № 2 (69). doi:10.21045/2071-5021-2023-69-2-5
28. Султанова А.С. Нейропсихологический подход к обеспечению психического здоровья детей и подростков [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2017. Том 9. № 1 (42). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2017_1_42/nomer07.php (дата обращения: 25.07.2023).

Потапов А.М., Луковцева З.В., Чиркина Р.В.
Вертикальный вектор мозговой организации
отклоняющегося поведения: от нейродинамических
дисфункций к регуляторным
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 211–227

Potapov A.M., Lukovtseva Z.V., Chirkina R.V.
Vertical Vector of Brain Organization
of Deviant Behavior: from Neurodynamic
Dysfunctions to Regulatory Ones
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 211–227

29. Суркова К.Л., Сергиенко А.А., Зверева Н.В. Нейропсихологический и логопедический анализ развития психических функций у детей ЭКО раннего дошкольного возраста (от 3 до 5 лет): методы и результаты пилотажного исследования [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2021. Том 13. № 3 (68). doi:10.24412/2219-8245-2021-3-3
30. Тебердиева С.О. Диагностика и профилактика поражений центральной нервной системы у новорожденных детей с пороками развития внутренних органов: Дисс. ... канд. мед. наук. М., 2019. 100 с.
31. Фотекова Т.А., Кичеева А.О. Половые различия в состоянии высших психических функций в период взрослости // Сибирский психологический журнал. 2014. № 51. С. 20–30.
32. Шишкина О.А. Органическое расстройство личности у женщин, совершивших правонарушения: клинический и судебно-психиатрический аспекты: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2021. 23 с.
33. Хохлов Н.А., Яремченко П.И. Половые различия в состоянии высших психических функций у детей и подростков 4-17 лет [Электронный ресурс] // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 1. С. 73–93. doi:10.24412/2303-9744-2021-1-73-93
34. Ясюкова Л.А. Оптимизация обучения и развития детей с ММД. Диагностика и компенсация минимальных мозговых дисфункций: Методическое руководство. СПб: ГП «ИМАТОН», 1997. 80 с.
35. Amaoui S., Marín-Morales A., Martín-Pérez C., Pérez-García M., Verdejo-Román J. Social mentalizing in male perpetrators of intimate partner violence against women is associated with resting-state functional connectivity of the Crus II // Journal of psychiatric research. 2022. Vol. 150. P. 264–271. doi:10.1016/j.jpsychires.2022.03.044
36. Cartocci G., Boccia M., Pompili P.M., Ferracuti S., Frati P., Fineschi V., Fiorelli M., Caramia F. Resting state functional magnetic resonance imaging study in mentally ill persons with diminished penal responsibility considered socially dangerous // Psychiatry Research: Neuroimaging. 2021. Vol. 310. P. 111259. doi:10.1016/j.psychresns.2021.111259
37. Connolly E.J., Schwartz J.A., Block K. The Role of Poor Sleep on the Development of Self-Control and Antisocial Behavior from Adolescence to Adulthood // Journal of Criminal Justice. 2022. Vol. 82. P. 101995. doi:10.1016/j.jcrimjus.2022.101995
38. Cruz A.R., de Castro-Rodrigues A., Barbosa F. Executive dysfunction, violence and aggression // Aggression and Violent Behavior. 2020. Vol. 51. P. 101380. doi:10.1016/j.avb.2020.101380
39. Delfin C.W.M., Björnsdotter M., Ruzich E., Andiné P. Prolonged NoGo P3 latency as a possible neurobehavioral correlate of aggressive and antisocial behaviors: A Go/NoGo ERP study // Biological psychology. 2022. Vol. 168. P. 108245. doi:10.1016/j.biopsycho.2021.108245
40. Dugré J.R., Potvin S. Clarifying the role of Cortico-Cortical and Amygdalo-Cortical brain dysconnectivity associated with Conduct Problems // NeuroImage. Clinical. 2023. Vol. 37. P. 103346. doi:10.1016/j.nicl.2023.103346
41. Tesli N., Bell C., Hjell G., Fischer-Vieler T., Maximov I., Richard G., Tesli M., Melle I., Andreasen O.A., Agartz I., Westlye L.T., Friestad C., Haukvik U.K., Rokicki J. The age of violence: Mapping brain age in psychosis and psychopathy // NeuroImage. Clinical. 2022. Vol. 36. P. 103181. doi:10.1016/j.nicl.2022.103181

References

1. Tsvetkova L.S. (ed.). Aktual'nye problemy neiropsikhologii detskogo vozrasta: Uchebnoe posobie. Moscow: MPSI Publ.; Voronezh: MODEK, 2010. 318 p. (In Russ.).

2. Badalyan L.O. Detskaya nevrologiya: Uchebnoe posobie. Moscow: MEDpressinform, 2016. 608 p. (In Russ.).
3. Bakharev D.V., Bakhareva S.A. Giperaktivnoe rasstroistvo s defitsitom vnimaniya — problema dlya medika, psikhologa ili yurista? [An attention deficit hyperactive disorder - a problem for a physician, psychologist or lawyer?]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of Prikamsky Social Institute*, 2021, no. 1 (88), pp. 118–123. (In Russ.).
4. Bulycheva E.V. Psikhicheskoe zdorov'e detei i podrostkov shkol'nogo vozrasta: vyzovy XXI veka (obzor) [Mental health of school-age children and adolescents: challenges of the twenty-first century (review)]. *Orenburgskii meditsinskii vestnik = Orenburg Medical Herald*, 2021. Vol. 9, no. 1 (33), pp. 5–10. (In Russ.).
5. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Razvitie praktiki i metodologii patopsikhologicheskogo eksperimenta (traditsiya moskovskoi shkoly patopsikhologii). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020. 272 p. (In Russ.).
6. Vandysh-Bubko V.V., Mikadze Yu.V., Pilechev D.A., Velisevich D.V. Vozmozhnosti neiropsikhologicheskoi diagnostiki psikhicheskikh rasstroistv v praktike sudebnoi psikhiatrii [Neuropsychological Diagnostics of Mental Disorders in Forensic Psychiatry] [Elektronnyi resurs]. *Doktor.Ru*, 2021. Vol. 20, no. 9, pp. 60–65. doi:10.31550/1727-2378-2021-20-9-60-65 (In Russ.).
7. Velisevich D.V. Organicheski obuslovlennyye kognitivnyye narusheniya, ne dostigayushchie stepeni dementsii (printsipy i kriterii sudebno-psikhiatricheskoi otsenki): Avtoref. diss. kand. med. nauk. Moscow, 2022. 21 p. (In Russ.).
8. Gabueva E.M., Kamneva O.A., Semenyak O.V., Taisaeva S.B. Prichiny neiropsikhologicheskikh trudnostei v obuchenii sovremennykh detei [The causes of neuropsychological learning difficulties in today's children] [Elektronnyi resurs]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2021, no. 8-2 (110), pp. 157–163. doi:10.23670/IRJ.2021.110.8.066 (In Russ.).
9. Goryacheva T.G., Nikitina Yu.V. Rasstroistva autisticheskogo spektra u detei: metod sensornoi korrektsii. Moscow: Genezis, 2018. 165 p. (In Russ.).
10. Datskovsky I. Dva podkhoda k diagnostike psikhopatii [Two approaches to diagnosis of psychopathies] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika = Klinicheskaya i Meditsinskaya Psikhologiya: Issledovaniya, Obuchenie, Praktika*, 2019. Vol. 7, no. 4 (26). URL: http://medpsy.ru/climp/2019_4_26/article06.php (Accessed 16.07.2023). (In Russ.).
11. Dubatova I.V., Antsyborov A.V., Kalinchuk A.V., Antsyborov L.A. Vyzyvayushchee opozitsionnoe rasstroistvo v detskom i podrostkovom vozraste [Oppositional defiant disorder in childhood and adolescence] [Elektronnyi resurs]. *Interaktivnaya nauka = Interactive Science*, 2020, no. 6 (52), pp. 8–26. doi:10.21661/r-551677 (In Russ.).
12. Egorov A.Yu. Neiropsikhologiya deviantnogo povedeniya. Saint Petersburg: Rech', 2006. 224 p. (In Russ.).
13. Zakharova I.N., Tvorogova T.M., Pshenichnikova I.I. Astenicheskiy sindrom u shkol'nikov: ot riska razvitiya do diagnostiki i lecheniya [Asthenic syndrome in schoolchildren: from the risk of development to diagnosis and treatment] [Elektronnyi resurs]. *Pediatriya. Consilium Medicum = Pediatrics. Consilium Medicum*, 2021, no. 1, pp. 76–83. doi:10.26442/26586630.2021.1.200713 (In Russ.).

14. Klitochenko G.V., Malyuzhinskaya N.V. Etiologiya, patogenez i diagnostika perinatal'nogo porazheniya nervnoi sistemy u detei. *Lekarstvennyi vestnik = Lekarstvennyi Vestnik*, 2019. Vol. 13, no. 1 (73), pp. 38–41. (In Russ.).
15. Kogan B.M., Lyapina A.M. Sistemnaya otsenka neiropsikhologicheskikh podkhodov korrektsionnoi raboty s det'mi s osobennostyami razvitiya [System evaluation of neuropsychological approaches to correctional work with children with developmental disabilities] [Elektronnyi resurs]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya = Systems Psychology and Sociology*, 2022, no. 4 (44), pp. 48–58. doi:10.25688/2223-6872.2022.44.4.04 (In Russ.).
16. Korneev A.A., Zakharova M.N., Kurgansky A.V., Lomakin D.I., Machinskaya R.I. Prognosticheskoe znachenie elektroentsefalograficheskikh i neiropsikhologicheskikh pokazatelei sostoyaniya regulyatornykh funktsii mozga dlya otsenki veroyatnosti otklonenii povedeniya u podrostkov [Prognostic Value of Electroencephalographic and Neuropsychological Indicators of the State of Regulatory Functions of the Brain to Assess the Likelihood of Behavioral Abnormalities in Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Ekspertimnaya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2021. Vol. 14, no. 1, pp. 135–150. doi:10.17759/exppsy.2021140106 (In Russ.).
17. Korsakova N.K., Vologdina Ya.O. Varianty neiropsikhologicheskogo sindroma i etapy geneza kontseptsii A.R. Lurii o mozgovoi organizatsii psikhicheskikh funktsii [Variants of Neuropsychological Syndrome and Stages of Genesis of A.R. Luria's Concept of the Brain Organization of Mental Functions] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 3, pp. 64–69. doi:10.17759/chp.2022180309 (In Russ.).
18. Korsakova N.K., Kovyazina M.S. Novyi vzglyad na staruyu problemu: kategoriya "Sindrom" v psikhologii [A new look at an old problem: the category of "syndrome" in psychology] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2015, no. 2 (18), pp. 66–76. doi:10.11621/npj.2015.0207 (In Russ.).
19. Korsakova N.K., Roshchina I.F. K istorii kontseptsii A.R. Lurii o trekh strukturno-funktsional'nykh blokakh mozga cheloveka [On the history of A. R. Luria's concept of three structural and functional blocks of the human brain] [Elektronnyi resurs]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii = Medical Psychology in Russia*, 2021. Vol. 13, no. 2. doi:10.24412/2219-8245-2021-2-3 (In Russ.).
20. Kravtsov O.G. Problema lichnostnogo razvitiya nesovershennoletnikh pravonarushitelei: kul'turno-istoricheskii podkhod [The Problem of Personality Development in Juvenile Offenders: A Cultural-Historical Approach] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 49–56. doi:10.17759/chp. 2020160105 (In Russ.).
21. Kuznechenkova S.O. Neuroioga: Vospitanie i razvitie rebenka s pol'zoi dlya zdorov'ya. Saint Petersburg: Rech', 2010. 192 p. (In Russ.).
22. Mikadze Yu.V. Neiropsikhologiya detskogo vozrasta: Uchebnoe posobie. Saint Petersburg: Piter, 2008. 288 p. (In Russ.).
23. Rozanov V.A. Agressiya i autoagressiya (suitsid) — analiz s pozitsii neurobiologii [aggression and autoaggression (suicide) - a neurobiological analysis] [Elektronnyi resurs]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2022. Vol. 13, no. 3 (48), pp. 3–38. doi:10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-3-38 (In Russ.).
24. Semenovich A.V. Vvedenie v neiropsikhologiyu detskogo vozrasta: Uchebnoe posobie. Moscow: Genезis, 2008. 50 p. (In Russ.).
25. Semenovich A.V. Neiropsikhologicheskaya korrektsiya v detskom vozraste: metod zameshchayushchego ontogeneza: Uchebnoe posobie. Moscow: Genезis, 2007. 474 p. (In Russ.).

Потапов А.М., Луковцева З.В., Чиркина Р.В.
Вертикальный вектор мозговой организации
отклоняющегося поведения: от нейродинамических
дисфункций к регуляторным
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 211–227

Potapov A.M., Lukovtseva Z.V., Chirkina R.V.
Vertical Vector of Brain Organization
of Deviant Behavior: from Neurodynamic
Dysfunctions to Regulatory Ones
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 211–227

26. Semenovich A.V. Eti neveroyatnye levshi. Prakticheskoe posobie dlya psikhologov i roditelei. Moscow: Genezis, 2018. 232 p. (In Russ.).
27. Sokolovskaya T.A., Stupak V.S. Organizatsiya meditsinskoi pomoshchi detyam s posledstviyami perinatal'noi patologii: problemy i regional'nye osobennosti [Organization of medical care delivery to children with consequences of perinatal conditions] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya = Social Aspects of Population Health*, 2023, no. 2 (69). doi:10.21045/2071-5021-2023-69-2-5 (In Russ.).
28. Sultanova A.S. Neiropsikhologicheskii podkhod k obespecheniyu psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov [Neuropsychological approach to the provision of mental health of children and adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii = Medical Psychology in Russia*, 2017. Vol. 9, no. 1 (42). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2017_1_42/nomer07.php (Accessed 25.07.2023). (In Russ.).
29. Surkova K.L., Sergienko A.A., Zvereva N.V. Neiropsikhologicheskii i logopedicheskii analiz razvitiya psikhicheskikh funktsii u detei EKO rannego doshkol'nogo vozrasta (ot 3 do 5 let): metody i rezul'taty pilotazhnogo issledovaniya [Neuropsychological and speech therapy analysis of the development of mental functions in ivf children of early preschool age (from 3 to 5 years): methods and results of a pilot study] [Elektronnyi resurs]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii = Medical Psychology in Russia*, 2021. Vol. 13, no. 3 (68). doi:10.24412/2219-8245-2021-3-3 (In Russ.).
30. Teberdieva S.O. Diagnostika i profilaktika porazhenii tsentral'noi nervnoi sistemy u novorozhdennykh detei s porokami razvitiya vnutrennikh organov: Diss. kand. med. nauk. Moscow, 2019. 100 p. (In Russ.).
31. Fotekova T.A., Kicheeva A.O. Polovye razlichiya v sostoyanii vysshikh psikhicheskikh funktsii v period vzroslosti [Sexual dimorphism in the state of higher mental functions in the period of adulthood]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2014, no. 51, pp. 20–30. (In Russ.).
32. Khokhlov N.A., Yaremchenko P.I. Polovye razlichiya v sostoyanii vysshikh psikhicheskikh funktsii u detei i podrostkov 4-17 let [Sex differences in the state of higher mental functions in children and teenagers aged 4-17] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri = The Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia*, 2021, no. 1, pp. 73–93. doi:10.24412/2303-9744-2021-1-73-93 (In Russ.).
33. Shishkina O.A. Organicheskoe rasstroistvo lichnosti u zhenshchin, sovershivshikh pravonarusheniya: klinicheskii i sudebno-psikhiatricheskii aspekty: Avtoref. diss. kand. med. nauk. Moscow, 2021. 23 p. (In Russ.).
34. Yasyukova L.A. Optimizatsiya obucheniya i razvitiya detei s MMD. Diagnostika i kompensatsiya minimal'nykh mozgovykh disfunktsii: Metodicheskoe rukovodstvo. Saint Petersburg: GP "IMATON" Publ., 1997. 80 p. (In Russ.).
35. Amaoui S., Marín-Morales A., Martín-Pérez C., Pérez-García M., Verdejo-Román J. Social mentalizing in male perpetrators of intimate partner violence against women is associated with resting-state functional connectivity of the Crus II. *Journal of Psychiatric Research*, 2022. Vol. 150, pp. 264–271. doi:10.1016/j.jpsychires.2022.03.044
36. Cartocci G., Boccia M., Pompili P.M., Ferracuti S., Frati P., Fineschi V., Fiorelli M., Caramia F. Resting state functional magnetic resonance imaging study in mentally ill persons with diminished penal responsibility considered socially dangerous. *Psychiatry Research: Neuroimaging*, 2021. Vol. 310, pp. 111259. doi:10.1016/j.pscychresns.2021.111259

Потапов А.М., Луковцева З.В., Чиркина Р.В.
Вертикальный вектор мозговой организации
отклоняющегося поведения: от нейродинамических
дисфункций к регуляторным
Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 211–227

Potapov A.M., Lukovtseva Z.V., Chirkina R.V.
Vertical Vector of Brain Organization
of Deviant Behavior: from Neurodynamic
Dysfunctions to Regulatory Ones
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 211–227

37. Connolly E.J., Schwartz J.A., Block K. The Role of Poor Sleep on the Development of Self-Control and Antisocial Behavior from Adolescence to Adulthood. *Journal of Criminal Justice*, 2022. Vol. 82, pp. 101995. doi:10.1016/j.jcrimjus.2022.101995
38. Cruz A.R., de Castro-Rodrigues A., Barbosa F. Executive dysfunction, violence and aggression. *Aggression and Violent Behavior*, 2020. Vol. 51, pp. 101380. doi:10.1016/j.avb.2020.101380
39. Delfin C.W.M., Björnsdotter M., Ruzich E., Andiné P. Prolonged NoGo P3 latency as a possible neurobehavioral correlate of aggressive and antisocial behaviors: A Go/NoGo ERP study. *Biological Psychology*, 2022. Vol. 168, pp. 108245. doi:10.1016/j.biopsycho.2021.108245
40. Dugré J.R., Potvin S. Clarifying the role of Cortico-Cortical and Amygdalo-Cortical brain dysconnectivity associated with Conduct Problems. *NeuroImage. Clinical*, 2023. Vol. 37, pp. 103346. doi:10.1016/j.nicl.2023.103346
41. Tesli N., Bell C., Hjell G., Fischer-Vieler T., Maximov I., Richard G., Tesli M., Melle I., Andreassen O.A., Agartz I., Westlye L.T., Friestad C., Haukvik U.K., Rokicki J. The age of violence: Mapping brain age in psychosis and psychopathy. *NeuroImage. Clinical*, 2022. Vol. 36, pp. 103181. doi:10.1016/j.nicl.2022.103181

Информация об авторах

Потапов Алексей Михайлович, клинический психолог, Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ «НИИ СП им. Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3470-1183>, e-mail: potapov.aleksey.33@gmail.com

Луковцева Зоя Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Чиркина Римма Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Information about the authors

Alexey M. Potapov, Clinical Psychologist, Sklifosovsky Research Institute for Emergency Medicine, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-3470-1183>, e-mail: potapov.aleksey.33@gmail.com

Zoya V. Lukovtseva, PhD in Psychology, Docent, Assistant Professor, Department of Forensic and Clinical Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Rimma V. Chirkina, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Получена 14.08.2023
Принята в печать 26.08.2023

Received 14.08.2023
Accepted 26.08.2023